МОЙ МУЖ
ДЖОН
Синтия
Леннон

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Джон Леннон, одна из величайших легенд XX столетия, когда-то был просто Джоном, веселым, нерадивым студентом и начинающим музыкантом без особых жизненных перспектив. Именно тогда, в конце 1950-х, он влюбился в свою сокурсницу по имени Синтия, ставшую впоследствии его женой и матерью его сына Джулиана. В течении десяти лет Синтия Леннон, для которой великие "Битлз" были и остаются просто "ребятами", дарила Джону моральную поддержку, душевное тепло и безоговорочную преданность, как бы ни сотрясала весь мир и их семейную жизнь неистовая буря битломании. В 1968 году он ушел к Йоко Оно.

Эта книга - история любви и разлуки, рассказанная обычной женщиной, доброй и здравомыслящей, которая, несмотря на все потрясения и разочарования, бережно хранит в сердце память о своем муже Джоне.

- Синтия Леннон. Мой муж Джон
  - Слова благодарности
  - Предисловие
  - Вступление
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
  - ГЛАВА 6
  - ГЛАВА 7
  - ГЛАВА 8
  - ГЛАВА 9
  - ГЛАВА 10
  - ГЛАВА 11
  - ГЛАВА 12
  - ГЛАВА 13
  - ГЛАВА 14
  - ГЛАВА 15
  - ГЛАВА l6
  - ГЛАВА 17
  - ГЛАВА l8
  - ГЛАВА 19
  - ГЛАВА 20
- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34

Синтия Леннон. Мой муж Джон

Слова благодарности

Благодарю свою семью — моих родителей Чарльза и Лилиан Пауэлл, моих братьев Тони и Чарльза — за их любовь и поддержку и за то, что дали мне выжить в той безумной карусели, которой стала моя жизнь.

Моя благодарность также — сыну Джулиану, лучшему другу и любви всей моей жизни, который всегда поддерживал меня, как только мог.

Сама теплая и сердечная благодарность всем моим друзьям, которые не покидали меня в трудные минуты, помогая мне своими советами, своим заразительным смехом, особенно Фил, моей душевной подруге и сестре.

Спасибо тебе, Джулия Бэйрд, за твои воспоминания и дружбу, спасибо моим невесткам Марджори и Пенни.

Передаю самые теплые слова благодарности моему литературному редактору Каро Хэндли за неизменно протянутую мне руку помощи на каждом из радостных и болезненных этапов написания этой книги: без тебя я бы с ней ни за что не справилась.

Отдельные слова благодарности сотрудникам издательства Hodder & Stoughton, в особенности Ровене Уэбб, Брайар Силич и Керри Худ — за мягкость, чувство юмора и благородство, с коими они вели меня по этому нелегкому пути, который был бы еще более тернистым без их помощи и внимания.

Благодарю моего бизнес — менеджера и настоящего друга Джона Казнса за то, что заронил во мне идею написания этой книги, за его бесценные советы и слова поддержки. Спасибо также Селии Куонтрилл — за проделанную ею огромную исследовательскую работу.

И, наконец, бесконечную благодарность я адресую своему мужу Ноэлу, чья любовь и поддержка неизменно сопровождали меня и в самые мрачные, и в наиболее счастливые моменты жизни.

Спасибо за то, что вы были рядом со мной.

Я помещаю здесь этот текст, потому что из всех песен Джона и Пола лично мне она ближе всех остальных. Выраженные в ней чувства больше всего подходили к состоянию моей души, когда я писала эту книгу, вспоминая те места и тех людей, которые прошли через мою жизнь. Кроме того, эта песня для меня особенна еще и тем, что она напоминает мне о временах, когда Джон, Джулиан и я были по — настоящему счастливы. После взлетов и падений первых лет битлома — нии все наши мечты

стали реальностью, мы были счастливы, полны здоровья, нам сопутствовала удача, и мы чувствовали себя в безопасности, живя в нашем новом доме вместе с нашим чудесным сыном.

In My Life (В моей жизни)
В моей жизни есть места.
Что не забыть уж никогда.
Пусть изменилось что — то в них
Немного или навсегда.
По — прежнему перед глазами
Любимые подруги и друзья,
Одних уж нет, другие — с нами,
И не любить мне их нельзя.
И все ж из тех, что в жизни встретил,
Люблю я больше всех тебя.
Будь рядом ты, иных бы не заметил,
Ты — несравненная моя.
Воспоминанья чередою
Порой нахлынут, как сейчас,
Но сердце будет лишь с тобою,
Ведь полюбил я в первый раз.

Синтия Леннон, 4 июля 2005 года

Предисловие

Непросто расти, будучи сыном Джона Леннона. На протяжении всей своей жизни я только и слышал от подходивших ко мне людей: «Я любил твоего отца» или что — то в этом роде. У меня эти слова всегда вызывали смешанные чувства. Я знаю, что для миллионов людей отец был идолом, они росли, восхищаясь его песнями и идеалами. Но для меня он в первую очередь был не музыкантом или иконой, на которую молились борцы за мир. Он был моим отцом, которого я любил и который оставил меня и потом, с течением лет, продолжал от меня отдаляться. С тех пор как мне исполнилось пять лет и мои родители разошлись, я виделся с ним считаное количество раз. Когда же эти встречи происходили, он часто вел себя отстра — ненно и сурово. Все отроческие годы я мечтал о том, чтобы мы встречались чаще, но чувствовал себя отверженным и не таким уж важным существом в его жизни.

Отец был большим талантом, заметной личностью, он боролся за любовь и мир во всем мире. Но в то же время у него не получалось найти в себе силы или желание проявить эти самые мир и любовь в отношении своей первой семьи. В многочисленных жизнеописаниях отца моя мать и я либо просто не упоминаемся, либо представляемся как малозначимые фигуры в его судьбе.

К сожалению, эта картина не изменилась и сегодня. Поэтому я хочу напомнить, что моя мать была его первой в жизни настоящей любовью, с ней он провел половину своей молодости, начиная со времен художественного колледжа, зарождения «Битлз» и заканчивая их ошеломительным мировым успехом.

Я был очень рад, когда она решила написать свою часть этой истории: слишком долго она позволяла другим уподоблять себя затяжке сигаретой в жизни отца: это не имеет ничего общего с тем, что было на самом деле. Пришло время все поставить на свои места, ведь сегодня существует множество вещей и фактов, о которых никто ничего не знает. Если мир желает получить объективное представление об отцовской биографии, то часть истории, рассказанная моей матерью, выходит сейчас даже с некоторым опозданием.

Я безумно горжусь мамой. Она всегда была рядом, когда я в ней нуждался, всегда умела смотреть на вещи как на единое целое, объясняла мне, что в жизни важно, а что — нет, оставалась сильной женщиной, когда мир вокруг начинал рушиться. В то время как отец становился одним из самых богатых людей в своей

профессии, мы с ней имели немного, и ей часто приходилось подрабатывать, чтобы содержать семью. Мама всегда вела себя достойно, и я благодарен ей за то, что из меня получился человек, коим я сегодня являюсь. Я люблю ее за честность и мужество и знаю, сколько ей потребовалось того и другого, чтобы написать эту книгу. Поэтому я дарю ей всю свою поддержку и необходимую помощь и рекомендую эту книгу тем, кто хочет знать правду — настоящую правду о жизни моего отца.

Джулиан Леннон, 2005 год

Вступление

Десять лет я прожила с человеком, который был знаковой фигурой своего времени, а после смерти стал настоящей легендой. Я была рядом с ним с тех самых пор, когда «Битлз» только образовались как группа и потом — когда они продолжили радовать и удивлять мир, пережила вместе с ними все взлеты и падения.

После его смерти полки книжных магазинов начали заполнять издания, авторы которых даже не были знакомы с Джоном и поэтому описывали как его жизнь, так и наши взаимоотношения плоско и односторонне. Многие из этих авторов отводили мне довольно скромное место в биографии Джона, примечательное, по их мнению, только тем, что у нас с ним общий сын. Часто я представлялась эдакой эффектной девицей, которая в него влюбилась, а потом и женила на себе.

Это слишком далеко от того, что было на самом деле: я провела с Джоном десять самых волнующих, необычных, насыщенных событиями лет его жизни. Это было время, когда он находился в наилучшей творческой форме, блистал остроумием, отличался страстностью, честностью и открытостью во взаимоотношениях с людьми, когда он любил свою семью и любил «Битлз». Это время, которое предшествовало разрушительному периоду в его жизни, когда наркотики и непомерная слава в конечном счете вынудили его отказаться от многих ценностей, которым он до того был верен.

Когда наш брак с Джоном распался, я попыталась отгородиться от мира знаменитостей, от всяческих ярлыков, связанных с именем Леннона, и выстроить свою собственную жизнь. Я желала безопасности для нашего сына и собиралась жить реальной и разумной жизнью в стороне от лучей прожекторов. Мне были слишком важны такие понятия, как человеческое достоинство и право на частную жизнь, поэтому я предпочла позволить другим людям высказываться на все эти темы. Но вышло так, что полностью отгородиться все же не получилось. Интерес у публики к моей персоне оставался, и меня часто выдергивали для участия в связанных с «Битлз» мероприятиях, интервью, книгах и т. д.

Поначалу я строго отвечала «нет» почти на все предложения такого рода, но в конце концов поняла, что перестать быть частью легенды под названием «Леннон» либо очень сложно, либо попросту невозможно. В общем, в некоторых случаях, когда проект выглядел интересным или когда мне нужно было

заработать немного денег, я соглашалась. Мне даже пришлось несколько раз говорить о наших с Джоном личных отношениях, чего в первые годы после развода я себе не позволяла. В 1970–е годы я написала книгу[1], а после смерти Джона помогала в составлении его биографии и дала интервью нескольким журналам. Однако до сих пор я так и не рассказала полную и правдивую историю нашей с Джоном совместной жизни. После развода я была настолько озлоблена, оскорблена и потеряна, что единственной для меня возможностью справиться со всем этим было собрать свои чувства в кулак и полностью изолировать себя от собственных переживаний.

Надо сказать, это мне удалось — настолько, что, когда мне все — таки приходилось говорить о Джоне и нашем вынужденном расставании, я всегда выглядела спокойной, рассудительной и даже приветливой. «Да, что поделаешь. Такие вещи иногда случаются…» Именно такой подход я выбирала, и это срабатывало. Хотя, конечно, боль, связанная с нашим разрывом, оставалась и сидела где — то глубоко внутри меня, как бы я ни старалась ее похоронить.

Похоже, что время рассказать всю правду обо мне и Джоне, о годах, которые мы провели вместе, и о жизни после его смерти, настало. Накопилось столько всего, о чем я никогда публично не говорила, столько случаев из нашей совместной жизни, о которых я никому не рассказывала, столько чувств, которым я не позволяла вырываться наружу — огромной любви, с одной стороны, и боли, мукам и унижениям — с другой. Только мне известно, что на самом деле произошло между нами, почему мы были вместе, отчего расстались и какую цену мне пришлось заплатить за то, что я была женой Джона.

Почему сейчас? Потому что, пытаясь жить обычной жизнью в течение многих лет после того, как мы с Джоном разошлись, я пришла к выводу: меня все равно будут помнить как первую жену Джона. Кроме того, у меня есть много чего рассказать, и это станет частью истории жизни Джона Леннона.

Он был особым человеком. Наши отношения во многом предопределили всю мою последующую жизнь. Я всегда любила его и никогда не переставала горевать по поводу его ухода. Поэтому я и хочу рассказать реальную историю реального, настоящего Джона — порой яростного и свирепого, порой — страстно любящего, иногда жестокого, смешного, талантливого и столь необходимого нам всем человека, который оказал огромное влияние на окружавший его мир.

Джон верил в правду, и ничего иного, кроме правды, он бы не пожелал.

ГЛАВА 1

Однажды, в начале декабря 1980 года, во второй половине дня мы с моей подругой Энджи сидели в нашем небольшом бистро на севере Уэльса. Был холодный пасмурный день, но внутри нам было тепло, светло и уютно. Мы открыли бутылочку вина и принялись наряжать елку и украшать стены рождественскими праздничными картинками. Смеясь над чем — то, мы достали с полки коробку с очередными украшениями, как вдруг из нее на пол выпала детская игрушка. Когда я увидела, что это небольшой пластмассовый пистолет, меня бросило в дрожь: он показался мне ужасно неуместным здесь, посреди мишуры и бумажного конфетти.

На следующий день я отправилась в Лондон в гости к своей давней подруге Мо Старки[2].

Времени у меня было совсем немного в те, как всегда, полные забот предрождественские дни, но мой адвокат настоял на том, чтобы я приехала подписать некоторые деловые бумаги. Поэтому я села в поезд, планируя вернуться домой уже на следующий день.

Я оставила мужа с Энджи, чтобы они присмотрели за домом в мое отсутствие. Энджи в прошлом была женой родного брата Пола Маккартни, Майка. После того как они развелись, она устроилась к нам на работу и жила тут же, в небольшой комнате, которая располагалась наверху, над бистро.

Я всегда была рада видеть Мо. Мы дружили с 1962 года. Тогда я была подругой Джона, а она — маленькой пятнадцатилетней фанаткой, которая увидела Ринго во время выступлений «Битлз» в клубе «Пещера»[3] и сразу же по уши в него влюбилась. Они поженились через полтора года после их первой встречи, и, пока наши мужья колесили по свету, мы часто проводили время вместе. В 1980–м старшему сыну Мо и Ринго исполнилось пятнадцать — он на год с небольшим моложе моего Джулиана, — и ребята к тому времени уже давно были друзьями.

Когда в 1974–м Мо с Ринго развелись, она пришла в такое отчаяние, что села на свой мотоцикл, разогнала его до бешеной скорости и врезалась в кирпичную стену, получив серьезные травмы. Мо безумно любила Ринго и, когда он стал появляться на людях со своей новой подружкой, американской актрисой Нэнси Эндрюс, просто потеряла интерес к жизни.

После развода Мо, которой тогда было всего — навсего двадцать семь, переехала со своими детьми — восьмилетним Заком, шестилетним Джейсоном и трехлетним Ли — на Мэйда —

Вейл. После аварии ей пришлось пройти через несколько пластических операций, результатами которых она, кстати, осталась вполне довольна: лицо ее теперь выглядело даже лучше, чем прежде. С годами она стала относиться более спокойно к разводу с Ринго. Одно время у нее даже была непродолжительная связь с другим экс — битлом, Джорджем Харрисоном, но в конечном счете она остановила свой выбор на известном миллионере, владельце сети Hard Rock Cafe по имени Айзек Тигретт.

Когда я приехала, в доме Мо было, как обычно, полно народа. Она жила вместе со своей матерью Фло, детьми и их няней. Дом был всегда открыт для гостей, и в тот вечер к ним приехали на ужин Джил и Дейл Ньютоны. Няня наготовила всякой всячины, и после еды мы еще долго сидели за парой бутылок вина и вспоминали прошлые времена. В какой — то момент разговор зашел о недавней гибели Мэла Эванса, бывшего гастрольного менеджера «Битлз». Это был настоящий великан, огромный, благородный и очень добрый человек. Мы знали его с самых давних времен, когда он еще работал на почте и вечерами подрабатывал в клубе «Пещера» вышибалой. Когда «Битлз» начали завоевывать популярность, они взяли его к себе на постоянную работу.

Мэл всегда был для ребят верным другом. Особенно близкие отношения его связывали с Джоном и с другим менеджером битлов по гастрольным поездкам Нилом Эспи — ноллом; Мэл сопровождал «Битлз» во всех их турне и всегда что — нибудь устраивал, организовывал, устранял проблемы, защищал и присматривал за ними…

Когда группа распалась, Мэл чувствовал себя совершенно потерянным. Он отправился в Лос — Анджелес, где здорово пил и принимал наркотики. Именно там это и случилось 4 января 1976 года: после громкой ссоры с Мэлом, который был явно не в себе, его подруга вызвала полицию, заявив по телефону, что он угрожает ей пистолетом. Когда полицейские ворвались в комнату, где находилась парочка, Мэл не выпустил пистолет из рук, а, судя по всему, нацелил его на незваных гостей. В ответ последовали выстрелы на поражение, и только после того как Мэл скончался, выяснилось, что его пистолет был не заряжен.

Можно только предположить, что Мэл находился тогда под влиянием наркотиков: для него убить кого — то было столь же невероятным, как слетать на луну. Однако независимо от того, насколько правдиво была описана прессой эта трагичеекая история, его смерть привела нас в состояние шока, и в ту ночь, сидя у камина в доме Мо, мы еще раз переживали ее как нечто

безумно несправедливое и преждевременное. Тот факт, что кто — то застрелил близкого нам человека, казался чем — то невообразимым, немыслимым: как такое может произойти с твоим лучшим другом?..

Через некоторое время я поднялась в спальню, зная, что остальные наверняка засидятся до самого утра за вином и разговорами. Тем не менее я хотела лечь пораньше, чтобы наутро сесть на ранний поезд и уехать домой.

Я уже спала в отведенной мне просторной комнате, когда меня разбудили какие — то крики. Через несколько секунд я уже поняла, что это кричит Мо. Она ворвалась в мою спальню со словами: «Син, Джона застрелили. Звонит Ринго. Он хочет с тобой поговорить».

Я не помню, как выскочила из постели и сбежала вниз по лестнице к телефону. Плачущий голос Ринго с противоположной стороны Атлантики, пробиваясь сквозь треск международной линии связи, не оставлял места сомнениям: «Син, мне очень жаль. Джон умер».

Меня окатило волной шока. Послышались какие — то далекие звуки — всхлипывания и рыдания, переходящие в крик… Когда я через долю секунды вновь включилась в происходящее, мне вдруг стало понятно, что их издаю я сама.

Мо, перехватив трубку, попрощалась с Ринго и обняла меня: «Мне так жаль, Син…» — и она разрыдалась вместе со мной.

В этом невменяемом состоянии в моей голове блуждала лишь одна мысль: мой сын — наш сын, сейчас он спит дома. Я обязана немедленно вернуться к нему и рассказать о гибели отца. Сыну недавно исполнилось семнадцать. История страшным образом повторялась: и я, и Джон потеряли родителей именно в этом возрасте.

Я тут же позвонила мужу, сказала, что еду домой, и попросила его ничего не говорить Джулиану о случившемся.

Мое третье замужество к тому времени уже давно дало трещину. В глубине души я понимала, что долго мы не выдержим. Однако, надо отдать ему должное, мой муж в те минуты проявил чуткость и, как мог, поддержал меня: «Не волнуйся, ради бога! Я сделаю все, чтобы он об этом не узнал раньше времени».

К тому времени как я собрала вещи и оделась, Мо уже успела вызвать машину с водителем, чтобы отправить меня в Уэльс. При этом она настояла на том, что поедет вместе со мной и захватит Зака: «Я заберу Джулиана к нам на некоторое время. Наверняка он захочет держаться подальше от прессы».

Джона застрелили в Нью — Йорке 8 декабря, в 22.50 по местному времени. Из — за разницы часовых поясов в Британии в

это время было 3:50 следующего дня — девятого числа… Ринго позвонил нам примерно через два часа после его смерти, и к семи утра мы уже были в пути. Дорога в Северный Уэльс заняла четыре часа, и все это время я смотрела в окно на серый рассвет, думая о Джоне.

В вихре мыслей, крутившихся в моей голове, две постоянно всплывали и никак не отпускали: первая — о том, что число 9 было всегда особенным для Джона. Он родился 9 октября, как и его сын от второго брака, Шон. Его мать жила в доме под номером 9; когда мы встретились, я жила в доме 18 (если сложить цифры, то опять получается девятка), родильный дом, в котором наш Джулиан появился на свет, был номер 126 (то же самое). Брайан Эпстайн[4] впервые встретил ребят девятого (ноября), их первый серьезный контракт с фирмой звукозаписи был также заключен девятого числа, и в этот же день месяца Джон познакомился с Йоко. Цифра все время всплывала в жизни Джона по тому или иному поводу; он даже написал несколько песен на тему девятки: One After 909 («Следующий после 909–го»), Revolution 9 и #9 Dream («Безумный сон под номером 9»). И вот его смерть, по необъяснимому стечению обстоятельств, также пришлась на девятое число…

Вторая навязчивая мысль была о том, что все последние четырнадцать лет Джон жил в страхе, что его застрелят. Еще в 1966 году он получил письмо от какого — то психопата, утверждавшего, что Леннон будет убит из огнестрельного оружия в Америке. Помню, что мы оба были очень удручены этим предупреждением: «Битлз» проводили тогда один из своих последних гастрольных туров по Соединенным Штатам, и, конечно же, мы думали, что угроза связана именно с этими гастролями. К тому же незадолго до того Джон сделал свое печально известное заявление о том, что «Битлз» стали популярнее Иисуса Христа. Весь мир стоял тогда на ушах, и обвинения с прямыхми угрозами приходили почтой ежедневно. Однако то письмо особенно зацепило Джона. Несмотря на опасения, он отправился в тур и неохотно извинился за свои слова.

Когда мы вернулись домой, оба почувствовали облегчение. Но воспоминания об угрозах того придурка еще долго не оставляли Джона в покое. Иногда мне казалось, что он оглядывается через плечо, словно в ожидании человека с пистолетом. Тогда он часто говорил: «Меня когда — нибудь застрелят». И сейчас так невероятно и трагично было осознавать, что именно это и произошло.

Мы приехали в Ритин еще до полудня. Как только свернули с

шоссе и въехали в этот обычно такой тихий, полусонный городок, мое сердце ёкнуло, и я тут же поняла — у моего мужа не было никаких шансов скрыть случившееся от Джулиана: весь город заполонили журналисты. Десятки фотографов и репортеров толпились на главной площади и на улочках, ведущих к нашему дому и бистро.

Как ни странно, нам удалось припарковаться незамеченными в нескольких кварталах от собравшейся толпы и проникнуть в дом со двора. Муж нервно расхаживал по гостиной. Мама, комната которой находилась наверху, рядом со спальней Энджи, постоянно выглядывала на улицу через задернутое шторами окно. У нее уже тогда была ранняя стадия болезни Альцгеймера, и собравшаяся на улице толпа не могла не вызвать у нее чувства неосознанного беспокойства и тревоги.

Я взглянула на мужа. В моих глазах был лишь один вопрос: знает ли Джулиан? Он красноречиво посмотрел на лестницу, ведущую наверх, в спальню сына. Минуту спустя тот сам сбежал вниз. Я бросилась навстречу, протянув руки, чтобы обнять его. Он уткнулся в мое плечо, и мы оба заплакали над ужасной и несправедливой смертью его отца.

Мо занялась приготовлением чая, в то время как Зак сидел в сторонке, не зная, что сказать или предпринять. За чаем мы обсуждали, что же нам делать дальше. Морин предложила забрать Джулиана в Лондон, но он заявил, что хочет лететь в Нью — Йорк: «Мам, я очень хочу быть там, где был мой отец». Эта мысль встревожила меня, однако я его вполне понимала.

Морин и Зак обняли нас на прощанье и отправились в обратный путь. Потом мы с Джулианом поднялись в спальню, чтобы позвонить Йоко. Нас сразу же соединили с ней. Она сказала, что будет рада, если Джулиан приедет к ней, и что она организует ему билеты на самолет в тот же день. Я заметила, что очень беспокоюсь за его эмоциональное состояние. Од — нако Йоко вполне определенно дала понять, что меня она не ждет: «Синтия, мы — то с тобой не сказать чтобы давние подружки». Ответ ее показался мне чересчур бесцеремонным, но я его приняла: на публичной церемонии прощания нет места для бывшей жены.

Пару часов спустя мы с мужем повезли Джулиана в Манчестерский аэропорт. Как только мы вышли из дома, репортеры тут же заметили нас. Однако, увидев наши лица, они позволили нам беспрепятственно пройти, и я была им за это благодарна. Два часа пути мы провели в молчании. Я чувствовала полную опустошенность от глубины пережитых эмоций и от того, что мне все время приходилось держать себя в руках и быть

практичной и рассудительной — ради Джулиана.

В аэропорту мы попрощались, и я потом долго смотрела, как он уходил на посадку в самолет в сопровождении стюарда: бессильно опущенные плечи, лицо — бледное как полотно. Я знала, что в самолете пассажиры будут читать газеты, на первых страницах которых крупными буквами будет написано о смерти его отца, и в какой — то момент мне захотелось побежать вслед за ним. Перед тем как скрыться совсем, Джулиан повернулся и еще раз помахал мне, такой беззащитный и юный, и я снова ощутила нестерпимую боль от того, что отпустила его.

Когда мы вернулись в Уэльс, журналисты по — прежнему находились там, они расположились большим лагерем вокруг нашего дома. В тот день в местных гостиницах не было ни одной свободной комнаты. Много лет спустя известная ныне журналистка Джуди Финнеган в телепрограмме «Сегодня утром», которую она вела вместе со своим мужем Ричардом Мейдли, призналась мне, что в тот день она, тогда еще совсем молодой телерепортер, тоже находилась среди этой толпы: «Я вам очень сочувствовала: вы выглядели совершенно разбитой».

Я пришла в бешенство, когда мой муж, поддавшись на уговоры одного из журналистов, пустил его в дом. Он сказал, что пишет книгу о Джоне, и впоследствии утверждал, что я дала ему тогда длинное подробное интервью. Однако я сказала всего несколько слов и потом сразу же попросила его уйти. В тот день мне было не до интервью. Я легла на кровать и долго лежала неподвижно, в полном бессилии и даже плакать уже не могла, а лишь тщетно пыталась осмыслить произошедшее.

В ту ночь, когда я ненадолго провалилась в нервный, неглубокий сон, меня разбудил ужасный грохот, как будто где — то наверху взорвалась бомба. Выскочив из дома в ночной рубашке, я взглянула на крышу и увидела, что непонятно откуда взявшийся сильный ветер сорвал защитный колпак с дымовой трубы. Он проломил кровлю и упал прямо в спальню Джулиана, которая располагалась под самой крышей, в мансарде. Казалось, злой рок издевается над нами. Я благодарила бога, что сына в тот момент не было дома.

На следующий день он позвонил и сказал, что добрался нормально и сейчас находится в Дакоте[5] вместе с Йоко, Шоном и несколькими помощниками. Вокруг здания расположились сотни людей, но Шону еще ничего не говорили о смерти отца. Поэтому все старались вести себя как обычно, пока Йоко не будет готова сама сообщить ему об этом. Голос Джулиана звучал устало, но он сказал мне, что в аэропорту его встретил помощник Джона Фред Симен, который был с ним очень любезен. То, что

там есть кому присмотреть за моим сыном, вызвало у меня некоторое облегчение.

Тем временем жизнь в Ритине шла своим чередом. Мы не могли позволить себе закрыть бистро, а Джон и Энджи, со своей стороны, не могли без меня справиться с растущим числом посетителей. Поэтому мы решили продолжить дело. Я занималась уборкой, готовила еду, подавала на стол, ухаживала за мамой, но постоянное ощущение потери и отрешенности от происходящего не покидало меня ни на минуту. Приходилось работать, продолжать жить дальше и при этом держать свое горе в себе. Однако, когда газеты вновь запестрели заголовками новостей и статей о Джоне, когда его песни стремительно поднялись вверх в чартах, я все чаще стала думать только о нем и о годах, проведенных рядом с ним. Я получала сотни открыток и писем с выражением сочувствия от тех, кто был знаком с Джоном, и от тех, кто просто любил его и его музыку. Конечно же, это поддерживало меня. Но все эти две предрождественские недели тягучей пустоты и раздрая, без сына, который раньше всегда был рядом, в атмосфере все более накаляющихся отношений с мужем, я чувствовала, как меня буквально убивают безмерная печаль, отчаяние и ощущение невосполнимой потери. Как человек, которого я любила так долго и страстно, мог уйти из этой жизни? Как могло случиться, что вся его вибрирующая энергетика и творческая уникальность вдруг были перечеркнуты в один миг пулей какого — то сумасшедшего? И как он мог оставить своих сыновей без отца, когда они так в нем нуждаются?

ГЛАВА 2

В конце 1950–х годов было особенно здорово ощущать себя юным и открывать мир. Мрачные дни войны и послевоенных лишений закончились, обязательная служба в армии была отменена, и молодым людям теперь разрешалось просто быть молодыми и ничего не бояться. Серые будни 40–х сменились блестящими возможностями и перспективами. Великобритания праздновала окончание войны и начало эпохи свободы. Настало время мечтаний, надежд и творческих помыслов. Поступив в Ливерпульский художественный колледж в сентябре 1957 года, в свои восемнадцать лет я с трудом верила в удачу, которая на меня свалилась.

Уже прошел год с тех пор, как умер папа после мучительной борьбы с раком легких. Оба моих старших брата покинули дом в поисках самостоятельной жизни, и нам с мамой часто недоставало денег. Перед самой своей кончиной папа — а он всегда заботился о том, чтобы его семья жила в достатке, — сказал, что не может позволить мне поступать в училище: «Тебе придется подыскать работу, чтобы помочь маме». Я обещала, что так и сделаю, но сложно было смириться с крушением надежд. Мама тогда промолчала, однако она хорошо знала, как много значит для меня учеба. Когда отца не стало, она сказала мне: «Иди поступай и учись, дорогая. Как — нибудь справимся». Она пустила в дом постояльцев, чтобы мы могли хоть как — то свести концы с концами. Мама заставила хозяйскую спальню кроватями и сдала их четырем рабочим парням, обучавшимся на электриков. Те были счастливы иметь свой угол и оплачивать его вскладчину. С тех пор дом стал больше походить на постоялый двор: в ванную всегда были очереди, и мне приходилось вставать почти на рассвете, чтобы успеть первой. Я была бесконечно признательна маме за возможность учиться и исполнена решимости не разочаровать ее.

Когда я поступила в Художественный колледж, то сразу же постаралась стать образцовой студенткой: каждый день посещала занятия и никогда не опаздывала; носила аккуратный костюмчик — двойку или твидовую юбку с блузкой, мои карандаши были всегда остро заточены, и я числилась среди самых усердных и прилежных студенток в группе. Я мечтала тогда стать преподавателем ИЗО. Изобразительное искусство было единственным школьным предметом, который мне нравился. Поэтому я была вне себя от счастья, когда в двенадцатилетнем возрасте попала в школу изобразительных искусств,

находившуюся на одной улице с колледжем. Там я и познакомилась с девочкой по имени Филлис Маккензи. Мы хотели поступать в колледж вместе, однако отец Фил запретил ей это делать и настоял на том, чтобы она нашла себе работу. Ей приходилось днем работать художником по рекламе в компании, торгующей зерном, а вечером посещать занятия по рисованию.

Две другие девочки из художественной школы, Энн Мэйсон и Хелен Андерсон, поступили в колледж вместе со мной. Нам там безумно нравилось. Многие старшекурсники одевались в богемном стиле, под битников, что казалось нам неслыханной дерзостью, и поэтому мы поглядывали на них с завистью и восхищением.

Все тогдашние студенты училища родились либо во время войны, либо незадолго до нее. Сама я появилась на свет через несколько дней после ее объявления. Как раз перед родами маму вместе с еще несколькими беременными женщинами эвакуировали в Блэкпул, относительно безопасное место, где 10 сентября 1939 года она и родила меня в тесной, как тюремная камера, комнате дешевого пансиона на побережье. После начала схваток ее оставили одну почти на целые сутки. Когда акушерка наконец появилась, стало понятно, что родить маме без посторонней помощи не удастся. Акушерка закрыла дверь комнаты, строго запретив маме кому — либо рассказывать об этом, и буквально вытащила меня на белый свет — за волосы, уши и другие части моего маленького тела, за какие только могла ухватиться. Моему отцу, который приехал за несколько часов до моего рождения и расплакался, увидев свою изможденную и напуганную жену, было велено «пойти погулять». Вернувшись, он убедился, что супруга его, слава богу, осталась жива и что он стал отцом маленькой девочки.

И мама, и папа родились в Ливерпуле. Однако в начале войны они решили уехать из города и переселились в более спокойное место, городок Уиррал на другом берегу реки Мерси, в графстве Чешир. Они переехали туда вместе со мной и двумя моими старшими братьями — одиннадцатилетним Чарльзом и восьмилетним Тони. Мы занимали часть небольшого дома, с отдельным входом и двумя спальнями, в прибрежной деревушке — пригороде под названием Хойлейк. Папа работал в отделении компании GEC, поставлявшей электрооборудование в местные магазины. По работе ему каждый день приходилось ездить в Ливерпуль, который периодически бомбила немецкая авиация. Дома мы все чувствовали себя в большей безопасности, чем в городе, однако когда в небе появлялись бомбардировщики, мама прятала нас в стоявший под лестницей огромный буфетный

шкаф. Мы, дети, в страхе забивались в него, и с каждым очередным взрывом бомбы шкаф сотрясало так, что мы валились набок с наших импровизированных сидений.

Продуктовые карточки были привычным явлением моей жизни в первые ее годы. Так же, как и другие семьи, мы всегда что — то выращивали на наших небольших приусадебных участках. У нас были грядки, на которых росли зелень и какие — то овощи, а в дальней части двора находился курятник. В то время в семье мальчикам обычно перепадало больше, чем девочкам. Например, когда братья мои получали кусок свинины, мне приходилось довольствоваться ребрами, а когда на столе оказывалось срезанное с кости мясо, то я получала лишь саму кость. Я должна была чистить ботинки старших и помогать маме заботиться о папе и братьях. Будучи тихим и скромным ребенком, я безропотно принимала ту роль, которую мне отводили в нашем доме, понимая, что, во — первых, я самая младшая, а во — вторых, единственная девочка.

Карточки оставались и после войны, еще в течение нескольких лет. Поэтому дефицит продуктов и товаров был обычным явлением для того времени. Я подрабатывала тем, что ходила в магазин отоваривать карточки двух пожилых дам с нашей улицы. За это одна из них отдавала мне свои талоны на конфеты, а другая — вещи, из которых ее дети давно выросли. Одежда и конфеты были тогда редким счастьем.

Мой брат Чарльз стал жить отдельно от родителей, когда ему исполнилось шестнадцать, а мне — пять, поэтому воспоминаний о нем за тот период у меня почти не сохранилось. Он, как и папа, пошел на работу в один из филиалов компании GEC — сначала в Бирмингеме, а потом в Лондоне. Помню лишь, что он здорово играл на пианино, вся улица собиралась его слушать.

Гораздо больше я общалась с Тони и, после того как в 1950 году его призвали в армию, ужасно по нему скучала. После службы он устроился работать в полицию, уступив просьбам своей подруги, так как там сразу же давали жилье. Тони ненавидел эту работу и с чувством невероятного облегчения уволился, когда девушка в конце концов бросила его.

К моим десяти годам в нашем доме остались только мы втроем — мама, папа и я. Во многом мои родители были очень разные, однако они любили друг друга, и я никогда не слышала, чтобы они ругались. Мой папа, тоже Чарльз, был крупным, крепким мужчиной, общительным, добрым и веселым. Один — единственный раз он вышел из себя: когда я принесла из школы бранное слово. Я обожала папу и, уже после того как перешла в художественную школу, ездила вместе с ним на поезде в

Ливерпуль и обратно почти каждое утро и каждый вечер. Обычно он привозил для своих клиентов целый пакет сладостей и по дороге выуживал оттуда конфетку — другую для меня.

Моя мама Лилиан была очень необычной женщиной для своего времени: ее совершенно не интересовали домашние дела. Уборку она делала не чаще раза в месяц, а все остальное время наш дом терпеливо накапливал пыль. Зато мама обладала обостренным чувством прекрасного: на окне у нее всегда стояла ваза с цветами, и она могла часами, с огромным наслаждением составлять из них какой — то особенный букет. Она вязала чудеснейшие шотландские свитеры. Однако самой большой ее страстью были аукционные распродажи, куда она отправлялась каждый понедельник. Бывало, приходим мы домой в понедельник вечером, а наша гостиная выглядит уже совсем по — другому. Там могла появиться новая софа, ковер, шторы, стол или все вместе, в то время как старые вещи уже оказывались выставленными на той самой распродаже. Мы, конечно же, не возражали: всегда было интересно посмотреть на то, что она придумала. А главное, мама в эти моменты выглядела такой счастливой!..

Когда папа заболел — ему тогда было пятьдесят шесть, — все в корне изменилось. Как и многие в те годы, он курил сигареты без фильтра, не понимая, как это вредит его здоровью. После того как у него обнаружили рак легкого, он стал таять буквально на глазах: стремительно похудел, ослаб, дыхание его стало шумным и тяжелым. Вскоре он уже не мог вставать со своего кресла в спальне, и каждый день после школы я приходила посидеть с ним. После его кончины в доме остались только я и мама. Мы вспоминали его, оплакивали и думали — гадали, как нам жить дальше.

Художественный колледж дал мне новый взгляд на жизнь, новые заботы и волнения, в конце концов, дело, способное вытащить меня из нашего дома скорби во внешний мир. Наблюдая за старшими студентами, более уверенными в себе, я старалась походить на них, завидовала их небрежному богемному «прикиду», их длинным волосам. Мои мышиного цвета волосы тогда были коротко стрижены и завиты жестким «перманентом», которым я обязана знакомой парикмахерше, подруге моей мамы. Ее клиенткам было в среднем за пятьдесят, поэтому она и из меня сделала скучную, безвкусную тетку средних лет. Каждый месяц она экспериментировала, пробуя на моей голове разные новые прически, и все они выглядели просто ужасно. Что еще хуже, я носила очки. Первые дни в колледже я радовалась, что школьная форма осталась в прошлом, и гордилась своими элегантными

нарядами. Но очень скоро начала себя чувствовать старомодной занудой с этими унылыми стрижками, в этих консервативных костюмах. Мне хотелось быть более яркой, дерзкой, однако пока что у меня не хватало на это смелости.

Вдобавок ко мне прилип ярлык «заречной» девушки. Дело в том, что тех, кто жил на другом берегу реки Мерси, ливерпульцы считали невероятно строгими и важными. Я даже говорила по — другому, и для них это означало, что я «из богатеньких», хотя на самом деле многие студенты были из гораздо более состоятельных семей. И моя природная застенчивость не помогала. Ее принимали за высокомерие, в то время как я изо всех сил старалась быть общительной: довольно часто я отчаянно пыталась найти подходящее слово или фразу, чтобы остроумно и естественно вклиниться в чьюнибудь беседу. Вместо этого моя реплика повисала в воздухе так никем и не услышанной, и мне оставалось лишь, закрыв рот, с завистью наблюдать, как остальные продолжают свой непринужденный шутливый разговор… И все же, несмотря на подобного рода трудности, я любила наш колледж прежде всего за чувство независимости и свободы, которое впервые испытала именно здесь.

На первом курсе я встречалась с мальчиком, с которым познакомилась еще в школе. Барри был сыном мойщика окон, но при этом выглядел довольно презентабельно и даже экзотично, настоящий латинский красавчик, эдакий Ромео из Хойлейка. Мне, конечно же, льстило, что все местные девушки просто обзавидовались, когда он впервые пригласил меня на свидание. Он часто видел меня, когда я, в новом белом бобриковом пальто, гуляла возле реки со своей собакой Чамми. Однажды он предложил проводить меня и, прощаясь, позвал в кино. Мне было семнадцать, а ему двадцать два. Я не могла сказать «нет».

К моменту моего поступления в колледж мы были вместе уже год и стали думать о помолвке. Барри работал в маленькой фирме своего отца и понемногу переводил деньги в одну строительную компанию, благодаря чему в будущем мы рассчитывали получить собственное жилье. Однажды у нас дома, когда мама куда — то уехала, он убедил меня заняться с ним любовью на диване в родительской комнате. Наверное, целый час или дольше он уговаривал меня, уверял, что мы обязательно поженимся, что он меня так любит, и в конце концов я согласилась. Это произошло очень быстро, как вспышка. Никакого удовольствия я не испытала. Мы с Барри продолжали встречаться, но я делала все, чтобы мы случайно не оказались снова одни дома. И однажды он сказал мне, что влюбился в рыжеволосую девчонку, мою соседку. Для меня это было настоящим

предательством, я очень переживала и клялась себе, что никогда не прощу его. Но… через несколько месяцев, когда он вновь появился на моем горизонте и попросил вернуться к нему, сказал, что ошибся и что любит по — настоящему только меня, я смягчилась и уступила.

В середине второго семестра моего первого года обучения в колледже ко мне наконец присоединилась Фил. Она получила стипендию и в конце концов сумела убедить отца позволить ей учиться на дневном отделении. Мы обе были вне себя от радости и почти все перерывы между занятиями проводили вдвоем.

К концу года мы должны были выбрать предметы, по которым хотели бы специализироваться. Я остановилась на графическом дизайне и каллиграфии, занятия по которой проводились два раза в неделю. Фил выбрала живопись и также каллиграфию; мы очень радовались, что один курс можем посещать вместе.

Второй год обучения я начала все с тем же академическим рвением, однако мой внешний облик к тому времени все же несколько изменился: я стала выглядеть не столь строгой, после того как, набравшись смелости, отказалась от услуг маминой подруги — парикмахера и начала отращивать волосы. Твидовые юбки прошлого года я заменила на бывшие тогда в моде черные вельветовые брюки и старалась не носить очки, когда это только представлялось возможным. Последнее создавало немало проблем, так как без них я практически ничего не видела: я могла выйти не на той автобусной остановке, неправильно прочитать какую — нибудь надпись или объявление в колледже, но я не сдавалась, так как просто ненавидела свои очки. Я надевала их только на занятиях, поскольку иначе не увидела бы не только то, что написано на доске, но и то, что сама рисовала на листе бумаги.

Однажды утром, когда мы уже расселись по своим местам перед началом занятий по каллиграфии, в самый последний момент в класс прошмыгнул какой — то парень, типичный пижон. Не вынимая рук из карманов большого мешковатого пальто, он окинул присутствующих скучающим и откровенно дерзким взглядом. Потом уселся за пустую парту позади меня, тут же отвесив мне шлепок ладонью по спине, и, скорчив смешную рожицу, сказал:

— Привет, я Джон.

— Синтия, — улыбнувшись, прошептала я в ответ. Преподаватель, уже начавший урок, строго посмотрел на меня.

До этого я видела Джона в училище несколько раз, но ни разу с ним не разговаривала, поскольку компании наши не пересекались. Меня удивило, что он записался на курс

каллиграфии, так как он не производил впечатления человека, готового уделять время столь кропотливому и серьезному делу. У него с собой ничего не было, поэтому, когда мы начали выполнять самостоятельную работу, он вновь шлепнул меня по спине и попросил карандаш и ластик. С тех пор он все время садился сзади меня и просил одолжить ему то одно, то другое. Не то чтобы ему это было так необходимо: он практически ничего не делал на занятиях, только и знал, что валять дурака да смешить остальных.

Впоследствии выяснилось, что Джон посещал курс каллиграфии не по собственной воле: большинство преподавателей просто отказались заниматься с ним. Он всем своим видом давал нам понять, что происходящее в аудитории ему глубоко безразлично. Когда он не шутил или не издевался над кем — нибудь в классе, мог выдать довольно злой комментарий по поводу сказанного учителем или вызвать дружный смех нарисованной им смелой, точной и даже несколько грубоватой карикатурой на того же учителя или своих товарищей по классу. Очень забавными выглядели и другие его рисунки, на которых были изображены разные человечки со смешными, искаженными в причудливых гримасах лицами и уродливыми фигурами.

Помню, когда я в первый раз увидела Джона, я подумала: «Фу! Это уж точно не для меня»: его пижонский вид — эта нелепая прическа в стиле «утиный хвост»[6], узкие брюки — дудочки и старое потертое пальто — был слишком далек от привычного мне образа чистого и опрятного молодого человека. Его едкие замечания и черный злой юмор пугали меня, и, как потом выяснилось, не напрасно: совсем скоро он стал подтрунивать надо мной, обращаясь ко мне «мисс Важность», «мисс Пауэлл» или посмеиваясь над моим «чересчур» правильным произношением и изысканной одеждой.

Когда он позволил себе это в первый раз, я моментально покраснела и выбежала из класса, желая ему провалиться сквозь землю. Однако несколько недель спустя я поймала себя на том, что все время ищу встречи с ним. Мы виделись только на уроке по каллиграфии, и я каждый раз спешила на занятия, боясь опоздать. Меня смешили его шутки и завораживали его дерзкие манеры. Я всегда с почтением относилась к старшим, стремилась их порадовать и заслужить похвалу. Джон был моей полной противоположностью: агрессивный, язвительный, бунтарь по натуре, он, казалось, ничего не боялся и мог поднять на смех кого угодно.

Один наш общий знакомый как — то сказал мне, что в конце

прошедшего семестра мать Джона погибла в автомобильной аварии. Я безумно тосковала по отцу, поэтому прониклась искренним сочувствием к Джону. Ни он сам, ни кто — либо из его окружения никогда не говорили об этом, однако понимание того, что за его вызывающим внешним видом и поведением скрывается глубокая скорбь, заставило меня отнестись к нему с большим вниманием.

Однажды студенты класса каллиграфии в шутку затеяли проверку зрения друг у друга. Неожиданно выяснилось, что Джон и я одинаково плохо видим. Более того, он точно так же ненавидел очки, и, как это ни смешно сегодня, его просто бесили те самые — ставшие потом благодаря Джону знаменитыми — круглые старомодные бабушкины «очки — велосипед», которые продавались в послевоенных государственных аптеках. Вместо этих, дешевых, он иногда надевал другие, более модные — довольно дорогие, в черной роговой оправе. Мы часто посмеивались над тем, как нам обоим «повезло» и в какие неловкие ситуации мы попадали сослепу. Надо сказать, что именно это и сблизило нас, и с тех пор на уроках, вместо того чтобы заниматься, мы часто просто болтали о том о сем.

Джон говорил мне, что играет в группе Quarrymen[7]. На занятиях он всегда появлялся с гитарой через плечо. Иногда, когда мы сидели в аудитории во время перемены, он доставал свой нехитрый инструмент и наигрывал известные всем песенки Бо Дидли, Чака Берри или Лонни Донегана. Услышав его в первый раз, я тут же заметила, что он совсем не похож на того, кого старается изображать. Было очевидно, что он обожает свою музыку: как только он начинал играть и петь, его лицо смягчалось, напрочь исчезали привычный цинизм и высокомерие.

После зимних каникул я поняла, что влюбилась в него, за что всячески себя ругала: дескать, это же просто смешно, он мне совершенно не подходит. Да и я, честно говоря, не могла представить себе, что Джон когда — либо заинтересуется мной. Но все изменилось буквально в один день, в одну минуту. Закончился урок, все уже вышли на перемену, а я стала укладывать книги в сумку. Джон сидел в паре метров от меня, как обычно, со своей гитарой, и вдруг начал играть Ain't She Sweet, вновь ставшую популярной старую песенку, которую позже «Битлз» выпустили на пластинке[8]:

Правда, она хороша?
Погляди — вон идет не спеша.
Скажи мне по секрету, что девушка эта
Еще как, еще как хороша!
Ну же, правда, она недурна?

Оцени же ее, старина,
И скажи по секрету, что девушка эта
Совсем, ну совсем недурна!
С такой пройтись было б не худо,
О, бог ты мой, ведь это — чудо!..
Мила, аккуратна, стройна!
Мне другая теперь не нужна.
Так скажи ж по секрету: ведь девушка эта
Еще как, еще как хороша?!

Я густо покраснела, извинилась и выбежала из аудитории, прежде чем песня закончилась. Однако я успела заметить его взгляд — он не сводил с меня глаз все время, пока пел, — и подумала: «Неужели я тоже нравлюсь Джону?»

Я рассказала обо всем Фил, но та лишь подтвердила, что мы с Джоном совсем разные, и посоветовала мне не валять дурака. Она знала его лучше, чем я, поскольку они жили по соседству и часто ездили в училище на одном и том же 72–м автобусе. Фил часто приходилось давать Джону деньги, чтобы тот мог оплатить проезд, и тем не менее он ей нравился. Просто она считала, что мне он не подходит. Она напомнила мне о моей предстоящей помолвке с Барри, но… там, похоже, дела пошли в обратном направлении. Виделись мы все реже и реже, я продолжала вздыхать по Джону, и занятия по каллиграфии становились для меня главным событием недели.

Однажды, во время обеденного перерыва, я заметила, как Джон уставился на поднимающуюся по лестнице девушку с длинными светлыми волосами, в обтягивающей черной юбке. Джон присвистнул. «Ну прямо Бриджит Бардо!» — произнес он, обращаясь к своему товарищу. «Ну уж нет, — подумала я, — мы еще повоюем!»

В ближайшую субботу я купила себе последнюю новинку от Hiltone — осветляющую краску для волос — и принялась за дело. В понедельник я явилась в колледж блондинкой и пришла в восторг, когда Джон, увидев меня, воскликнул: «Вот вы и попались, мисс Хойлейк!» Он засмеялся, но по его взгляду я поняла, что ему понравилось.

Как — то днем всех студентов средних курсов попросили собраться в лекционном зале для участия в дискуссии. Я сидела за одной из задних парт, Джон — на несколько рядов впереди меня. Моя подруга Хелен Андерсон, которая сидела позади Джона и была с ним в приятельских отношениях, неожиданно наклонилась к нему и погладила по голове. Хелен не была влюблена в Джона, это был просто дружеский жест в ответ на какую — то очередную его шутку. Но я ощутила жгучую ревность,

поразившую меня как гром среди ясного неба.

Хотя мы с Джоном и болтали от случая к случаю на занятиях по каллиграфии, все остальное время в колледже мы проводили каждый в своей компании. Для меня он продолжал оставаться недосягаемым, и, несмотря на все мои фантазии, мне и в голову не приходило, что мы когда — нибудь действительно будем вместе.

Вся наша группа с нетерпением ждала каникул, и кто — то предложил организовать небольшую вечеринку в последний день семестра. Один из преподавателей, Артур Баллард, в прошлом боксер, довольно требовательный, но прекрасный учитель, предложил нам воспользоваться его комнатой при условии, что он тоже будет приглашен. Мы с радостью согласились, раздобыли проигрыватель и скинулись на пиво.

Я ждала эту вечеринку, но не потому, что надеялась увидеться с Джоном: я не рассчитывала, что его заинтересуют наши скромные, чинные посиделки. Наоборот, я мечтала немного развеяться и освободиться от постоянных мыслей о нем. Потом наступят каникулы, считала я, и все потихоньку пройдет. Я твердо намеревалась как следует отдохнуть и преодолеть свое увлечение Джоном.

День выдался теплый, лучи солнца пробивались сквозь не слишком чистые окна расположенной на втором этаже комнаты Артура Балларда, где мы раз в неделю собирались, чтобы показать преподавателю свои рисунки и эскизы на заданную тему. Мы сдвинули столы и стулья к стенке, приготовили кое — какую еду, достали напитки и поставили пластинку из принесенной кем — то толстой стопки дисков. Компания собралась вполне традиционная для таких случаев — десять — пятнадцать парней и девушек, ставших друзьями — приятелями с первого курса. На мне были просторная блузка — размахайка из хлопка, коротенькая черно — белая юбка, черные колготки и мои лучшие черные туфли — лодочки на высоком каблуке.

На курсе у нас тогда уже закрутилось несколько романов, поэтому вечер проходил в весьма наэлектризованной атмосфере. Энн Мэйсон тогда гуляла с парнем по имени Джефф Мохаммед, близким другом Джона. Лишь только появившись, они тут же подыскали себе относительно укромный уголок и, казалось, были намерены просидеть там в обнимку весь вечер. Мы с Фил понимающе переглянулись.

И тут вошел Джон. Я притворилась, что не замечаю его, однако лицо мое вспыхнуло, и судорога свела желудок. Так же, как и я, он был во всем черном — в своих узких — преузких брюках, свитере и замшевых ботинках. Он тут же направился

прямиком ко мне и спросил: «Приподняться не желаешь?»

Я покраснела, но встала и отправилась с ним танцевать. Пока мы танцевали под Чака Берри, Джон прокричал мне в ухо: «Может, сходим куда — нибудь вместе?»

Я была так взволнована, что только и смогла промямлить: «Извини, я тут… помолвлена с одним парнем из Хойлейка.» От собственных слов мне захотелось провалиться сквозь землю: настолько высокомерно и натянуто они прозвучали.

«Я ж тебя, черт подери, не замуж зову!» — выпалил Джон в ответ. Он отошел в сторону, и, уверенная в том, что на этом все кончено, я замолчала и погрузилась в переживания. Однако через пару часов, когда вечеринка уже подходила к концу, Джон с друзьями позвали Фил и меня в соседний паб. «Вот здорово! — подумала я. — Может быть, еще не все потеряно».

Я уговорила Фил составить нам компанию, и мы отправились в Ye Cracke, ближайший паб, который часто посещали студенты. Он был забит народом, так что нам приходилось орать друг другу в уши, чтобы хоть как — то быть услышанными среди царившего гвалта. Мы с Фил не были тут ни разу — как приличные и воспитанные девушки, после занятий мы сразу же направлялись домой, и это был для нас первый опыт знакомства со студенческой жизнью за пределами колледжа. Шум, смех и непринужденная атмосфера пришлись нам по душе; мы вдруг поняли: именно этого нам до сих пор и не хватало.

Джон со своими старыми приятелями Джеффом Мохаммедом и Тони Каррикером расположился в другом углу паба и первое время, казалось, не собирался подходить к нам. Мы встретили знакомых и весело с ними болтали. После пары бокалов «Черного бархата» — популярного здесь коктейля из смешанных пополам «Гиннесса» и сидра — я слегка захмелела и решила, что пора домой. Меня разочаровало то, что Джон так и не заговорил со мной. Я даже подумала, что и в паб он позвал меня лишь смеха ради.

Я уже пробиралась к выходу, когда он вдруг окликнул меня, обозвал монашкой и предложил остаться еще ненадолго. Фил нужно было успеть на автобус, и она спросила, иду ли я. Я знала ее отношение к Джону, но к тому моменту уже попалась на крючок: если он хочет, чтобы я осталась, я остаюсь. Я виновато улыбнулась Фил, та растерянно пожала плечами и ушла. Мы с Джоном выпили еще по паре коктейлей, после чего он шепнул мне: «Пойдем!» — и мы выскользнули на улицу, прочь от шумной толпы.

Наступил вечер, и вокруг было тихо. Как только мы вышли из паба, Джон остановился, крепко прижал меня к себе и запечатлел

на моих губах долгий и страстный поцелуй. Затем прошептал мне на ухо, что у его друга Стюарта[9] есть комната, куда мы можем пойти, крепко схватил за руку и буквально потащил за собой. Я была безумно счастлива рядом с ним и знала, что он чувствует то же самое. В тот момент я готова была последовать за Джоном куда угодно.

У Стюарта была отдельная довольно просторная комната в задней части многоквартирного дома. В ней царил полный беспорядок: занавески на окнах, судя по всему, здесь не предполагались вовсе, на полу лежал спальный матрас, вокруг валялись одежда, краски с кисточками, пустые сигаретные пачки и книги по искусству. Но бардак нас беспокоил меньше всего — мы сразу же рухнули на матрас и в течение следующего часа занимались любовью. Это было чудесно — никакого сравнения с моим предыдущим коротким опытом. Думаю, что и Джон чувствовал себя так же. Его самоуверенность и манеры крутого парня улетучились, когда мы лежали, сплетясь в объятиях.

Потом он произнес: «Боже, мисс Пауэлл, это было что — то! А как же твоя помолвка?» Я сказала, что мой роман в Хойлейке окончен. С озорной улыбкой Джон заметил, что я невероятно сексуальна, и признался, что с вожделением смотрел на меня в течение всего семестра. «Да, кстати, — добавил он. — Никаких больше «мисс Пауэлл». Отныне ты — Син».

Нам все же пришлось вернуться к суровой реальности, когда я вдруг поняла, что опаздываю на последнюю электричку. Мы кое — как натянули одежду и помчались на станцию. Забежав на платформу, мы быстро поцеловались на прощание, и я уже почти на ходу вскочила в вагон. «Что ты делаешь завтра, послезавтра и послепослезавтра?» — прокричал мне Джон, когда я высунулась в окно, чтобы помахать ему. «Встречаюсь с тобой!» — успела крикнуть я в ответ.

Возможно, окружающие считали, что мы не пара. Но я с самого начала знала, что между нами установилась очень крепкая связь. Мои чувства к Джону ничуть не походили на те, что я испытывала раньше в отношении других молодых людей: они были более мощными, страстными и стойкими. И я видела, что они взаимны. Наверное, мы оба понимали и признавали, что отчаянно нуждаемся друг в друге. Конечно, тогда я ничего не анализировала. Просто чувствовала всем сердцем, что происходящее с нами — не мимолетное увлечение. Что это — настоящая любовь.

ГЛАВА 3

Домашний телефонный аппарат нам впервые установили незадолго до того, как я поступила в колледж. Это было довольно громоздкое приспособление, которое крепилось к стене в прихожей, рядом с лестницей, и, чтобы позвонить, нужно было сначала опустить в него двухпенсовую монетку. Мы еще не привыкли к нему толком, и его пронзительное верещание каждый раз заставляло меня вздрагивать от неожиданности. Когда он зазвонил на следующее утро, я со всех ног бросилась снимать трубку

Джон предложил встретиться завтра, но я, к сожалению, не могла: начались каникулы, и мы с мамой собирались на пару недель в гости к моему брату Чарльзу в Бэкингемшир. Я давно мечтала об этой поездке, но теперь она превратилась в препятствие, мешающее мне видеться с Джоном. Ничего не поделаешь, менять планы было поздно, и, хотя мне уже было девятнадцать, мама не допускала и мысли о том, чтобы оставить меня дома одну. Я обещала Джону, что буду писать.

Как только я вернулась, мы сразу же встретились в кафе в центре Ливерпуля и провели там пару часов за чашкой кофе, не сводя глаз друг с друга. Ни у кого из нас не было денег на то, чтобы заказать что — нибудь еще, но нам было плевать.

С тех пор все свободное время мы проводили вместе, хотя денег в наших карманах больше не становилось: они уходили на транспорт, на то, чтобы где — нибудь перекусить, и на сигареты Джона. (Он курил самые дешевые — Park Drive, Woodbines или Embassy.) Ну и, разумеется, на пинту — другую «Черного бархата» в Ye Cracke после занятий или в обеденный перерыв. Если у нас все же появлялась лишняя мелочь, мы отправлялись в кино, устраивались на сдвоенных сиденьях где — нибудь в глубине зала и целовались, часто просиживая там два сеанса подряд, не очень — то обращая внимание на то, что происходит на экране. Однако чаще всего денег у нас не было вовсе, и тогда мы просто бродили по улицам и болтали либо сидели в каком — нибудь кафе или пабе, растягивая один напиток или одну чашку кофе на двоих.

Наши друзья и знакомые, которые поначалу говорили, что мы не подходим друг другу, скоро привыкли видеть нас все время вместе. Собственно, у них и не было иного выбора, так как мы всюду ходили только вдвоем. Одна Фил продолжала волноваться по поводу моего будущего и как лучшая подруга иногда, с заботой в голосе, говорила мне что — нибудь вроде: «Син, ты слишком хороша для него, он тебе не пара. Я ему не верю…» Она

боялась, что скоро я надоем Джону и он меня бросит. Но, опьяненная любовью, я ничего не слушала и не рассталась бы с ним ни за что на свете.

До романа с Джоном я была добросовестной студенткой и прилежно выполняла все задания. Однако он был очень требовательным любовником и настаивал на том, чтобы его я ставила превыше всего — учебы, моих друзей и даже моей мамы. Немудрено, что через некоторое время я начала учиться все хуже и хуже, хотя, конечно же, по — прежнему старалась держаться на плаву.

До меня у Джона было немало девушек, но ни с одной из них он не встречался так долго, как со мной: наши отношения были для него первым серьезным опытом. Обычно, если мы собирались сходить в паб во время обеденного перерыва, он настаивал на том, чтобы в этот день мы в колледж уже не возвращались, и тогда, особенно если было тепло, мы садились на паром и отправлялись на другой берег Мерси, в Нью — Брайтон, где находилась увеселительная ярмарка. Неподалеку от нее, в приморских песчаных дюнах, мы занимались любовью, не обращая внимания на песок и порывы холодного ветра. Когда мы плыли на пароме назад, песок, казалось, был везде — на зубах, в волосах и в одежде; мы хихикали, украдкой поглядывая на других пассажиров: знали бы они, что мы только что вытворяли!

Как правило, я шла на поводу у Джона. Нам было весело вместе, наше взаимное притяжение не ослабевало, и он постоянно выдумывал для нас новые эскапады. Однако иногда между нами возникали и трения, особенно в связи с тем, что он позволял мне возвращаться домой только самой последней электричкой, где — то около полуночи. Я понимала, что мама беспокоится, и переживала из — за того, что ей, еще не свыкшейся с одиночеством после смерти папы, приходится подолгу ждать меня. Кроме того, мне не хотелось совсем уж запускать домашние задания. Джону до всего этого не было никакого дела. Если я пыталась уехать домой пораньше, он тут же закатывал скандал: ему нужно было, чтобы я оставалась с ним как можно дольше: с самого начала наших взаимоотношений передо мной стоял выбор — либо он, либо все остальное.

Иногда Джон по — настоящему пугал меня своими вспышками гнева; я почти физически ощущала, как он разрывает меня на части. В такие минуты его, казалось, полностью оставлял разум, и он закатывал мне настоящую истерику. Своими жесткими аргументами Джон подминал под себя мою нехитрую защиту, и я тут же сдавалась. Добившись желаемого результата, он опять становился самим собой — предупредительным и

любящим.

Джон был насквозь противоречивым и непредсказуемым и хотел, чтобы я ежедневно доказывала ему, что он для меня — все. Он страшно ревновал меня к моим сокурсникам, к моей ближайшей подруге Фил и даже к учебе, когда я вдруг осмеливалась провести вечер за учебниками, готовясь к занятиям, вместо того чтобы посвятить время ему. При этом, несмотря на его внешнюю агрессивность и проявления бешеной ревности, мне всегда хотелось его оберегать; в моих глазах он был заблудшей душой, и я стремилась окружить его пониманием, заботой и любовью, стараясь облегчить его внутреннюю боль и страдания.

В колледже у меня было несколько поклонников, хотя сама я об этом и не подозревала, пока Джон не указал мне на них. Он ревновал к любому парню, который осмеливался приблизиться ко мне, предупреждая каждого подобного «героя», что от меня следует держаться подальше. Вскоре после того, как мы начали встречаться, один из наших друзей — студентов устроил у себя вечеринку. Гремела музыка, все пили пиво и сидр, в общем, было довольно весело — до тех пор, пока один сокурсник, кажется, со скульптурного отделения, не пригласил меня танцевать. Не успела я ответить, как исполненный ярости Джон набросился на него. Тот был рослым, крепким парнем и легко, одной рукой удерживал нападавшего на безопасном расстоянии от себя, но Джона пришлось оттаскивать от него всем скопом. В конце концов мы кое — как его успокоили. Ошеломленный беспорядком, который он невольно спровоцировал, парень извинился перед Джоном и вскоре ушел.

Меня такие слишком уж бурные проявления его характера очень расстраивали; Джону не стоило беспокоиться, так как у меня и в мыслях не было когда — либо изменять ему. Я много раз пыталась убедить его в своей верности, но это ничего не меняло: он моментально приходил в бешенство, когда кто — то обращал на меня внимание, пусть даже с самыми невинными намерениями.

Как бы мы этого ни хотели, нам никогда не удавалось провести вместе целую ночь: нам просто было некуда пойти. При каждом удобном случае Джон уговаривал Стюарта освободить для нас его комнатушку на несколько часов, чтобы мы могли побыть наедине и заняться любовью. Когда же комната была недоступна, Джон нередко упрашивал меня сделать это «по — быстрому» где — нибудь в темной аллее городского парка или на задворках заброшенного склада. Но, как бы сильно я ни любила его, мне не очень — то нравились такие «перекусы на бегу», поэтому большей частью мы просто обнимались и целовались

везде, где только могли.

Порой требовательный, непредсказуемый и даже пугающий, Джон вместе с тем был романтиком. Эта сторона его характера раскрывалась передо мной все чаще, по мере того как мы глубже и ближе узнавали друг друга. Он писал любовные стихотворения на обрывках бумаги и передавал их мне, когда мы встречались в колледже. На наше первое Рождество он нарисовал мне поздравительную открытку: он и я, в своей новой шубке, стоим друг напротив друга, наши головы соприкасаются, его рука лежит на моем плече. Открытка была вся в «поцелуйчиках» и «сердечках», под которыми красовалась надпись: «Наше первое Рождество, я люблю тебя, да, да, да». (Несколькими годами позже он использует похожую фразу в одном из первых хитов «Битлз»: She loves you, yeah, yeah, yeah.) На обороте он добавил: «Надеюсь, оно для нас не последнее». Я очень любила эту открытку и держала на почетном месте у себя в спальне.

Я была полностью поглощена Джоном и хотела постоянно находиться рядом с ним. Несмотря на внутренний конфликт, назревавший во мне по мере того, как я все меньше и меньше внимания уделяла учебе и маме, я находилась на седьмом небе оттого, что мы вместе и что он тоже любит меня. В те особые минуты, когда Джон излучал теплоту и нежность, мне начинало казаться, что мы будем вместе вечно. Тогда он словно снимал свою защитную маску и твердил мне снова и снова, что любит меня.

Тем не менее простыми или комфортными наши отношения вряд ли можно было назвать. Джон источал дух опасности и порой приводил меня в ужас. Я все время жила на острие ножа. И дело не только в его бешеной ревности, иногда он внезапно набрасывался на меня: начинал унижать, оскорблять, осыпать упреками, колкостями — и быстро доводил до слез. Растерянная и обиженная, я плакала навзрыд, а он отталкивал меня со злой усмешкой, как будто побуждая расстаться с ним. Все это создавало впечатление, будто он хочет доказать — уж не знаю, себе, мне или кому — то еще, — что такая девушка, как я, никогда не сможет быть с таким парнем, как он.

Несмотря на то что он причинял мне боль, и это случалось не раз и не два, моей реакцией на его провокации и неоправданную жестокость стало, наоборот, желание быть еще ближе к нему. Хотя иногда я и думала оставить Джона, но все же надеялась: если он поверит, что я действительно люблю его, то, возможно, смягчится.

Мы были вместе уже несколько месяцев, когда Джон повез меня к себе домой знакомить с тетушкой Мими. Они жили в

симпатичном доме на Менлав — авеню в респектабельном районе Вултон. Их дом, как многие солидные дома в Англии, имел свое название — Мендипс. Его окна выходили в большой сад. Когда — то по соседству жил мэр Ливерпуля. Самое смешное, что Джон, хотя и любил пошутить над моим якобы роскошным образом жизни, происходил из куда более состоятельной семьи, чем я. Мендипс вдвое превосходил размерами наш с мамой скромный одноквартирный домик в Хойлейке.

Я очень волновалась перед встречей с Мими, так как знала, что она воспитала Джона и что очень важно заслужить ее симпатию и одобрение. Я надела свою самую красивую юбку, джемпер и приготовилась вести себя наилучшим образом.

Мими была невысокой, но статной и стройной дамой. У нее была тонкая кость, что вообще характерно для всех близких родственников Джона. Когда мы приехали, она улыбнулась мне и пригласила нас в столовую рядом с кухней. Я мгновенно поняла, что Мими из тех женщин, которые все замечают: во время нашего визита она не раз измеряла меня своим острым и наблюдательным взором.

Мы сели за стол, и Мими предложила нам традиционный ливерпульский ланч: яичницу с жареной картошкой, огромное блюдо с нарезанным хлебом, сливочным маслом и чай в большом фарфоровом чайнике. Пока мы ели, она задавала нам вопросы дружелюбным, но весьма сдержанным тоном, не забывая время от времени пронизывать меня острым взглядом, от которого мне становилось не по себе. Я была рада, когда трапеза наконец закончилась и Джон пошел провожать меня до автобусной остановки.

«Как ты думаешь, я ей понравилась?» — спросила я его. «Ну конечно, — ответил Джон. — Не беспокойся насчет Мими: если ты нравишься мне, значит, понравишься и ей».

Я подумала, что здесь он ошибается, я была уверена, что не понравилась его тетушке, хотя она и постаралась не показать этого. Мне очень хотелось понять, чем же я ей не угодила, и только гораздо позже я осознала, что дело не в личной симпатии или антипатии. Мими ни одну девушку не сочла бы подходящей для своего мальчика.

Держалась Мими с почти королевским достоинством. Она говорила на идеально правильном английском, и то, что Джон нарочно усвоил и всячески подчеркивал свой выговор ливерпульского работяги, было, скорее всего, его личным выпадом против нее. Довольно скоро для меня стало очевидно, что Мими не чужда известному снобизму; будучи плоть от плоти представителем среднего класса, она тянулась к высшему

обществу; неслучайно ее излюбленным словечком было «простой». Именно таким определением она награждала увлечения Джона и его недалеких друзей — в том числе, подозреваю, и меня. Мои родители принадлежали к тому же среднему классу, однако таких завышенных социальных амбиций не питали.

Встреча Джона с моей мамой прошла, на мой взгляд, гораздо более успешно. Конечно, он не оказался респектабельным и трудолюбивым молодым человеком, каким она хотела бы видеть своего зятя, но мама понимала, что я влюблена, и мудро воздерживалась от замечаний. К моей радости, Джон вел себя с ней вежливо и уважительно, и, похоже, они поладили. Может быть, конечно, они принимали друг друга не полностью, а каждый со своими оговорками, но вслух их не высказывали. И за это я была им очень благодарна.

В наших тогда только начавших формироваться взаимоотношениях как — то случился эпизод, выявивший для меня одну очень важную черту характера Джона. Потом эта его особенность еще не раз проявлялась в наиболее критические моменты нашей совместной жизни. Мама решила, что пора им с Мими познакомиться, и предложила Джону пригласить ее к нам на чай. Он не возражал.

Мама, желая произвести впечатление на гостей, напекла пирожных, выложила бутерброды, поставила на стол наш самый красивый чайный сервиз. Поначалу все шло неплохо. Дамы вели себя взаимно вежливо, мы с Джоном время от времени переглядывались, делая друг другу знаки, что, мол, «все нормально», и уже готовы были расслабиться. Как выяснилось, слишком рано. Мими заметила, обращаясь к маме, что, дескать, все было бы хорошо, если бы только я не отвлекала Джона от учебы. Мама, конечно, тут же встала на мою защиту, и, не успели мы слова вставить, как они уже вовсю ругались: одна заявляла, что я не пара Джону, другая — что Джон должен быть счастлив, что отхватил такую девушку, как я.

Мы с Джоном потеряли дар речи. Через несколько мгновений он выскочил из — за стола и побежал на улицу. Я бросилась за ним. Догнав его, я увидела, что он плачет. Как могла, я уговорила его вернуться, и, когда мы снова вошли в дом, мы заметили, что за время нашего отсутствия мама и Мими, сделав над собой усилие, заключили временное перемирие.

Тогда — то я поняла, что Джон не выносит конфликтов и открытого противостояния и в подобных ситуациях неизменно спасается бегством. Это никак не вязалось с его спонтанными проявлениями агрессии, однако агрессивным он бывал только под

влиянием алкоголя; обычно же, при всей своей резкости и грубости, он всеми силами старался избегать прямого конфликта. Тот инцидент многое прояснил для меня во взаимоотношениях между Джоном и Мими: когда она открыто критиковала меня, это обижало и расстраивало Джона. Однако Мими его реакции либо не замечала, либо не придавала ей значения. Потом, довольно часто, я видела, как Джона угнетают резкие оценки Мими по отношению к людям, которых он любит и уважает. Сначала он замыкался в себе и злился, затем убегал прочь.

После той злополучной встречи Мими и моя мама виделись только однажды. Мы твердо взяли себе за правило навещать их по отдельности. Я с грехом пополам научилась ладить с Мими, а Джон был вполне приветлив с мамой.

Братья мои Джону нравились. Как — то Чарльз приехал к нам в гости и, догадавшись, что у Джона туго с деньгами, подарил ему целый ворох своих свитеров. Джон пришел в восторг и навсегда отвел ему теплый уголок в своем сердце.

С Тони и его невестой Марджори Джон познакомился на их свадьбе в апреле 1960–го. Я как подружка невесты должна была присоединиться к ним рано утром. Джон обещал подъехать позже. Зная, что здесь будут все мои родственники, я молила бога, чтобы он не опоздал и выглядел подобающим образом. Когда Джон появился, у меня от удивления отвисла челюсть: он был воплощение респектабельности — в черном костюме, белой рубашке, элегантном галстуке и с аккуратно зачесанными назад волосами. Даже очки надел, отчего сделался похож на офисного клерка, зато по крайней мере мог хорошо видеть всех гостей. Джон обычно не скрывал своего отвращения ко всякого рода официальным мероприятиям, поэтому я понимала, какое усилие над собой он совершил ради меня.

Все прошло замечательно: Джон мило общался с Чарльзом и его подружкой Кэти, мамой, Тони и Марджори. Тот день положил начало долгой дружбе между Джоном и Тони, которых объединяло свойственное обоим ядовитое чувство юмора.

Довольно быстро я поняла, что Джон отгораживается от внешнего мира прочным панцирем из цинизма, остроумных и жестких реплик, агрессивности и властности, чтобы справляться с чувством уязвимости и незащищенности, зародившимся в его нелегкие отроческие годы. В то время он мало что рассказывал мне, только сообщил, что Мими взяла его к себе на воспитание с пяти лет, после того, как отец оставил семью и исчез, и что мама его умерла за несколько месяцев до нашей встречи. Он не любил говорить об этом и на все мои попытки что — либо разузнать лишь пожимал плечами.

Помимо прочего, нас очень сближало то, что оба мы рано потеряли одного из родителей. Мы делились друг с другом своими чувствами, говорили, как нам их не хватает. Но в то время как я более или менее смирилась со смертью отца, Джон все еще продолжал горевать по поводу гибели своей матери Джулии. Я уверена, что его тогдашняя агрессивность и колкость во многом объяснялись ее безвременным уходом и особенно тем, как это произошло.

Музыка была очень важной составляющей его отношений с матерью. Когда Джулии не стало, Джон искал утешения и забвения в музыке. Джулия купила ему первую гитару; она сама обожала петь и музицировать на пианино и банджо, проводила с сыном долгие часы, снова и снова показывая, как правильно брать аккорды. Именно мать познакомила его с рок — н-роллом: она ставила пластинку Элвиса Пресли на полную громкость и, схватив сына за руку, самозабвенно отплясывала с ним на кухне. Джулия всегда поощряла музыкальные увлечения Джона.

К тому времени как мы начали встречаться, Джон уже был помешан на музыке. Когда он не играл на гитаре, то писал тексты к своим песням или обсуждал с друзьями достоинства новой пластинки Лонни Донегана, Элвиса Пресли, Бадди Холли или Чака Берри. Почти в каждый обеденный перерыв он собирал Quarrymen на очередную репетицию. Оба его товарища по группе были немногим моложе Джона. Они учились в Ливерпульском институте, престижной средней школе для мальчиков, по соседству с нашим колледжем. Институт вывел в люди немало видных юристов и политиков, его ученикам обычно прочили солидное будущее, однако друзьям Джона — Полу Маккартни и Джорджу Харрисону, судя по всему, было совсем не до учебы: гораздо больше успешной сдачи экзаменов их интересовали пение и игра на гитаре.

Джон познакомился с Полом 6 июля 1957 года в Вултоне, неподалеку от церкви Святого Петра, на городском празднике, где Quarrymen выступали. Четырнадцатилетний Пол был моложе Джона на год и восемь месяцев — весьма ощутимая разница для подростков. Однако когда Джон понял, что Пол очень талантлив как музыкант, что он знает от начала до конца тексты огромного количества рок — н-ролльных хитов и даже может сам настроить гитару (Джон тогда этого не умел), то решил не обращать внимания на его юный возраст. Несколько дней спустя, через общего знакомого, он передал Полу записку о том, что тот принят в группу.

Джордж был другом Пола. К тому времени они уже играли и репетировали вместе дома — то у Пола, то у Джорджа. Как — то

раз Пол представил его Джону. Моложе Пола на восемь месяцев, Джордж тем не менее был исключительно способным гитаристом, так что в начале 1958 года Джон и ему позволил присоединиться к группе.

Когда мы познакомились, мне было девятнадцать, Джону — восемнадцать, Полу — семнадцать, а Джорджу шестнадцать лет. Встреча наша не предвещала ничего особенного. В обеденный перерыв они пришли в колледж, и Джон нас представил: «Это Пол, это Джордж, а это — Син». Они оба сказали мне «привет», я ответила «привет», и — все. Поначалу, конечно, они с любопытством поглядывали на меня, оценивая новую девушку Джона, но вскоре погрузились в гораздо более серьезное дело — сочинение музыки.

С тех пор, когда мы с Джоном знали, что в обеденный перерыв ребята придут к нам в колледж, мы заранее направлялись в неприхотливую забегаловку через дорогу и покупали там гору жареной картошки с рыбой. Потом шли в заполненную студенческим людом столовую и забирались на сцену, отгороженную от основной части зала плотным занавесом. Несколько минут спустя к нам присоединялись Пол с Джорджем, уже без картузов и галстуков, с расстегнутыми и расправленными поверх джемперов воротниками. Пробиваясь через толпу студентов и преподавателей, Пол напускал на себя беззаботный вид, Джордж — загадочный, и оба старались ни в коем случае не походить на школьников, каковыми являлись. Потом мы устраивались на сцене, разворачивали на промасленной бумаге картошку с рыбой и дружно, все вчетвером, набрасывались на еду. Насытившись, ребята приступали к музицированию.

Я любила их слушать с самого начала и всегда получала огромное удовольствие от таких обеденных перерывов, потому что наблюдать за ними было огромным удовольствием.

Мне нравилось, как они учили друг друга брать новые аккорды, разучивали популярные в то время песни, сочиняли свои собственные. Пол первым придумал и исполнил песню собственного сочинения. Джон не остался в долгу, и скоро они начали писать одну песню за другой.

Джордж на их фоне держался несколько скованно. Он всегда выглядел очень серьезным; лишь изредка робкая белозубая улыбка освещала его лицо и тут же снова гасла. Тихий и застенчивый, он ходил хвостом за Джоном и Полом и во всем их слушался, хотя сам был превосходным гитаристом. Из уважения к его мастерству они терпели его, однако смотрели на него сверху вниз, а порой, особенно увлекшись чем — нибудь, и вовсе не замечали.

Сильной стороной Джорджа было его упорство: он мог часами отрабатывать гитарный пассаж или разучивать песню, пока не доводил до полного совершенства. Что касается Джона и Пола, они горели честолюбивыми помыслами. Им хотелось поскорее достигнуть успеха и выступать с концертами как можно чаще.

Их самый первый успех у публики связан с выступлениями в клубе Casbah, подвале в Западном Дерби, одном из ливерпульских пригородов. Клуб принадлежал Моне Бест, открывшей его просто как место, где ее старший сын Пит мог встречаться со своими друзьями. Она брала по шиллингу за вход, чтобы не приваживать всякое хулиганье, и подавала посетителям кофе с пирожными. Прежде чем клуб открылся, Пит предложил матери пригласить какую — нибудь бит — группу из огромного числа расплодившихся в то время в городе музыкальных коллективов. Мона была не против, и выбор пал на группу Quarrymen, поскольку одна знакомая Пита их очень хвалила.

Джон, Пол и Джордж отправились знакомиться с Моной Бест. Та тепло встретила ребят, сказав, что будет рада, если они выступят в клубе, однако до его открытия на следующей неделе ей еще нужно докрасить стены в подвале. Все трое тут же схватили малярные кисти и помогли миссис Бест закончить ремонт. Джон из — за своей близорукости все перепутал и на слой свежей водоэмульсионной краски нанес глянцевую, так что в этом месте стена потом сохла несколько дней.

Ребята выступали на открытии клуба 29 августа 1959 года. Я была на том концерте. С ними тогда, тоже на гитаре, играл еще один парень, Кен Браун, а барабанщика не было вовсе: не нашли. В тот вечер в клубе собралось порядка трех сотен человек. Выступление продолжалось примерно два часа и состояло из набора традиционных рок — н-ролльных хитов того времени. Молодежи все прибавлялось, народу набилось битком, все танцевали, так что скоро в зале стало невыносимо жарко и душно.

Именно в тот вечер мы познакомились с будущими гастрольными менеджерами «Битлз» — Нилом Эспиноллом и Мэлом Эвансом. Оба они были друзьями Пита, но Нил при этом еще являлся любовником матери Пита и отцом его младшего брата Роуга.

После того раза Quarrymen начали регулярно играть в Casbah, и послушать их приходило до четырехсот человек. В подвале всегда стоял неимоверный шум, все были мокрые от жары, но мы любили это место. За каждый концертный вечер ребята получали по пятнадцать шиллингов — примерно семьдесят пять пенсов по

нынешним деньгам.

В конце концов Пит Бест тоже решил создать свою группу. Он приобрел ударную установку и вместе с Кеном Брауном, который к тому времени покинул Quarrymen, составил ансамбль под названием Blackjacks. Они стали постоянной группой клуба Casbab, и после этого Quarrymen уже выступали там лишь от случая к случаю.

В ноябре того же года ребята устроились на прослушивание в манчестерский концертный зал Hippodrome к продюсеру по имени Кэрролл Левис, который имел репутацию «производителя звезд». К тем, кого он брал к себе под крыло, обычно приходила слава, и Джон себя не помнил от возбуждения. В то время группа уже была переименована в Johnny and the Moondogs. Джон, Пол и Джордж уезжали в Манчестер, полные радужных надежд, однако вернулись подавленными: победа им не досталась — в основном из — за отсутствия у них барабанщика. Конечно, было досадно, но рук они не опустили. Когда у Джона что — то не получалось, он день — другой переживал, но потом обязательно собирался с силами, твердо намеренный доказать всем, кто не верил в группу, что они ошибались.

Однако, как ни болел Джон за интересы группы, его вечно что — нибудь отвлекало, он легко переключался с одного проекта на другой, бросая начатое. И вот тут как раз ему очень помогал Пол, который со свойственной ему энергией и целеустремленностью заставлял друга сосредоточиться на главном.

К тому времени как я познакомилась с Полом, они уже вовсю писали песни вместе. С самого начала их партнерских отношений они договорились, что будут подписывать все свои произведения — как совместные, так и написанные по отдельности — «Леннон — Маккартни». Вероятно, уже тогда они интуитивно понимали, что их успех напрямую зависит от неразрывной связи между ними. Последовательное, организованное и методичное отношение Пола к творческому процессу — он записывал приходящие в голову тексты будущих песен в специальную тетрадку, с которой никогда не расставался, — разительно отличалось от манеры сочинять, характерной для Джона: он, наоборот, исповедовал принцип «и так сойдет». Что, кстати, распространялось и на другие сферы жизни. Пол, перфекционист до мозга костей, всегда приходил на назначенную встречу вовремя, чистенький и одетый с иголочки, Джон же являлся с большим опозданием и выглядел так, будто только что вывалился из постели. Но они дополняли друг друга. Джону не хватало свойственной его партнеру внимательности к деталям и упорства, а Пол нуждался в том, что всегда отличало Джона —

нестандартности и даже некоторой анархичности мышления. Когда они сочиняли, мягкость и нежность мелодий Пола прекрасно сочетались с бунтарством и вызовом, которые присутствовали в текстах и музыке Джона.

Пол в те времена всеми силами старался произвести впечатление на Джона, бесспорного лидера, чье слово в коллективе было законом: кого пригласить, кого нет, что играть на концерте и так далее. Бесстрашный, хваткий и уверенный в себе, Джон в глазах Пола, еще школьника, воплощал идеал, к которому стоило стремиться. По мере того как они становились ближе друг к другу, их взаимоотношения менялись: Джон признал в своем друге талантливого музыканта, у которого есть чему поучиться. Пол, в свою очередь, начинал чувствовать себя все более уверенно, и скоро они уже сообща принимали решения и, по существу, руководили ансамблем вместе. Правда, я подозреваю, что Джон все же считал себя чуточку главнее: ведь он создал группу, и оба об этом всегда помнили.

Пола тоже не миновала трагическая потеря в юные годы: его мать Мэри умерла от рака груди, когда им с младшим братом Майком было, соответственно, четырнадцать и двенадцать лет. Она работала акушеркой, никогда не жаловалась на недомогания и скончалась через два месяца после того, как ей поставили диагноз. С детьми остался Джим, заботливый и любящий отец.

В молодости Джим Маккартни был неплохим музыкантом и выступал в любительском джазовом оркестре. С детства мальчики слышали, как он играл в доме на пианино, и, хотя музыка Пола не соответствовала его вкусам, старший Маккартни всячески поощрял увлечение сына. Поначалу Джим довольно настороженно отнесся к Джону, опасаясь, что тот окажет на него плохое влияние. Он запретил Полу носить узкие брюки — дудочки, которые так любил Джон. (Тому, кстати, этого тоже никто не позволял: возвращаясь домой к Мими, Джон надевал поверх них широкие штаны.) Но со временем дружба Джона и Пола и, самое главное, их совместное страстное увлечение музыкой победили, и Джим сдался.

Часто мы отправлялись к Полу домой на Фортлин — роуд, улицу неподалеку от района Вултон, где жил Джон, чтобы ребята могли порепетировать. Джим в то время обычно находился на работе, но если он бывал дома, то всегда был рад нас видеть. Улыбаясь, он выходил к нам навстречу в рубашке с закатанными рукавами, в кухонном фартуке и с вафельным полотенцем в руке. Пока Джон с Полом и Джорджем бренчали на гитарах, сидя в гостиной, он готовил нам чай и потом, через некоторое время, приглашал всех на кухню перекусить.

Пол в то время был одним из трех самых близких для Джона людей. Будучи со многими в приятельских отношениях, в душу к себе Джон пускал только Пола, меня и Стюарта Сатклиффа. Стройный брюнет, серьезный и вдумчивый, Стюарт в отличие от Джона, изображавшего ленивого разгильдяя, обладал исключительным усердием и трудолюбием. Все знали его как одаренного художника, получившего частный грант на занятия живописью, — вещь неслыханная для тогдашнего студента. Когда Джон только увидел его огромные цветные полотна, он сразу же влюбился в них и захотел попробовать создать нечто похожее, ведь до этого ему удавались лишь смешные комиксы. Правда, благодаря им[10] Джона приняли в колледж без аттестата о среднем образовании.

Объединяла двух друзей их неуемная и порывистая натура. Но, в то время как Джон постоянно хватался то за одно, то за другое, Стюарт прилагал все усилия, чтобы быть образцовым студентом. Будучи всего на три месяца старше, в колледже он опережал Джона на год и всячески призывал его совершенствовать свое мастерство. Стюарт был настолько поглощен учебой, что у него даже не было девушки; он часто ложился спать голодным просто потому, что забывал о еде. Почти всегда он оставался после занятий в колледже, чтобы писать картины, и Джон здесь был для него как нельзя кстати, потому что регулярно напоминал о необходимости устраивать перерывы и давал ему уроки игры на гитаре. В отличие от многих приятелей Джона, Стюарт никогда не подражал ему и тем более не заискивал перед ним: за это Джон ценил его особенно высоко. Они уважали друг друга и общались на равных.

Как и мы с Полом, Стюарт видел в Джоне нечто особенное, тогда как все остальные уверенно полагали, что из Джона получится лишь никчемный тунеядец, который ни при каких обстоятельствах не сможет получить приличную профессию. Единственное, что у него, по их мнению, пока что получалось — это валять дурака на уроках и придумывать всем обидные клички. Преподаватели в один голос говорили, что из Джона выйдет либо гений, либо бродяга — третьего или чего — то среднего не дано. Точно так же, люди могли его только или безоговорочно любить, или ненавидеть: не замечать Джона было невозможно. Мы, его ближний круг, любили Джона и знали, что его подчас заносит, но также видели в нем неподражаемый талант и огромный творческий потенциал.

Со Стюартом мы ладили хорошо. Я восхищалась его талантом художника, кроме того, с ним можно было просто весело и интересно проводить время. Меня радовало, что у Джона есть

друг, который серьезно относится к искусству, однако никаких особенных чувств я к нему не испытывала. И вот, как — то раз на вечеринке, один из знакомых подошел к Джону и сказал, что мы со Стюартом танцуем. Заметив, как он изменился в лице, мы тут же прекратили танец. Как уже бывало до этого, я поспешила заверить Джона, что люблю только его одного. Это его, похоже, привело на некоторое время в чувство. Но на следующий день в колледже он подстерег меня, когда я выходила из дамского туалета на нижнем этаже. Лицо его было мрачнее тучи. Прежде чем я что — то успела сообразить, он резко размахнулся и ударил меня наотмашь по лицу — так, что я отлетела к стене и больно ударилась затылком о какую — то трубу. Не произнеся ни слова, он ушел прочь, оставив меня в состоянии шока, нервного стресса и с раскалывающейся от боли головой. Его поступок потряс меня до глубины души. Я поняла, что могу снести от него все: вспышки гнева, ревность, его собственнические инстинкты, но физическое насилие — это уже чересчур. Фил была права. Пришло время поставить точку в наших отношениях.

ГЛАВА 4

Несколько недель я провела в твердой уверенности, что никогда не вернусь к Джону. Пару раз даже вышла прогуляться с одним соседским мальчиком, чтобы как — то отвлечься, и, кроме того, серьезно взялась за учебу. Я старалась выбросить Джона из головы.

Это было, конечно, нелегко, потому что мы неизбежно натыкались друг на друга каждый день в колледже. Он посматривал на меня, когда мы находились вместе где — нибудь в столовой или на уроке каллиграфии. Наши глаза встречались, и, отводя взгляд, я тем не менее понимала, что мы по — прежнему друг другу небезразличны. Подруги говорили мне, что Джон очень тоскует. Мне тоже не хватало его чувства юмора, его музыки, его страсти.

Прошло три месяца, прежде чем Джон набрался смелости и позвонил. Он попросил меня вернуться, извинился за то, что ударил меня, и обещал, что это больше не повторится. Я колебалась целую секунду, перед тем как ответить «да».

Надо сказать, что он сдержал свое слово. Ему было невероятно стыдно за содеянное: мне кажется, он сам был шокирован тем, что обнаружил в себе способность к насилию. Впоследствии Джон, как и раньше, бывал со мной резким и грубым, но руки на меня больше не поднимал. С возобновлением нашего романа даже его гневные тирады и оскорбительные выпады поутихли: чем ближе мы становились, чем сильнее он убеждался в моей любви и преданности, тем легче было ему освобождаться от своей защитной скорлупы.

Научившись доверять мне, Джон стал больше рассказывать о своем детстве, семье, позволяя мне разглядеть обиженного и потерянного мальчишку под взрослой маской.

Ранние годы его жизни были чрезвычайно тяжелыми: отец их бросил, уехав куда — то на заработки. Заручившись согласием ребенка, родная сестра матери забрала его к себе. Джон рос и воспитывался в ее доме — в неуютной, холодной и строгой атмосфере, где явно не хватало места для простых человеческих чувств. Когда он был подростком, смерть отняла у него двух самых дорогих людей: сначала дядю, а потом мать.

Мать Джона Джулия была четвертой из пяти дочерей, родившихся в добропорядочной и обеспеченной семье Стэнли, жившей в элегантном четырехэтажном доме георгианского стиля, расположенном в престижном районе города неподалеку от кафедрального собора. Отец Джулии, Джордж Стэнли, в

молодости ходил в море, а позже стал страховым следователем. Его жена Энни родила сначала мальчика, затем девочку, но оба ребенка умерли в младенчестве. После этого у них, одна за другой, появились пять здоровых дочек: старшая Мэри Элизабет, больше известная как Мими; затем Элизабет, которую позже все стали называть Матер, потом Энн Джорджина, или Нэнни, далее Джулия, или Джуди, и, наконец, Хэрриет — Хэрри.

Каждая из дочерей Стэнли обладала незаурядным, сильным характером, девочек всегда отличали яркость, целеустремленность и нестандартность мыслей и поступков. Все эти черты Джулия передала Джону. Б те годы девочек в Англии обычно ждала одна — единственная жизненная перспектива: замужество и семья. Но у сестер Стэнли были свои соображсния на этот счет. Мими замуж вышла, но отказалась рожать. Она долго присматривала за младшими сестрами и, вероятно, поэтому своих детей ей уже не хотелось. Нэнни занялась карьерой, что было весьма необычно для женщины в 1930–е годы; она работала на государственной службе, вышла замуж после тридцати и родила сына Майкла.

Хэрри вызвала настоящий семейный скандал, когда выбрала себе в мужья студента из Египта и уехала к нему в Каир. Там у них родилась дочь Лейла. Когда Али, ее муж, скоропостижно скончался, она сбежала обратно в Ливерпуль, потому что его родители намеревались забрать у нее ребенка. Во время войны ее как вдову гражданина другого государства власти считали иностранкой, и она была вынуждена каждый день отмечаться в местном полицейском участке. Позже Хэрри вышла замуж за добродушного и степенного мужчину по имени Норман, от которого родила сына Дэвида.

Элизабет вышла замуж за Чарльза Паркса. Вскоре у них появился ребенок, мальчик, которого назвали Стэнли. Ей не нравилось традиционное обращение «мама». Она велела называть себя Матер, и это имя вскоре прочно за ней закрепилось. Впрочем, сыну ее редко доводилось его произносить. Стэнли родился слабеньким, Матер решила, что ей такое бремя не по силам, и через несколько недель отвезла его в дом своей матери. Некоторое время спустя она развелась с Чарльзом и стала женой дантиста по имени Роберт (Берт) Сазерленд. После войны они переселились в Эдинбург, где Берт открыл частную клинику. Джон хорошо ладил со своим двоюродным братом Стэнли, они были почти ровесники и вместе проводили летние каникулы в Шотландии.

Джулия была самой симпатичной и самой необычной из сестер. Миниатюрная и маленького роста, с каштановыми

волосами до плеч, в четырнадцать лет она повстречала пятнадцатилетнего Альфа Леннона, работавшего курьером в какой — то конторе. Его мать умерла вскоре после рождения младшего сына. Вслед за ней ушел и отец, поэтому Альф и двое его братьев воспитывались в сиротском приюте. С Джулией Альф познакомился через неделю после того, как покинул интернат. Он был красивый мальчик, но семья Джулии не принимала его, считая, что он ее недостоин. Тем не менее девушка обожала Альфа и продолжала с ним встречаться. Вскоре он отправился в море, получив место официанта на торговом судне, однако они по — прежнему виделись — всякий раз, как он возвращался из плавания.

Через одиннадцать лет, в декабре 1938 года, они поженились — «шутки ради», как выразился потом Альф, утверждавший, что на браке настояла Джулия. На регистрацию никто из родственников невесты не пришел. «Медовый месяц» они провели в кино: Джулия так любила кинофильмы, что даже, заполняя свидетельство о браке, указала профессию «билетерша», хотя никогда ею не работала. Расписавшись, новоиспеченные супруги разъехались по домам: Джулия к родителям, а Альф — к себе в съемную комнату, так как вместе им жить было негде.

На следующий же день Альф отправился в Вест — Индию на три месяца. Джулии не оставалось ничего, кроме как жить с родителями. Время от времени муж возвращался домой, проводил с ней неделю — другую, а потом снова уходил в море, к крайнему неудовольствию свекра и свекрови.

После очередного возвращения Альфа, на Рождество 1939 года, Джулия обнаружила, что беременна. Джон родился 9 октября 1940 года, в половине седьмого вечера. Из патриотических побуждений второе имя сыну Джулия выбрала в честь премьер — министра Уинстона Черчилля, а Мими, сопровождавшая ее в роддом, предложила первое — Джон.

Джулия забрала ребенка в дом в районе Пенни — лейн, куда они с отцом переехали после смерти матери. Там Джон провел первые годы своей жизни. Альф время от времени появлялся, потом исчез совсем: их сыну едва исполнилось полтора года, когда Джулии сообщили, что ее благоверный бежал с корабля. Денежные переводы, которые он ежемесячно отправлял на содержание семьи, прекратились. Когда же Альф вновь объявился, он поведал жене, что три месяца сидел в тюрьме за кражу. Позже, в одном интервью, он это отрицал, но брак их уже тогда дал трещину. Джулии надоело сидеть и ждать, когда ее муженек вернется — или не вернется вовсе; молодая и энергичная, она любила жизнь и отнюдь не собиралась посвящать ее человеку, на

чью помощь не могут рассчитывать даже его собственные жена и сын.

В конце 1944 года у нее случился роман с одним молоденьким солдатом, приехавшим на побывку с фронта. Когда он вернулся в часть, выяснилось, что Джулия беременна. Отец ребенка настоял на том, чтобы мать отдала его на воспитание в приемную семью: через Армию спасения были оформлены все необходимые документы, и родившуюся перед самым концом войны дочь Джулии, Викторию Элизабет, забрали в Норвегию ее новые родители. В начале 1946–го Джулия устроилась работать официанткой в кафе, все в том же районе Пенни — лейн, где познакомилась с управляющим гостиницы, Джоном Дайкинсом, по прозвищу Бобби. И снова семья Стэнли не одобрила ее выбор, тем более что с Альфом она так и не развелась. Когда Джулия поселилась в крошечной квартирке с Бобби и Джоном, их возмущению не было предела.

Когда умерла мать, в семействе установился матриархат во главе с Мими. Очень скоро она навестила Джулию и Бобби. Мими сказала, что сестра не способна нормально растить пятилетнего Джона, поскольку, во — первых, живет в незаконном браке и, во — вторых, имеет незаконнорожденного ребенка. И предложила отдать ей мальчика на воспитание.

Джулия с Бобби наотрез отказались: Джон — сын Джулии, и должен жить с ней. Мими ушла ни с чем, но, будучи женщиной упорной, пожаловалась в отдел социального обеспечения. Там она заявила, что ее сестра с сожителем не зарегистрированы, и потребовала передать ей опеку над ребенком. Чиновник принял сторону Джулии, не найдя оснований отнимать сына у любящей семьи.

Однако, обнаружив, что Джон не имеет собственной комнаты и вынужден спать с Джулий и Бобби в одной постели, Мими добилась того, чтобы в их дом еще раз пришли с инспекцией. Было решено, что ребенок поживет с теткой до тех пор, пока незарегистрированные супруги не найдут себе более просторное жилье. Мими выиграла.

Хотя тетка, вне сомнения, любила Джона, у нее редко, находилось для мальчика доброе слово, не говоря уже о ласках и похвалах. Она была строга, требовала неукоснительного соблюдения правил и абсолютного порядка. Когда Джон пытался обнять или поцеловать ее, Мими резко отстранялась со словами: «Прекрати, оставь меня в покое!»

Несладко, наверное, с ней приходилось мальчику, привыкшему к добродушному, легкому характеру матери. Хорошо, что рядом был дядя Джордж, муж Мими, который очень

любил детей и несказанно обрадовался, когда в их доме поселился Джон — сын, о котором он всегда мечтал. Джордж работал молочником на близлежащей ферме. Это был большой и добродушный человек. Он никогда не сердился и не скупился на столь необходимые ребенку объятия и ласки, которых Мими ни при каких обстоятельствах себе не позволяла.

Сейчас трудно объяснить, почему Мими так стремилась забрать себе Джона, ведь она всегда говорила, что не хочет детей. Быть может, она передумала или же просто завидовала Джулии. Или, возможно, искренне считала, что Джону будет лучше у нее, в надежной, стабильной семье.

Вскоре после того, как Джон переехал к Мими и дяде Джорджу, вновь появился Альф. Причалив в Саутгемптоне, он позвонил в Ливерпуль, узнал, что Джон живет у тетки, и сделал хитрый ход: попросил Мими отпустить с ним Джона в Блэкпул на каникулы. Как ни странно, Мими согласилась. Джулия, прослышав про это, испугалась, что Альф заберет сына навсегда, и отправилась за ними. Она нашла их в небольшом пансионе, и Альф признался ей, что планировал увезти Джона в Новую Зеландию. Он предложил Джулии ехать втроем, чтобы попытаться наладить распавшийся брак. Но его раскаяние запоздало, Джулии теперь нужен был только Джон.

Альф позвал сына в комнату и спросил, с кем из родителей он хочет остаться. Джон, поставленный перед душераздирающей дилеммой, немыслимой для пятилетнего ребенка, выбрал отца. Джулия, в слезах, отпустила их. Однако, как только она вышла на улицу, мальчик, рыдая, бросился вслед за ней. Они вернулись в Ливерпуль, и в следующий раз Джон увиделся со своим отцом лишь через много лет.

Джон так и остался у Мими. Со временем Джулия и Бобби переехали в квартиру побольше, но решили, что он уже обжился у тети и не следует травмировать его новыми переменами. Если бы кто — нибудь дал себе труд спросить Джона, он, несомненно, предпочел бы жить с матерью. Он говорил мне, что в детстве часто мечтал сбежать к ней от Мими. Но тогда не принято было учитывать мнение детей. Мими взяла его воспитание на себя, и точка.

У Джулии и Бобби родились две дочери — Джулия и Джекки. Так и не поженившись, они тем не менее жили в любви и согласии — вплоть до трагической гибели Джулии двенадцать лет спустя. Поначалу Джон виделся с матерью, только когда та навещала его у Мими, но позже, лет в одиннадцать — двенадцать, Джон и сам стал ходить к ним в гости, где ему открылся совершенно новый мир. Ему там очень нравилось, и он часто

оставался на ночь. Тогда девочек укладывали на двуспальной кровати в комнате его младшей сестренки Джулии, а ему доставалась комната Джекки.

Бобби всегда был добр к Джону, нередко подсовывал ему тайком денег на карманные расходы. Мальчик ближе познакомился со своими сводными сестрами, которые были, соответственно, на шесть и восемь лет моложе его и благоговели перед старшим братом. Но главное, он по — настоящему сблизился с матерью. И все же его никогда не покидало ощущение, что он посторонний человек в этом доме, где счастливо живут его родная мать, отчим и сводные сестры.

Джон обожал мать. Ее необычайная легкость и любовь к жизни разительно отличались от жесткой непреклонности Мими; Джулия стремилась получать радость и удовольствие от всего, что делала, в то время как сестра ее считала такой взгляд на вещи фривольным и легкомысленным. Мими воспринимала жизнь как тяжелый труд и постоянное самоограничение и поэтому часто отчитывала Джона за недостаточно прилежную учебу.

Джон рос, разрываясь между двумя столь непохожими друг на друга женщинами — Мими, которая была для него скорее строгой «матерью», и Джулией, доброй и веселой «тетушкой». Первая требовала от него предельной аккуратности, обязательности и послушания, а со второй он мог смеяться, играть и валять дурака. Джулия поощряла его занятия музыкой, а Мими, напротив, запрещала играть на гитаре в доме и отправляла его упражняться на веранду. Много лет спустя сестра Джона Джулия вспоминала, что, когда Бобби работал в вечернюю смену, она, лежа в постели и засыпая, слушала, как брат с мамой болтали, заводили музыку и танцевали в соседней комнате.

Когда Джон затеял группу Quarrymen, Джулия пришла в восторг. Скиффл, ставший популярным благодаря Лонни Донегану, особенно привлекал своей доступностью. К нему мог приобщиться любой, у кого дома имелись стиральная доска или деревянный ящик из — под чая, — для этого не требовалось знать нотную грамоту или обладать музыкальным талантом. Даже настоящие инструменты, такие как бас или акустическая гитара, можно было легко освоить, научившись брать несколько самых ходовых аккордов. Джулия с радостью позволяла ребятам репетировать у себя дома и часто сама присоединялась к ним, подыгрывая на стиральной доске. Обычно музыканты запирались в небольшой ванной комнате, где была хорошая акустика, и играли там по нескольку часов подряд. Джулия с дочерьми ходила на первое выступление группы на уличном празднике в честь Дня империи[11], в мае 1956 года. В то время они называли

себя Johnny and the Rainbows, и сценой им служил кузов обычного грузовика. Джону было пятнадцать. Его сестра вспоминает, что сидела, раскрыв рот, и любовалась, как выступает ее брат со своими друзьями. На улице танцевала молодежь, а из окон высовывались жители окрестных домов. Они хлопали в ладоши и подбадривали музыкантов. После этого ребята стали регулярно играть на вечеринках или свадьбах, обычно всего за несколько бесплатных кружек пива.

Quarry Bank High School была довольно старомодной средней общеобразовательной школой для мальчиков. Джон успешно сдал экзамен[12], но, перейдя из начальной в среднюю школу, практически не занимался и поэтому был переведен в класс для отстающих. Несмотря на упреки Мими, Джон так и не научился относиться с уважением к учителям и готовиться к экзаменам. Он постоянно нарушал порядок, озорничал, и никакие наказания не помогали.

Подростковые годы Джона были отмечены болезненными потерями. Сначала скончался его любимый дядя Джордж, муж Мими. В один воскресный день, находясь дома, он неожиданно упал и почти мгновенно умер от обширного кровоизлияния в печень. Смерть дяди, в котором четырнадцатилетний Джон видел отца, была для мальчика настоящим потрясением. Он невыразимо скучал по Джорджу и потом еще долго ходил в его большом старом пальто, даже когда оно уже совсем истрепалось, — именно в нем мы видели его в колледже.

Смерть матери три года спустя тоже пришла внезапно. Однажды июльским вечером Джулия была у Мими в гостях. Несмотря на прежние ссоры и разногласия, сестры продолжали общаться и любили иногда посплетничать за чашкой чая. Джона Джулия оставила у себя дома вместе с Бобби и девочками. Иногда Мими провожала сестру до автобусной остановки, но на сей раз они попрощались у порога. Не прошло и минуты, как Джулию сбила машина, когда она переходила дорогу. Она скончалась на месте. Вскоре полицейский сообщил страшную весть мужу и сыну. Девочки уже спали, и, вызвав к ним бабушку, мать Бобби, мужчины отправились в морг Сефтонской окружной больницы, куда уже отвезли тело Джулии. Джон не нашел в себе сил взглянуть на нее. Бобби зашел попрощаться. Выйдя, он обнял Джона и разрыдался.

На похороны Джон шел как в тумане; он не мог поверить, что его деятельная, жизнерадостная мама лежит в этом деревянном гробу, мимо которого тянется вереница людей. Острое ощущение несправедливости случившегося усугублялось еще и тем, что сбил Джулию пьяный полицейский, который только учился водить

машину. Заметив женщину, переходящую дорогу, он, судя по всему, перепутал педали и вместо тормоза нажал на газ. Суд оправдал его. Полицейский отделался выговором и временным отстранением от работы. После похорон Джон затаил в себе горе, гнев, шок и боль и ни с кем не обсуждал своих чувств. Беря пример с Мими, которая никогда не тратила время на дискуссии, он учился жить дальше.

Он не мог поделиться горем даже со своими младшими сестренками. Тетки взяли девочек (одной было восемь, другой одиннадцать) под свою опеку и никому не позволяли говорить им, что их матери нет в живых. Им только сказали, что мама заболела, и отправили к Матер и Берту в Эдинбург. Бобби впал в депрессию, и сестры решили, что оставлять детей с ним нельзя. В то время отцы — одиночки встречались крайне редко. Семья Джулии понимала, что занятый посменной работой и убитый горем Бобби не справится.

Вернувшись домой, девочки поселились в семье младшей из сестер Стэнли — Хэрри, вместе с ее мужем Норманом, дочерью Лейлой и десятилетним сыном Дэвидом. Но даже тогда им ничего не сказали. Только месяца через два после смерти Джулии Норман, к величайшему неудовольствию Хэрри, усадил девочек перед собой и все им объяснил. Теперь Джон мог говорить с сестренками о матери, хотя такая возможность предоставлялась не часто. Джулия стала запретной темой, и никто не упоминал ее имени. Семья справлялась с болью, стараясь запрятать ее поглубже. Вообще, это касалось любых щекотливых вопросов — их просто не озвучивали. Джону такая позиция причиняла боль, но тем не менее, став старше, он взял на вооружение именно ее. За годы нашей совместной жизни и после развода я не раз обнаруживала в нем поразительную способность игнорировать все, что может его расстроить. Например, Джон перестал общаться с сестрами, когда узнал, что их отец погиб, кстати, так же как и Джулия, в автомобильной аварии. Со своим сыном он тоже не желал видеться в течение нескольких лет после нашего расставания.

Джон был очень близок со сводными сестрами и часто навещал их у Хэрри и Нормана, которые жили неподалеку от Мими. Как — то, когда мы уже встречались, Джон взял меня с собой к ним в гости. Дом Хэрри разительно отличался от дома Мими, всегда вычищенного до блеска, но холодного и негостеприимного. Здесь, напротив, царили тепло, уют и веселая суета. Хэрри тут же сделала все, чтобы мы почувствовали себя как дома. Она усадила нас на удобную старую софу и угостила чаем с печеньем. Вскоре домой из школы вернулись, болтая без умолку,

розовощекие Джулия и Джекки и немедленно просияли при виде Джона. Дэвид, ворвавшийся несколько минут спустя с торчащими во все стороны соломенными волосами, обрадовался ему не меньше.

Дальше все происходило под беспрестанные вопли в духе: «Хэрри, я умираю с голоду, можно мне бутерброд, а можно еще одно, только одно печеньице, ну пожалуйста!» Мы с Джоном сидели рядом, держась за руки, и наблюдали. Девочки с любопытством разглядывали меня с ног до головы. Судя по всему, мои длинные светлые волосы и черная обтягивающая одежда, которой я в то время отдавала предпочтение, не оставили их равнодушными. Джулия все время болтала, как трещотка, и задавала кучу самых разных вопросов. Джекки вела себя гораздо тише, но, вне сомнения, ее столь же сильно интересовала новая девушка Джона.

Хэрри, улыбающаяся и несколько взвинченная, носилась из комнаты в кухню и обратно с тарелками и блюдами. Норман, тощий как жердь, с обвисшими усами, в твидовом пиджаке и фланелевых брюках, лениво насыпал уголь в ведро у печки, изображая занятость. Как все сестры Стэнли, тетушка Хэрри верховодила в своем доме.

После того визита мы с Джоном часто заходили к ним. Хэрри, похоже, понимала нас, молодых влюбленных, и была нам рада в любое время суток. В отличие от Мими, которая, казалось, считала каждый кусок, который ты съедал у нее за столом, Хэрри была чрезвычайно гостеприимна и великодушна — из ее теплого и наполненного жизнью дома не хотелось уходить. Я была счастлива, что у Джона есть место, где он может чувствовать себя частью большой дружной семьи.

Джон также брал меня с собой в Шотландию, к своей тетушке Матер. Как — то раз в пятницу вместо колледжа мы отправились автостопом в Эдинбург. Большую часть пути мы проехали с водителем грузовика, явно работавшим сверхурочно. Он буквально засыпал за рулем, так что нам с Джоном всю дорогу приходилось развлекать его разговорами.

Когда мы добрались до места, нас встретил проливной дождь, а дом Матер оказался закрыт: Джон и не подумал предупредить ее о нашем приезде. Около двух часов мы простояли под навесом у входа в церковь напротив дома, пока наконец не появился Стэнли, сын Матер. Он очень обрадовался, увидев Джона, проводил нас в дом и сказал, что мать с отцом уехали за город, на ферму, и будут только завтра.

На следующий день мы познакомились с Матер и сразу же с ней поладили: она была такой же доброй и радушной, как Хэрри,

и в тот вечер мы проговорили несколько часов кряду за превосходным ужином. К концу второго дня все они стали мне как родные. Джон был доволен, что я так легко нахожу общий язык с его семьей: это сближало нас еще больше.

В начале 1960 года Джон переехал жить к Стюарту Сат — клиффу. На пол был брошен еще один матрас, благо места там хватало, и хаос, который принес с собой Джон, соединился с хозяйским, став финальным штрихом в картине, имя которой, в лучшем случае, абстракция, в худшем — бардак. К имевшейся в комнате скудной мебели они прибавили добытые неизвестно где фонарь Белиши[13] и пустой деревянный гроб, упиваясь собственной смелостью и экстравагантностью.

Мими была очень расстроена переездом Джона и попросила меня убедить его вернуться. Я знала, что Джону лучше там, где он сейчас, к тому же так мы хоть иногда могли уединиться. Я честно призналась Мими, что повлиять на него вряд ли смогу. Тогда, дабы время от времени видеться с Джоном, Мими предложила помогать ему со стиркой. Джон появлялся у нее раз в несколько дней с баулом грязной одежды, Мими готовила к его приезду плотный обед, однако о возвращении и речи быть не могло: им со Стюартом нравилось жить вместе. Более того, когда Стюарт получил премию в шестьдесят фунтов на одном престижном художественном конкурсе, Джон убедил его потратить эти деньги на покупку бас — гитары и присоединиться к Quarrymnen. У Стюарта не было музыкальных способностей, он часами занимался, пытаясь научиться играть на гитаре, но результатом были лишь мозоли и разбитые в кровь пальцы. Во время выступлений с ребятами он обычно поворачивался к залу спиной, чтобы не было видно, как плохо он играет. Джон понимал, что Стюарт — слабое звено в группе, но это его мало волновало: он хотел, чтобы друг был рядом. Что же касалось Пола, то он, привыкший добиваться совершенства во всем, был против того, чтобы с ними играл такой неопытный гитарист — поэтому они со Стюартом часто спорили и ссорились. Думаю, что Пол к тому же немного ревновал: до появления Стюарта все внимание Джона доставалось ему.

Ребята начали выступать в клубе Jacaranda на Слейтер — стрит, недалеко от колледжа. Так же, как и Casbah, Jacaranda находилась в подвале. Там со стен капала влага, было очень душно и так темно, что мы с трудом могли разглядеть друг друга. Однако это приятно щекотало нервы, придавая зловеще — романтический оттенок атмосфере клуба. Quarrytеп получили возможность выступить в клубе после того, как Джон уговорил его владельца, тучного валлийца Алана Уильямса, дать им шанс.

Здесь выступали лучшие группы Ливерпуля, в том числе Rory Storm and the Hurricanes, у которых за барабанами сидел парень по имени Ринго Старр.

Надо сказать, что к тому времени ребята немного обновили свой гардероб: теперь они выступали в черных джинсах и водолазках, что выгодно отличало их от других новоиспеченных бит — групп, нарезавших круги по Ливерпулю в поисках заработка. Алан Уильямс был довольно известной фигурой в ливерпульском музыкальном бизнесе. Уступив настойчивым просьбам Джона, он организовал ребятам выступление в танцзале Grosvenor в Сикомбе. Место было довольно неприятное, местная шпана часто устраивала здесь разборки. Я вела себя тише воды, чтобы случайно не нарваться на неприятности. Шум в зале стоял невероятный, ребят было практически не слышно. Как только они закончили выступление, мы тут же выскочили на улицу и уехали.

Имидж группы стремительно менялся. Они перестали играть вышедший из моды скиффл, а также баллады в стиле Клиффа Ричарда или Everly Brothers и переключились на гораздо более заводной рок — н-ролл, исполняя самые знаменитые хиты.

Чтобы соответствовать своему меняющемуся сценическому образу, они решили также изменить и название группы. Мы устроили бурный мозговой штурм за залитым пивом столом в баре Renshaw Hall, куда часто забегали чего — нибудь выпить. Джон любил Бадди Холли и группу «Сверчки», поэтому предложил поиграть с названиями насекомых. Именно Джону пришли в голову «Жуки» — Beetles. Он сделал из них Beatles, обратив внимание на то, что, если поменять слоги местами, получится les heat, а это звучит на французский манер — изысканно и остроумно. В конце концов они остановились на названии Silver Beatles.

Вскоре после этого Алан Уильямс организовал для ребят прослушивание у самого Ларри Парнса, известного своим чутьем на таланты, который раскопал Томми Стила, очень популярного в то время, а также Мэри Уайлд, Билла Фьюри и некоторых других исполнителей. Ларри тогда как раз был в Ливерпуле, где подыскивал группу, которая сопровождала бы Билла на предстоящих гастролях. Джон и Пол с нетерпением ждали возможности ему показаться. У них по — прежнему не было ударника, и на прослушивании их выручил парень из другой группы.

Прослушивание ребята провалили, и Пол обвинил в этом Стюарта, который, по его мнению, все испортил своей ужасной игрой. Парнс тем не менее сделал им альтернативное предложение — контракт на сопровождение в двухнедельном

туре по Шотландии менее известного певца по имени Джонни Джентл, за 18 фунтов на человека. Более выгодных условий им еще никто не предлагал, поэтому ребята с радостью согласились. Это означало, что Джону и Стюарту придется пропустить занятия в колледже, по крайней мере, в течение недели, но Джон и так не слишком часто там появлялся, а Стюарт, с его способностями, по возвращении мог быстро наверстать пропущенное. Джордж только что устроился на первую в своей жизни работу и взял полагавшийся ему двухнедельный отпуск. Сложнее всех пришлось Полу, поскольку ему предстояло сдавать школьные выпускные экзамены для последующего поступления в педагогическое училище. Конечно же, отец Пола, Джим, не хотел отпускать его. Однако Пол переубедил отца, заверив его, что смена обстановки перед экзаменами пойдет ему на пользу.

Последней задачей, которую им предстояло решить, было найти ударника. К счастью, с ними согласился поехать местный джазовый барабанщик Томми Мур. Он был значительно старше остальных, но это не имело значения. Ребята погрузились в микроавтобус (Джонни Джентл сам сидел за рулем) и отправились в путь.

Все эти две недели я безумно скучала по Джону. Однако он регулярно посылал мне почтовые открытки, и у меня появилось больше времени для того, чтобы подтянуть мои хвосты в колледже: на носу были экзамены, и мне очень хотелось сдать их хорошо.

Ребята вернулись с гастролей полностью вымотанными, грязными. Они видеть больше не могли свой автобус, но были по — настоящему опьянены успехом. Им приходилось играть в танцевальных залах, в каких — то ночных клубах и еще черт знает где, но везде их принимали на «ура». На этих гастролях у них впервые в жизни попросили автографы. Они в первый раз почувствовали себя звездами — и это приводило их в восторг. Встретившись, мы с Джоном не могли дождаться, когда нам дадут остаться наедине, и в итоге отправили Стюарта погулять на пару часов. Мы наконец занялись любовью, но вдруг я ощутила острую резь в животе, так что даже закричала от боли.

Джон серьезно забеспокоился: я корчилась от спазмов и умоляла его отправить меня домой. Мы оделись, и он проводил меня на станцию, где я кое — как вскарабкалась в вагон подошедшей электрички. Как только я вошла в дом, мама, увидев мое бледное, осунувшееся лицо, вызвала «скорую».

Это оказался аппендицит, и я на две недели застряла в больнице. Через пару дней Джон приехал проведать меня, зачем — то притащив с собой Джорджа. Я так ждала его и так

расстроилась, увидев Джорджа, что не удержалась и расплакалась. Джон попросил Джорджа погулять, взял меня за руку и целый час не отпускал, стараясь успокоить. Некоторое время спустя приехала моя мама, которая потом пригласила ребят к нам домой на чашку чая.

Я выписалась из больницы как раз вовремя, чтобы подготовиться к экзаменам и успешно сдать их. Однако Джон, несмотря на все мои попытки помочь ему, с треском провалился. Я просидела несколько часов над его заданиями по каллиграфии, в то время как они со Стюартом подглядывали через мое плечо, обмениваясь шуточками. Но моих усилий было недостаточно, чтобы спасти его. За весь год Джон не выполнил практически ни одного задания, и в результате на предпоследнем курсе его выгнали из колледжа.

Впрочем, плевать он хотел на колледж. После турне по Шотландии ребят стали регулярно, минимум дважды в неделю, приглашать в местные клубы и танцзалы, и Джон уже был уверен, что его будущее — музыка. Как и остальные, он жаждал получить шанс для следующего серьезного профессионального прорыва. Пока они ждали и мечтали, было решено избавиться от слова Silver в названии, и группа стала известна как Beatles.

Еще одна важная ступенька в карьере, их очередной прорыв, как оказалось, был не за горами: в августе 1960 года Алан Уильямс предложил им полуторамесячный контракт на работу в одном из ночных клубов Гамбурга, в Германии. Алан регулярно отправлял туда музыкальные коллективы, с тех пор как какой — то заезжий моряк из Гамбурга услышал выступление одной из местных групп в клубе Jacaranda и принялся на все лады расхваливать их своим соотечественникам. Исполнителей пригласили в Гамбург, Алан поехал с ними и познакомился с неким Бруно Кошмидером, владельцем ночного клуба Kaiserkeller. Бруно согласился принять у себя ливерпульскую бит — группу Derek and the Seniors и посмотреть, что из этого выйдет. Они имели успех, и Бруно попросил Алана прислать ему еще одну группу. Алан предложил «Битлз».

ГЛАВА 5

Ребята должны были отправиться в Гамбург через две недели, 16 августа. У них по — прежнему оставалась одна нерешенная проблема — барабанщик. Они долго ломали голову, пока кто — то не вспомнил про Пита Беста.

Ансамбль Blackjacks развалился после того, как несколько музыкантов решили его покинуть, и Пит остался с шикарной ударной установкой, но без группы. Так же, как Пол, он закончил школу этим летом с приличными отметками в аттестате, что позволяло ему поступить в колледж. Однако к тому времени его интересы лежали в сфере шоу — бизнеса. Пол позвонил ему и пригласил поехать вместе с «Битлз» в Гамбург. Пит с радостью ухватился за эту возможность, так что Стю, Джон, Пол и Джордж могли начинать сборы.

Пит был славным малым, однако очень уж замкнутым. Его томный чувственный облик неизменно привлекал девушек, которые так и льнули к нему. Но в то время как его товарищи валяли дурака, безжалостно дразнили друг друга и сыпали шуточками на протяжении репетиций, Пит в основном молчал, словно пребывая где — то в своем, отдельном от всех мире. Он радовался поездке не меньше остальных, но редко проявлял эмоции; когда ребята прыгали от восторга с воплями: «Берегитесь, фрицы, мы идем!» — Пит лишь пожимал плечами, улыбался и продолжал сосредоточенно расставлять свои барабаны.

Родители ребят в основном нормально отнеслись к предстоящим гастролям. Мать и отец Джорджа, очень милая пара, хотели, чтобы их мальчик боролся за свою мечту, хотя ему еще не исполнилось восемнадцати. Мать попросила его быть осторожным и взяла с Алана обещание присматривать за ее сыном. Она проводила Джорджа с добрыми напутственными словами, сменой чистого белья и коробкой пшеничных лепешек.

Отец Пола поначалу был против, все еще надеясь, что сын поступит в педагогический колледж. Однако вскоре Джим понял, что Пол потерял всякий интерес к преподаванию, и, несмотря на беспокойство за своего старшенького, все же дал ему благословение.

Мать Пита всегда поощряла его стремление работать в шоу — бизнесе и была искренне рада за сына. Стюарт, самый старший из «Битлз», тоже без труда получил согласие своей матери Милли.

И только Мими решительно воспротивилась поездке. Она пришла в ужас и старалась сделать все возможное, чтобы не пустить Джона. Надо сказать, он всегда скрывал от тети свою

страсть к музыке. Мими так часто говорила Джону: «Гитара — дело хорошее, но на жизнь ты ею никогда не заработаешь», что он уже не мог этого слышать. Когда он был младше, она запрещала ему играть в группе, поэтому Джону постоянно приходилось ей врать. Он репетировал у друзей или в колледже, а когда ребята уже выступали в клубах, Джон говорил тетке, что идет на вечеринку к друзьям. Поэтому немудрено, что Мими испытала шок, обнаружив, что Джон не только играет в составе группы, но еще и приглашен на гастроли за границу. Но уступать она не хотела: убеждала и уговаривала его, призывала вернуться к учебе. Однако Джон непоколебимо стоял на своем, и в конце концов у Мими не осталось другого выбора, кроме как согласиться с его решением.

За несколько дней до отъезда Джон позвонил мне и сообщил, что Мими уехала на весь день в Беркенхед навестить свою сестру Нэнни. «Приезжай как можно быстрее», — сказал он. Джон одолжил у кого — то фотоаппарат и собирался поснимать меня, чтобы взять с собой карточки в Германию. Он попросил меня принимать соблазнительные позы перед объективом, и я зачесывала волосы наверх, потом вниз, приподнимала повыше юбку, приобнажала грудь и так далее, всеми силами пытаясь походить на Бриджит Бардо.

После съемки мы занимались любовью, а потом разожгли огонь в камине и улеглись на диван перед телевизором, поедая все, что нашли в холодильнике. Такое времяпрепровождение казалось нам еще более возбуждающим оттого, что было запретным. Ближе к вечеру мы неохотно решили, что мне пора уходить, так как Мими должна была вот — вот вернуться. Тут зазвонил телефон. Мими сказала, что из — за густого тумана автобусы не ходят и она вернется только завтра утром. Мы не могли поверить в такую удачу. Я позвонила Фил, а потом маме, которой сообщила, что остаюсь ночевать у подруги. Впервые мы с Джоном провели вместе всю ночь. Кое — как уместившись в его односпальной кровати, мы заснули, крепко обнимая друг друга.

К утру туман рассеялся, и я уехала пораньше — мы не собирались рисковать. Нам не хотелось, чтобы эта блаженная ночь омрачилась внезапным появлением Мими.

К тому времени мы с Джоном стали настолько близки, что одна мысль о разлуке приводила меня в ужас. Практически ежедневно мы были вместе на протяжении почти двух лет, и я представить себе не могла, как это он уедет на полтора месяца. Более того, мы оба понимали, что в случае их успешного выступления контракт может быть продлен.

Джон тоже не хотел расставаться. Мы пообещали друг другу

хранить верность и писать каждый день. Джон также взял с меня обещание много не курить: хотя сам он выкуривал по пачке в день, а я всего пару сигарет в неделю, он терпеть не мог курящих женщин и пытался заставить меня бросить совсем.

Алан лично вез ребят в Гамбург. Расцеловав Джона на прощание и заливаясь слезами, я махала вслед их микроавтобусу, пока он не скрылся за поворотом. Здесь, в Ливерпуле, я еще могла быть уверена в Джоне, но Гамбург… Я ничего не знала об этом городе, о том, какие там девушки. Будет ли Джон по — прежнему любить меня, когда вернется?

Чтобы как — то заглушить тоску, я полностью погрузилась в незаслуженно заброшенный мною мир искусства. Почти все свое свободное время теперь я проводила дома. Мама никак не комментировала мой изменившийся образ жизни, однако я чувствовала, как она рада возможности больше видеться и общаться со мной. Она не была в восторге от моих отношений с Джоном. Хотя мама ничего не говорила, я знала, что она считает его слишком грубым и предпочла бы видеть рядом со мной совсем другого молодого человека, серьезного и надежного. Несомненно, мама надеялась, что сейчас, когда Джона нет рядом, я успокоюсь и охладею к нему.

Но об этом не могло быть и речи: я была безумно влюблена, и, когда от Джона начали приходить письма, ко мне вернулась уверенность в том, что его чувства остались прежними. Он писал почти каждый день, по десять страниц, изрисованных поцелуйчиками, смешными карикатурами и признаниями в любви. Даже конверты пестрели стихами, сердечками и посланиями вроде: «Почтальон, почтальон, я прошу тебя, ног не жалей: я люблю свою Син, так скорей же, скорей — эй — эй!» В его письмах подлинная страсть переплеталась с откровенными непристойностями. Я краснела, читая о «массивных приливах», которые он испытывает, стоит ему подумать обо мне. Приходилось прятать письма: попадись они маме на глаза, разразился бы скандал.

Однажды Джон написал, что приобрел мне в подарок «фантастические кожаные штанишки». Я подумала, что речь идет о брюках, и уже представляла, как шикарно буду в них выглядеть в колледже. Но вскоре меня постигло разочарование: Джон, видимо, догадался, что я неправильно его поняла, и в следующем письме уточнил, что купил мне черные кожаные трусики, добавив, что жаждет поскорее увидеть меня в них.

В ответное письмо я вложила фотографии, сделанные в фотоавтомате в одном из магазинов сети Woolworths. Это была новейшая, только что появившаяся технология. Я забралась в

тесную кабинку, преисполненная решимости сделать все от меня зависящее, чтобы Джон остался мне верен. В своем самом вызывающем платье я, как могла, изображала соблазнительные позы: изогнувшись, закидывала руки за голову, надувала губки, бросала в объектив манящий взгляд — так, по крайней мере, мне казалось. Когда карточки выползли наружу, меня ждал неприятный сюрприз. На них я предстала не загадочной искусительницей, а, скорее, придурковатой героиней карикатур Джона. Несмотря на это, я все — таки вложила их в письмо и попросила тоже прислать мне свою фотографию: у меня не было ни одной его карточки, которую я могла бы всегда держать при себе. В ответ мне пришла целая куча снимков, но ни на один из них без смеха взглянуть было невозможно, уж не говоря о том, чтобы кому — нибудь показать: везде он кривлялся и строил жуткие рожи. Джон никогда не мог просто, без выкрутасов сделать то, о чем его просили.

Через пару недель после отъезда Джона мне исполнился двадцать один год. Мы отметили его очень тихо, сидя с мамой за чашкой чая у телевизора. Я ничего не имела против, так как дала слово, что не позволю себе никаких развлечений в его отсутствие — да мне и не хотелось веселиться без него.

Фил моложе меня всего на несколько дней, и когда, следом за моим, наступил ее день рождения, я поехала в колледж, прихватив с собой бутылку шампанского и маленький серебряный ключик. Мы тайком распили шампанское на занятии по рисунку с натуры, разломили ключик пополам и пообещали друг другу хранить каждая свою половинку в знак нашей дружбы.

События, связанные с первой поездкой ребят в Гамбург, давно стали легендой, однако у меня о них сложилось свое собственное особое представление благодаря длинным и подробным письмам Джона. Он описывал каждую деталь, связанную с их пребыванием в Германии, включая те подробности, с которыми не хотел бы знакомить своих домашних. Я многие годы хранила все его письма, но после развода часть уничтожила, а часть продала, когда сильно нуждалась в деньгах. Конечно, сейчас я очень жалею об этом.

Джон очень живо описывал условия, в которых они жили и работали. Поначалу они ожидали, что их пригласят играть в Kaiserkeller, однако по приезде они узнали, что будут выступать в другом, гораздо меньшем по размерам клубе, Indra, который тоже принадлежал Бруно Кошмидеру. До них здесь было стриптиз — шоу, и местные завсегдатаи недвусмысленно дали им понять, что предпочли бы вновь видеть на сцене девиц. «Битлз» пришлось изрядно потрудиться, чтобы завоевать внимание публики. Она

жаждала настоящего зрелища, и ребята не собирались обманывать ее ожиданий. До этой поездки их выступления длились, как правило, не больше часа. Здесь же они были вынуждены играть по семь — восемь часов кряду, поэтому растягивали каждую песню до двадцати минут, отплясывая под собственную музыку на узкой сцене и выбивая такт ногами. Джон, прирожденный актер, носился по сцене как угорелый и демонстрировал такие немыслимые прыжки, что зрители скоро прониклись симпатией к дерзким юнцам из Ливерпуля.

Их поселили в кинотеатре Bambi, который раньше был театром. Здесь, в грязных гримерках, давно не использовавшихся по назначению, они и спали — на принесенных раскладушках, укрываясь старыми потертыми одеялами. После выступления, которое заканчивалось далеко за полночь, рано утром их будили громкие звуки заставки первого киносеанса. Умываться им приходилось в общественном туалете, где, естественно, были только раковины и никаких душей или ванн. Ребята обычно пользовались женским туалетом, поскольку он был почище, если только не нарывались на какую — нибудь даму, которая, громко возмущаясь, выпроваживала их вон.

В письмах Джон часто сетовал на ужасные бытовые условия, однако между строк читалось, что в целом этот опыт пришелся ему по душе, особенно когда стал очевиден результат их ежедневных усилий. Поначалу посетителей было немного, но едва прошел слух о ливерпульской группе, в клуб повалили толпы. Публика оставалась и после официального закрытия заведения в половине первого — вплоть до двух часов ночи.

Через пару месяцев клуб Indra закрыли из — за жалоб жителей соседних домов на постоянный шум, и ребят перевели в Kaiserkeller, где уже играла другая ливерпульская группа, Rory Storm and the Hurricanes. Оба коллектива чередовали часовые выступления в течение своего долгого рабочего дня и встречали восторженный прием. «Битлз» хорошо знали группу Рори Сторма: он пользовался в Ливерпуле гораздо большим успехом, чем они. В Гамбург ребята попали только потому, что Рори в то время был занят. Он приехал туда позже, и именно там ребята встретились с барабанщиком его группы Ринго Старром. Ринго был довольно симпатичным парнем, однако поближе познакомиться им не удалось.

Kaiserkeller, как и Indra, располагался в районе Репербан, похожем на лондонский Сохо: его улицы были утыканы клубами с живыми секс — шоу, стриптиз — барами и питейными заведениями, где алкоголь лился рекой круглые сутки. Наркотики и насилие считались здесь обычным явлением. Джон писал, что в

зале нередко можно увидеть, как кто — нибудь достает из кармана складной нож с откидным лезвием, а официанты, в целях поддержания порядка, носят на поясе налитую свинцом полицейскую дубинку. Для Ливерпуля это было неслыханно, и хорошо, что родители ребят ничего не подозревали. Что касается меня, то я, конечно, ни словом не обмолвилась об этом ни маме, ни кому — либо еще.

Мне и в голову не приходило, что они могли там балр — ваться наркотиками. Только после возвращения Джон рассказал мне, что они научились не спать ночи напролет, глотая какие — то специальные таблетки для похудения. Пит отказался их пробовать, но остальным очень понравилось, и вскоре они переключились на более сильные препараты на основе амфетамина, которые в народе назывались «черными бомбардировщиками» и «пурпурными сердцами». Ребята практически не спали и крайне редко ели по — человечески, однако вовсю наслаждались жизнью, тем более что контракт им продлевали несколько раз.

Я радовалась их успеху, но при этом отчаянно надеялась, что Джон устоит перед соблазном и не польстится на других девушек. Сомнения начали закрадываться ко мне в душу, когда он стал упоминать в своих письмах некую Астрид Киршхерр, начинающего фотографа. Вместе со своим кавалером Клаусом Форманом она близко познакомилась с «Битлз» после того, как Клаус сходил на их концерт и вернулся в полном восторге.

С тех пор как Астрид сама увидела ребят в действии, они с Клаусом стали появляться в клубе почти каждый вечер. Астрид, девушка из респектабельной семьи, столкнулась с «Битлз» в таком месте, куда большинство приличных горожан Гамбурга никогда не заглядывало. Но когда они с Клаусом рассказали о замечательной группе друзьям, в Kaiserkeller валом повалили студенты, сменяя прежнюю грубоватую клиентуру. Между выходами на сцену ребята обычно сидели за столиками в окружении Астрид, Клауса и их друзей. Из «Битлз» только Пит, который учил немецкий в школе, мог как — то с ними общаться. Помогало то, что некоторые студенты немного говорили по — английски.

Астрид была в восторге от их пижонского вида, а им очень льстило, что она проявляет к ним особый интерес. В частности, Астрид хотела провести с ними фотосессию, для чего пригласила их к себе в гости на чай. Ребят необычайно удивила ее гостиная, оформленная в черно — белых тонах, с зажженными свечами, и несказанно обрадовали бутерброды с ветчиной, которыми она их угощала. Это была самая нормальная, «человеческая» еда из

всего, чем они питались в Германии. С того дня «Битлз» часто наведывались к Астрид, чтобы как следует перекусить.

В глазах Джона и остальных Астрид была блестящей и утонченной личностью. Они безмерно восхищались ее черными костюмами по последнему писку моды, авангардным образом жизни, ее фотографиями и ее чувством стиля.

По мере того как в письмах Джона все чаще встречались фразы типа «Астрид то, Астрид это», меня все больше и больше мучила ревность, и я уже уверилась в том, что совсем скоро он напишет, что любит ее. Но ничего подобного не случилось: в очередном письме Джон рассказал, что Астрид влюбилась в Стюарта; ее привлек его образ а — ля Джеймс Дин[14], подчеркиваемый темными очками, которые он практически не снимал. Как Джон и я, Стю был близорук и скрывал этот недостаток за модной оправой с затемненными минусовыми стеклами.

Когда Астрид порвала отношения с Клаусом, который, наверное, пожалел, что однажды повел ее посмотреть на «Битлз», ей было двадцать два, а Стюарту двадцать. Два месяца спустя, следуя немецкому обычаю, они обменялись золотыми кольцами в знак помолвки. Вслед за этим событием ребятам предложили контракт в более престижном клубе, Top Ten. Они часто бывали там, наблюдая за выступлениями певца по имени Тони Шеридан. Ребята считали его просто великолепным и даже пару раз устраиваили с ним джем — сессии. Все это противоречило условиям их контракта с Бруно Кошмидером и привело его в ярость.

«Битлз» уже собирались переехать в Top Ten, когда полиция обнаружила — или ей кто — то подсказал, — что Джорджу всего семнадцать и у него нет ни рабочей визы, ни вида на жительство. В клубы, где они выступали, не допускались лица моложе восемнадцати лет. Джорджу каким — то образом это сходило с рук в течение четырех месяцев, но теперь лимит везения оказался исчерпанным, и ему велели покинуть страну.

Пару дней спустя Джону сообщили, что власти аннулируют его рабочую визу, поэтому и он начал собираться домой. Позже он признался мне, что ужасно боялся ехать назад в одиночку и сомневался, что вообще сможет найти дорогу в Англию. Раньше он никогда не был за границей, в Германию их привез Алан Уильямс, так что это была его первая самостоятельная поездка. Неудивительно, что двое суток тряски в поездах заставили его понервничать. Стюарту тоже было предписано убраться восвояси, но, так как он болел тонзиллитом, Астрид купила ему билет на самолет.

Вернувшись, Джон сразу же позвонил мне, и я со всех ног помчалась к нему. Он был рад меня видеть, но поворот событий в Германии поверг его в уныние: после обрушившихся на ребят славы и успеха они были вынуждены вернуться в Англию, по одному или по двое, без малейшего представления о том, что же делать дальше. Джон был уверен, что путь «Битлз» окончен.

Несмотря на то что последнее время платили им в Германии довольно прилично, Джон приехал практически без денег. Часть гонораров он отсылал Мими, гордясь тем, что был наконец в состоянии помочь ей, и какую — то сумму приберег мне на подарок. Насмотревшись там на разные вещи из кожи, Джон задумал купить мне кожаное пальто. Мы отправились в огромный универмаг C&A в центре города и долго рассматривали бесконечные ряды вешалок. Джон сначала хотел черное, однако черных моего размера не нашлось, и мы остановили свой выбор на изумительном темно — коричневом пальто длиной три четверти за семнадцать фунтов. Это был мой самый первый подарок от Джона, и я умирала от желания показаться в нем на людях.

Первым делом мы решили навестить Мими. Выйдя из универмага, мы забежали в соседний гастроном, купили там готовую курицу и в отличном настроении отправились в гости. Однако, рассчитывая, что Мими разделит с нами нашу радость, мы глубоко ошибались. Увидев пальто и узнав, что Джон купил его мне в подарок, она пришла в ярость, начала орать на Джона и отчитывать его за то, что он потратил свои деньги на «прикид для бандитской мочалки» (из уст Мими, даже взбешенной, слышать такие слова было ужасно смешно). «Ты думаешь умаслить меня своей курицей после того, как все спустил на это?! — Случайно оказавшееся под рукой у Мими дамское зеркальце, а за ним и наша курица полетели в Джона. — Убирайся!!»

Лицо Джона мгновенно побелело. «Да что с тобой, черт подери, творится? Совсем уже охренела?!» — закричал он. Я застыла на месте, как громом пораженная. Реакция Мими не укладывалась у меня в голове.

Крепко схватив меня за руку, Джон ринулся мимо тетки к задней двери. «Пошли куда — нибудь подальше из дома этой сумасшедшей бабы», — процедил он сквозь стиснутые зубы. Мы побежали на автобусную остановку, где Джон обнял меня и извинился за ее поведение: «Кроме этих грёбаных денег и кошек се больше ничего не волнует».

Я собиралась домой, поэтому мы отправились автобусом до железнодорожной станции. Всю дорогу мы молчали. Мими и раньше иногда вела себя агрессивно по отношению к Джону.

Однако в тот день она впервые позволила себе это в присутствии другого человека. Помимо гнева Джона сжигал стыд.

Мы потом довольно долго не навещали Мими вдвоем. Что же касается того пальто, то я никогда больше не осмеливалась надеть его, идя к ней в гости.

Поведение Мими, вероятно, объяснялось злостью по поводу того, что Джон потратил эти деньги на меня, а не отдал ей, а также ревностью — поскольку она не могла не видеть, с какой любовью Джон относится ко мне. Мими хотела и ждала от Джона только одного — безоговорочной преданности. Тот, кто вольно или невольно препятствовал этому, становился для нее вне закона. Мими постоянно давила на Джона. Он часто жаловался, что она ни на минуту не оставляет его в покое и придирается к каждой мелочи. Она приходилась ему самой близкой родственницей после матери. Джон всегда старался угодить Мими, однако та все время отыскивала в его поступках что — нибудь, что ее не устраивало. Годы спустя, сделавшись знаменитым и очень богатым, Джон все еще стремился завоевать ее расположение и одобрение, но Мими по — прежнему находила повод лишний раз сделать ему нелицеприятное замечание.

Большая часть публикаций, из которых можно составить представление о Мими, — это интервью с ней самой. Пережив Джона на одиннадцать лет, она всегда поддерживала перед прессой имидж строгой, но любящей тетушки, которая обеспечивала племяннику надежный тыл, помогая добиться успеха. Я же знала совсем другую Мими: она постоянно пыталась подорвать его веру в себя, и это больно ранило и озлобляло его.

Вне сомнения, желание порадовать Мими в известной степени стимулировало Джона на его пути к успеху. Но мне, близкой подруге Джона, нелегко было простить ее недовольство и брюзжание в ситуациях, когда несколько добрых и ободряющих слов могли оказаться куда более полезными для него. Может быть, поэтому моя безоговорочная любовь и поддержка так много значили для Джона.

После Гамбурга Джон не виделся с остальными битлами примерно пару недель, но, когда они встретились, то решили вновь начать играть вместе. Бедняга Джордж так стыдился своего вынужденного отъезда домой в Англию, что какое — то время даже не знал, что остальные тоже вернулись. Он нашел себе другую работу, как, впрочем, и Пол, который по настоянию отца сначала подрабатывал на почте, а потом устроился в курьерскую службу.

Все время, пока ребята были в отъезде, Алан Уильямс работал не покладая рук. Он уже отправил в Гамбург столько

ансамблей, что решил создать в Ливерпуле клуб, где эти новые таланты могли бы показать себя во всей красе. Он назвал клуб Top Теп, по аналогии с гамбургским, но, к сожалению, через полтора месяца после открытия там случился пожар, и все сгорело. Джон и остальные ребята так в этом клубе и не побывали.

Свой первый концерт после приезда они дали несколько недель спустя в клубе Casbah. Мать Пита, Мона Бест, с удовольствием предоставила им возможность выступить снова. Нил Эспинолл, который тогда жил с Моной, развесил по всему залу плакаты с надписью: «Легендарные «Битлз» возвращаются». Радости их верных фанатов не было предела.

В тот вечер меня поразило, насколько «Битлз» изменились с тех пор, как я видела их в последний раз. Их было просто не узнать: многочасовые выступления в Германии явно пошли им на пользу. Из хорошей группы они стали просто фантастической. Фанаты в зале кричали от восторга, слушая и наблюдая, как они исполняют свой неповторимый, жесткий и громкий рок — н-ролл. Ребята излучали какой — то магнетизм, их нельзя было просто слушать, все время хотелось танцевать. Тогда бешеной популярностью пользовалась группа Клиффа Ричарда Shadows, их инструментальная композиция Apache занимала ведущие места в хит — парадах. Помню, на сцене все им подражали: аккуратные прически, костюмы с иголочки и до блеска начищенные туфли. «Битлз» с их кожаными куртками, высокими ботинками, привезенными из Гамбурга, и четким пульсирующим ритмом резко выделялись на общем фоне.

Вскоре их пригласили выступить в актовом зале городской ратуши Лизерлэнда, неподалеку от Ливерпуля. На тот момент это была самая большая аудитория, перед которой ребятам когда — либо приходилось выступать, и прием им был оказан самый горячий. На сцене «Битлз» вели себя примерно так же, как в Гамбурге, — прыгали, скакали и растягивали до бесконечности свои песни. В итоге к концу вечера им предложили подписать контракт еще на один концерт. К их собственному удивлению, в Ливерпуле дела у ребят всерьез пошли в гору. Из рядового ансамбля они превратились в шоу — группу со своим индивидуальным стилем и звучанием. Некий местный репортер тогда написал, что «Битлз» «взорвали увядающую рок — сцену». Очень меткое выражение: своей неуемной энергией, юмором и буйной, страстной музыкой они производили столь ошеломляющий эффект, что ливерпульские подростки захлебывались от восторга, требуя еще и еще.

После того вечера в Лизерлэнде Джон вновь поверил в свои

силы. Он понимал, что группа движется вперед и что нельзя упустить этот шанс. «Битлз» подписывали все новые и новые контракты на выступления, их гонорары теперь достигали шести и больше фунтов за вечер. Из пятого или шестого музыкального коллектива Ливерпуля они выбились в первые ряды и уже наступали на пятки Рори Сторму и его Hurricanes, которые считались лучшими последние пару лет. Конечно, Ливерпуль был не единственным местом в Великобритании, где бит — группы вырастали, как грибы после дождя. Но, похоже, что в то время только здесь существовала какая — то особая энергетика, создававшая поразительную смесь из таланта, творческого потенциала и профессиональных амбиций.

В клубе «Пещера» (The Cavern Club) в течение нескольких лет выступали джазовые коллективы. Теперь, когда джаз терял популярность и уступал место рок — н-роллу, руководство клуба решило, что лучше идти в ногу со временем. «Пещера» располагалась на Мэтью — стрит, мощенной булыжником улице, в окружении складов, припаркованных грузовиков и мусорных контейнеров. Внутри она представляла собой темное, тесное подвальное помещение со слабой вентиляцией и плохой акустикой. На стенах каплями конденсировалась влага, сцена была просто малюсенькой, и, когда в зал набивалось много народу, становилось так жарко, что едва было можно дышать прокуренным и пропахшим потом воздухом. Работу в клубе ребятам предложил местный диск — жокей Боб Вулер. Ему было под тридцать, он здорово разбирался во всем, что касалось местных бит — групп, и ценил ребят как хороших исполнителей. Он организовал «Битлз» выступление в Лизерлэнде и потом рекомендовал их Рэю Мак — Фоллу, владельцу «Пещеры».

Впервые Боб Вулер представил ансамбль посетителям «Пещеры» 21 марта 1961 года. С тех пор они дали здесь в общей сложности 292 концерта, выступая по нескольку раз в неделю в обеденное и вечернее время.

Джон относился к происходящему с большим энтузиазмом, хотя Мими по — прежнему настаивала на том, чтобы он завершил свое образование и наконец нашел приличную работу. Он старался не перечить ей, но на самом деле «бумажки», как он выражался, его совсем не интересовали. Нельзя сказать, что он возгордился и будущее не беспокоило его вовсе, просто что — то внутри ему подсказывало: все решится само собой, и отнюдь не со сдачей экзаменов.

Чтобы ребятам дали лишний раз выступить, Джон приставал ко всем, от кого это могло хоть в какой — то степени зависеть. Выступления в «Пещере» и в Лизерлэнде были в этом смысле их

несомненными достижениями. Джон с Полом постоянно и во всем соревновались друг с другом. Хотя все, включая публику на их концертах, видели в Джоне лидера коллектива, Пол стремился участвовать в принятии всех решений — касались ли они выбора площадки для выступления или того, какую песню включить в репертуар. На сцене они обычно солировали по очереди, и каждый отличался своим индивидуальным исполнительским стилем. Джон излучал сдержанную силу и сексуальность, когда важно, по — деловому расхаживал по сцене, слегка откинув назад голову и, казалось, чуть высокомерно поглядывая на зрителей. Многие, и не без основания, видели в этом заносчивость. И все же в первую очередь это объяснялось его сильной близорукостью. Джон как бы отгораживался от аудитории — эмоционально и даже физически. Однако именно он объявлял на концертах большинство исполняемых номеров, не упуская при этом возможности пошутить со сцены над зрителями, которые пришли в строгих костюмах и выглядели, по его мнению, чересчур нарядными, или поиздеваться над рокерами, студентами, пожилыми людьми — всеми, кто подвернется под руку. Чем скандальнее было поведение Джона, тем популярнее становились «Битлз».

Пол был столь же энергичен во время выступлений, но иначе: он соблазнял публику, влюблял в себя толпы зрителей, обращаясь к ним тепло, по — дружески. Девицам безумно нравились его огромные глаза и мальчишеское лицо. Пол пользовался наибольшей популярностью у девушек, но Джона это особо не беспокоило: поклонники уделяли достаточно внимания каждому из членов группы, и всем очень нравилось, когда фанаты подходили к ним, чтобы сказать, какие они замечательные. Между Джоном и Полом существовала какая — то особая связь, почти на молекулярном уровне, что еще больше подогревало атмосферу на сцене. Они интуитивно понимали, как все время находиться в фокусе внимания публики и при этом не оттеснять своего партнера, как управлять и манипулировать аудиторией, чтобы довести девиц в зале до безумия. Джордж со своей соло — гитарой вел себя, наоборот, очень тихо и серьезно. Когда его спрашивали почему, он обычно отвечал, что не может позволить себе ошибиться, исполняя свою партию. Стюарт и Пит тоже были тихими, так что середина сцены оставалась в полном распоряжении Джона и Пола.

После нескольких недель выступлений в «Пещере» к перерыву на обед у ее стен вдоль улицы собиралась внушительная очередь девушек — подростков со всех концов Ливерпуля, сбежавших с занятий в школе, чтобы попасть на концерт «Битлз». Самых

горячих из них Джон называл «битлетками». Они всегда крутились возле сцены, передавали ребятам выпивку и выкрикивали заявки на исполнение той или иной песни. «Битлз» были очень любезны с такими постоянными поклонницами. Зная, что денег у них в обрез, они могли заказать девушкам чашку чая или выдать бесплатный билет.

Я ходила на все выступления вместе с группой, и ревнивые фанатки часто вычисляли меня в толпе как девушку Джона. Поэтому со временем я стала появляться там в паре со своей подругой и ходила с ней всюду как приклеенная. Полин была девушкой, а позже женой Джерри Марсдена, в прошлом водителя грузовика. Его группа, Gerry and the Pacemakers, часто выступала в одном концерте с «Битлз». Вскоре они подружились с Джоном, потому что очень подходили друг другу по складу ума и чувству юмора.

Пока «Битлз» находились на сцене, мы с Полин ощущали себя в безопасности, так как все внимание было сосредоточено на них. Но, когда наступал перерыв, в туалет мы отправлялись обязательно вместе, поскольку именно там обычно случались всякие неприятности. Мы научились ходить с опущенной головой, чтобы, не дай бог, не посмотреть кому — то из девиц в глаза, пулей влетали и вылетали из помещения, даже не остановившись у зеркала, чтобы подкрасить губы. Тем не менее вдогонку нам часто летели фразы типа: «И что только он нашел в этой подстилке?!» Кроме ревнивых фанаток, были и те, кто, наоборот, присматривал за нами и сдерживал своих разгневанных подруг, которым не терпелось вырвать у меня клок волос: «Если Джону она нравится, значит, и нам тоже. Не трогайте ее…»

Среди посещавших концерты «Битлз» была одна девушка, Присцилла Уайт, которая чуть позже стала известна под сценическим псевдонимом Силла Блэк. Она иногда помогала наводить порядок в раздевалке «Пещеры» в обмен на бесплатный входной билет. Силла училась в коммерческом колледже в районе Энфилд и только — только начала выступать как вока — листка в местных группах. Как — то вечером она пела в одном концерте с «Битлз», и Джон в шутку назвал ее мужским именем — Сирил. Шутка была воспринята вполне доброжелательно, и прозвище прилепилось к Силле на долгие годы. Она была худенькой неприметной девочкой, однако обладала твердым характером и незаурядным голосом. Много лет спустя, когда мы с Силлой уже были близкими подругами, она призналась, что язвительный сарказм Джона и его бесконечные шпильки вызывали у нее смертельный ужас. Тем не менее вскоре она стала относиться к Джону с большой нежностью и уважением.

Родители ребят тоже иногда заходили в «Пещеру» посмотреть, как они выступают. Отец Пола, Джим, нередко ждал сына в раздевалке, чтобы передать ему еду, купленную во время обеденного перерыва. Пол забирал ее с собой домой, разогревал в духовке и, когда отец возвращался с работы, они вместе ужинали. Захаживали также матери Пита и Стюарта. Что же касается мамы Джорджа, то она приходила почти всякий раз посмотреть на своего мальчика да еще приводила с собой подруг и родственников.

Насколько мне известно, Мими была на концерте «Битлз» в «Пещере» лишь один — единственный раз. Услышав, чем занимается Джон, она решила сама увидеть все своими глазами. Не могу сказать, кто из них был больше шокирован, когда они столкнулись в клубе лицом к лицу. Мими пробыла на концерте всего несколько минут, и, конечно, ее скорый уход обидел Джона. Ему так хотелось, чтобы она гордилась им. Но ее поведение, которым она однозначно давала понять, что все это ей отвратительно, не слишком — то удивило Джона, и он воспринял его в целом спокойно.

Ребятам было приятно иметь целую армию верных поклонников в своем родном Ливерпуле. Джон и Пол четыре года потратили на то, чтобы добиться такого успеха. Несмотря на это, их по — прежнему не отпускали мысли о том, чтобы снова попытать счастья в Гамбурге, где они пережили столько захватывающих моментов. Ребята не знали, позволят ли им вновь приехать в Германию после того, как они были оттуда выдворены. Но другие группы продолжали ездить туда на гастроли, и «Битлз» не хотели оставаться в стороне. На помощь им пришел Алан Уильямс. Он написал письмо в германское консульство, всячески превознося в нем музыкальные способности и моральные качества членов своего коллектива. Во время прошлого визита, написал он, его подопечные подверглись незаконной эксплуатации, но на этот раз они будут работать на достойного и уважаемого бизнесмена Петера Экхорна, владельца клуба Top Ten.

Письмо сработало, и ребятам были выданы разрешения на работу. Джорджу к тому времени уже исполнилось восемнадцать, так что с его возрастом проблем тоже не возникло. В апреле 1961 года «Битлз» отправились в свою вторую поездку в Гамбург. Я была несказанно счастлива, так как на сей раз они брали меня с собой.

ГЛАВА 6

Я никогда раньше не выезжала за пределы Великобритании, до того как отправилась в Гамбург вместе с Дот Роуи, подружкой Пола. Мы были настолько перевозбуждены и напуганы, что всю ночь накануне отъезда не сомкнули глаз. Ребята уже две недели находились в Германии, а мы собрались туда в пасхальные каникулы. В колледж мне нужно было только через две недели, а Дот, которая работала ассистентом фармацевта, взяла на это же время отпуск.

Пол к тому времени встречался с Дот уже несколько месяцев. Это была миниатюрная семнадцатилетняя блондинка с ангельским личиком, очень веселая и забавная. Я радовалась, что еще у одного из ребят появилась постоянная подружка. Во — первых, мне теперь было с кем пообщаться, а во — вторых, я понимала: она не понаслышке знает, что значит таскаться по ночным клубам и ждать, пока твой парень закончит выступать, потом долго болтать с фанатами, пока он не выйдет к тебе. Не то чтобы мне это так уж не нравилось: я привыкла, знала, что Джон меня любит по — настоящему, и гордилась им, — просто эта жизнь была совершенно другой, настолько не похожей на жизнь других девушек. Часто мне приходилось ждать весь вечер, а иногда и полночи, пока мой друг находился в центре внимания десятков девушек, прежде чем я наконец получала возможность остаться с ним наедине. С Дот я могла теперь разделить как долгие часы ожидания, так и неожиданные приключения — например, эту поездку в Гамбург.

Отец Пола вместе с моей мамой проводили нас до станции «Лайм — стрит», откуда отходил наш поезд. Снабженные бутербродами с сыром и термосами с чаем, мы махали им на прощание, пока они не скрылись из виду. Две наивные девчонки отправлялись в неведомый мир без малейшего понятия о том, что их там ждет.

Поезд шел всю ночь, а рано утром, пересев на паром, мы добрались до Голландии, где пересели на другой поезд. В пути мы немного поспали, но к концу второго дня насущной проблемой стал голод. Бутерброды давно закончились, в поезде, который вез нас из Голландии в Гамбург, не было вагона — ресторана, и купить какую — нибудь еду можно было только во время остановок. Мы не хотели покидать поезд на станциях, опасаясь, что он уедет без нас. Ни на каком другом языке, кроме английского, мы не говорили, так что и спросить, сколько продлится та или иная остановка, тоже не могли. Нам оставалось

только ждать и мечтать о том, как мы досыта наедимся, когда приедем.

Всю дорогу нам представлялась романтичная картина: вот мы приезжаем в Гамбург, любимые ждут нас на платформе с распростертыми объятиями, воздух слегка затянут прозрачной дымкой, поезд останавливается, и мы, во всем своем великолепии, свежие, как маргаритки, выходим на перрон… В действительности все получилось несколько иначе: состав прибыл рано утром, мы с неимоверным трудом открыли дверь вагона и вывалились на платформу — чумазые, уставшие и с единственной мыслью: что — нибудь съесть.

Оглядевшись, мы никого не увидели. Невероятно длинная платформа простиралась куда — то в бесконечность и вокруг — ни души. Через несколько минут мы наконец заметили бегущих нам навстречу Джона и Пола. Когда они приблизились, мы поняли, что выглядят они еще похуже нашего: истощенные, разящие алкоголем, с мешками под глазами и такие грязные, будто не мылись, по крайней мере, неделю.

Несмотря на наше состояние, встреча была прекрасной. Мы целовались, обнимались и визжали от радости. Ребята играли в клубе до двух часов ночи, а потом, в нервном ожидании нашего приезда, так и не легли спать. Они оба выпили изрядное количество спиртного вперемешку с бодрящими пилюлями и просто ошеломили нас тем, что говорили без умолку и были чересчур возбуждены. Прошло какое — то время, прежде чем мы смогли сказать им, что очень хотим есть. В итоге Джон с Полом отвели нас в Морскую миссию неподалеку от гамбургских доков, где все мы плотно позавтракали.

Ребята договорились, что я остановлюсь дома у Астрид и ее мамы, а Дот поселится с Розой, уборщицей в Тор Теп. Таким образом после завтрака мы с Дот разошлись каждая в своем направлении. Я очень нервничала перед встречей с Астрид, которую по описаниям Джона представляла себе блестящей и самоуверенной, и боялась выглядеть перед ней чересчур застенчивой и неуклюжей. Астрид встретила нас на пороге. Выглядела она сногсшибательно, как я и ожидала. На ней были джинсы, водолазка и кожаный пиджак — все черного цвета. Ее короткие светлые волосы были пострижены лесенкой, неброский макияж наложен безупречно. Но волновалась я напрасно: Астрид обняла меня, мы тут же прониклись взаимной симпатией, и это стало началом теплой дружбы. При всем ее великолепии, с ней всегда было легко, весело и спокойно.

Другое дело — комната Астрид: я никогда не видела ничего подобного. Пол и стены были покрыты серебряной фольгой, а все

остальное было черным. Кровать была застелена черной сатиновой простыней и черным бархатным покрывалом. Рисунки и картины, висящие на стенах, были освещены направленным светом, и все это шокирующее великолепие смягчалось искусной икебаной из засушенных цветов. Я не могла удержаться, чтобы мысленно не сравнить комнату Астрид с моей собственной спальней: цветастое нейлоновое покрывало, чопорные бумажные обои и скромный, хотя и очень симпатичный, туалетный столик. Как же мне не хватало этой смелости и творческого футуризма!

Две недели, проведенные в Гамбурге, открыли мне глаза на огромное количество вещей. Меня невероятно возбуждало то, что я находилась далеко от дома, не ограниченная какими — либо жесткими правилами. Я чувствовала себя такой свободной! Гамбург представлялся мне чем — то вроде старшего, более искушенного брата Ливерпуля: типичный портовый город со множеством грузовых кораблей в доках и несметной разношерстной толпой прохожих, съехавшихся сюда, казалось, из всех уголков мира. Немецкий язык своими гортанными звуками определенно напоминал ливерпульский диалект — неудивительно, что ребята чувствовали себя здесь как дома.

Для нас с Джоном это было счастливое, беззаботное время, когда ни Мими, ни моя мама не давили на нас. Каждую свободную минуту Джон проводил со мной, с гордостью показывая мне достопримечательности города. С некоторыми из них он сам не так давно познакомился. Например, напоминавший лондонский Сохо район, где в витринах сидели полуобнаженные, а то и вовсе раздетые девушки. При виде них у меня, к немалому удовольствию Джона, отвисла челюсть — настолько это не походило на целомудренные улицы Хойлейка.

Каждый вечер мы с Астрид, накрасившись и разодевшись, отправлялись в Тор Теп. Обстановка здесь была вполне классическая для подобных заведений — простые металлические столы и стулья, рассредоточенные по просторному залу. Яркий, ослепляющий свет освещал разноликую толпу посетителей. Среди них были тинейджеры, пришедшие поразвлечься, отпущенные в увольнение матросы, тучные мужчины средних лет, идущие домой с работы, и бандиты, которые выглядели настолько угрожающе, что я боялась даже смотреть в их сторону. Почти каждый вечер здесь случались драки с поножовщиной, и тогда мы укрывались где — нибудь в безопасном месте до тех пор, пока в клубе не появлялась вооруженная полиция, чтобы вывести нарушителей порядка.

Дот, Астрид и я сидели за столиком и наблюдали за выступлением. В перерывах ребята спускались к нам, и тогда мы с

Джоном втихую пробирались к ним в комнату, чтобы заняться любовью перед их очередным выходом на сцену. Помещение им досталось получше, чем в прошлый раз, но тоже не бог весть что: тесная и унылая комнатушка с маленьким окном, выходившим на лестницу черного хода, две двухъярусные кровати и еще одна, стоящая отдельно. Свободного пространства между ними оставалось едва ли больше полуметра.

Джон иногда просил меня остаться с ним на ночь вместо того, чтобы ехать домой с Астрид. Тогда кое — как, еле сдерживая смех, мы укладывались в его кровати на нижнем ярусе, крепко обнявшись, в то время как наверху храпел Джордж, а Пит, Стюарт и Пол лежали рядом в почти коматозном состоянии. Мы редко засыпали до рассвета, поскольку ребята играли каждый вечер до двух ночи и к тому же постоянно принимали стимуляторы. Мы с Дот и Астрид тоже глотали таблетки, чтобы бодрствовать вместе с ними. «Колеса» давали невероятный прилив сил, мы были готовы танцевать всю ночь напролет и особо не задумывались над этим состоянием, воспринимая его как неотъемлемую часть окружающей атмосферы веселья и радости.

Каждую ночь, когда клуб закрывался, все были слишком возбуждены, чтобы ложиться спать, поэтому отправлялись куда — нибудь перекусить. Ребята всю дорогу что — то орали, прыгали, скакали, рассказывали анекдоты — в общем, валяли дурака, а мы, девушки, истерически хохотали над их выходками. Две недели, которые мы с Джоном провели в Гамбурге, стали для нас самым счастливым временем: мы были молоды, любили друг друга, будущее представлялось заманчивым и безоблачным.

Правда, не все были столь же счастливы. Пол и Стюарт все чаще ссорились, Пит действовал всем на нервы. Дело не в том, что он делал что — то не так: Пит был хорошим парнем и вполне приличным барабанщиком. Просто не сходился с остальными характером. Он предпочитал сидеть один в сторонке, вместо того чтобы присоединиться к нескончаемой болтовне остальных. Ребята часто посмеивались над Питом, иногда довольно грубо и обидно, но он, похоже, не слишком замечал это, пропуская все мимо ушей. Джордж тоже был тихим и редко обращал на себя внимание. Однако когда дело доходило до насмешек в его адрес, он мог осадить шутника так, что мало не покажется. Бывало, он вроде и не слушал Джона с его очередной подколкой, но мгновенно выдавал такую убийственную реплику в ответ, что все валились на пол со смеху.

Когда настало время нам с Дот уезжать, я ужасно расстроилась. Как бы мне ни хотелось остаться с Джоном в Германии, это было невозможно: меня ждали мама и колледж, а

Джона — выполнение подписанного контракта. Садясь в поезд, мы обнимали и целовали наших любимых, утирая слезы и затаскивая в вагон сумки с едой про запас — чтобы не помереть с голоду на обратном пути.

Пол приобрел для себя и Дот по золотому колечку, как у Астрид и Стюарта, в знак помолвки. Дот была вне себя от радости и волнения. Она обожала Пола и надеялась, что, когда он вернется, их помолвка станет официальной. Джон, увидев кольца, сказал: «Может, и нам тоже обручиться?» Я обрадовалась его предложению, но, признаться, церемония эта меня не слишком волновала, мне казалось, что еще рано. А кроме того, думала я, мы и так счастливы. Зачем что — то менять?

Дома я вывалила на маму целую кучу рассказов о нашей жизни в Гамбурге, опустив все, что касалось стимуляторов, бессонных ночей, поножовщины и прочего, что могло привести ее в ужас. У мамы тоже были для меня новости: двоюродная сестра с мужем собрались эмигрировать в Канаду вместе с недавно родившимся ребенком. Они оба учились на преподавательских курсах и предложили моей маме поехать с ними, чтобы присматривать за малышом, пока они не доучатся и не устроятся на работу.

Моя дорогая мама просто разрывалась на части. Ей нравилась эта мысль: сменить обстановку, попробовать что — то новое, повидать другую часть света. Но чувство долга не позволяло ей оставить меня одну. Мы с ней были так близки, и, конечно, я понимала, что мне ее будет сильно не хватать. Однако я не хотела, чтобы мама отказывалась от такой возможности, и не сомневалась, что прекрасно справлюсь без нее.

В случае ее отъезда сразу же вставал вопрос о том, где я буду жить: дом пришлось бы сдавать ради дополнительных денег, тем более что перспектива остаться в нем одной меня все равно не прельщала.

Решение напрашивалось само собой: Мими, после того как семь лет назад ее муж умер, регулярно сдавала угол постояльцам, и у нее еще оставалась свободная комната. Я была в раздумье: Мими в свое время недвусмысленно дала мне понять, что я для нее не самый дорогой человек на свете. С другой стороны, рассуждала я, так мы с Джоном будем больше видеться; он по — прежнему жил со Стюартом, но, поселившись у Мими, я бы чувствовала себя ближе к нему. К тому же Мими это наверняка понравится, потому что тогда Джон будет чаще появляться дома.

Когда со мной все более или менее определилось, мама дала свое согласие на отъезд. Я решила подождать несколько недель до возвращения Джона из Гамбурга и потом обратиться к Мими с

просьбой. Джон на этот раз вернулся домой в отличном настроении. Для него и ребят все закончилось на хорошей ноте, более того, их уже пригласили приехать снова. Джону пришлась по душе мысль о моем переезде к Мими, и, когда мы ей это предложили, она сразу же согласилась.

Ребята вернулись в Ливерпуль, но Стюарта с ними не было: он решил остаться у Астрид, жениться и устроить там свою новую жизнь, связав ее с живописью, своей первой и единственной любовью. Один профессор из Шотландии, приехавший с визитом в гамбургское художественное училище, случайно наткнулся на работы Стю и очень ими заинтересовался. Он организовал Стюарту перевод для продолжения учебы в Гамбурге и даже выхлопотал для него стипендию. Ни у кого не вызывало сомнения, что Стю добьется успеха как талантливый художник, и мне кажется, что он покинул «Битлз» без особого сожаления.

Джон был счастлив, что его друг встретил Астрид, и уверен, что в следующий приезд они снова увидятся. Джон особо не говорил об этом, но ему очень не хватало Стю, которого он всегда считал своим лучшим другом. Они продолжали поддерживать связь, обмениваясь длинными письмами с рассказами обо всем и обо всех.

Астрид оказала большое влияние на имидж «Битлз». Именно она предложила Стюарту опустить на лоб и пригладить его задранный наверх стиляжий чуб, так, чтобы волосы более четко обрамляли лицо. Остальные поначалу смеялись над ним, но со временем все, кроме Пита, последовали его примеру. Благодаря новой прическе, которую вскоре окрестили mop — top[15] они выделялись среди множества других молодых музыкантов, по — прежнему выходивших на сцену с набриолиненными волосами, зачесанными под «утиный хвост».

Когда я впервые увидела Джона с новой прической, она мне очень понравилась: это выглядело куда более тонко, мягко, сексуально и изысканно. Также по рекомендации Астрид они приобрели себе черные кожаные брюки и куртки, которые носили с поднятым вверх воротником, что подчеркивало их особый стиль.

Тем временем ребята продолжали двигаться вперед как группа. В Гамбурге, еще когда мы с Дот находились там, они записали свою первую пластинку. Тони Шеридан, с которым они познакомились во время предыдущей поездки в Германию, обладал сильным голосом, и «Битлз» иногда подыгрывали ему на сцене. Когда им предложили сделать то же самое в студии звукозаписи, они тут же ухватились за эту возможность. Записывали они My Bonnie, старую сентиментальную песенку, о

которой были невысокого мнения. К тому же на пластинке их почему — то обозвали Beat Boys — видимо, немецкий продюсер посчитал, что Beatles звучит бессмысленно. Так или иначе, это была настоящая пластинка, и все четверо очень ею гордились. Продавалась она, правда, не слишком хорошо, в Ливерпуле о ней мало кто слышал.

В конце лета, вскоре после их возвращения, я переехала к Мими. Мне достался крошечный чулан, где с трудом помещалась кровать, однако я не жаловалась: так как Стюарт остался в Германии, Джон вернулся к тетке, и теперь мы с ним были вместе. Когда Мими находилась в доме, мы не осмеливались навещать друг друга в комнатах, иначе нас бы тут же выгнали вон. Зато виделись мы постоянно.

Жить с Мими оказалось еще тяжелее, чем я себе представляла. Несмотря на то что я платила ей деньги за свою комнату, мне были сразу же вменены некоторые обязанности по дому. Более того, Мими считала, что я должна являться по первому же зову, чтобы выполнить ее задание, чем бы я в тот момент ни была занята. Об отказе не могло быть и речи. Ко мне отношение было ровно такое же, как и к двум другим постояльцам, жившим в доме. Мими всегда находила причину, почему она не может сама справиться с той или иной работой или почему она нуждается в посторонней помощи. Приходилось, стиснув зубы, делать то, что она просила: я не хотела испортить с ней отношения и потерять комнату. Помимо прочего, после того как она проявила свой характер при виде пальто, подаренного мне Джоном, я, честно говоря, всерьез побаивалась ее.

Тем летом я устроилась продавщицей в отдел косметики универмага Woolworths. Мои незначительные сбережения были уже почти истрачены, а это позволяло мне платить Мими за комнату и оставаться финансово независимой. Работа мне нравилась, с девушками — коллегами мы прекрасно ладили. В магазине я проводила весь день, а потом направлялась на встречу с Джоном. «Битлз» почти каждый вечер где — нибудь выступали. Поэтому обычно мы с ним встречались заранее и потом вместе шли на концерт.

Примерно тогда же начала издаваться местная газета Mersey Beat, посвященная музыкальной жизни Ливерпуля. В первом номере вышли большие статьи о двух ведущих бит — группах: Rory Storm and the Hurricanes и Gerry Marsden and the Pacemakers. Джона попросили написать для газеты заметку об истории возникновения «Битлз», и он это сделал, в характерной для него гротескной манере. Смысла и содержания в его тексте было маловато, зато посмеялись мы тогда от души. Начиналась

заметка так: «Однажды, давным — давно жили — были три маленьких мальчика, крещенные именами Джон, Джордж и Пол. Решили они как — то раз собраться в компанию, ибо были они ребятами компанейскими. А собравшись, сели да задумались: «А нужна ли она кому — эта компания наша?» И вот изловчились они, вырастили себе каждый по гитаре и сразу наделали много шума…»

Джон всегда был плодовитым по части писательства: стишки, рассказы, абстрактные бессмыслицы — все, что когда — либо приходило ему в голову, он записывал на каких — нибудь обрывках бумаги. Но это был первый его опубликованный текст! Хотя Джон всем своим видом показывал, как ему это безразлично, его просто распирало от гордости. Впоследствии он часто посылал в Mersey Beat свои короткие заметки и новости о последних достижениях группы.

В октябре Джону исполнился двадцать один год. Его тетя Матер подарила ему сотню фунтов, и он решил потратить их на поездку в Париж вместе с Полом. Я бы с удовольствием поехала с ними, но, учась на последнем курсе, была занята преподавательской практикой в нескольких местных школах. Джон с Полом уехали первого октября и за две недели просадили все деньги, болтаясь по парижским клубам. Там же они совершенно случайно встретили друзей Астрид из Гамбурга.

Тогда же у «Битлз» появился фан — клуб. К тому времени у многих ансамблей уже были организованные сообщества поклонников, и ребята были очень рады, когда группа их почитателей решила учредить собственный клуб. И все же они чувствовали, что стоят на месте: в Ливерпуле вроде бы все шло нормально, но им не давал покоя вопрос, могут ли они рассчитывать на что — то большее. Иногда такие мысли не на шутку угнетали Джона, особенно когда Мими, будучи в плохом настроении, принималась доставать его разговорами о напрасно потраченном времени и необходимости найти приличную работу. Но он держался. Ребята зарабатывали кое — какие деньги, и Джон продолжал надеяться, что с ними вот — вот произойдет что — то фантастическое, только неизвестно, что именно…

Он оказался прав. Нечто прекрасное действительно было не за горами. Одному человеку суждено было изменить их жизнь, и находился он — в прямом смысле — в двух шагах. Когда я вспоминаю те далекие дни, знакомство ребят с Брайаном Эпстайном и последовавшие за ним события, мне порой кажется, что там не обошлось без волшебства.

Все началось вскоре после возвращения Джона и Пола из Парижа. Какой — то парнишка зашел в магазин грампластинок

фирмы NEMS в ливерпульском районе Уайтчепел и спросил у продавца пластинку My Bonnie некой группы «Битлз». Владельцем магазина был Брайан Эпстайн, который ничего не слышал ни о записи, ни о группе. Многие на его месте махнули бы рукой, но Брайан всегда гордился тем, что может удовлетворить любой запрос посетителя. Узнав, что пластинка была выпущена в Германии, он для начала связался с агентами, занимавшимися импортом зарубежных дисков.

Хотя Брайан и был в курсе происходящего на местной бит — сцене, его это по большому счету не интересовало. Он заведовал одним из самых крупных и успешных магазинов грамзаписи в Ливерпуле. Конечно, он стремился к тому, чтобы у него на складе были представлены все направления музыки, но сам предпочитал классику. (Его любимым композитором был Сибелиус.) Он никогда не ходил на концерты бит — групп, и, поскольку большая их часть пластинок не выпускала, сталкиваться с ними Брайану не доводилось.

Брайан Эпстайн регулярно размещал рекламу в газете Mersey Beat, где нередко попадались сообщения о «Битлз» и их фотографии. Он их никогда не замечал. Желание Брайана разыскать пластинку с песенкой My Bonnie стало почти маниакальным, когда за ней явились еще два покупателя. Он спросил их, кто такие эти «Битлз», и очень удивился, услышав, что они вовсе не из Германии, а из Ливерпуля, и что они часто захаживают в его магазин и проводят здесь почти весь обеденный перерыв, слушая пластинки. Брайан решил взглянуть на ребят сам: раз они так популярны в городе, значит, имеет смысл заказать их запись для магазина.

Девятого ноября 1961 года Эпстайн осторожно вошел в «Пещеру», как раз к началу обеденного выступления «Битлз». Позже он сказал нам, что заведение его совсем не впечатлило. Наоборот, показалось отвратительным — грязным, мрачным, сырым и очень шумным. Эдакое прибежище для тинейджеров, где он старался не появляться по собственной воле. Не желая выделяться среди подростков в своем приличном деловом костюме, Брайан тихонько пристроился в глубине зала, наблюдая за происходящим.

Когда «Битлз» вышли на сцену, он смотрел на них как завороженный. Неряшливые и нахальные, они курили, ели, переговаривались между собой, что — то кричали своим знакомым в зале, рассказывали анекдоты и даже поворачивались спиной к публике, не забывая при этом играть свою музыку. Всем своим поведением «Битлз» как будто показывали аудитории, что им на нее наплевать. Однако публика в «Пещере» их просто

обожала, и Брайану стало ясно, что в этих ребятах есть нечто особенное.

В течение следующих недель он видел «Битлз» на сцене еще несколько раз и вновь и вновь поражался их внутренней энергетике и таланту, пусть сырому и неорганизованному. Пока Брайан наблюдал за их выступлениями, в его голове зрела идея. Он объединил под своим началом семейный торговый бизнес, добился успехов в продаже грампластинок в обоих магазинах, принадлежавших его семье, но все это ему уже порядком надоело. Брайану нужна была новая задача, и, похоже, в лице «Битлз» он нашел то, что искал.

Он переговорил с ребятами и обнаружил, что их сингл был выпущен фирмой грамзаписи Polydor, но у них нет ни своего менеджера, ни контракта на запись пластинки. Он заказал две сотни копий диска с песней My Bonnie и начал расспрашивать своих знакомых в звукозаписывающих компаниях о том, что следует знать менеджеру музыкального ансамбля.

Третьего декабря, через три с небольшим недели после того, как Брайан впервые увидел «Битлз», он пригласил их к себе в офис для разговора.

К тому времени они уже общались несколько раз, но ребята не придали этому особого значения. Джон даже не рассказывал мне ничего о Брайане вплоть до момента, когда стал собираться на эту встречу. Тогда он лишь бросил, что идет на переговоры с владельцем магазинов NEMS, который хочет стать их менеджером.

С первого же взгляда Брайан произвел огромное впечатление на Джона. В первую очередь тем, что в свои двадцать семь, будучи лишь на шесть лет старше его, он разительно отличался от них: носил красивые дорогие костюмы, жил в достатке и владел магазином грампластинок. Джона занимал вопрос, почему его заинтересовали «Битлз», и ему не терпелось услышать ответ из уст самого Брайана. Джон пригласил на встречу Боба Вулера, менеджера «Пещеры», представив его как своего отца. Его забавляло, что Брайан поверил ему и еще довольно долго не догадывался, что над ним подшутили.

Когда Брайан Эпстайн начал говорить, Джон сразу же понял, что разговор пойдет серьезный. Спокойно и деловито Брайан спросил ребят, каковы их планы, и те ответили, что связывают свое будущее с успехом на музыкальном поприще, но их расстраивает то, что, помимо популярности на местном уровне, с ними ничего больше не происходит.

Через неделю Эпстайн вновь позвал «Битлз» в свой офис и заявил, что хочет стать их менеджером. Джон тут же доверился

Брайану и собрался дать свое согласие, да и остальных долго уговаривать не пришлось. Несколько дней спустя они подписали контракт, по которому Брайану полагалось 25 процентов от их дохода. Ребята пытались торговаться, но Брайан возразил, что ему, вероятно, придется оплачивать все их расходы в течение нескольких месяцев, если не дольше, прежде чем они хоть что — то заработают.

Итак, сделка была заключена, и Брайан немедленно занялся облагораживанием их внешнего вида и подписанием контракта на запись диска. Было видно, что он собирается употребить всю свою энергию и силы на то, чтобы они добились успеха, и его решимость очень впечатляла ребят.

«Битлз» дали Брайану возможность отойти от семейного бизнеса. Его родители с самого начала рассчитывали, что он возьмет в свои руки управление принадлежавшей Эпстайнам сети магазинов, но Брайана такая перспектива не прельщала: он собирался стать актером и даже поступил в лондонскую RADA, одну из самых престижных школ драматического искусства, но, отучившись около года, понял, что это занятие не для него, и вернулся в Ливерпуль к нелюбимому отцовскому делу.

Хотя Брайан был наделен талантом менеджера по продажам и умел приумножать прибыль, эта работа не соответствовала его запросам. «Битлз» стали для него самостоятельным проектом, который по — настоящему увлекал его. Конечно, задача была не из легких, но главное — он верил в «Битлз».

За следующие несколько месяцев они с Джоном очень подружились. Джон считал Брайана деловым и целеустремленным человеком, который знает, чего он хочет, и уже поэтому заслуживает доверия. Они часто встречались у Брайана дома и обсуждали, каким путем должна идти группа и чего им для этого не хватает.

Я познакомилась с Брайаном вскоре после того, как они подписали контракт. Он был любезен, вежлив, с образцово правильной речью и очень мне понравился. Брайан принял меня как подругу Джона, но предупредил, что лучше их девушкам не мелькать на публике. Я нисколько не стремилась погреться в лучах славы. Меня вполне устраивало место в тени, лишь бы быть рядом с Джоном.

Мы тогда не задумывались ни о том, что Брайан — гей, ни о том, что он еврей по национальности. А ему, должно быть, приходилось несладко: в шестидесятые годы гомосексуалисты вынуждены были держать свою ориентацию в тайне. Их называли извращенцами, к ним относились с недоверием и неприязнью — существовало множество предрассудков на сей счет. В некоторых

документах того времени утверждается, что якобы Брайан был влюблен в Джона и именно поэтому согласился стать менеджером «Битлз». Я ни на секунду в это не верю. Между ними были добрые отношения. Но Брайан заботился о каждом из ребят и желал успеха всей группе, искренне веря в то, что они представляют собой уникальное явление. Ходят слухи, что Джон и Брайан состояли в гомосексуальной связи. Нет ничего, что было бы так далеко от правды. Джон был на все сто процентов гетеросексуален. Более того, как многие его ровесники, он впадал в ужас от одной только мысли о гомосексуализме.

Отношения Джона и Брайана основывались на взаимном уважении и дружбе. Они искренне восхищались друг другом. Брайан видел в Джоне ум и выдающийся талант. Джон ценил в Брайане деловые способности и страстное желание добиться успеха для группы. Они могли часами разговаривать о будущем ансамбля. Они оба мечтали, чтобы «Битлз» стали самым значимым явлением в мире после Элвиса, и готовы были горы свернуть, чтобы сделать эту мечту реальностью.

ГЛАВА 7

Брайан занялся поиском для ребят контракта на запись диска и постарался, как мог, привести их в божеский вид. Есть, пить, шататься из угла в угол, разговаривать между собой, кричать и оскорблять публику — что они делали до сих пор, находясь на сцене, — было категорически запрещено. Отныне им надлежит выглядеть опрятными, являться всюду вовремя, быть вежливыми и благовоспитанными. Кожаные брюки и джинсы отменялись; исполнять что попало, что больше нравится или что взбредет в голову, тоже не позволялось. Программа выступлений «Битлз» должна состоять только из их лучших номеров, звучащих ровно столько, сколько им полагается, а не в пять раз дольше.

Ребята пошли на все эти ограничения, так как сами видели, что это имеет смысл. Полу даже понравилось, Джордж тоже воспринял нововведения с удовольствием. Единственный, с кем Брайану пришлось нелегко, был Джон: он ворчал несколько дней. Костюмы с галстуками на сцене напоминали ему группу Shadows, которую он терпеть не мог; ему казалось, что «Битлз» создавались не для этого, что, принимая такие правила, они как бы выставляют себя на продажу. Но Брайану удалось убедить Джона, что, если группа намерена стать известной за пределами Ливерпуля, это крайне необходимо. В конце концов он согласился и сделал так, как просил Брайан. Именно согласился, а не уступил, осознав, что для того, чтобы завоевать массовую популярность, «Битлз» должны быть ближе к мейнстриму. И все же Джон не был бы самим собой, если бы вовсе оставил сопротивление. Его протест выражался в малозаметных мелочах — в незастегнутой верхней пуговице или излишне ослабленном узле галстука.

Брайан навестил родителей каждого из ребят и сообщил им о своих планах. Они восприняли его очень положительно, как обеспеченного молодого человека с хорошими манерами и речью, который заинтересован в профессиональном росте их сыновей. Только Мими, вообще никому не доверявшая, высказала Брайану свои опасения по поводу того, что «Битлз» могут вскоре наскучить ему и это больно ранит и разочарует ее мальчика. Но, по крайней мере, она согласилась с тем, что Джон намерен сделать карьеру музыканта. И если к этому причастен Брайан, то уж ладно, так и быть…

Раньше всем, что было связано с концертами «Битлз», занимался Пит. Теперь же все взял в свои руки Брайан. Для начала он увеличил плату за выступления, покончив со

случайными, нефиксированными гонорарами, которые они до сих пор получали. Ребята часто опаздывали на свои концерты, у них не было никакого порядка оповещения друг друга о предстоящих выступлениях: Брайан стал заранее присылать каждому аккуратно отпечатанный на машинке список запланированных мероприятий и требовал, чтобы они являлись туда вовремя. Мне нравился новый имидж группы. Джону, несмотря на некоторые проявления недовольства, судя по всему — тоже. Он видел, что их изменившийся облик, четкий список хитов, включенных в программу, и ее строгий хронометраж приносят свои плоды. Все шло к исполнению его заветного желания, а именно — к заключению вожделенного контракта на запись пластинки.

Между мной и Джоном все было хорошо, но времени на то, чтобы побыть вместе, оставалось все меньше и меньше.

В течение дня я была занята учебой и преподавательской практикой, а вечерами Джон обычно играл в клубах. Я старалась не пропускать его концерты, и мы встречались после моих занятий, перед выступлением. Чаще всего мы сидели где — нибудь в кафе или пабе и болтали. А иногда ходили на какой — нибудь фильм: нам нравилось кино, и мы смотрели все, что могли.

Вскоре наступили рождественские каникулы и принесли с собой хорошие новости. Брайан уговорил Майка Смита, менеджера по артистам и репертуару звукозаписывающей компании Decca, приехать и послушать «Битлз». Чтобы представитель одной из крупнейших фирм грамзаписи проделал долгий путь специально ради прослушивания группы — это было просто неслыханно! В тот вечер ребята великолепно сыграли несколько известных хитов плюс пару своих вещей. Смит сказал Брайану, что первого января «Битлз» надо будет приехать в лондонскую студию Decca, где он сможет их записать. Смысл был в том, чтобы послушать, как они звучат на пленке. Собственно, ничего больше он и не обещал. Но мы уже находились на седьмом небе от счастья.

К тому времени Нил Эспинолл стал их официальным гастрольным менеджером: он развозил ребят по концертным площадкам и получал за это определенный процент от их заработка. Все вместе они выехали в Лондон накануне Нового года. Брайан отправился поездом. Как и ребята, Нил до этого никогда не был в Лондоне. В пути он заблудился, и дорога заняла у них порядка десяти часов. «Битлз» въехали в Лондон поздно вечером, за два часа до начала 1962 года. Первое, что им бросилось в глаза, как потом вспоминал Джон, были «пьяные, нырявшие в фонтан на Трафальгарской площади».

На следующее утро они явились в студию звукозаписи фирмы Decca. Несколькими днями позже Джон сказал мне, что они тогда жутко нервничали и пели неважно. Брайан попросил их выбрать для записи хорошо известные хиты вместо своих песен. Ребята согласились, хотя предпочли бы исполнять вещи собственного сочинения. В конце записи им сказали, что все прошло хорошо. Брайан угостил их ужином, и на следующий день они покатили назад домой.

Теперь оставалось только ждать и еще раз ждать. Прошло несколько недель, Джон и остальные постоянно спрашивали Брайана, нет ли новостей, но ответ не приходил. С каждым днем настроение у ребят становилось все более мрачным.

Только в марте Брайан узнал, что Decca ими не заинтересовалась. Сотрудник компании, с которым он разговаривал, объяснил, что, дескать, время гитарных групп прошло, и к тому же им не понравилось, как они звучат в записи. Джон был удручен, однако долго предаваться унынию он не умел: он знал, что рано или поздно «Битлз» своего добьются. Брайан регулярно мотался в Лондон и обратно, пытаясь договориться с другими студиями. Как только он возвращался, ребята со всех ног бежали к нему — только чтобы услышать, что перед его носом захлопнулась еще одна дверь. После этого ребята каждый раз несколько дней ходили как в воду опущенные, пока новая надежда не забрезжит на горизонте.

Все мы почти физически ощущали грядущие перемены и понимали, что самое главное — их дождаться. Единственное, чего мы тогда не могли знать, — это то, что в течение ближайших нескольких месяцев произойдет ряд событий, которые в корне изменят всю нашу жизнь. 1962–й стал для нас удивительным годом, в котором немыслимым образом переплелись трагедии, неудачи, неожиданности и настоящие чудеса.

В апреле ребят ждала очередная поездка в Гамбург. Брайан заранее провел необходимые переговоры, и на этот раз «Битлз» была гарантирована работа в более приличном клубе и за большие деньги. Их гамбургские гастроли начинались выступлениями в клубе Star за сорок фунтов в неделю, что в два с лишним раза превышало прежние гонорары. Брайан

Эпстайн настоял на том, чтобы они летели в Гамбург самолетом, как солидные люди.

И снова мы с Джоном поцеловались на прощание, как это уже бывало не раз: я уже свыклась с его отъездами, но меньше скучать по нему не научилась. Единственное утешение: теперь у меня была уйма времени для подготовки к выпускным экзаменам, которые приближались с неумолимой быстротой.

Десятого апреля Джон, Пол и Пит вылетели в Гамбург из Манчестера. Джордж отправился за ними на следующий день. Когда самолет приземлился, Джон заметил встречавшую их в аэропорту Астрид и радостно помахал ей рукой. Но, подойдя ближе, он увидел, что лицо ее искажено от боли: около двух часов назад скончался Стюарт.

Джон был в шоке. Как и после смерти его любимого дяди Джорджа, и на похоронах матери, его первой реакцией на трагическое известие был истерический хохот. Таким образом его внутренний мир пытался противостоять беспредельному горю. Потом смех сменился слезами; Джон не выдержал и разрыдался.

Из писем Стюарта Джон знал, что последнее время его мучили страшные головные боли. Рентген и другие медицинские обследования ничего не показали, однако боли были иногда такими сильными, что Стюарт не мог двигаться. Он лежал в постели, Астрид и ее мама ухаживали за ним. О состоянии Стюарта сообщили его родственникам в Ливерпуле. Они очень забеспокоились и попросили его вернуться домой, но он предпочел остаться в Гамбурге рядом с Астрид.

В то утро боль была настолько невыносимой, что мама Астрид позвонила ей на работу и сказала, что вызывает «скорую». Астрид примчалась домой как раз к приезду врачей и отправилась с ним в больницу. В машине «скорой помощи» Стюарт умер на руках у Астрид без четверти пять пополудни. Позже врачи назвали причину смерти: кровоизлияние в мозг. Ему было двадцать два года.

Мать Стюарта, Милли, узнала о смерти сына из телеграммы, которую ей отправила Астрид, и тут же вылетела в Германию, чтобы официально опознать тело и дать разрешение на вскрытие. Отец Стюарта в то время был в плавании и услышал о его кончине только через две недели. Милли и ее дочери, Джойс и Полин, организовали доставку тела самолетом в Ливерпуль. Здесь Стюарт был похоронен на кладбище при церкви, где он мальчиком пел в хоре. «Битлз», связанные контрактом, не смогли покинуть Гамбург и присутствовать на похоронах. Астрид тоже не поехала, сказавшись больной. Зная, что Джону тяжело, я очень хотела быть рядом с ним в те дни, но могла лишь написать ему слова соболезнования и поддержки.

Позже, когда Джон вернулся, мы с ним пошли навестить семью Стюарта. Джон попросил отдать ему шарф в синюю и кремовую полоску, который его друг носил в колледже. Этот шарф он хранил потом долгие годы.

В Гамбурге новость о смерти Стюарта подхватили газетчики: «Битлз» были здесь уже достаточно хорошо известны и имели

немало поклонников. То, что это событие приобрело публичный характер, привело Джона в бешенство. И еще он не понимал, как ему быть с Астрид. Джон писал мне, что не видел ее с самого дня их приезда: «Я думал навестить ее, но мне было неловко. Наверное, ребята тоже захотели бы пойти, тогда вышло бы еще хуже. Не хочу больше писать об этом — неинтересно…» Это очень похоже на Джона — сделать вид, что трагедия ему безразлична: «неинтересно». Ему стоило большого труда обсуждать и показывать свои истинные чувства. Позже он иногда говорил со мной о Стюарте, о том, какая это для него потеря, об ощущении своей вины перед ним. Джона терзали вопросы, почему он жив, а Стюарт умер, и можно ли было что — то сделать. Но подобные откровения случались крайне редко — обычно он держал все в себе. В том же письме он написал мне, что потерял голос. Может, от невыплаканного горя?..

Скорее всего, по этой же причине поведение Джона в следующие несколько недель было странным и непредсказуемым. Он наконец навестил Астрид и попробовал утешить ее в свойственной ему грубоватой манере: сказал, что ей нужно выбирать — жить дальше или умереть, — и почти заставил пойти в клуб на их выступление. Она пришла, несмотря на глубокую депрессию, которая длилась несколько месяцев, и была благодарна Джону за попытку помочь ей выстоять.

Тем временем сил моих не осталось жить под одной крышей с Мими. Напряжение между нами и ее скверный характер становились невыносимы. Я перебралась к своей тетушке Тесс, маминой сестре, которая любезно согласилась приютить меня. Когда я сказала Мими, что переезжаю, она поджала губы и демонстративно вышла из комнаты. Джон, которому я потом написала о своем решении, понял меня, хорошо зная, как тяжело мне приходилось.

Семья моей тетушки приняла меня прекрасно, но у них не было отдельной гостевой комнаты. Кроме того, до школы, где я проходила стажировку, мне приходилось добираться автобусом с тремя пересадками. Я стала искать себе собственный угол и вскоре в газете Liverpool Echo нашла объявление о сдаче комнаты в стандартном обшарпанном домишке, по доступной цене и не так далеко от колледжа и двух моих школ. Я уже с радостью представляла, что буду наконец — то жить отдельно и независимо от кого бы то ни было. Однако новое жилье отнюдь не походило на милый, уютный домик, о котором я мечтала: за пятьдесят шиллингов в неделю мне досталась грязная комната с маленьким электрическим обогревателем вместо отопления, одноконфорочной плитой, узенькой кроватью, древним креслом и

изъеденным молью ковром. Чтобы умыться горячей водой, нужно было опустить один шиллинг в специальный счетчик в общей ванной. Принять ванну за одну монету уже не получалось: воды набиралось ровно по щиколотку. И все же это было мое собственное гнездышко, и я была полна решимости привести его в божеский вид к приезду Джона.

По соседству со мной, в комнате побольше, обитала эксцентричная пожилая женщина. Она держала нескольких кошек и вдобавок завалила свое жилище мешками с углем. Когда она открывала дверь, оттуда доносился невыносимый запах: похоже, она никогда не делала уборку, не умывалась и почти не выходила на улицу. Больше всего меня нервировало, что каждый раз, выходя, я натыкалась на нее: либо она подглядывала за мной из — за своей двери, либо маячила в коридоре. Вероятно, она просто была очень одинока, но тогда ее поведение казалось мне подозрительным.

К моей несказанной радости, вскоре она съехала — неизвестно, куда и почему. Пару недель комната пустовала, пока у меня не родилась отличная идея: я предложила Дот Роун стать моей соседкой по квартире. Ей эта мысль понравилась, хозяйка тоже была не против. Самым трудным было убедить родителей: в те времена жить отдельно от семьи в столь юном возрасте, особенно девушке, не полагалось. Но когда они наконец поверили, что их дочь не собирается поселиться в притоне и предаваться разврату, Дот переехала в мою комнату, а я переселилась в ту, что побольше.

Несколько дней мы были заняты уборкой и покраской стен в моей новой комнате. Она находилась в плачевном состоянии: все в тусклых коричневых и зеленых тонах, и повсюду жуткая грязь. Пришлось потратить пару галлонов яркой краски, чтобы полностью преобразить этот мрачный интерьер.

Теперь, когда за стенкой жила Дот, мне было уже не так одиноко. Самыми трудными в отсутствие мамы и Джона всегда казались выходные дни. Но вдвоем мы не скучали: ходили по магазинам, готовили еду и, конечно, все время ждали возвращения наших дорогих мальчиков.

Из писем Джона было ясно, что на этот раз их бытовые условия в Гамбурге гораздо комфортнее. Они жили в квартире над клубом, в котором выступали; Джон иногда очень подробно описывал мне свои апартаменты: «Я уже говорил тебе, что у нас отличная ванная комната с душем — говорил или нет? А говорил ли я тебе, что только что принял ЦЕЛЫЙ душ и теперь я настоящий чистенький рокер? Хи — хи!..» Условия работы тоже были гораздо приличнее: один вечер они играли три часа,

следующий — четыре. Час работы, час отдыха. По сравнению с долгими часами на сцене и коротенькими перерывами в прошлые приезды это казалось роскошью. Их босс Манфред, владелец клуба Star, которого Джон в письмах называл «наш лысый», как — то даже дал им выходной и вывез к морю. По словам Джона, они тогда «целый день только ели, ели и ели».

Я написала Джону о своем переселении. Он очень обрадовался, даже чересчур: «Представляю, как заявлюсь к тебе туда в гости — с воскресной газеткой под мышкой и своим дружком наперевес, мне просто не терпится… Как же я хочу расположиться в твоей комнате, поесть жареной картошки и потом сладко затянуться сигаретой! Только помни, что я не желаю приходить домой к заядлой курильщице: когда я вижу, как вы с Дот пускаете дым, мне становится не по себе. Впрочем, надеюсь, это — самое страшное из моих подозрений. Я страшно СКУ — и ЛЮ — скучаю и люблю — люблю — люблю вас, моя несравненная мисс Пауэлл! Я помню все места в Гамбурге, где мы были вместе; когда я прохожу мимо, мне кажется, что мы и не расставались, особенно когда гуляю или захожу в Морскую миссию, где мы завтракали в первый день. Люблю, люблю, люблю. Жди меня, пожалуйста!..» Несмотря на свою внешнюю самоуверенность и напускной цинизм, в письмах он нередко трогательно просил: «Дождись меня, дождись, пожалуйста!» Это обнажало и выталкивало на поверхность страх, сидевший в нем с детства; ведь его уже бросали, причинив такую боль, что он приходил в ужас от одной только мысли, что это когда — нибудь повторится. Мое сердце сжималось от нахлынувших чувств и переполнялось радостью, когда от Джона приходили письма. Они были всегда полны любви, но и тоска в них тоже проступала. Мне хотелось крепко обнять и утешить его.

Но сначала надо было подготовиться к выпускным экзаменам и закончить педпрактику в двух школах. Одна находилась в Гарстоне, не самом спокойном районе города. Классы там были смешанные — мальчики и девочки, и, хотя по возрасту мы с ними не очень — то и отличались, отношения у нас сложились прекрасные. Другая же школа, частная, только для девочек, была настоящим кошмаром, я ее просто ненавидела: девицы делали все, чтобы вывести меня из себя. Например, раскололи лепнину из гипса, которую они начали до меня и которую я помогала им завершить. А когда внезапно заболела их основная учительница и меня поставили готовить их к экзаменам, вышло еще хуже. По ошибке я стала давать им материал к экзамену по другой теме, выяснилось это только на сдаче, и в итоге получился полный бардак. К моему счастью, все они потом прошли переэкзаменовку,

но сначала я получила суровый выговор от директрисы. На этом моя практика закончилась. У меня зародились серьезные сомнения относительно моих педагогических способностей.

В начале мая, когда ребята еще находились в Гамбурге, усилия Брайана наконец принесли результат. Он отдал пленки с записями «Битлз» в крупнейший магазин грампластинок HMV[16] на Оксфорд — стрит в Лондоне, чтобы переписать их на диск, предварительно договорившись со знакомым звукооператором. Тот записал пластинку и был ею поражен настолько, что отнес ее музыкальному издателю, сидевшему этажом выше. Тому запись тоже понравилась, и он, в свою очередь, обещал переговорить со знакомым продюсером в компании Parlophone. Продюсера звали Джордж Мартин.

Parlophone была частью империи EMI, которая уже один раз отвергла «Битлз», но Джордж Мартин, в прошлом музыкант, игравший классическую музыку, все же согласился устроить им прослушивание. Ему понравился голос Джона в песне Hello Little Girl, вокал Пола в Till There Was You, а также гитарные партии Джорджа. Брайан немедленно телеграфировал в Гамбург — сообщил ребятам хорошие новости и попросил подготовить новый материал. С того момента их приподнятое настроение чувствовалось в письмах Джона: они с воодушевлением сочиняли песни, мечтая о будущем и о том, сколько денег вскоре смогут заработать. Джордж начал уже серьезно подумывать о том, чтобы приобрести своему отцу — водителю собственный автобус.

«Битлз» вернулись из Гамбурга в начале июня, а уже через пару дней, шестого числа, их ожидало прослушивание в студии EMI в лондонском районе Сент — Джонс — Вуд. Нил Эспинолл отвез их в столицу, где они остановились в дешевом отеле. На следующее утро в сопровождении Брайана они отправились к Джорджу Мартину. Ребята исполнили несколько песен из своего собственного репертуара вперемешку с известными хитами. По окончании записи их поблагодарили и сказали, что о результатах сообщат позднее. Всю дорогу домой они обсуждали, как все прошло, понимая, что если бы они меньше нервничали, то могли бы сыграть куда лучше, а так у Джона и Пола срывались голоса. И все же хотелось надеяться, что их исполнение сочтут приемлемым для заключения контракта.

В Ливерпуле им ничего не оставалось, кроме как с нетерпением ждать новостей из Лондона. А пока что соскучившиеся поклонники устроили ребятам самый теплый прием в «Пещере»; кроме того, Брайан обеспечил им плотный график выступлений на несколько месяцев вперед.

Джону и Полу понравилось наше с Дот новое жилье. Они

знали, что могут появиться у нас, когда заблагорассудится, и мы замечательно проводили время вчетвером. Единственным недостатком была хозяйка квартиры, имевшая скверную привычку врываться без стука, чтобы проверить счетчик или получить с нас плату за комнату. Оставлять у себя на ночь молодых людей она категорически запрещала, а Джон ночевал у меня всегда, когда ему удавалось обмануть бдительную Мими, сказав, что он остается у приятеля, — так что всякий раз мы молились, чтобы опять пронесло.

Однажды утром кошмар стал явью: мы с Джоном еще лежали в постели, когда я услышала, как хозяйка зовет меня с лестницы, собираясь проверить счетчик, который находился как раз в моей комнате. Нас охватила паника. Я замоталась в простыню и прошмыгнула в комнату Дот, оставив Джона на произвол судьбы. Оттуда я услышала, как хозяйка вошла ко мне и через несколько минут, судя по удаляющимся шагам, вновь спустилась на свою половину. Я в шоке вернулась в комнату. Джона и след простыл. Прошло еще какое — то время, прежде чем я наконец догадалась, что он лежит в кровати, заваленный горой простыней, пальто и прочей одежды: оказалось, он спешно сгреб все, что было в комнате, и водрузил на себя. Задыхаясь от нехватки воздуха, Джон выполз из — под этой кучи, весь красный, проклиная хозяйку на чем свет стоит.

Постепенно мы успокоились и решили было, что все прошло незамеченным, когда мой взгляд случайно наткнулся на ковбойские сапоги Джона, мирно стоявшие рядом с кроватью. Мы дружно расхохотались, поблагодарив бога за то, что сегодня, похоже, он даровал хозяйке хорошее настроение.

Как — то вечером мы с Дот устроили себе девичник у меня в комнате. Она только что помыла голову и накрутила волосы на гигантские бигуди. На ней были старенький свитер и мамины панталоны. Мы весело смеялись, представляя, что бы наши мальчики подумали, увидев нас в таком затрапезном виде. Тут в дверь постучали. Я пошла открывать. На пороге стоял Пол.

Бедная Дот пришла в ужас, однако делать было нечего. Они пошли в ее комнату. Через некоторое время я услышала, как кто — то быстро сбежал вниз по лестнице и выскочил на улицу, оглушительно хлопнув дверью. Через минуту в моей комнате, захлебываясь от слез, появилась Дот: Пол сказал, что разрывает с ней отношения. Я пыталась хоть как — то успокоить ее, а она все плакала и плакала, наверное, часа два, не переставая. Ее ангельское личико распухло и покраснело от слез, бигуди сползли, и волосы рассыпались влажными прядями. Дот никак не могла поверить в случившееся, но Пол хотел свободы, и все,

точка. Она еще почему — то убедила себя в том, что все произошло из — за того, что Пол увидел ее в бигуди и панталонах, хотя на самом деле он приходил сообщить о своем решении, и ее внешний вид не имел уже решительно никакого значения.

Через пару дней Дот переехала обратно к родителям. Я понимала, что ей больно видеться со мной, но очень по ней скучала. Дот оставила золотое колечко, которое Пол подарил ей. Я нашла его случайно и потом хранила долгие годы. Однажды при встрече, когда Дот уже давно жила в счастливом браке за границей, я его ей вернула.

Без Дот моя квартира опустела, хотя Джон навещал меня так часто, как только мог. Как — то раз он притащил с собой бутылку желтой жидкости с жутким запахом и сказал: «Это лосьон для мгновенного загара, самая свежая новинка. Нужно просто нанести на кожу, и будешь выглядеть так, будто загорала целых две недели». Вдохновленные этой перспективой, мы тут же обмазались жидкостью с головы до ног и стали ждать. Часа через два на коже проступила краска, однако «загар» оказался не ровным и однотонным, а шел полосками отвратительного грязно — желтого цвета. Мы не знали, что нам делать — плакать или смеяться. Увлекшись, мы даже не подумали сначала проверить его действие на каком — нибудь незаметном участке кожи. Все наши попытки смыть и соскрести этот стойкий состав ни к чему не привели. Так мы несколько дней и ходили в желтую полоску.

Следующие несколько недель принесли с собой ряд незабываемых событий. Во — первых, сразу после того, как я сдала выпускные экзамены в колледже, у ребят случился первый большой прорыв: после почти двух мучительных месяцев ожидания они получили известие о том, что Джордж Мартин собирается заключить с ними контракт на запись пластинки в студии Parlophone Records. Мы были в полном экстазе. Джон кричал, не переставая: «Наконец, Син, наконец мы будем записывать пластинки! Мы знамениты!» Все смеялись, плясали от радости, пили и веселились.

Единственное «но»: Джон, Пол и Джордж пришли к единому мнению о том, что не хотят, чтобы Пит оставался в группе. Было решено не говорить ему ничего о предстоящем контракте и попросить Брайана уволить его. Брайану Пит нравился, и он поначалу пытался сопротивляться, однако в конечном счете принял доводы ребят, которые единодушно считали, что Питу в группе не место. Что касается меня, то я очень за него переживала. За все это время я полюбила Пита и считала его хорошим барабанщиком. Просто его облик не очень — то вязался

с группой: ребятам нужен был кто — то, с кем всегда можно посмеяться, кто по достоинству оценил бы их не всегда лицеприятный юмор.

Брайан, превозмогая себя, объяснил Питу ситуацию и предложил помочь ему найти работу в другой группе. Пит две недели не выходил из дома, будучи не в состоянии видеться с кем — либо, пытаясь понять, почему те, кого он считал своими друзьями, решили вдруг избавиться от него, выбросив прочь, как ненужную вещь. Конечно, это было жестоко. Он так верил, что разделит с ребятами долгожданный успех. Ведь они уже многого достигли не без помощи Пита с его ударными, а теперь оставляли его одного, без каких — либо шансов на будущее. Хуже того, ни один из троих не нашел в себе мужества извиниться или хотя бы предложить ему остаться друзьями. Из всех ребят Пит был ближе всего к Джону. Они дружили четыре года, и Питу было еще больнее от того, что Джон избегал встречи с ним. Я просила его пойти к Питу, но он, как обычно, уклонялся от прямого разговора. Джон боялся, что Пит очень разгневан, и не хотел вступать в споры. Его трусость проявилась во всей красе.

Вне сомнения, Джон, Пол и Джордж могли бы действовать более тактично. Но были ли они не правы, сделав то, что сделали? Не думаю: они твердо отдавали себе отчет в том, что успех музыкального ансамбля напрямую зависит от правильного подбора людей, и уже знали, кого хотят видеть на месте Пита.

С Ринго Старром, барабанщиком Рори Сторма (Rory Storm and the Hurricanes), «Битлз» познакомились еще в Гамбурге. Полгода назад Ринго сидел у них за барабанами на паре концертов, когда Пит заболел. Тогда ребята с ним поладили, и все прошло блестяще. Услышав, что Ринго ушел из группы Рори, они решили предложить ему работу. Такое же предложение поступило и от другой группы, однако «Битлз» платили больше, и у них был контракт на запись пластинки, так что Ринго дал согласие им. Ему поставили единственное условие: зачесать волосы на лоб, как все остальные. Он обещал это сделать.

Еще несколько месяцев их повсюду преследовали взбешенные поклонники Пита. Его романтический задумчивый вид привлек к нему значительную часть фанатов, особенно девушек, которые никак не могли согласиться с тем, что его выгнали из группы. Уход Пита стал темой статьи на первой странице газеты Mersey Beat, «Битлз» несколько раз прерывали и освистывали во время выступлений. Они мужественно терпели нападки, а со временем поклонники привыкли к новому лицу, и шумиха постепенно улеглась.

За вышеописанными событиями я наблюдала лишь

вполглаза, так как была сосредоточена на собственном будущем. Одним прекрасным июльским днем я вдруг одновременно обнаружила, что: а) я не сдала один из выпускных экзаменов, б) я беременна. Мне нужно было принимать решение, буду ли я пересдавать экзамен или же оставлю мысли о преподавании. В других обстоятельствах я бы еще долго раздумывала над этим вопросом. Однако неожиданная беременность мигом вытеснила все прочие заботы.

Наверное, сейчас это звучит дико, но мы с Джоном никогда не предохранялись. Никто не говорил нам, что это необходимо. И вообще, в те дни ни школа, ни родители и не помышляли о том, чтобы заводить с нами такие разговоры. Конечно, мы знали, как получаются дети, и что беременность можно предотвратить, но уровень нашей неосведомленности и безграмотности в подобных вопросах был таков, что мы искренне надеялись: с нами это не случится никогда. А оно взяло да случилось.

Когда я поняла, что у меня задержка, я не имела ни малейшего представления, к кому обратиться. В конце концов я поделилась с Фил, и она согласилась пойти со мной к врачу. Гинеколог вела себя со мной холодно и снисходительно. После осмотра она подтвердила мои опасения и прочитала суровую лекцию о морали и достойном поведении. Я вышла из кабинета в мрачном и подавленном состоянии. Что я наделала? Я не хочу ребенка, еще рано. Я же собиралась начать работать, выйти замуж и просто пожить в свое удовольствие, прежде чем заводить детей. И вот сама все испортила.

Фил переживала вместе со мной и была ко мне очень добра, но в конце концов настал час ей идти домой. Я осталась одна, сидела на кровати, плакала и сетовала на свою несчастную жизнь, с трудом представляя себе, как расскажу об этом маме, которая скоро должна была приехать из Канады, и пытаясь предугадать реакцию Джона. Мне казалось, что его новость не обрадует, и, прежде чем сообщить ему, я решила для себя, что справлюсь и сама. На аборт я пойти не могла, тем более что мероприятие это было труднодоступное и опасное. Я намеревалась принять на себя всю ответственность и, если понадобится, растить ребенка в одиночку, пусть это и сделает меня изгоем в глазах общества.

Со дня на день откладывая разговор с Джоном, я просыпалась по утрам, чувствуя тошноту, возвращалась из сна к суровой действительности и заливалась слезами. Это был настоящий кошмар, конец которому, как мне казалось, никогда не наступит.

Наконец, собравшись с духом, я рассказала обо всем Джону. Осознав услышанное, он побледнел, в глазах мелькнула тень страха. Несколько минут он просто молчал. Я смотрела на него и

ждала ответа: неужели теперь он бросит меня? Он сказал: «У нас только один выход, Син. Мы должны пожениться».

Я спросила, хорошо ли он подумал. Мне не нужно, чтобы он женился на мне, я сама со всем справлюсь. Однако Джон стоял на своем: «Никто из нас не думал заводить ребенка, Син. Но я люблю тебя и не собираюсь теперь оставлять тебя одну».

Меня охватило чувство благодарности, облегчения и счастья. Конечно, я поняла бы Джона, если бы он оставил меня, но мне было бы больно, это точно. Хотя я никогда прежде не думала о женитьбе, полагая, что у меня еще для этого несколько лет впереди, я была уверена, что люблю Джона и хочу быть с ним. Так, сидя летним вечером в моей маленькой комнате, мы решили пожениться, родить ребенка и стать семьей. Мы любили друг друга, и это было наше общее желание, несмотря на то что обстоятельства вынудили нас осуществить его гораздо раньше, чем нам хотелось бы.

На следующий день Джон сообщил обо всем Брайану. Тот попросил его еще раз подумать как следует, сказав, что жениться совсем не обязательно. Вне сомнения, Брайан в первую очередь думал о будущем группы, только что получившей свой первый контракт. Я уверена, что он чувствовал, что для поклонников неженатые «Битлз» будут гораздо более привлекательными. Но Джон настоял на своем, и Брайан согласился помочь. Он достал необходимую справку и договорился о регистрации брака на ближайшую дату.

Теперь Джону предстояло решить задачу, которой он боялся больше всего: как и следовало ожидать, Мими пришла в ярость. Она кричала на Джона и угрожала, что перестанет с ним разговаривать, если он не изменит решения. При разговоре присутствовала шестнадцатилетняя Джулия, сестра Джона. Позже она рассказывала мне, что Джон возражал Мими: «Ты не понимаешь: я люблю Син и ХОЧУ жениться на ней!» Мими, конечно же, ничего не желала понимать. Она обвиняла меня в том, что я все спланировала от начала до конца, чтобы заманить Джона в ловушку, и ясно дала понять, что не хочет иметь к свадьбе никакого отношения.

Реакция Мими, надо полагать, глубоко ранила Джона. Родная тетка, заменившая ему мать, в течение долгих лет упорно осаживала и порицала его. Сейчас, когда он больше всего нуждался в поддержке и любви, она отстраняла его от себя. Он знал, что на свадьбе Мими не будет, более того, она сделает все, чтобы там не было и никого из их родственников. Джон пулей выскочил из ее дома, пообещав, что больше никогда туда не вернется.

Мне с моей мамой было гораздо легче. Правда, я так боялась разочаровать ее, что откладывала разговор до самого последнего дня. Мама остановилась у моего брата Тони. Я отправилась повидаться с ней накануне ее отъезда обратно в Канаду. Узнав, что я беременна, она распереживалась — но исключительно о том, что не может остаться и окружить меня заботой. Она обняла меня и сказала, что все мы совершаем ошибки, что все обойдется и в конечном счете обернется к лучшему.

На следующий день Тони, его жена Марджори и я отправились провожать маму на пристань. Прощаясь, она махала нам с борта теплохода, держась за перила. Я не выдержала и разрыдалась — так сильно, что брат с женой были вынуждены чуть ли не на руках увести меня домой. Как же я хотела, чтобы мама осталась со мной! Но ничего не поделаешь: нужно было учиться справляться со всем одной, без нее.

На следующий день я вышла замуж за Джона.

ГЛАВА 8

Наша свадьба оставила странное смешанное ощущение комизма и откровенной нелепости. Мы с Джоном были настолько шокированы тем, что наша жизнь и наши взаимоотношения так резко изменились, что этот день казался нереальным. Порой у нас возникало впечатление, что мы смотрим кино про чужую жизнь и одновременно исполняем в нем отведенные нам роли.

Моя паника по поводу беременности улеглась, когда Джон сказал, что собирается на мне жениться, но тут начал паниковать он сам: он не был готов к женитьбе, это не входило в его планы. В мои — по крайней мере, на том этапе — тоже, но у Джона это переплелось с опасениями, что его женитьба может повредить будущему группы. Ребятам много раз говорили, что фанаты не потерпят рядом с ними постоянных подрут и что их женщинам лучше держаться подальше от света прожекторов. Кто же простит ему настоящую жену?

Никто из нашего окружения не осознавал до конца, что мы с Джоном связаны на самых разных уровнях; мы не только были страстно влюблены друг в друга, но еще были лучшими друзьями и всегда стремились быть вместе. Джон нуждался в моей безусловной любви и поддержке, я — в его твердости и вере в себя и в меня. Я безмерно уважала Джона за то, что он не отрекся от меня, хотя это могло уничтожить его карьеру в тот самый момент, когда группа находилась на пороге успеха. Основу его сущности составляла врожденная порядочность, означавшая куда больше, чем обычное соблюдение правил приличия, и за это я его очень любила.

Многие из тех, кто когда — либо брался комментировать те или иные события в жизни Джона, утверждают, что он ни за что не женился бы на мне, если бы я не забеременела. В фильме Backbeat[17] я изображена серенькой прилипчивой подружкой Джона с платочком на голове. Разумеется, все было совершенно иначе. Помимо прочего, я никогда в жизни не носила платков.

Непросто проследить всю нить наших взаимоотношений, учитывая этот непредвиденный для нас обоих поворот. Мы с Джоном знали, что когда — нибудь поженимся, как, впрочем, и наши друзья: Фил часто замечала, что мы неразлучны, как сиамские близнецы, и что Джон от меня без ума. Моя беременность изменила наши планы, но не наши намерения или чувства.

Наша свадьба нередко описывается как какая — то жалкая, спешно спланированная церемония, в которой Джона чуть ли не

силком вынудили принять участие: опять же это не имеет ничего общего с правдой. Да, ее организовали спешно, буквально в последнюю минуту — не было ни цветов, ни пышного приема, ни фотографа, но эпитет «жалкая» здесь совершенно неуместен. Напротив: мы были счастливы. И Джон, убежденный противник заведенных традиций и ритуалов, выступал главным инициатором мероприятия.

Все случилось так быстро, что мы и подумать — то толком не успели. После того как решение было принято, свадьба была назначена через две недели, на 23 августа. В течение этого времени наше возбуждение стремительно нарастало. Мы дурачились, называя друг друга «мистер» и «миссис», изображая пожилую супружескую пару в креслах — качалках. Задуманная нами ранее картина будущего изменилась, но новое положение вещей начинало нам нравиться; я заметила, что Джон, пытаясь соответствовать своему статусу, стал со мной более нежным и заботливым.

В день свадьбы Брайан, проявивший к нам максимум заботы не только как менеджер Джона, но и как настоящий друг, заехал за мной на съемную квартиру, чтобы отвезти на Маунт — Плезант, где находилась регистрационная контора. Фил, которую я была бы счастлива видеть рядом, к сожалению, уехала в отпуск, поэтому я собиралась одна. Купить новое платье я себе позволить не могла, так что выбрала свой лучший деловой костюм в черно — лиловую клетку и белую блузку с кружевами и высоким воротником, подарок Астрид. Уложила волосы французским узлом, надела черные туфли, повесила на плечо маленькую черную сумочку, слегка подвела губы розовой помадой — и была готова к выходу.

Приехал Брайан, в костюме с иголочки, сама элегантность, взял меня под руку и проводил к автомобилю с шофером. Его утонченный вид и шикарная машина заставили меня почувствовать себя особенной. В пути Брайан был со мной очень любезен, успокаивал, как мог, и говорил, что я выгляжу очаровательно.

Погода в тот день была ужасная. На дворе стоял август, но небо было понурым и серым; дождь, казалось, может пойти в любую минуту. Я молила бога, чтобы он не начался, по крайней мере прежде, чем я зайду в контору, поскольку зонтика с собой у меня не было. Когда мы приехали, Джон, Пол и Джордж уже нервно расхаживали взад — вперед по комнате ожидания. Они выглядели пугающе официально, в черных костюмах, белых рубашках с черными галстуками, единственном своем приличном одеянии, в котором можно было выйти в свет. Пол с Джорджем

совершили над собой серьезное усилие, чтобы выглядеть соответственно ситуации, чувствуя, что их главная миссия в эти минуты — поддерживать Джона, сидевшего между ними с белым, как снег, лицом. Меня тронула такая искренняя готовность помочь, хотя их костюмы и лица естественнее смотрелись бы на похоронах: все трое были скованы и напряжены до предела.

Когда я зашла в помещение, Джон сразу вскочил, обнял меня, поцеловал и сказал, что я прекрасно выгляжу Тут кто — то пошутил по поводу их костюмов, и это в какой — то степени разрядило атмосферу: все начали хихикать, хотя и немного нервно. Следом за нами приехал мой брат Тони со своей женой Марджори. Они явились к самому началу, потому что отлучились с работы на время обеденного перерыва. Тони представлял на церемонии нашу семью и справился с этой задачей достойно, поддерживая и оберегая меня, как и полагается старшему брату Джон, конечно, тоже хотел, чтобы кто — то из его родственников был рядом, но, стараниями Мими, этого не случилось.

Через несколько минут после того, как все собрались, мы были приглашены в зал регистрации, где нас уже ждал чиновник, строгий и серьезный джентльмен. Как только мы предстали перед ним, собираясь принести обет верности и любви, вся ситуация вдруг приняла комический оборот: на заднем дворе дома напротив велись какие — то уличные ремонтные работы, и строители включили отбойный молоток. Шум в зале стоял просто невыносимый. Мы начали в недоумении переглядываться. Но регистратор и не думал прерывать церемонию. Нам не оставалось ничего, кроме как продолжить ее вместе с ним.

Затем последовал еще один курьезный момент: когда жениха попросили сделать шаг вперед, вместо Джона вышел Джордж. Однако ни эта невинная шутка, ни грохот за окном не могли смутить или тем более рассмешить строгого представителя государства: нам приходилось усилием воли делать серьезные лица, наклоняться к нему, чтобы расслышать вопросы, и выкрикивать ответы в полный голос. Пол, Тони и Марджори расписались в бумагах как наши свидетели, и через пару минут все вышли из зала. Вырвавшись на свободу, мы дружно расхохотались, исполненные облегчения, что все наконец закончилось.

Тони и Марджори обняли нас и вернулись к себе на работу. Мы переглянулись: и что теперь? Брайан предложил отобедать в ближайшем кафе Reece's.

Снаружи лило как из ведра. Мы бросились бегом по улице, смеясь над безумием и абсурдностью происходящего. Влетев в кафе, мы отстояли очередь за комплексным обедом, состоящим из

супа, жаркого с курицей и эклера на десерт. Заведение не имело лицензии на торговлю спиртным, поэтому, усевшись за стол, мы чокались бокалами с водой, впрочем, нам и так было весело. Никакая церковная церемония с ее обрядами и всем прочим не сделала бы меня такой счастливой. Что касается Джона, то, несмотря на легкое беспокойство, которое ощущалось в нем, глаза его сияли гордостью и радостью, и это глубоко меня трогало. В Джоне как будто что — то изменилось: он стал женатым мужчиной и будущим отцом. И ему это нравилось.

Никто из нас тогда еще не знал об одном магически — странном совпадении: оказывается, череда событий вокруг нашей с Джоном свадьбы была практически полной копией того, что проделали двадцать четыре года назад его родители: они тоже расписались на Маунт — Плезант, пообедали в Reece's, и — точно так же, как нам — Мими неодобрительно цокала языком им вслед. Узнав об этом позже, я понадеялась, что Джулии и Фреду было тогда так же весело, как нам, и, самое главное, что мы с Джоном не расстанемся, как они.

Брайан расплатился за обед, по пятнадцать шиллингов на каждого, а потом объявил о своем подарке: он сказал, что жить в моей съемной комнате нам с Джоном будет не слишком удобно, что у него есть квартира, где он появляется довольно редко, и мы можем пользоваться ею — столько, сколько сочтем нужным. Джон посмотрел на Брайана с восхищением. Я пришла в такой восторг, что бросилась к нему на шею. Брайан, не привыкший к проявлению эмоций на людях, был несколько смущен, но очень доволен тем, что смог нас таким образом осчастливить. Никто из присутствовавших не знал об этой квартире Брайана. Он объяснил, что держит ее для редких встреч с клиентами, а больше мы и не спрашивали. Потом мы поняли, что она служила ему холостяцкой берлогой. Хотя Брайан по — прежнему жил с родителями, ему нужно было место, где можно вдали от любопытных глаз встретиться с партнером или просто побыть в одиночестве. То, что он отдал нам ее в подарок, было очень похоже на Брайана — тонкого и очень щедрого человека.

В тот же самый день мы переехали в квартиру на Фолкнер — стрит. Брайан помог мне собрать вещи, Джон тоже привез все необходимое от Мими. Вот уж чего точно не было у его родителей, когда они поженились: уютного гнездышка для начала совместной жизни. Нам же досталась со вкусом отделанная и полностью обставленная квартира на первом этаже, состоящая из спальни, кухни, ванной комнаты, гостиной и даже небольшого палисадника.

Вечером Джон с ребятами отправились на запланированный

задолго до свадьбы концерт в Честере, а я решила остаться в нашем новом жилище, чтобы разобрать вещи до возвращения Джона. Когда он пришел домой, мы улеглись в кровать и, обнявшись, наслаждались компанией друг друга. Нам не верилось в такое счастье: раньше нам негде было проводить время вместе, не опасаясь, что кто — нибудь придет и застанет нас врасплох; в первый раз в жизни мы могли закрыть входную дверь и расслабиться, уверенные, что никто нас не потревожит. «Ну, миссис Леннон, и каково вам быть замужем?» — спросил меня Джон.

Мы были охвачены ощущением новизны и некоторой странности происходящего. Джон как — то сказал: это все равно что ходить в разных носках, и я прекрасно понимала, что он имеет в виду. Не успели мы свыкнуться с самой мыслью, как уже оказались женатыми.

Следующие несколько недель Джон был полностью занят делами группы — концертами и подготовкой к записи пластинки. У меня оказалась в распоряжении куча времени, однако я чувствовала себя так плохо, что делать все равно ничего не могла. Каждое утро я, как по часам, бежала в ванную, не совладав с тошнотой, а потом плелась со стонами назад в комнату. Квартира Брайана имела один серьезный недостаток: спальня была отделена от остальных помещений и проходить в нее нужно было через общий холл, куда выходили двери других жильцов дома. То есть кто угодно мог зайти с улицы в нашу спальню либо в гостиную, если только обе двери не были заперты на ключ. Когда мы были вдвоем, мы их не запирали, но, оставаясь одна, я все — таки делала это ради своей же безопасности. Ужасно неудобно, особенно когда тебя постоянно тошнит и надо то и дело бегать в ванную.

Когда Джон находился дома, нам нравилось играть в мужа и жену. Он нежно заботился обо мне на всем протяжении беременности, дарил цветы и приносил в дом разного рода забавные вещицы. Однажды, вернувшись с выступления, он сказал: «А ну — ка, закройте глаза, миссис Леннон, у меня для вас сюрприз». Джон настоял на том, чтобы я ощупала его подарок вслепую, прежде чем увидеть его. Это всего — навсего был старенький кофейный столик, но Джон радовался так, будто приобрел его в универмаге Harrods: «Это просто фантастика, Син, правда? Наш первый кофейный столик. Посмотри, медная чеканка, ручной работы, и всего — то за пятерку!» Несмотря на некоторые сомнения, я, конечно, не могла не сдаться перед этим натиском восторга.

Еду в доме готовила всегда я: Джон понятия не имел, как это

делается, да и я, надо сказать, была довольно беспомощной кухаркой. Мои кулинарные способности ограничивались приготовлением сосисок с картофельным пюре, бутербродов с сыром или нашего любимого блюда — риса с говядиной под соусом карри, — которое я покупала в виде полуфабриката, разогревала и подавала с нарезанными сверху дольками банана.

Вскоре после нашей женитьбы я познакомилась с Ринго. Он присоединился к группе за пять дней до свадебной церемонии и какое — то время спустя зашел к нам повидаться с Джоном. До этого я несколько раз его видела, когда он играл с Рори Стормом, но мы с ним не разговаривали. К сожалению, наша первая встреча не задалась с самого начала. Я пригласила Ринго к нам на ужин и приготовила тот самый рис с карри, не зная, что в детстве он много болел и с тех пор не мог есть острую пищу. Он отказался от еды и почти не обращал на меня внимания, разговаривая с Джоном. Я совершенно растерялась и тщетно силилась понять, что же я сделала не так. Позже мне пришло в голову, что он, вероятно, посчитал меня слишком высокомерной. В Ринго, выходце из рабочих кварталов Ливерпуля, наверное, взыграла пресловутая неприязнь к жителям «другого берега». Может быть, от этого он чувствовал себя неловко в моем присутствии.

В любом случае, на первых порах мы с ним относились друг к другу настороженно, но затем постепенно подружились, и я обнаружила, что Ринго самый что ни на есть добрый, приветливый и легкий в общении человек. Еще задолго до того, как я прониклась к нему симпатией, мне было очевидно, что он идеально вписывается в группу. В свои двадцать два Ринго был на три месяца старше Джона и сразу поладил со всеми ребятами, как будто играл с ними с самого начала.

Ринго обладал таким же острым, ехидным чувством юмора, молниеносно парировал любой выпад в свой адрес, и это им ужасно нравилось.

Ринго был, кроме того, еще и приличным барабанщиком, хотя начал интересоваться музыкой только с семнадцатилетнего возраста и дошел до всего сам. Как и Джон, он вырос в неполной семье и был единственным ребенком своей матери Элси, которая рассталась с мужем, когда мальчику исполнилось три года. Его назвали Ричардом, или Ричи, в честь отца. Сын редко виделся с ним после развода родителей и еще реже после того, как отец женился на другой женщине.

Детство Ринго отравляла череда тяжелых болезней. В шесть лет у него развился аппендицит, ставший причиной перитонита. Мальчику сделали две операции, он лежал в коме более двух месяцев и год провел на больничной койке. В то время родителям

не разрешалось слишком часто навещать детей в больнице, так как считалось, что это нарушает их покой, и маме Ринго приходилось тайком наблюдать за сыном, когда он спал. Сейчас сложно себе представить, чтобы шестилетний ребенок был отлучен от матери в течение года, однако тогда это было нормой.

Когда Ринго исполнилось тринадцать, его мать вышла замуж за Гарри Грэйвса. Он сразу же нашел общий язык с пасынком — ходил с ним в кино, покупал ему книжки с комиксами. Однако вскоре мальчик снова заболел: простуда привела к плевриту, и Ринго вновь угодил в больницу, на сей раз почти на два года. Чтобы как — то занять себя там, он научился вязать и мастерить поделки из папье — маше, а вот наверстать пропущенную школьную программу ему не довелось.

Покинув больницу в пятнадцать лет, Ринго еще какое — то время провел дома, восстанавливая силы после болезни, а потом понял, что он уже вышел из школьного возраста и пора искать работу. От перенесенных заболеваний он был невысок ростом и слаб, поэтому тяжелым физическим трудом зарабатывать не мог и решил устроиться посыльным в местное управление железнодорожного транспорта, но его не взяли по состоянию здоровья. Тогда он нашел место ученика у слесаря — наладчика.

Как раз тогда город захлестнула безумная волна скиффла. Ринго с приятелями создал группу, благо помог отчим, купив ему за десять фунтов подержанную ударную установку. Группа играла на вечеринках и танцплощадках, пока Ринго не позвал к себе в ансамбль Рори Сторм. Когда Сторму предложили концертную программу в летнем лагере Батлинс[18] на весь сезон, перед Ринго встал вопрос, что делать с работой: все считали, что бросать ее глупо, так как в учениках ему оставалось проходить всего около года. Но он без колебаний сделал выбор в пользу Рори Сторма и Батлинс.

Именно тогда Ричард Старки превратился в Ринго Старра, «Ринго» из — за его пристрастия к кольцам, и «Старр» — потому что руководство лагеря решило подсократить его фамилию, чтобы назвать ту часть шоу, где он выдавал свое звездное соло на барабанах, «стар — тайм». Проиграв пару лет с Рори Стор — мом в одной из лучших групп Ливерпуля, Ринго всерьез задумался о том, чтобы эмигрировать в Америку и попробовать там заняться чем — нибудь другим. Он уже заполнил часть выездных анкет, когда «Битлз» сделали ему свое предложение.

Через пару недель после нашей свадьбы ребята вместе с Брайаном отправились в Лондон подписывать пятилетний контракт с Parlophone. Еще неделю спустя они записали свой первый сингл Love Me Do, песню, сочиненную Джоном и Полом.

Меня несколько удивил этот выбор: на мой взгляд, песенка была не из лучших и звучала довольно монотонно. Однако Джон сказал мне, что так решил Джордж Мартин, которому понравилась его партия на губной гармошке. «Битлз» сделали около двадцати дублей этой песни, так что потом Джон просто слышать ее не мог. То же самое касалось и песни P. S. I Love You, предназначавшейся для обратной стороны пластинки. Но хуже всего, что во время записи Мартину не понравилось, как играет Ринго, и он решил заменить его на сессионного музыканта. Ребята были очень расстроены, а Ринго — просто ошарашен. Однако возразить никто не осмелился; Джордж уже несколько перегнул палку, когда на предложение Джорджа Мартина: «Если вам что — то не нравится, только скажите» — ответил: «Ну, для начала, мне не нравится ваш галстук». Эта ремарка, столь типичная для их коллективного чувства юмора, с тех пор стала почти бессмертной, но тогда они не на шутку перепугались, решив про себя, что им лучше помалкивать и продолжить запись. Пластинка вышла в начале октября. К огромному облегчению Ринго, из всех дублей Love Me Do для диска выбрали версию с его участием. Но на второй стороне играл другой барабанщик.

Как только сингл вышел, мы, затаив дыхание, принялись ждать его появления в чартах. Поначалу ничего особенного не происходило: несколько раз он звучал на «Радио Люксембург», неизменно вызывая возбужденные возгласы Джона. Однажды ребят даже показали с ней по местному телевидению в программе «Люди и места», но только через три недели Love Me Do появилась в хит — параде, правда, только на сорок девятой позиции. Конечно, это было лучше, чем ничего, но мы ожидали большего. Один Брайан не терял уверенности. «Не торопитесь. Еще не вечер», — говорил он.

В квартире Брайана, несмотря на все ее достоинства, жить на поверку оказалось не так просто. Когда Джона не было, я чувствовала себя там неуверенно. Да и вдвоем мы замучались все время отпирать и запирать наши двери. А самое неприятное, что в этом районе ошивались подозрительные личности. Однажды вечером, когда мы уже ложились, в дверь постучали. Из соседей никто не встал на стук, и Джон пошел открывать. Двое мужчин вороватого вида спросили какую — то Кэрол. Джон сказал им, что они, скорее всего, ошиблись домом, и вернулся в постель. Через некоторое время стук повторился. Мы услышали, как дверь с улицы открылась, и в дверь нашей спальни забарабанили кулаками. Это были опять те двое, и они кричали: «Мы знаем, что она там, ты, козел. Слышь, мужик, а ну верни нашу бабу — или порвем на куски!» Они продолжали стучать так сильно, что,

казалось, дверь долго не выдержит. Потом попытались взломать замок. Мы с Джоном окаменели от страха. Я собралась с духом и заорала что есть мочи: «Тут только одна баба — я, Синтия. И я уже три месяца как беременна!!!»

Слава богу, они ушли, но мы всю ночь не сомкнули глаз, и потом, когда я оставалась одна в квартире, мне всегда было не по себе. Жизнь Джона становилась все более насыщенной, а мне все чаще приходилось коротать время в одиночку. Я и раньше — то старалась привлекать как можно меньше внимания на его концертах, а сейчас, когда стало видно, что я беременна, мы с Джоном договорились, что мне безопаснее оставаться дома. «Битлз», все еще неизвестные за пределами Ливерпуля, у себя дома имели целую армию поклонников, требующих все большего внимания. Девицы выстраивались в длинные многочасовые очереди у стен «Пещеры», чтобы увидеть их. Довольно часто на пути домой после вечернего концерта ребята проезжали мимо толпы девушек, стоящих за билетами в первые ряды на их дневное представление. Перед прибытием «Битлз» они по очереди бегали в туалет прихорашиваться перед зеркалом, чтобы выглядеть на все сто перед своими кумирами.

Новая подруга Ринго, Морин Кокс, уже имела возможность убедиться на своем опыте в том, как фанатки ненавидят девушек «Битлз». Морин еще недавно была сама их ярой поклонницей, хотя вовсе не злобной и сумасшедшей, как некоторые. Она училась на парикмахера и вместе с подругами ходила в «Пещеру» каждый раз, когда ребята там выступали. Как — то Морин даже на спор поцеловала Пола, однако по — настоящему ей нравился Ринго, который — о боже! — приметил ее в толпе и пригласил потанцевать.

Когда Ринго начал встречаться с Морин, ей приходилось это тщательно скрывать. Однажды вечером, когда Морин ждала Ринго в машине неподалеку от выхода из зала, к ней подскочила какая — то девица, просунула руку через приоткрытое стекло и расцарапала ей ногтями лицо. Морин, конечно, не дожидаясь продолжения, заблокировала двери и подняла вверх боковое стекло, но инцидент шокировал ее. Так как подобные случаи происходили в городе все чаще, Джон решил, что мне не стоит рисковать, появляясь на публике, и я с ним была полностью согласна. Но это означало, что видеться мы будем еще реже.

По мере сил я старалась занять себя домашними делами и встречами с друзьями, прежде всего с Фил. Мне было радостно осознавать, что хоть кто — то знает, что я жена Джона и жду от него ребенка. Ведь это приходилось скрывать практически ото всех. Я даже не могла выйти на улицу с обручальным кольцом,

которое Джон купил мне за десять фунтов, чтобы фанатки, знающие меня в лицо, ничего не заподозрили. Мне хотелось, чтобы все знали, что я замужем, хотелось поговорить с кем — нибудь о моем будущем ребенке, но это было невозможно. Значительная часть простых земных радостей молодой женщины, которая готовится стать матерью, была мне недоступна, и это было очень нелегко.

Однажды утром я проснулась от кровотечения. Джон был в Лондоне на встрече в фирме грамзаписи, и я сидела дома одна. Я не на шутку испугалась, что могу потерять ребенка, но даже не знала, что предпринять. К великому счастью, ко мне забежал мой брат Тони — просто узнать, как дела. Он вызвал врача, и тот предписал мне строгий постельный режим. Тони уложил меня поудобнее, принес все, что может понадобиться, и поспешил назад на работу. Я пролежала в постели три дня, боясь лишний раз выйти в ванную; туалетом мне служило помойное ведро, я готовила себе чай на плитке, и все. Джону я не звонила, чтобы его не беспокоить, просто ждала три дня, оставшиеся до его возвращения. Я решила, что раз Джона нет и он все равно не может ничего сделать, я должна самостоятельно пройти через все это — суждено нашему ребенку остаться или нет. Сказать Джону раньше означало бы разрывать его на части, а я этого не хотела.

К тому времени когда Джон вернулся домой, кровотечение прекратилось. Он встревожился, но был рад, что все обошлось и ребенок в порядке. Джон обнял меня и сказал, что нужно было ему сообщить и что он очень жалеет, что его не было рядом.

Несколько дней спустя я убедила Джона навестить Мими. Ее реакция на наш брак так его задела, что он с тех пор с ней не общался. Я не испытывала к ней теплых чувств, но знала, что она важна для Джона. Мне очень не хотелось, чтобы они поссорились навсегда: он уже и так потерял слишком много близких людей.

Джон изрядно поупрямился, но в итоге согласился. У порога ее дома мы несколько замешкались, опасаясь повторения инцидента с летающей курицей, но Мими, вопреки ожиданиям, встретила нас с распростертыми объятиями. Было видно, что она очень соскучилась по Джону; слишком упрямая, чтобы сделать первый шаг самой, она, похоже, была рада возможности все уладить.

За завтраком мы обсудили последние новости. Мими не проявила особого восторга в отношении их контракта со студией, но признала, что в целом они «неплохо себя проявили». Из ее уст это звучало как высшая похвала. Когда же она узнала о моей недавней угрозе выкидыша, то как — то трогательно всполошилась и предложила нам переехать к ней: по крайней

мере, до конца беременности со мной всегда кто — то будет рядом. К нашему с Джоном удивлению, Мими сказала, что переберется наверх, а мы будем жить на нижнем этаже. Это было очень любезно с ее стороны, и мы не могли отказаться. В квартире Брайана я уже давно чувствовала себя одиноко и неспокойно. К тому же «Битлз» снова собирались в Гамбург, так что нам с Джоном опять предстояла долгая разлука. А с Мими хотя бы можно быть уверенной, что в доме есть кому, в случае чего, вызвать «скорую». Единственное, что мешало нам немедленно переселиться и занять нижнюю половину дома — это постояльцы — студенты, которые должны были съехать после Рождества.

По окончании праздников мы собрали наши пожитки, поблагодарили Брайана за его квартиру и вернулись в Вул — тон. Вскоре после этого ребята вылетели в Гамбург выполнять контракт, который они подписали несколько месяцев назад. Перед самым их отъездом мы узнали, что Love Me Do переместилась в хит — параде на двадцать седьмое место. Кроме того, Брайан договорился, что в феврале они отправятся в турне с Хелен Шапиро, шестнадцатилетней девушкой, ставшей британской знаменитостью благодаря сильному голосу и нескольким хитам, таким как Walking Back To Happiness.

Love Me Do скоро заняла семнадцатое место в чартах. Теперь я уже частенько слышала ее по радио, и каждый раз у меня прямо дух захватывало.

В письмах из Германии Джон рассказывал о всяких безумных пирушках, которые они там устраивали, одна неделя сменяла другую, а жизнь под одной крышей с Мими лучше не становилась. До Рождества, пока студенты еще оставались в доме и Мими еще не перебралась на второй этаж, здесь постоянно крутились какие — то люди, которым не следовало знать о моем замужестве и беременности, дабы эти новости не просочились в город и не получили широкую огласку. Я носила мешковатые одежды, прикрывавшие мой живот, и старалась лишний раз не попадаться им на глаза.

Наши пути с Мими тем не менее пересекались регулярно, иначе и быть не могло.

Когда Джон уехал, она стала относиться ко мне как к бесплатной рабочей силе, то и дело ворчала и никогда не спрашивала, как я себя чувствую. Я отдавала себе отчет в том, что являюсь для нее всего лишь инструментом, одним из способов удержать Джона рядом. Мне так редко доводилось видеть ее в добром расположении духа, что я всегда отмечала это как событие в своем дневнике: «Мими сегодня в хорошем настроении

(в кои — то веки)». В довершение всего, когда Джон, обычно раз в неделю, звонил домой (чаще не получалось из — за дороговизны международной связи), она первой хватала трубку и болтала с ним минут по десять. Мими хихикала, как молоденькая девушка, и подзывала меня к телефону только тогда, когда деньги Джона оказывались уже на исходе. Часто у нас едва хватало времени поздороваться.

Иногда мне удавалось выйти прогуляться с Фил или сходить в гости к моей родной тете Тесс, к маминой подруге тете Мюриэл или к тете Джона Хэрри и его сводным сестрам. Джулия и Джекки с воодушевлением говорили о будущем малыше. Их очень волновала перспектива стать настоящими тетушками. Вообще, Хэрри была всегда рада меня видеть, и я провела у них несколько очень теплых и приятных вечеров. Однако чаще всего я сидела у себя в комнате, писала Джону письма и вязала пинетки.

Джон присылал мне достаточно, чтобы я могла платить Мими за жилье и покупать все необходимое, не беспокоясь о деньгах. Я была ему за это благодарна. Мои мечты стать учителем ИЗО рухнули, я не очень — то представляла себе, чем хочу заниматься дальше, и была рада, что у меня есть возможность подумать об этом более обстоятельно после рождения ребенка.

В конце ноября Джон приехал ненадолго домой, только чтобы почти сразу отправиться в Лондон на запись второго сингла группы. Джордж Мартин подготовил для них песню под названием How Do You Do It? которая, как он считал, подойдет им и станет хитом. Ребятам она не понравилась, они отказались ее записывать, и Джордж тогда предложил показать ему что — нибудь другое, столь же интересное. Они сыграли свою собственную, Please Please Me, и он хоть и неохотно, но все же согласился. How Do You Do It? отдали Джерри Марсдену и его Pacemakers, благодаря им она действительно сделалась очень популярной.

Джон и Пол всегда хотели исполнять свои собственные песни, потому они и осмелились противоречить Джорджу Мартину, перед которым просто благоговели. Когда тот согласился с их выбором, они были страшно довольны и в то же время нервничали. «Надеюсь, все получится, — сказал мне тогда Джон. — Иначе мы будем выглядеть полными идиотами».

Закончив работу в студии, «Битлз» отправились в Гамбург, в пятый и последний раз, и пробыли там весь декабрь.

На Рождество квартиранты Мими наконец съехали, и я смогла переселиться вниз, как было обещано. Теперь у нас с Джоном были в распоряжении кухня, прилегающая к ней веранда, а также две гостиные. Мендипс был холодным и неуютным

домом, без центрального отопления, с допотопными электрическими обогревателями почти во всех комнатах. Две гостиные на первом этаже давно не использовались, и мне мерещился там призрак мужа Мими Джорджа, играющего с маленьким Джоном. При жизни Джорджа и дом был тоже живым.

После его смерти Мими большую часть времени проводила на веранде, где чувствовалось хоть какое — то подобие уюта. Она располагалась рядом с кухней; здесь были раскладной стол, три не очень удобных кресла и телевизор, стоявший между столом и камином. В камине всегда горел огонь, и угольное ведро периодически наполнялось. Я знала, что Мими совершила немалое усилие над собой, позволив нам занять нижний этаж с ее излюбленным местом у камина, и была ей благодарна за предоставленную нам с Джоном возможность иметь свое личное пространство в доме. Наверху находились две спальни и небольшой чулан, где я до этого жила. Мими превратила одну из спален в гостиную, а мою бывшую комнату в кухоньку с портативной газовой плиткой. А я переоборудовала одну из гостиных внизу в нашу спальню. Единственным помещением, которым пользовались мы все, была холодная, как лед, ванная со стенами, отделанными черно — белым кафелем.

Мебель в Мендипсе была старой и потрепанной. Мими на сей счет говаривала: «Если бы мой муж не растранжирил все деньги и не обрек нас на долги своими азартными играми, я бы давно избавилась от всего этого хлама». Мне так и не довелось узнать, был ли Джордж действительно игроком, или это всего лишь ее выдумки.

У Мими было две ипостаси, в которых она представала перед окружающими. Дома она одевалась неряшливо: нестиранные свитера и юбки, провисшие сзади от постоянного сидения у камина; чулки в складках, на ногах — вечные тапочки, которые она практически не снимала. Давно страдая бронхитом, Мими имела привычку скрещивать руки на груди, будто защищая ее от возможных напастей. Другое дело, когда она выходила на улицу: в своем лучшем бежевом пальто с меховым воротником, мелкие седеющие кудряшки аккуратно уложены под фетровой шляпкой, элегантные туфли на высоких каблуках. Землистый цвет лица скрадывали искусно наложенные румяна — казалось, будто перед вами совершенно другая женщина.

У Мими было три страсти: деньги, Джон и ее кошки — по значимости, наверное, именно в этом порядке. Кошек тоже было три, и я уверена, что Мими предпочитала их многим людям. Поскольку мне в доме досталась полноценная кухня, предполагалось, что и кормить этих тварей буду именно я. Для

этого нужно было каждый день ходить к продавцу рыбы, забирать у него рыбьи остатки, а потом варить их и отделять от костей. Запах на кухне от них стоял невыносимый — впрочем, не слишком высокая цена за личное пространство и уединение.

Меня радовали успехи ребят, но с тех пор, как мы переехали к Мими, Джон все время пребывал в разъездах, и я по нему очень скучала. Нам крайне редко выпадала возможность насладиться своим положением молодоженов, а мне так хотелось находиться рядом, разделяя с ним волнующие моменты. Но приходилось принимать вещи такими, какие они есть. Пример родителей научил меня: раз ты вышла замуж, поддерживай мужа во всем, чего бы это ни стоило. Мы с Джоном выросли в то время, когда для женщины было привычным сидеть дома в ожидании супруга. Многие мужчины в Ливерпуле уходили в море, как, например, отец Джона, и у их жен не было другого выбора. Я оказалась в таком же положении: он уезжал, чтобы зарабатывать на жизнь, а в мои обязанности входило ждать его дома и окружить любовью и лаской, когда он вернется. Никому и в голову не пришло бы спросить, почему я все это терплю: это считалось нормой. Мне оставалось только ждать и надеяться, что на сей раз разлука будет не такой долгой.

Живот мой становился все более заметным, и я стала реже появляться на улице. Да и выйти из дома было не так просто: наступила зима, одна из самых суровых за последние годы, выпавший снег превратился на тротуарах в твердый и скользкий лед. Когда мне нужно было идти в женскую консультацию, приходилось передвигаться очень осторожно, скользя по накатанным дорожкам, все время боясь упасть, хватаясь за все и за всех, кто только попадался на пути.

Время было нелегкое: холодная ненастная погода, почти постоянное отсутствие Джона, Мими, явно раздраженная тем, что вынуждена делить со мной кров, и я — будущая мать, страшащаяся одной только мысли о том, что ее ожидает.

ГЛАВА 9

После столь насыщенного событиями года я не могла себе представить, что еще мне готовит судьба. Мы пережили череду важных, изменивших нашу жизнь событий: смерть Стюарта, моя беременность, наша женитьба, первый контракт «Битлз» на запись пластинки. Я мечтала о том, чтобы у нас с Джоном образовалось несколько свободных месяцев, чтобы все переварить. Но, конечно, шансов на это не было никаких.

В начале 1963 года группа пользовалась бешеной популярностью в Ливерпуле, но за пределами города о ней все еще почти никто не слышал. Мы и не подозревали, какие грандиозные перемены несет нам этот год и что к его исходу вся Британия будет от «Битлз» без ума, а имена Джона, Пола, Джорджа и Ринго станут здесь самыми знаменитыми.

Такой успех был для нас все еще невообразимой и дикой фантазией, когда Джон, всего лишь на пару дней, вернулся домой из Гамбурга. Это было самое начало января, вскоре ему предстояло отправиться в гастрольное турне по Шотландии. Джон был полон впечатлений и рассказов о том, как им жилось и работалось в Германии. Кроме того, он чувствовал облегчение от того, что мы с Мими не поубивали друг друга к его приезду. К его возвращению я привела в порядок нашу часть дома, и около двух недель мы прожили в относительном покое. Джон много сочинял, подыгрывая себе на гитаре и тут же набрасывая текст. Как и раньше, ему приходилось делать это на крыльце, поскольку Мими, несмотря на все его достижения, не разрешала ему репетировать в доме. Джон обычно звал меня послушать, когда у него получалась какая — нибудь песня. По вечерам мы ужинали, болтали и валялись, свернувшись калачиком, перед телевизором. Сплошное блаженство.

В феврале «Битлз» отправились в свое первое турне по Великобритании, в котором они сопровождали певицу Хелен Шапиро. Эта поездка давала им возможность показать себя перед новой, гораздо большей аудиторией, и Джон чувствовал некоторую неуверенность в своих силах. Но волновался он напрасно: публика везде принимала «Битлз» с огромной любовью, и нередко основная часть аплодисментов доставалась именно им.

Джон звонил мне из каждой гостиницы, где они останавливались. Его радовали концерты и любовь публики, но все же он скучал по мне. Вместе с командой гастролеров они объездили на автобусе всю страну вдоль и поперек. В дороге Джон занимал себя чтением, сочинением новых песен,

спонтанными импровизациями, а также тем, что постоянно подшучивал над Хелен, которая, несмотря на свой статус гастролирующей звезды, относилась к нему почтительно и даже побаивалась. Позже Хелен призналась мне, что Джон, хоть и дразнил ее беспощадно, тем не менее был к ней добр и старался всячески оберегать.

Ребята были еще на гастролях, когда 16 февраля, через месяц после выхода, песня Please Please Me заняла первое место в хит — параде. Узнав об этом по телефону от Джона, я завизжала от радости: надо же, первое место! В тот момент мне казалось, что ничего лучшего уже случиться не может.

Джон должен был вернуться через несколько дней. Чтобы выглядеть сногсшибательно к его приезду, я решила сделать себе новую прическу. К сожалению, я дала парикмахерше уговорить себя, и она укоротила мои длинные волосы до плеч. Увидев себя после этого в зеркале, я пришла в ужас: Джону наверняка не понравится. И это мягко сказано. Он всегда восхищался моими волосами. Весь вечер я думала, что же мне сделать.

В итоге я накрутилась на бигуди, чтобы, когда он придет поздно вечером, было не так заметно. Однако утром все раскрылось. Я знала, что ему не понравится, но не могла даже предположить, насколько он разозлится. «Что ты наделала?!» — заорал он, и после этого не разговаривал со мной целых два дня. Это было ужасно. К крику я еще была готова, но к такому суровому молчанию — никогда.

Сейчас я объясняю его реакцию тем, что тогда Джон был совершенно ошеломлен тем, что с ним происходило: весь мир вокруг него стремительно менялся. И последнее, что, в его понимании, могло в этом мире измениться, была я: Джону было необходимо приходить домой и видеть ту Син, которую он знает и любит. В моем лице он находил якорь, надежный тыл, где он всегда мог укрыться и оставаться самим собой. Из всех людей в его жизни я была самой постоянной, той, которая не требовала, не критиковала и не отдавала распоряжений, той, которая любила его без каких — либо условий. К счастью, на третий день Джон смягчился, обнял меня и попросил прощения. А я с тех пор больше не помышляла о столь радикальных переменах внешности.

Следующие два месяца Джон постоянно находился в разъездах, оставляя меня на несколько дней, а иногда и недель. Его расписание заполняли концерты в разных городах или сессии звукозаписи в Лондоне. Ребята записали свою первую долгоиграющую пластинку Please Please Me за одну одиннадцатичасовую смену. Сейчас, когда большинство групп

работают над каждым альбомом месяцами, это звучит странно и удивительно.

Я тем временем пухла, как на дрожжах, и с нетерпением ждала дня родов. Сама я не была уверена в сколько — нибудь точной дате, но доктора утверждали, что это должно случиться в начале марта. Но прошло четвертое марта, потом седьмое, двенадцатое, пятнадцатое… Предполагаемые дни выпрыгивали, как в счетчике, один за другим, а ребенок так и не выказывал желания появляться на свет.

В субботу, 6 апреля, когда Джон был в очередной командировке, мы с Фил решили пройтись по магазинам на Пенни — Лейн. Мне ужасно надоели те балахоны, которые я была вынуждена носить, поэтому я надумала купить себе что — нибудь симпатичное, чтобы надеть после родов. Не успели мы пройти и половины пути, как у меня случились первые схватки. «Кажется, началось», — сказала я Фил. Схватки, правда, были не сильные. Ложные схватки бывали у меня и раньше, поэтому я решила лечь отдохнуть и подождать, что будет дальше. Мы пришли домой, я легла на спину, подняв ноги на спинку кровати. Фил приготовила поесть и обещала, что останется со мной до конца. К вечеру ничего особенно не изменилось, и мы легли спать.

В четыре утра я проснулась от приступа боли, такой сильной, что у меня перехватило дыхание. Я громко окликнула Фил, она в панике вскочила, но тут же взяла себя в руки и набрала номер «скорой». Бригада приехала так быстро, что мы все еще были в ночнушках, а у Фил в волосах по — прежнему красовались бигуди. Она второпях накинула пальто, подоткнула под него свою ночную рубашку, прикрыла бигуди косынкой и последовала за мной и санитарами к машине, не выпуская из рук довольно громоздкую сумку, приготовленную заранее. Вещей в ней лежало не так уж и много, однако другой сумки у меня попросту не было.

Когда мы прибыли в клинику, меня тут же куда — то повезли. Через некоторое время Фил вернули мою сумку, но уже пустую, без вещей. Врачи сказали Фил, что она пока не нужна и может отправиться домой немного поспать. Единственной проблемой было то, что у Фил под пальто была одна ночная рубашка, а в карманах ни пенса. Она полагала, что «скорая» подбросит ее к дому Мими, но ей твердо сказали «нет».

Бедная Фил поплелась назад от Сефтонской больницы к нашему дому, куда идти было километра три, вся закоченевшая, волоча за собой огромную сумку. На ее счастье, мимо проезжало такси. Сердобольный водитель остановился, подумав, что она сбежала из клиники, и предложил бесплатно довезти до дома. У Фил уже не было никаких сил объяснять ему, что случилось, но

она с благодарностью приняла его предложение.

Приехав ко мне домой, Фил сразу же плюхнулась в постель. Мими, судя по всему, слышала нашу возню ночью, но так и не спустилась вниз и не подавала признаков жизни ровно до шести утра, когда начала пылесосить под дверью спальни Фил. Так Мими обычно давала мне понять, что пора вставать, и воскресенья в этом смысле не были исключением. Изможденная и сонная Фил собрала вещи и отправилась к себе домой.

Все воскресенье у меня прошло в схватках, и мне было ужасно одиноко. Джон последние дни часто звонил, и я знала, что, когда он позвонит в очередной раз, Мими скажет ему, что меня увезли в больницу. Речи о том, чтобы он как будущий отец ребенка присутствовал при родах, и быть не могло: тогда это было не принято. Мне очень не хватало рядом моей мамы, но она была в Канаде, так что пришлось мне рожать одной.

Схватки продолжались в течение двадцати четырех часов. Меня поместили в отделение, где добрая половина женщин уже родила. Они сидели рядом со своими новорожденными, сияя от счастья, в то время как другие, тут же, по соседству с ними, лежали, корчась от боли и моля бога лишь о том, чтобы все это побыстрее закончилось. Я лежала рядом с очень полной роженицей, которая сказала мне, что она не замужем. Она все время звала на помощь маму и периодически вскакивала с постели, громко заявляя окружающим, что с нее хватит и что она едет домой. Каждый раз я ее успокаивала, говорила, что никто ее отсюда не отпустит, и, как могла, старалась ее поддержать.

Самым невыносимым было, когда в палату приходили посетители — мужья и родственники, улыбающиеся во весь рот, с цветами и шоколадками. Они заполняли все пространство и чинно рассаживались рядом со своими благоверными. Только нас с соседкой никто не навещал. Уверена, в больнице все считали, что я тоже одиночка, так что осуждающих взглядов нам тогда досталось в избытке. Фил думала, что раз мамы сейчас нет, Мими обязательно навестит меня, но та даже записки не написала. Я чувствовала себя подавленной, брошенной и очень напуганной.

Рано утром в понедельник, 8 апреля, меня перевели в родовую палату и сказали, что теперь я должна рожать. Мне зачем — то принесли кислородную подушку, однако лучше я себя чувствовать не стала: от долгих часов схваток, без пищи, выпив за сутки всего несколько глотков воды, я была в полном истощении.

Темнокожая акушерка строго сказала мне, что, если я не буду как следует тужиться во время схваток, ребенок может погибнуть, да и я вместе с ним тоже. В ужасе, я собралась с последними силами и в конце концов родила свое дитя в 6.50 утра. Наш сын

появился на свет, обернутый пуповиной вокруг шеи и весь какого — то желтушного цвета. Сестра сразу же забрала его, помыла и вернула мне чистеньким в родильную палату. Она положила сверточек рядом со мной, и я впервые взглянула на него. Это было крошечное создание, с маленьким, сморщенным и ярко — красным личиком. Мне он показался верхом совершенства. Его положили в люльку рядом со мной. Мы вместе спали, уставшие от долгих и мучительных родов.

На следующий день наконец объявилась Мими. Ей позвонили, сказали, что ребенок родился, и она пришла навестить сына Джона. Она по — прежнему держалась со мной подчеркнуто строго, хотя, увидев мальчика, несколько смягчилась. Мими уже позвонила Джону, сообщила, что он отныне отец, и предложила также дать телеграмму моей маме. Я поблагодарила Мими и сказала, что сама напишу ей. Я радовалась, что Джон обо всем знает, однако была расстроена тем, что не смогла сообщить ему новость сама.

Джон приехал в клинику только через три дня после рождения сына, сразу же, как появилась возможность отлучиться с гастролей. Он ворвался ко мне как вихрь, прорыскав до этого по всем помещениям в поисках нас с малышом. Поцеловал меня и взглянул на сына, сопевшего у меня на руках. Со слезами на глазах Джон прошептал: «Син, он — обалденный. Просто фантастика!» Новоиспеченный папаша опустился рядом на стул, и я дала ему ребенка на руки. Он ощупал его маленькие ручки, разглядывая каждый миниатюрный пальчик, и лицо его расплылось в улыбке: «Ну, так кто тут у нас будет знаменитым маленьким рокером, как папа, а?..» Джон организовал мне отдельную комнату, хорошо понимая, что в общей палате я буду привлекать нежелательное внимание посторонних.

Все было, конечно, замечательно, однако побыть наедине нам так и не удалось. В стене моей палаты было небольшое окно, выходившее в коридор, и, когда в больнице прознали, что Джон находится здесь, это окошко с внешней стороны облепили десятки пациентов. Мы почувствовали себя золотыми рыбками в аквариуме, и стало понятно, что Джону тут долго оставаться нельзя. Он обнял меня и, раздав несметное количество автографов, уехал: ему нужно было завершить гастроли, прежде чем он сможет вернуться домой — не раньше следующей недели. Визит Джона был коротким, но имел заметный продолжительный эффект: сестры в клинике начали относиться ко мне гораздо более дружелюбно.

В больнице я пробыла еще несколько дней, и мою палату вскоре заполнили цветы и поздравительные открытки, среди

которых был также букет от Брайана и других «Битлз».

На следующий день после визита Джона я написала маме письмо следующего содержания:

Привет, бабуля!

Ну что, мам, наконец — то оно, точнее, ОН появился на свет, 8 апреля, в 6.50 утра. Слава богу, все кончено. Он просто прелесть! Весом всего 2 кило 8оо, но он чудный, мама. Думаю, ты можешь себе представить мое состояние!

Как же мне хочется, чтобы ты была здесь и посмотрела, как он спит тут рядом в своей кроватке. Да, кстати, у меня отдельная палата, 24 шиллинга в сутки, но оно того стоит. Вчера, в четверг, Джон приезжал и увидел его в первый раз. Бедняга, весь на нервах!.. Ребеночек вылитый Джон, но чем — то и на меня похож. Так что будет он у нас настоящий красавчик!!!

Надеюсь, ты получила телеграмму от Мими… Она без ума от малыша (а вот меня тетушка, чувствую, скоро доведет до ручки). Как только выйду и смогу этим заняться, хочу подыскать себе другую квартиру — так что, мамуль, когда вернешься, тебя тут встретит маленький веселый мальчуган. Правда, здорово?

Пару дней спустя нас выписали из больницы, и мы приехали домой на такси. Джон и я хотели, чтобы в полном имени ребенка были наши с ним фамильные имена, Джон и Чарльз, соответственно, в честь его и моего отца. А собственно имя ребенку я предложила дать в честь его матери — Джулиан.

Джон немного посомневался, задумавшись, достаточно ли мужественно оно звучит, но потом отбросил сомнения: имя нравилось нам обоим, оно было в память о Джулии. Джон Чарльз Джулиан Леннон. На том и порешили.

Стать матерью, как выяснилось, не так — то просто. Только привезя Джулиана домой, я поняла, как мало знаю об уходе за грудными детьми. Никаких курсов для будущих мам тогда не было, так что учиться приходилось методом проб и ошибок. Последних, похоже, было гораздо больше. Джулиан плакал дни и ночи напролет, и это очень выматывало. К тому же у меня были проблемы с грудным вскармливанием, и я постоянно боялась, что ребенок побеспокоит Мими, которая жаловалась, что ей не дают как следует выспаться. У себя дома и вместе с мамой, конечно же, было бы гораздо проще. Здесь все сваливалось на меня, и иногда я не выдерживала и начинала реветь от отчаяния и беспомощности.

Джон вернулся через неделю. Он был в восторге от своего сына, но наотрез отказывался менять подгузники и даже выходил из комнаты, когда я это делала. Обычно в таких случаях он говорил: «Син, я не знаю, как у тебя получается. Когда я это вижу,

меня сразу начинает тошнить». Я не слишком — то расстраивалась: мало кто из мужчин тогда мог похвастаться умением управляться с грудными детьми; я и не надеялась, что Джон будет исключением из правил.

Зато Джону очень нравилось наблюдать за Джулианом во время купания. Он обожал запах детского талька и с удовольствием держал малыша на руках, такого теплого и вкусно пахнущего, перед тем как уложить в кроватку. Первое время Джон никак не мог поверить и свыкнуться с мыслью, что это маленькое создание принадлежит нам, что оно наше. Очень жаль, что те первые месяцы, да и многие последующие, Джон так и не смог полностью посвятить сыну.

Когда Джулиану исполнилось три недели от роду, Брайан пригласил Джона поехать с ним отдохнуть в Испанию. Джон спросил, не буду ли я против, и я совершенно честно сказала, что нет: я была полностью занята ребенком, мне было совсем не до путешествий. С другой стороны, я хорошо знала, как Джон нуждается в отдыхе, особенно там, где его никто не знает и где можно по — настоящему расслабиться. Получив мое благословение, они уехали в двенадцатидневный отпуск. Джон потом пожалел, что поехал, потому что эта поездка породила бесчисленные слухи о его отношениях с Брайаном. На него посыпались язвительные замечания, шпильки и намеки насчет его сексуальной ориентации. Все это приводило его в ярость, ведь он всего — навсего хотел провести время с другом, отдохнуть, а люди раздули из этого невесть что.

Через пару недель после возвращения Джона из отпуска Пол решил отпраздновать свой двадцать первый день рождения. Вечеринка была организована на заднем дворе дома его тетушки. «Битлз» только что завершили очередной тур по Великобритании. На сей раз их компаньонами по гастролям были певец Рой Орбисон и Gerry and the Pacemakers. Ребята выпустили свой третий сингл, From Me To You, который сразу взлетел на первое место: два хита подряд! Мы были просто ошарашены. Неимоверное везение!

На вечеринке их давний товарищ Боб Вулер, диджей в клубе «Пещера», обращаясь к Джону, уже изрядно выпившему, грубо пошутил по поводу его недавнего отпуска. Тот взорвался, набросился на Боба, и к моменту, когда их удалось растащить, успел поставить ему синяк под глазом и чуть не переломал ребра. Я поспешила увести Джона домой, а Брайан повез Боба в больницу.

Я с ужасом думала о том, что Джон снова сорвался. Мне казалось, что такое больше никогда не повторится. Но он никак

не мог успокоиться и без умолку твердил, что Боб обозвал его педиком. Несколько дней спустя, когда Джон успокоился, ему стало стыдно, и он все повторял: «Боже, Син, что я наделал!» Он отправил Бобу телеграмму: «Боб мне очень жаль точка с ужасом думаю что я наделал точка что тут еще скажешь Джон Леннон». К сожалению, местная пресса подхватила эту историю. Появилась заметка и в Daily Mirror, что отнюдь не помогло имиджу Джона. Он поклялся, что больше не сделает ничего подобного, и, насколько я знаю, держал свое слово. По крайней мере, пока мы были вместе.

Там же, на дне рождения, я познакомилась с новой девушкой Пола, семнадцатилетней Джейн Эшер. Она была настоящая красавица, с зелеными глазами и рыжевато — каштановыми волосами. Она играла в театре с пяти лет и была довольно успешной актрисой, однако это никак не сказалось на ее манере общения с окружающими: Джейн со всеми держалась открыто и приветливо. С Полом они встретились за месяц до этого, когда ей как корреспонденту светской хроники журнала Radio Times[19] дали задание взять интервью у «Битлз» после их выступления в лондонском Королевском Альберт — холле. Для ребят это было очень значимое и престижное событие. Концерт транслировался вживую в программе легкой музыки Би — би — си, в которой «Битлз» соседствовали с такими известными именами, как Дел Шэннон и Шейн Фентон (позже — Элвин Стардаст). После выступления ребята отправились в клуб в Вест — Энде, оставив Пола и Джейн заканчивать интервью. Когда они вернулись два часа спустя, парочка все еще продолжала увлеченно беседовать.

Джейн была иной, нежели все предыдущие девушки Пола. Дочь психиатра и преподавательницы музыки, она отличалась незаурядным умом и широким кругозором, уверенностью в себе и не по годам зрелым обаянием. Пол, с его пролетарским происхождением, был вылеплен совсем из иного теста. Он относился к Джейн с почтительным восхищением, и с момента первой встречи они стали неразлучны.

Четвертый сингл «Битлз» She Loves You был выпущен в июле. Песня сразу стала хитом номер один, их самой знаменитой на то время композицией. Джон и Пол написали ее в автобусе во время гастролей с Хелен Шапиро. Им удалось передать в ней атмосферу и всеобщее приподнятое настроение начала шестидесятых. Эти yeah, yeah, yeah в конце припева — их пела вся страна, устоять было невозможно. «Битлз» доказали, что они талантливы, оригинальны и достаточно сильны для того, чтобы конкурировать на поп — сцене с американскими звездами. Мне эта песня особенно нравилась: она напоминала о том, что Джон написал

мне в своей первой рождественской открытке: «Я люблю тебя, да, да, да!»

Тогда авторы не заявляли публично о том, что та или иная песня посвящена любимому человеку, однако я знаю, и Джон сам часто говорил, что многие его песни были написаны для меня. Они с Полом творили, основываясь на своих собственных эмоциях и опыте, а я занимала настолько значительное место в жизни Джона, что составляла неотъемлемую часть его сочинительской кухни. Естественно, его песни о любви становились нашими песнями.

Британская пресса долго раскачивалась, прежде чем начала отдавать себе отчет в том, насколько «Битлз» популярны. В первую очередь потому, что ничего подобного прежде не случалось. Фанаты на концертах сходили с ума, а газеты предпочитали этого не замечать. До «Битлз» большинство рок — звезд были из Штатов. Когда журналисты поняли, как глубоко ошибались на их счет, ребят стали раздирать на части с просьбами дать интервью, и все были приятно удивлены их умом, образованностью и умением четко отвечать на поставленные вопросы. Оказалось, что они готовы беседовать на любые темы, даже не очень близкие им, и могут заболтать кого угодно. В отличие от других звезд поп — музыки — обычно немногословных, способных лишь коротко высказаться по поводу своей недавно вышедшей пластинки и не более того, — «Битлз» были чрезвычайно разговорчивы и открыты для общения. Пол, самый амбициозный из четверки и склонный к саморекламе, очаровывал всех своей любезностью и обходительностью. Джордж был очень яркой личностью, но не любил давать интервью и все время старался свернуть беседу. Ринго ничего не имел против закрепившегося за ним имиджа весельчака и везунчика, которому посчастливилось вскочить в последний вагон уходящего поезда. Однако больше всего газетчиков поражал Джон: он мог часами говорить о чем угодно и ни о чем, был в меру самокритичен, умел выразить свое мнение по любому вопросу и не скупился на ядовитый сарказм с теми из журналистов, которые, по его мнению, даром отнимали у него время. Тем самым он, кстати, научил газеты и журналы направлять к нему на интервью своих лучших репортеров.

Джону нравилось все, что творилось вокруг «Битлз». Но какая — то часть его всегда находилась в сторонке, словно лишь наблюдая за происходящим. Он желал славы и успеха, однако не хотел продаваться и изменять себе. Джон всегда говорил то, что думает, и не боялся открыто критиковать себя и других. В этом смысле слава его не изменила.

Я гордилась Джоном, была возбуждена и немного напугана. Все случилось так стремительно, и мне казалось, что чем больше их успех, тем сильнее Джон отдаляется от меня. Я постепенно привыкала к роли матери своего сына, но все чаще ощущала себя скорее матерью — одиночкой, удрученной бесконечным заключением в четырех стенах. Я любила Джулиана, но понимала, что, не родись он, я бы чаще была с Джоном. Даже будучи вынуждена скрывать наши отношения, я все равно могла бы время от времени ездить с ним в Лондон или на гастроли. А так я оказалась отрезана от его жизни в самые захватывающие ее моменты.

Джон возвращался домой всякий раз, когда у него появлялась такая возможность, но всегда ненадолго. Брайан все время уплотнял их график, и ребят постоянно ожидала сессия звукозаписи или очередной концерт. Я соскучилась по их живым выступлениям, которые часто посещала в прошлом. Пока газеты не спешили реагировать на их успех, я до конца не понимала, насколько они популярны. Хиты появлялись один за другим, но, приходя домой, Джон не любил рассказывать о концертах, о том, как их принимали: дом был для него местом, где ему хотелось отключиться от всего и почувствовать себя нормальным человеком.

Вести нормальную жизнь при этом не всегда получалось, даже когда Джон находился дома. Первые несколько месяцев после рождения сына мы все еще жили у Мими, и напряженная атмосфера в доме не позволяла нам расслабиться. Джулиан постоянно плакал, возможно, ощущая неладное. Я укладывала его в коляску и уходила в глубину сада, подальше от Мими. В ее отношении к нам чувствовалось презрение; она постоянно ворчала, что ее дом перевернут вверх дном, и прочее. В конце концов накопившаяся усталость довела меня до полного истощения, и как — то ночью Мими даже сжалилась надо мной и предложила забрать Джулиана к себе наверх, чтобы я немного поспала. Конечно, я была ей благодарна, но меня настолько беспокоило, как она там с ним справится, что я так толком и не сомкнула глаз.

Это была единственная попытка Мими хоть как — то мне помочь. Все остальное время она либо говорила, что плохо себя чувствует, либо жаловалась, что ее выжили на второй этаж, забыв, что в свое время она сама же это и предложила.

Я продолжала кормить ее кошек, сдерживая рвотные позывы от запаха вареной рыбы. Несмотря на то что я много раз просила Мими не выпускать кошек на мою половину дома, она все равно часто делала это, когда меня не было. Приходя, я нередко

заставала их спящими в кроватке Джулиана, после чего все белье оказывалось в кошачьей шерсти. Мне трудно было поверить, что это происходит случайно.

К этим моим неприятностям добавлялось еще одно обстоятельство, которое расстраивало меня больше всего: само мое существование по — прежнему держалось в секрете. Я хотела, чтобы меня признавали как жену Джона. Хотя в Ливерпуле некоторые из поклонников это знали, для всей страны он оставался свободным молодым холостяком. Не было случая, чтобы на прогулке с Джулианом я не натыкалась на какую — нибудь девицу, которая обязательно спрашивала меня, правда ли, что я жена Джона. Мне приходилось говорить «нет», как и требовалось, и спешно катить прочь коляску с ребенком.

Третьего августа 1963 года «Битлз» в последний раз выступали в «Пещере». К моему большому сожалению, мне не разрешили прийти: фанаты прослышали о том, что у Джона есть жена и ребенок, и Брайан не хотел подогревать их страсти моим появлением на концерте. Я осталась дома с Джулианом, и Джон потом говорил мне, что обстановка в клубе была наэлектризована до предела. Местные фаны понимали, что «Битлз» уже известны всей стране, и чувствовали, что теперь они слишком велики для такого места, как «Пещера». Однако в тот вечер они еще полностью принадлежали Ливерпулю. Казалось, увидеть «Битлз» и порадоваться за них пришла добрая половина города.

Меня угнетало, что мне приходилось все время врать и всячески скрывать свое замужество. На этом прежде всего настаивал Брайан, а не Джон. Он, наоборот, пытался спорить, доказывая, что это никак не повредит имиджу группы, но Брайан требовал соблюдать свое распоряжение. По понятным причинам, он не распространялся о подробностях своей частной жизни; наверное, каким — то образом это повлияло на такое же табу в отношении «Битлз». Боле того, Брайан не хотел, чтобы люди знали и о связи Пола с Джейн Эшер.

Пол тем не менее игнорировал запреты, и вскоре после их знакомства в прессе уже появились фотографии, где они вместе. Прошло всего несколько недель, и Пол, бывая в Лондоне, стал останавливаться у Джейн дома, в пятиэтажном особняке на Уимпол — стрит. У Брайана в этой ситуации просто не было выбора. Ему пришлось смириться с тем фактом, что у Пола есть постоянная подруга, и это, судя по всему, не вредит группе, однако в том, что касается жены и ребенка, он оставался непреклонным. Я продолжала скрываться от людских глаз и лишь мечтать о тех временах, когда нам с Джоном не нужно будет ни от кого таиться.

Тогда же, в августе, Джон неожиданно сообщил, что у него для меня сюрприз: с некоторым опозданием, но у нас с ним будет свадебное путешествие в Париж. Я тут же воспряла духом. Единственной проблемой был Джулиан: с Мими оставить его я не могла, она бы ни за что не пошла на это. Поэтому я обратилась за помощью к Хэрри, тете Джона, и та с удовольствием согласилась. Джулия с Джекки очень обрадовались тому, что у них в доме будет жить их любимый племянник, а я не сомневалась, что Джулиан будет окружен необходимой заботой и вниманием.

Я накупила себе новой одежды, собрала вещи Джулиана и отвезла его к Хэрри. Но тут случилось непредвиденное: как позже выяснилось, у меня произошло пищевое отравление, и в день отъезда я, не переставая, бегала в уборную. Джон уже был готов все отменить, но я не желала срывать наш медовый месяц и настояла на том, чтобы мы все — таки поехали в аэропорт. По дороге таксист несколько раз останавливал машину, чтобы я могла выйти.

Когда мы приземлились во Франции, тошнота чудесным образом прошла, и я наконец начала получать удовольствие от происходящего. Эти три дня стали для меня самыми счастливыми. До этого мы так мало времени проводили вместе. Даже когда Джон был рядом со мной, большей частью это происходило в присутствии Мими, под крышей ее дома, и выходило, что мы никогда не бывали по — настоящему одни. Быть вдалеке от дома, совершенно свободными, там, где никто тебя не знает, и при всем этом вместе, вдвоем — это просто замечательно!

Мы остановились в потрясающем отеле «Георг V». Его роскошь поражала меня. Я ходила по номеру и ощупывала вещи — широкую кровать, застеленную шелковым покрывалом, шикарные портьеры, антикварную мебель. В просторной, отделанной белым мрамором ванной комнате я впервые в жизни увидела биде. Раньше, пару лет назад, Джон присылал мне из Парижа, где он отмечал свой день рождения, фотографию, на которой они с Полом моют в нем ноги. Хотя Джон теперь зарабатывал денег более чем достаточно, чтобы себе это позволить, мы оба чувствовали себя в отеле довольно неуютно. Нам казалось, что мы всего этого не заслуживаем и с минуты на минуту нас должны отсюда вышвырнуть. Величие и мощь самого дорогого парижского отеля были для нас настолько непривычными, что мы ощущали себя как будто на другой планете и не верили, что все здесь предназначается нам. Твердо настроенные не терять время зря, мы облазили Париж вдоль и поперек, поднимались на Эйфе — леву башню, любовались

Триумфальной аркой, бродили по Монмартру. Джон, и без того щедрый, наслаждался возможностью тратить деньги и вознамерился побаловать меня: он накупил мне кучу разных подарков, в том числе шикарное серое пальто, симпатичный белый берет и флакон «Шанель № 5».

На второй день нашего пребывания, вернувшись в отель, мы получили записку от Астрид. Она вместе со своей подругой приехала в Париж на несколько дней и узнала, что мы тоже здесь. Мы ей позвонили, назначили встречу и на радостях позволили себе в тот вечер немного лишнего, перемещаясь из бара в бар и опрокидывая один за другим бокалы крепкого красного вина. Было здорово снова повидаться с Астрид. Последний раз Джон ездил в Гамбург почти год назад, я не виделась с ней два с половиной года, так что нам было о чем поболтать.

Когда уже начало светать, мы, как паралитики, еле — еле передвигали ноги. С большим трудом нам удалось добрести до гостиницы Астрид. Там мы опустошили еще одну бутылку вина и рухнули всей кучей на ее одноместную кровать. Невероятно, но мы проспали так вчетвером до утра, лежа друг на друге, как селедки в бочке, а потом, терзаемые жутким похмельем, Джон и я поплелись назад в отель.

Вскоре после этого нам предстояло возвращаться домой в Ливерпуль. Я жаждала увидеть Джулиана, но вместе с тем немного грустила: почти сразу же после нашего возвращения Джону надо было снова уезжать.

Незадолго до того как Джулиану исполнилось полгода, моя мама наконец вернулась из Канады. Мне не терпелось познакомить ее с внуком. За день до ее приезда Мими, спускаясь вниз со второго этажа, поведала мне, что ночью ей приснился кошмарный сон, будто бы моя мама пришла к ней в гости и стоит на крыльце, ждет, когда ей откроют входную дверь. «Я ей говорю, иди отсюда прочь, не пущу я тебя, — продолжала Мими. — Вот ужас, правда, Синтия? Приснится же такое!»

Это стало последней каплей, переполнившей чашу моего терпения. Значение ее сна было предельно понятным. Мими невзлюбила маму с самой их первой встречи, и встречаться снова им вряд ли стоило. Я поняла, что должна покинуть этот дом.

Когда мама пришла навестить меня, Мими выдавила короткое приветствие и сразу удалилась к себе наверх. Я рассказала маме о том, как невыносимо трудно мне здесь живется, и она предложила переехать к ней в Хойлейк. Загвоздка была только в том, что ее постояльцы должны уехать только через месяц; это время она собиралась пожить либо у Тони с Марджори, либо у кого — то из друзей. Однако, увидев мое отчаяние, она

согласилась подыскать на этот период съемную квартиру и переехать туда вместе со мной. Комнату в Хойлейке мы нашли уже через несколько дней и сразу же в нее перебрались.

Джон согласился со мной, когда я объяснила ему все во время нашего телефонного разговора. Ему предстояло быть на гастролях до конца месяца, так что к его приезду мы должны были уже переселиться в наш старый дом и ждать его там. Я понимала, что для него было бы лучше, если бы мы жили в доме Мими, но он знал, как трудно мне с ней общаться и как мне нужна мамина поддержка. «Делай так, как считаешь нужным, Син, — сказал мне Джон. — Я не против». Джону, конечно же, не очень хотелось жить в одном доме с моей мамой, но я не знала того, что на тот момент уже знал он: наша жизнь в Ливерпуле скоро закончится. Значительную часть своего времени ребята уже тогда проводили в Лондоне, оплачивая дорогие гостиницы, и настал момент, когда им было разумнее подыскать жилье там. Джон планировал устроиться в Лондоне, а потом забрать меня с Джулианом к себе.

Месяц, который я провела в съемной комнате, оказался нелегким: это был большой дом с капризными, преимущественно пожилыми постояльцами. Мы с мамой все время пытались успокоить Джулиана, возили его весь день вокруг дома в коляске, стараясь убаюкать, а вечерами шли на всевозможные ухищрения, лишь бы он не кричал. Мама очень мне помогала, чему я была несказанно рада. Но были моменты, когда мы обе, в полном изнеможении, просто заходились в истерике, то плача, то смеясь как сумасшедшие.

Порой жизнь моя напоминала полный бред: с одной стороны, был Джон, все более знаменитый и богатый, живущий в роскошных отелях, любимый всей страной, с другой — я, его жена, которая ютится в мрачной, за пять фунтов в неделю, комнатушке с его ребенком… Многие задавались вопросом, как же я могла со всем этим мириться. Может, я его боялась или еще что — то? Нет, ничего подобного. Я терпела, потому что не хотела мешать его карьере.

Я была верной Джону, и, если ему было нужно, чтобы я помогала ему, оставаясь незаметной, значит, так тому и быть. Все равно вечно это продолжаться не могло, а сил у меня пока хватало. Джон любил меня и старался приободрить, когда мы говорили об этом. Я верила ему. Верила, что, где бы он ни находился, на первом месте у него всегда Джулиан и я.

Мы старались общаться как можно чаще. Средства связи в те времена были не то что сегодня — только почта и телефон. Телефонные разговоры были все еще довольно дорогим

удовольствием. Джон звонил мне, когда подворачивалась возможность, но это случалось не каждый день. А на письма у нас обоих теперь редко хватало времени, поэтому приходилось доверять друг другу и терпеливо ждать. И мы доверяли. Никто из нас не страдал ревностью, когда мы не виделись. Мне никогда не приходило в голову подозревать Джона в чем — либо, а он, в свою очередь, верил, что я действительно люблю его. Его прежняя болезненная ревность просыпалась лишь в редких случаях, когда он заставал меня за разговором с другим мужчиной, да и эти неприятные моменты постепенно сходили на нет.

В конце концов мы с мамой переселились в наш дом. Как только это произошло, Джулиан сразу же перестал плакать. Несколько недель мы провели в тишине и покое. В Хойлейке многие знали, что я замужем за Джоном, и относились бережно и уважительно к моему затворничеству. Я могла прогуливаться с коляской по пляжу или пройтись по магазинам, зная, что никто нас не потревожит.

В ноябре Джон приехал ненадолго, чтобы сообщить мне новость: он собирается подыскать нам квартиру в Лондоне и больше не желает жить отдельно. Брайану придется смириться с этим, даже если газеты про все узнают; хватит одиночества, хватит притворяться и прятаться. Теперь мы будем жить вместе, как настоящая семья, в нашем собственном доме. Как же хочется, чтобы это произошло поскорее!

ГЛАВА 10

К сентябрю 1963 года, через месяц после того, как мы с Джоном сбежали от всех в Париж в наше свадебное путешествие, «Битлз» уже имели в своем активе долгоиграющую пластинку Please Please Me, побившую все рекорды продаж «сорокопятку» Twist and Shout и вышедший самым большим тиражом сингл She Loves You. Ни одной из групп не удавалось до сих пор добиться такого успеха. На их следующий сингл, о котором никто не имел еще ни малейшего представления, было подано около полумиллиона предварительных заявок.

История группы из Ливерпуля, штурмующей первые позиции в чартах, была во всех газетах, вместе с их фотографиями. Брайан с ребятами были воодушевлены успехом. Каждый из них тайно надеялся, что все это продлится еще некоторое время, если у них появится еще несколько новых хитов. Никто, однако, не был готов к тому, что произошло дальше. На их концерт 13 октября в лондонском концертном зале Palladium все билеты были проданы. Прямую телевизионную трансляцию концерта в обожаемой многими программе Sunday Night at the London Palladium в тот вечер смотрело пятнадцать миллионов человек. Тысячи фанатов осаждали кассы концертного зала на Арджил — стрит, пытаясь достать лишний билетик, подарки и телеграммы, адресованные «Битлз», пришли в таком количестве, что ими был завален выход на сцену, толпа на улице во время выступления группы так громко распевала их песни, что публика в зале едва слышала самих исполнителей, полиция у входа в зал в панике потребовала подкрепления и все равно с трудом сдерживала натиск орд истеричных тинейджеров.

На следующий день первые полосы газет пестрели статьями о вчерашнем выступлении. Чтобы дать определение царившим в зале и вокруг него истерии, крикам и рыданиям фанатов, падавших в обморок, клявшихся в вечной любви к «Битлз» и что есть силы рвавшихся поближе к своим кумирам, было найдено слово «битломания». Наблюдая за происходящим в Ливерпуле по телевизору, разглядывая потом опубликованные в прессе фотографии огромных толп, я не на шутку испугалась. Ведь Джона и остальных ребят чуть не раздавили, когда они пытались пробиться к машине. Что же это такое?..

Но это, как оказалось, было только начало. За следующие три года битломании суждено было охватить не только Великобританию, но и почти весь мир. Картина массовой истерии и неконтролируемых эмоций, вырвавшихся наружу, была

беспрецедентна. Подобного не повторялось и после «Битлз». Даже мы, непосредственные участники событий, не верили своим глазам: людей словно захватило всеобщее безумие, ребята отныне не могли шагу ступить, чтобы не наткнуться на толпу поклонников. Большинство фанатов составляли девушки — подростки, однако складывалось впечатление, что быть причастными к «Битлз» хотят абсолютно все. Их упоминали в своих речах мировые лидеры; политики, заискивая перед избирателями, не забывали вспомнить о «Битлз»; люди всех возрастов и уровней дохода раскупали их пластинки.

После выступления в лондонском зале Palladium ребята дали несколько концертов в разных городах страны. Вокруг концертных залов, теперь уже неизменно, собирались истеричные толпы, проводившие ночи напролет в очередях за билетами. К концу октября «Битлз» отправились в пятидневное турне по Швеции, где молодежь безумствовала так же, как и в Англии. По возвращении в Лондон в аэропорту их встречала многотысячная толпа, несколько часов ждавшая их прибытия. Никто даже не заметил Мисс Мира, прилетевшую в то же время, а премьер — министр сэр Алек Дуглас Хоум никак не мог выехать оттуда на своем лимузине.

Еще через несколько дней «Битлз» выступили на крупнейшем эстрадном шоу года, Royal Variety, где в королевской ложе присутствовали королева — мать, принцесса Маргарет и лорд Сноудон. На том выступлении Джон произнес свою знаменитую фразу: «Те, кто сидят на дешевых местах, пусть хлопают в ладоши, а остальные могут просто потрясти своими драгоценностями». На следующий день его шутка была на первых страницах всех газет. За «Битлз» окончательно утвердилась слава очаровательных молодых нахалов. Даже такие тяжеловесы от прессы, как Times или Telegraph, которые никогда не опускались до публикации статей о поп — музыке, посвятили им не меньше места, чем таблоиды.

Вскоре ребята выпустили свой пятый сингл, I Want To Hold Your Hand. Количество предварительных заявок на пластинку к тому времени достигло миллиона, и снова сингл прямиком проследовал к первому месту в хит — параде.

Все это казалось им удивительным, необычным, смешным, странным, а порой ошеломляло и пугало. Вдруг они поняли, что без охраны им уже никуда пойти невозможно. То, что воспринималось раньше как само собой разумеющееся, теперь стало настоящей проблемой, например — зайти в паб, прогуляться по улице, заглянуть к кому — нибудь в гости. Посадка в машину и пробежка от одной двери до другой

планировались отныне как сложная войсковая операция. Когда «Битлз» мечтали о славе и успехе, им такое даже в голову не могло прийти.

Я уверена, что давление, которому они постоянно подвергались, все больше укрепляло Джона в желании находиться рядом со мной. За входной дверью в дом он оставлял все это безумие и вновь превращался в нормального человека, чувствуя себя в привычной среде, в полной безопасности.

С первого по тринадцатое ноября Джон был в очередной гастрольной поездке, а тем временем ситуация в Хойлейке заметно накалилась: репортеры пронюхали, что он женат и имеет ребенка, и рыскали повсюду в поисках подтверждения информации. К счастью, соседи и друзья обеспечивали меня надежной защитой и периодически выставляли газетных ищеек за дверь, говоря, что все это неправда. Ко мне тоже несколько раз подходили и спрашивали, являюсь ли я женой Джона. Я обычно переспрашивала: «Джона — какого? Прошу прощения, но я не понимаю, о чем вы». Не раз мне приходилось прятаться в местном магазине, спасаясь от следивших за мной репортеров. Продавцы всегда любезно предоставляли мне возможность скрыться от преследования.

В декабре, когда Джона снова не было, я решила крестить Джулиана в приходской церкви, напротив нашего дома. Я ходила туда в воскресную школу, когда была маленькой. Церемонию тихим воскресным утром провел викарий Деверо. В церкви собрались только самые близкие: мамина подруга Фрэнсис Ривз с дочерью Жаклин, с которой я дружила с раннего детства, и мы с мамой и Джулианом. Самое примечательное, что я ничего не сказала Джону. Во — первых, мне не хотелось никакого балагана с прессой, а во — вторых, я знала, что идея с крещением ему не понравится. Для меня это было важно: я никогда не была излишне религиозной, но мне хотелось отдать дань семейным традициям. Джон же, как известно, всегда был против всякого рода традиций и условностей.

Вернувшись через несколько дней и узнав обо всем от меня, Джон сказал: «Я не хотел этого. На кой хрен ему нужно было креститься?» Я ответила, что, поскольку его не было дома, мне пришлось принимать решение самой и вообще это не имеет особого значения. Джон быстро успокоился и махнул на все рукой — его ненависть к конфликтам перевешивала недовольство христианским обрядом. Наши споры никогда не затягивались надолго: высказав свое мнение, мы оставляли тему. Если ситуацию уже не изменишь, считали мы, что толку из — за нее ссориться?

Я не думала о крестных для Джулиана, однако Брайан, узнав о нашем внутрисемейном событии, спросил, может ли он быть крестным отцом нашего сына. Нам с Джоном понравилась мысль о том, что у Джулиана крестным будет иудей, и мы с удовольствием приняли его предложение.

Как — то, выходя из дома с Джулианом, я наткнулась на вспышку фотокамеры прямо перед моим лицом. Нас застали врасплох: кто — то из журналистов выяснил, кем я являюсь на самом деле. На следующий день газеты опубликовали фотографии «тайной жены Джона Леннона и их ребенка». Понятно, что наше «разоблачение» меня несколько шокировало, но, с другой стороны, я почувствовала облегчение, ведь это означало конец притворству; не надо больше прятаться, укрываться и отпираться. Единственное, что меня беспокоило: не повредит ли случившееся карьере Джона? Но он был совершенно спокоен: «Тебе и раньше не надо было прятаться, Син. «Битлз» от этого хуже не будет».

Оказалось, что Джон был прав. Опасения Брайана по поводу женатого битла, как выяснилось, были необоснованными. Само собой, некоторые фанатки начали ревновать, однако большинство приняли и даже приветствовали мое существование, потому что прониклись обожанием к Джулиану. И уж конечно, их страстная любовь к Джону ничуть не ослабла.

Теперь последнее препятствие на пути к совместной жизни было устранено, и вскоре после Рождества мы с Джоном отправились в Лондон на выходные, собираясь подыскать себе какое — нибудь жилье. В ту поездку мы также навестили фотографа Боба Фримана, который фотографировал «Битлз» для обложек новых пластинок. Боб и его жена Сонни жили у Императорских ворот, неподалеку от Кромвелл — роуд. Они сказали нам, что квартира этажом выше в их доме сейчас свободна, и мы ухватились за идею переселиться в нее. Фриман свел нас с домовладельцем, и дело было сделано. За 15 фунтов в неделю в нашем распоряжении теперь была квартира с тремя спальнями. Мы переехали туда в начале января, захватив с собой кое — какую мебель, одежду и игрушки Джулиана. С нами приехала моя мама, чтобы помочь нам устроиться. В квартире были только кухонная плита, холодильник да обшарпанные стены, нужны были новая мебель и косметический ремонт. Пока дизайнеры преображали комнаты, я, толкая перед собой коляску с Джулианом, носилась между двумя огромными лондонскими универмагами Barker's и Derry and Tom's в Кенсингтоне, выбирая мебель, постельное белье, посуду, кастрюли и сковородки, подушки и занавески.

Мы с Джоном были несказанно рады, что у нас наконец — то появился свой дом. Уже почти полтора года, как мы были женаты, но по — прежнему не имели своего собственного жилья, где можно было бы укрыться от любопытных глаз и бесконечно предъявляемых тебе требований. Понятно, что большую часть времени Джон находился вне дома, но если он не уезжал на гастроли, то вечера мы всегда проводили вместе. Я впервые начала себя ощущать замужней женщиной.

Квартира, однако, была не без недостатков. Она располагалась на последнем этаже трехэтажного дома, и, чтобы добраться до нашей двери, нужно было прошагать вверх пять узких и темных лестничных пролетов. Это не так уж легко, особенно если ты с коляской и ребенком, а то и с охапкой покупок в придачу. Приходилось оставлять коляску внизу, идти с Джулианом наверх, зафиксировать его как — нибудь, чтобы он никуда не делся и не упал, а потом возвращаться вниз за покупками.

И все же мне нравилось в Лондоне. Я бывала здесь еще ребенком, примерно пару раз в год, вместе с родителями, а позже, уже подростками, мы приезжали сюда с Фил. Мы снимали комнатку где — нибудь в районе Эрлс — Корт и отправлялись в художественные галереи, а вечерами околачивались в Сохо, с интересом наблюдая за темной стороной лондонской жизни. Потом, помню, мой брат Чарльз с его подружкой Кэти взяли меня с собой на мой первый мюзикл Salad Days в Вест — Энде. Для меня этот город был эпицентром культуры и всего самого поразительного и привлекательного. Я всегда мечтала жить в Лондоне, и вот мечта стала явью. В 9:30 утра мы с Джулианом уже были готовы к прогулке и с коляской отправлялись смотреть достопримечательности — ходили по магазинам или просто болтались по улицам, бывало, часами напролет. Даже когда Джон находился в командировке, я никогда не скучала, увлеченно и страстно, шаг за шагом, исследуя город.

Все резко изменилось, и уже в который раз, когда поклонники вычислили наше местожительство. Однажды утром мы проснулись и обнаружили у себя под окнами целый лагерь девиц — подростков. Их волосы были зачесаны в модный в те времена «пчелиный улей», а глаза подведены черным карандашом. Девушки расположились прямо на тротуаре и отныне пребывали там в любое время суток, днем и ночью. Если кто — то из жильцов забывал закрыть за собой дверь подъезда, они тут же проникали к нам на площадку, со своими спальными мешками и термосами.

Когда я выходила с Джулианом на улицу, фанатки, воркуя в

восхищении, обступали его коляску так, что она исчезала под их склоненными спинами: «О, Син, какой же он хорошенький! Можно я его потрогаю? А можно я его покачаю?» Или: «О, Син, а в какую парикмахерскую ты ходишь? Ох, и какая же ты счастливая, что у тебя есть Джон. А где ты покупаешь одежду?» И так продолжалось бесконечно. Конечно, в большинстве своем они были доброжелательны, многие из них очень юные. Ужас в том, что их собиралось слишком много. Я очень старалась вести себя с ними вежливо, но иногда мне казалось, что это переходит всякие границы, и становилось по — настоящему страшно. Подходя к дому, я вынуждена была пробиваться сквозь толпу к двери подъезда, пытаясь держать себя в руках и выглядеть спокойной, но страстно желая одного — побыстрее войти в дом.

Джону приходилось еще хуже: они окружали его, когда бы он ни пришел домой, упрашивая дать автограф, пытаясь отстричь у него на память прядь волос или просто дотронуться до него. Он всегда был любезен со своими поклонниками. Он мог быть нетерпимым к прилипалам, искателям легкой наживы или подхалимам, но настоящих фанатов он уважал и заботился о них. Джон знал, что группа им очень многим обязана. В конце концов, именно они покупали их пластинки и билеты на концерты. Поэтому, как бы он ни устал, он всегда останавливался, чтобы дать автограф или просто поздороваться. Много лет спустя, когда один из таких «фанов», поджидавших его, чтобы взять автограф, убил Джона, я вспомнила эту его неизменную любезность и подумала: может, не будь он таким терпеливым и щедрым, остался бы жив…

Когда поклонники были внизу на улице, мы, тремя этажами выше, чувствовали себя вполне нормально и безопасно. Но с тех пор, как они нас рассекретили, мы понимали, что долго здесь не выдержим и что надо искать возможность избавиться от столь пристального и постоянного внимания к себе. Примерно тогда же группе предстояло отправиться в турне по Соединенным Штатам. Оно планировалось как пробный визит, чтобы понять, как их примут американцы. Уже несколько британских артистов, среди них Клифф Ричард и его Shadows, с треском провалились в Штатах. Джон, с одной стороны, очень хотел, а с другой — опасался этой поездки. Он нервничал, бросаясь из крайности в крайность, от «А что, если у нас ничего не выйдет, если они сочтут, что мы играем полную чушь?» до «Они нас полюбят, иначе и быть не может». На этот раз Джон хотел, чтобы я поехала с ними; теперь, когда всем было известно, что у него есть жена, мне не было никакого смысла сидеть дома. Фанаты приняли меня, так что у Брайана не оставалось никаких аргументов против. Он

согласился, и я с нетерпением ждала отъезда. Я единственная из девушек ехала с «Битлз». Пол не смог взять с собой Джейн, так как она была занята на работе, Морин, девушка Ринго, все еще жила в Ливерпуле и ей еще не исполнилось восемнадцати, а Джордж пока не имел постоянной подруги. Я уговорила маму остаться с Джулианом. Она, привыкшая бросать все свои дела, чтобы помочь мне, не могла отказать и в этот раз, а я спешно отправилась по магазинам подобрать себе что — нибудь новое из одежды.

Брайан проделал огромную работу, дабы «Битлз» были хорошо приняты в США. Первые их синглы у американцев провалились, но Брайан, как всегда, проявил должную настойчивость. Он отправился в Америку и объехал самые крупные звукозаписывающие компании, телеканалы и рекламные агентства. Перелом произошел на его встрече с Эдом Салливаном, легендарным шоуменом и телеведущим. Аналитики его телешоу прослышали о популярности группы в Великобритании, и Салливан согласился предоставить им место в своей программе дважды — 9 и 16 февраля. Брайан настоял на том, чтобы «Битлз» анонсировали и представляли как звезд первой величины, и Эд, немного посомневавшись, согласился.

В Штатах «Битлз» принимал Сидни Бернстайн, работавший на General Artists Corporation, крупнейшее на то время гастрольное агентство в Америке. Сидни специализировался на молодежных исполнителях, внимательно следил за британской прессой и местным рынком поп — индустрии и был уверен, что «Битлз» вполне способны успешно стартовать в Штатах. Он разузнал домашний телефон Брайана в Ливерпуле, позвонил ему и предложил организовать концерт «Битлз» в нью — йоркском Карнеги — холле 12 февраля. Брайан с радостью принял его предложение.

Пятый сингл «Битлз», I Want To Hold Your Hand, два месяца занимал первое место в британском хит — параде, однако потом был смещен с позиции лидера песней Glad All Over, которую записал квинтет Dave Clark Five. Газеты, в поисках свежей скандальной истории, написали, что «Битлз» на этом кончились. Ребята расстроились, но Брайан спокойно и твердо посоветовал им не обращать внимания.

Перед Штатами «Битлз» гастролировали во Франции. И как раз когда они сидели в номере своего парижского отеля, из Америки пришло известие, что I Want To Hold Your Hand заняла там первое место. После этого — то все и началось, и на первые места в американских чартах также перебрались She Loves You и альбом Please Please Me. Американские репортеры ринулись во

Францию, чтобы взять у них интервью; журнал Life опубликовал статью на шести страницах, и неожиданно для всех «Битлз» стали новостью номер один по ту сторону Атлантики.

Американский филиал EMI, компания Capitol Records, выпустившая диски группы в Штатах, развесила по всей стране пять миллионов плакатов «К нам едут «Битлз», а ее сотрудники появились на телевидении в битловских париках. На семьсот мест в зрительном зале, из которого транслировалось шоу Эда Салливана, поступило пятьдесят тысяч заявок, кассы Карнеги — холла день и ночь атаковали жаждущие билетов фанаты.

Мы пребывали в счастливом неведении относительно того, что творилось в Штатах в те минуты, когда наша машина подъезжала к аэропорту Хитроу. Единственное, что нам сказали, это что в Америке неплохо продается пара пластинок «Битлз». Все были уверены, что группе еще нужно расти и расти, что добиться там настоящего успеха.

В Хитроу царил полнейший хаос. Тысячи поклонников прибыли сюда из всех уголков страны, и многим, кто намеревался в этот день вылететь из аэропорта по своим делам, пришлось перенести дату. Кричащие, рыдающие девушки держали развернутый транспарант со словами «Мы вас любим, Битлз!», их с трудом удерживало почти такое же количество полицейских, сцепившихся руками в длинную шеренгу. Нас провели в зал, где уже собралась толпа журналистов, которые, заметив меня, попросили нас с Джоном сфотографироваться вместе. К моему удивлению, Джон, который обычно старался держать меня и Джулиана подальше от прессы, вероятно, поддавшись всеобщему ажиотажу, согласился.

Через несколько минут мы уже были в самолете. На трапе, перед входом в салон, «Битлз» еще раз помахали провожавшим их фанатам, заполнившим верхние этажи здания аэропорта.

Я до тех пор не видела такого количества поклонников в одном месте и не понимала, как ребята себя чувствовали перед огромной массой орущих людей. Это завораживало, заражало, сводило с ума и казалось чем — то нереальным: как такая толпа может стать единым целым в своем эмоциональном порыве — и все это во имя четырех молодых людей?

С нами вместе летели Брайан и два гастрольных менеджера «Битлз», Нил Эспинолл и Мэл Эванс. Мэла приняли на работу несколько месяцев назад, когда Нилу одному стало тяжело. Это был здоровенный, добродушный парень, работавший до того вышибалой в клубе «Пещера». Мэл всегда ладил с ребятами, и, когда возникла необходимость еще в одном помощнике, они обратились к нему. Он решал вопросы транспортировки

оборудования, его установки и демонтажа на концертах, в то время как Нил отвечал за транспорт, питание и прочие бытовые вопросы. По крайней мере, в теории было именно так. На практике же оба делали все, что ни потребуется, от безопасной доставки ребят к самолету до покупки бутербродов, когда те были голодны.

В самолете находились также несколько десятков журналистов и фотографов, в том числе группа репортеров из газеты Liverpool Echo. Атмосфера больше напоминала вечеринку: шампанское лилось рекой, общее возбуждение нарастало по мере приближения к границе Соединенных Штатрв. Ребята понимали, что, если они добьются здесь успеха, это будет выше всяких похвал и ожиданий. «С другой стороны, — шутил Джон, — если мы им не понравимся, всегда можно развернуться и улететь домой». Однако все мысли о возвращении домой у нас моментально улетучились, как только, приземлившись, мы посмотрели в иллюминаторы. У одного Джона хватило сил высказаться: «Черт, вы только гляньте на это!» С отвисшими челюстями мы наблюдали толпу из нескольких десятков тысяч тинейджеров, которые распевали гимн: «Мы любим Битлз, о да, да, да!» Это была та же битло — мания, но еще более дикая, неистовая, всепоглощающая. Из всех нас только Брайан оставался невозмутимым и спокойным, отдавая последние распоряжения.

Когда открыли боковой люк, в салон самолета хлынул оглушительный рев приветствовавших нас людей. Ребята еще не успели ступить на американскую землю, а уже завоевали тысячи сердец. В здании аэропорта «Битлз» препроводили в зал, где должна была состояться самая большая в их жизни пресс — конференция, в которой принимали участие десятки представителей пишущей прессы и телевизионных компаний. Стоял такой шум, что Джону пришлось подойти к микрофону и призвать всех заткнуться. Вопросы посыпались один за другим. Как обычно, ребята непрерывно сыпали остротами: «Какая у вас самая большая мечта?» — «Прилететь в Америку». «Что бы вы хотели взять с собой на память домой?» — «Центр Рокфеллера». «Как вы относитесь к Бетховену?» — «Он мне нравится, особенно его стихи», — выдал Ринго с невозмутимым лицом.

После пресс — конференции «Битлз» проводили к лимузинам, и в огромном роскошном «кадиллаке» мы проследовали в центр Нью — Йорка, где нас должны были разместить в шикарном отеле «Плаза». Пока мы с Джоном рассматривали город через окно автомобиля, по радио сообщили о прибытии «Битлз». Все улицы были охвачены коллективным безумием: тысячи поющих и визжащих девиц — подростков в

гольфах встречали нас, размахивая битловскими париками, флагами, фотографиями и майками с изображениями четверки. Красные от напряжения полицейские еле сдерживали натиск толпы, пока мы медленно приближались к отелю.

В отеле нам отвели потрясающий номер люкс, четыре спальни которого выходили в просторную общую гостиную. Когда мы посмотрели через окно на улицу и увидели, что все внизу запружено толпами народа, нам сразу стало понятно, что так просто погулять по городу нам не удастся. За дверью номера круглые сутки дежурили менеджеры отеля и охранники. Внизу, в вестибюле, тоже стояла охрана, отлавливавшая ушлых фанатов, которым удавалось проникнуть через кордон на входе в отель. Получалось, что мы здесь находились, по сути, на правах пленников. Телефон постоянно звонил, ребят все время просили о встречах или интервью. Телеграммы, одна из которых была от Элвиса Пресли, а также письма, открытки и подарки от поклонников доставлялись к двери номера. Находиться даже в коридоре, перед номером было сопряжено с неожиданностями. Однажды, например, мы наткнулись на фотографа, проскочившего через все заслоны охраны. Заметив его, Джон набросил на нас сверху свой плащ и, укрывшись им, мы проникли в наши апартаменты.

Когда нам нужно было выехать из отеля, нас выводили окольными путями через боковые двери здания, мы прыгали в поджидавший нас лимузин и, уже сидя в нем, медленно продвигались вперед, рассекая толпу. Меня предупредили, что я должна немного подождать сзади, пока ребята проникнут в авто, и лишь потом выдвигаться сама. Но однажды получилось, что я так чуть не осталась в отеле, поскольку, как только они с Брайаном проскочили и сели, толпа прорвала оцепление, хлынула к машине и отрезала меня от них. Я пережила несколько жутких минут, пока Джон не докричался до полицейских, объясняя, кто я. Они на руках перенесли меня через толпу и забросили в лимузин. Сочувствия от Джона я не дождалась. «В следующий раз будь порасторопнее: они могли запросто раздавить тебя», — раздраженно бросил он.

Ребята выступили на телевизионном шоу Эда Салливана на третий день после нашего приезда. Программу смотрело рекордное на то время количество телезрителей — 74 миллиона. Бедный Джордж чувствовал себя очень плохо и был вынужден периодически принимать таблетки от простуды. Газеты тем не менее не пожалели ни хвалебных слов, ни печатных полос, описывая это выступление. Америке нравилось все, что делали «Битлз», включая их не всегда тактичные шутки. Джорджа

спросили, кто будет занят в главной женской роли в их готовящемся к съемкам фильме A Hard Day's Night, на что он невозмутимо ответил: «Хотим попробовать нашу королеву».

На следующий день мы все отправились поездом в Вашингтон, где «Битлз» должны были дать концерт в зале Coliseum. И здесь на вокзале нас приветствовала огромная толпа народа. Как и почти все концерты группы, этот я также наблюдала из боковых кулис, где были превосходно слышны истошные вопли публики, куда нещадно светили прожектора и откуда было почти невозможно слышать их игру, заглушаемую ревом зала. Конечно же, всех четверых это расстраивало: ведь люди приходили послушать их музыку, однако их же собственный оглушительный крик этому мешал.

В Вашингтоне Брайан убедил ребят принять приглашение от британского посла в Соединенных Штатах и прибыть на обед, устроенный специально в их честь. Такие проявления внимания со стороны власть имущих и толстосумов обычно настораживали ребят, в особенности Джона. Он чувствовал, что те лишь притворяются, что любят «Битлз», а на самом деле презирают их как неотесанных безродных выскочек. На прием никто из них особенно не рвался, но все же их удалось убедить, что отказ будет выглядеть недипломатично.

К сожалению, их опасения оказались не напрасными. На приеме присутствовали в основном богатые люди старше среднего возраста, они мало представляли себе, кто такие «Битлз», и смотрели на них сверху вниз. «Скажите, а вы — кто из них?» — лениво интересовались они, растягивая слова, тыча в кого — нибудь своим бокалом шампанского и требуя автограф. Одна дамочка даже раздобыла где — то ножницы, намереваясь отрезать для своего родственника прядь волос битла. Устроители приема пытались убедить нас играть по установленным здесь правилам, но Джон посчитал, что это уже слишком. Мы вдвоем покинули мероприятие еще до его окончания, остальные вскоре последовали за нами. Посол с супругой, которые вели себя с нами очень любезно, позже принесли свои извинения, но с тех пор никто из ребят не принимал такого рода приглашений.

Вернувшись в Нью — Йорк, они выступили в Карнеги — холле перед шеститысячной аудиторией. Газеты писали, что билеты на концерт смогли приобрести далеко не все желающие, даже нескольким знаменитым кинозвездам не досталось места. Тот вечер после концерта мы провели в компании известного радиоведущего по имени Мюррей Кей. Это был типичный ушлый представитель шоу — бизнеса — страшный говорун и пробивной, как танк, еще довольно молодой парень, в обтягивающих брюках

и ковбойской шляпе. Он брал у ребят интервью еще в аэропорту, а потом каким — то образом прицепился к нам и в итоге предложил прогуляться с ним по ночному городу. Мы отправились в Peppermint Club, знаменитый нью — йоркский ночной клуб, место, где, как считается, зародился танец твист. Вдали от фанатов, мы пили и танцевали всю ночь. Ринго, который всегда был хорошим танцором, почти все это время царил на танцплощадке, а мы за ним с удовольствием наблюдали, хохотали и от души наслаждались жизнью.

Из Нью — Йорка мы совершили перелет в Майами, где «Битлз» должны были во второй раз появиться на шоу Эда Салливана. Разместили нас в отеле «Довиль», где мы очутились примерно в таком же положении, как и в Нью — Йорке. И здесь мы вновь были вынуждены находиться в четырех стенах, не имея возможности выйти прогуляться по городу или позагорать на пляже. Я все же решила спуститься вниз, в вестибюль, где был небольшой бутик. Около отеля было полно дежуривших девиц, немало их болталось и в холле тоже, но я чувствовала себя в полной безопасности, потому что без Джона меня никто не узнавал. Я с огромным удовольствием бродила между рядами вешалок с одеждой после многочасового сидения в номере, но еще больше меня развлек разговор двух дородных дам неопределенного возраста, живших в этом же отеле. На обеих красовались цветастые «бермуды», лица их были наштукатурены тонной косметики, а глаза спрятаны под солнечными очками в массивной оправе, инкрустированной искусственными бриллиантами. Женщины от души прохаживались на счет «Битлз»: «Они просто ужасны, не правда ли? Эти волосы!.. Не знаю, что наша молодежь в них нашла. Они выглядят, как будто сбежали из зоопарка». Меня так и подмывало сказать, что я жена Джона, но я сдержалась и, хихикая, отправилась назад в номер.

Оказалось, что выйти из нашего люкса гораздо проще, чем войти обратно. У меня не было с собой никакой гостевой карточки, и охранник никак не хотел верить тому, что я не очередная фанатка. «Я — миссис Джон Леннон, правда», — пыталась я его убедить. Однако на лице стража порядка отражалось лишь полное неверие: «Да, милочка, сейчас все так говорят. А теперь — исчезни».

После нескольких минут упрашиваний я уже была готова расплакаться, когда вокруг нас собралась группа поклонниц и хором они начали орать на охранника: «Это Синтия, мы видели ее на фотках! Вы что, не слышите ее английский акцент?» Они даже продемонстрировали ему фотографии, где я с Джоном, и охранник в конце концов поверил. Я обещала моим

спасительницам автографы всей четверки и ринулась вверх по лестнице.

Мой следующий выход в свет был еще более курьезным. Каждый раз, когда наши машины выдвигались из отеля, их всегда и всюду преследовали пресса и поклонники. Исходя из этого, полиция предложила следующий оригинальный, хотя и довольно безумный план: отель мы покинем через кухню в фургоне для перевозки мяса. Рыдая от смеха, мы охотно согласились и на следующий день выскочили из отеля и залезли в поджидавший нас фургон. Как только железные двери захлопнулись и мы погрузились в кромешную тьму, фургон тронулся. Я, как обычно, замыкала процессию пассажиров, следовавших на посадку, и, войдя в кузов, едва успела освоиться с пространством и не успела ни за что ухватиться. Водитель, наверное, насмотревшись кино про гонки с преследованием, тут же рванул с места в карьер, и меня отбросило назад к дверям. Результатом стала огромная, величиной с куриное яйцо, шишка на моей голове. Досталось не только мне: остальных тоже всю дорогу бросало из стороны в сторону, и, пытаясь удержаться, они судорожно хватались за стены и за огромные крюки для подвешивания мясных туш, заработав при этом порядочное количество ушибов и ссадин. С самого начала мы принялись кричать водителю, но он нас так и не услышал. Когда мы добрались до места, он получил от ребят по полной — самых отборных слов и выражений.

Несмотря на полученные ушибы, поездка того стоила. Нас привезли на роскошную виллу на берегу моря, с собственным бассейном, где нас уже ждали Джордж Мартин и его супруга Джуди[20]. Билла, судя по всему, принадлежала какой — то анонимной знаменитости, и была предоставлена в наше распоряжение как подарок. Я тогда впервые увиделась с Джорджем и Джуди, и они мне сразу же понравились. Джордж был высокого роста, элегантный, вежливый и располагающий к себе мужчина. Он получил классическое музыкальное образование в Гилдхолльской школе музыки и драмы[21] и обучался игре на гобое у мамы Джейн Эшер. Впоследствии он стал музыкальным продюсером и в основном специализировался на классике и оперетте, пока не обнаружил «Битлз». Джуди была очаровательна, воспитана в строгих правилах — ну прямо школьница — отличница с золотым сердцем. Прежде чем стать второй женой Джорджа, она была его секретаршей. Они явно обожали друг друга.

Здесь нам не мешали ни поклонники, ни правила внутреннего распорядка отеля, поэтому мы кутили весь день напролет, купались в бассейне и наслаждались барбекю, которые

в огромном количестве готовил для нас дворецкий. Он ужасно походил на члена мафии и не скупился на неодобрительные взгляды в нашу сторону, зато стейки у него получались отменные.

На следующий день у нас состоялась встреча с Мохаммедом Али, чемпионом мира по боксу в тяжелом весе, с которым у ребят была совместная фотосессия. Не знаю, кому в голову пришла идея свести его с «Битлз», но прессы на эту встречу набежало очень много, и все с удовольствием наблюдали их шутливый спарринг и обмен остротами.

Время нашего пребывания в Штатах подходило к концу, и мы уже сами рвались обратно домой. Хотя ребята были рады тому, что здесь у них все прошло очень хорошо, однако двух недель пребывания в осаде внутри отеля и публичных демонстраций, когда в тебя все время тычут пальцем и разглядывают, как какое — то животное в зоопарке, похоже, хватило всем с лихвой. Ребята очень соскучились по своим девушкам и по простым домашним радостям — сэндвичам с ветчиной и нормальному чаю. Никто из них уже не получал особенного удовольствия от своей неслыханной популярности. В Америке это ощущение лишь подтвердилось. Им надоело постоянно сидеть взаперти, не имея возможности пройтись по улицам или забежать в магазин, они устали от того, что к ним все время пристают незнакомые люди, что их постоянно толкают или тащат куда — нибудь, спасая от толп поклонников. В родной Англии у каждого из них хотя бы был свой дом, комфортный и безопасный.

Вернувшись в Лондон, «Битлз» не получили даже возможности перевести дух после турне: их тут же взяли в оборот, начав работу над новым фильмом, A Hard Day's Night. Название фильма и одноименного сингла группы появилось благодаря выражению Ринго, которое он как — то раз употребил, чтобы описать жуткую усталость от постоянных гастролей и концертов. Джону идея создания фильма пришлась по душе. Для него это была еще одна творческая среда, где он мог себя проявить. К тому же ему нравился и сам процесс кинопроизводства. Единственное, чего он не выносил, это необходимость вставать рано утром, чуть ли не на рассвете, и ехать с шофером на съемки. Домой он, как правило, приходил не раньше семи вечера, совершенно без сил. Весь материал отсняли за пару недель. Это был самый удачный в истории полнометражный фильм о поп — группе.

ГЛАВА 11

Прошло чуть больше года с тех пор, как «Битлз» впервые появились в чартах, но за это время наша жизнь изменилась до неузнаваемости. Выход новых дисков, премьеры, концерты, приемы следовали друг за другом так стремительно, что нам с Джоном с трудом удавалось за всем этим поспевать, не говоря уже о том, чтобы находить время друг для друга.

Я была искренне рада за мужа, гордилась его талантом и верила в него. И Джон изо дня в день вырастал в собственных глазах, становился все более спокойным, уравновешенным и уверенным в себе. И это было прекрасно, если вспомнить все те сомнения и страхи, которые преследовали Джона с детства. Однако эта его растущая востребованность обществом и публикой оставляла ему все меньше сил и времени на нас с Джулианом. То, что, став мужем и отцом, он тем не менее практически не мог с нами находиться, угнетало и расстраивало Джона не меньше, чем меня.

Я за это время научилась быть самодостаточной и справляться с любыми трудностями, привыкла довольствоваться компанией из одного человека — самой себя. Меня согревала мысль, что скоро это безумие сойдет на нет и Джон, Джулиан и я станем, наконец, единой семьей. Когда он был в отъезде, мне его очень не хватало; при этом я никогда не сомневалась, что Джон, как и я, хочет обычной оседлой семейной жизни. Но жизнь, как известно, состоит не только из светлых полос, и, как бы трудно иногда ни приходилось, ничего другого, кроме как ждать и терпеть, нам не оставалось.

Через три недели после начала съемок фильма A Hard Day's Night в свет вышла первая книжка Джона In His Own Write[22]. Она представляла собой сборник высказываний, анекдотов, коротких рассказов и рисунков, которые Джон собирал в течение нескольких месяцев. Редактор из издательства Джонатана Кейпа прочел некоторые из стишков и спросил, может ли он принести еще, чтобы хватило на публикацию небольшой книги. Воодушевленный этой перспективой, Джон несколько недель что — то увлеченно писал, набрасывал и рисовал. Ему всегда нравилась сатирическая радиопередача «Балбес — шоу»[23], которая была очень популярна в те времена. Джон со Стюартом, бывало, часами дурачились друг перед другом, подражая голосам ее персонажей, — роли исполняли актеры Питер Селлерс (его Джон любил больше всех), Спайк Миллиган, Гарри Секомб и Майкл Бентайн. Джон любил их неординарный юмор, заметно

повлиявший на его собственный писательский стиль: он любил играть словами, выворачивать их наизнанку, пробовать на прочность, изобретая смешные оговорки. Джон читал буквально все, что попадалось ему под руку: газеты, жуналы, книги на самые разные темы — о музыке, дизайне, детективы, биографии и исторические исследования. Среди его любимых книг были «Алиса в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла, он высоко ценил их причудливую, восхитительную образность. В процессе написания книги Джон давал волю своему богатому воображению, и эта возможность отойти в сторону от их с Полом традиционного песенного формата love story дарила ему огромную радость.

Многого от своей книги Джон, в общем — то, не ждал: он был необычайно доволен тем, что смог увидеть ее в напечатанном виде. Пол написал к ней небольшое шутливое предисловие, и Джон просто надеялся позабавить таким образом своих друзей. Однако, полагая, что ее выпуск пройдет незамеченным, он глубоко заблуждался. Восторженные рецензии появились повсюду — в поп — журналах и серьезных толстых газетах. Так, Melody Maker назвала Джона Леннона «талантливым писателем… веселым, умным и смешным». Литературное приложение к Times писало, что книжку стоит прочесть тем, «кто считает, что английский язык теряет свое богатство и образность». A Sunday Telegraph заметила, что «оторваться от нее просто невозможно».

Книга тут же стала бестселлером. Магазины, закупившие лишь по нескольку экземпляров, поспешили увеличить свои заказы, и за первую неделю после выхода тираж допечатывался дважды. Джон был удивлен и поражен таким вниманием, особенно когда издательский дом Foyle специально в его честь организовал свой традиционный литературный ланч в лондонском отеле «Дорчестер». Приглашение на подобное мероприятие считалось знаком особого признания для любого писателя. Когда стало известно, что чествовать будут не кого — нибудь, а Джона, спрос на билеты для зрителей предстоящей церемонии сделался беспрецедентным.

К нашему большому сожалению, мы не имели никакого представления о том, что это за мероприятие. Нам с Джоном казалось, что все ограничится хорошим перекусом, легким трепом и парой комплиментов в адрес книги. Нисколько не напрягаясь по поводу того, что нас ожидает на следующее утро, накануне мы отужинали с друзьями в ресторане и закончили день в одном из своих любимых ночных клубов.

Поспав всего каких — нибудь пару часов, наутро мы проснулись, страдая жутким похмельем, и поняли, что с минуты

на минуту за нами приедет шофер, чтобы отвезти на ланч. Кое — как мы привели себя в порядок, но наши трясущиеся руки и покрасневшие от недосыпа глаза говорили сами за себя. Мы надеялись, что мероприятие будет недолгим, что надо лишь немного потерпеть, а потом можно будет быстренько вернуться домой и опять рухнуть в кровать.

Чего мы не могли предположить, так это что на ланче будет полно прессы и все будут ждать, что Джон произнесет речь. Представители литературного истеблишмента вперемешку с фанатами Леннона толпились в битком набитом зале, напряженно ожидая, что им нынче изречет их вожделенный «самый интеллектуальный битл».

Когда мы, окруженные ордами пишущей и телевизионной журналистской братии, заходили в вестибюль «Дорчестера», я была уверена, что у Джона на уме только одно — развернуться и убежать отсюда, но нам приходилось всем вежливо улыбаться, хотя ни он, ни я толком ничего не видели вокруг: мы оба были без очков.

В огромной гостиной, куда нас проводили, был накрыт стол, и, когда мы вошли, несколько сотен человек повскакивали с мест и зааплодировали. Нервно и почти на ощупь мы пробрались к своим местам и поняли, что сидеть нам придется на разных концах почетного стола, так что мы даже не сможем, если что, поддержать друг друга. Я очутилась между графом Арранским и эстрадным певцом Марти Уайлдом, который, как оказалось, нервничал не меньше моего. Я не находила себе места от волнения до тех пор, пока мой сосед граф постепенно не успокоил меня дружеской болтовней и парой забавных историй. Через некоторое время я даже стала получать удовольствие от происходящего — до того момента, когда начали подавать последнее блюдо и когда все репортеры и все камеры, как по команде, повернулись к нашей части стола. «Что случилось?» — недоумевая, спросила я шепотом графа. «Я полагаю, ваш муж собирается произнести речь», — ответил он мне так же, шепотом, и тут же отвел глаза, заметив гримасу откровенного ужаса на моем лице.

Я взглянула на Джона, и мое сердце сжалось от сочувствия. Он был мертвенно — бледен и совершенно не готов к выступлению. Если обычно Джон за словом в карман не лез, то выступления на публике ему давались с трудом, особенно когда эта публика была представлена такими влиятельными акулами пера, а у него трещала голова от похмелья.

Как только Джону передали слово, за столом воцарилась тишина. В воздухе зависло напряженное ожидание. Джон — я

никогда еще не видела его таким напутанным — с трудом встал, выдавил из себя ровно восемь слов: «Всем вам большое спасибо, мне было очень приятно» — и сел на место. Присутствовавшие на церемонии какое — то время по инерции продолжали молчать, потом послышались приглушенное ворчание и жидкие аплодисменты. Все были разочарованы, обижены и возмущены. Мы с Джоном готовы были провалиться сквозь землю. Чтобы хоть как — то смягчить ситуацию, он потом еще долго и старательно подписывал бесчисленное количество экземпляров своей книги.

Эта впоследствии ставшая знаменитой «речь» Леннона вошла в историю как очередная издевательская гримаса поп — звезды, которую Джон, бунтарь и задира, скорчил снобам из высшего общества. На самом деле все было совсем не так: он тогда просто — напросто запаниковал.

Впрочем, на продажах книги это никак не сказалось. Она хорошо продавалась, и вскоре Джон даже затеял написать вторую, A Spaniard in the Works[24], которая вышла год спустя и имела не меньший успех.

На следующий день после выхода первой книги Джона «Битлз» выпустили свой шестой сингл, Can't Buy Me Love. Предварительные заявки на пластинку с новой песней группы в Англии и Америке насчитывали три миллиона, абсолютный рекорд для того времени. Вскоре после выхода она стала хитом по обе стороны Атлантики. Еще некоторое время спустя «Битлз» заняли шесть верхних мест в американском хит — параде синглов, и на август у них было запланировано очередное турне по Соединенным Штатам.

К тому времени Джорджу исполнился двадцать один год, и он наконец обзавелся постоянной подружкой — моделью по имени Патти Бойд. «Битлз» познакомились с ней на съемках фильма A Hard Day's Night. Ей предложили сыграть в нем небольшую роль школьницы благодаря тому, что она уже тогда была известна по удачному рекламному ролику чипсов Smith's. Она была очаровательной и изысканной блондинкой из Лондона, как и Джейн Эшер, но, как и все девушки битлов, отличалась легким, дружелюбным характером. Мы с Морин, уроженки Ливерпуля, с одной стороны, и лондонские девочки Патти и Джейн, с другой, поладили с самого начала. Между нами было много общего, и мы наслаждались возможностью поделиться друг с другом своими заботами и радостями. Мы сразу увидели, что у Джорджа с Патти все серьезно, и это не могло не радовать, поскольку Джордж до этого долгое время был один, тогда как другие ребята уже давно были при девушках.

Примерно месяц спустя после их знакомства Патти и Джордж

поехали вместе с нами на уикенд в Ирландию. Это было замечательной возможностью, во — первых, познакомиться с Патти поближе, а во — вторых, потихонечку сбежать от всех и немного повеселиться. Мы решили, что пресса не должна ни о чем пронюхать, поэтому парни наклеили себе усы, укутались шарфами, нахлобучили на головы шляпы, а мы, в свою очередь, на людях держались от них подальше, как будто их и знать не знали. Мы вылетели из Манчестера на шестиместном частном самолете, и, несмотря на несколько странный вид наших компаньонов и недоуменные взгляды окружающих, благополучно улетели неузнанными. Поселились мы в двух роскошных номерах отеля Dromoland Castle, откуда до ближайшей «цивилизации» было много миль пути. В одном из наших люксов совсем недавно останавливался президент Кеннеди, прислуга привыкла к высокопоставленным гостям и поэтому вела себя любезно и ненавязчиво. Первый день прошел в полном блаженстве и спокойствии. Мы бродили по предместьям замка, купаясь в ощущении полнейшей свободы. К концу вечера усталость, накопившаяся за долгие месяцы, исчезла почти без следа.

На следующее утро мы проснулись под пение птиц у нас под окном, к которому все более явно примешивался нарастающий «гур — гур» человеческих голосов. Выглянув украдкой из — за портьеры в спальне, мы увидели внизу целое море репортеров и фотографов: нас все — таки вычислили. Пресса проникла в наше укромное местечко, чтобы взять первое интервью у Джорджа с его новой подружкой.

Глубоко разочарованные, мы поняли, что находимся в ловушке. Управляющий отеля поспешил на выручку и предложил нам простой, но остроумный план, который позволит обмануть собравшийся внизу народ: Джордж с Джоном выйдут через вестибюль, сядут в машину и отправятся в аэропорт, а Патти и я чуть позже покинем отель через черный ход, переодевшись горничными.

Первая часть операции прошла вполне успешно. Постоянно хихикая, мы кое — как втиснулись в выданные нам черные платья, надели белые фартуки с оборками и наколки. Нас отвели вниз к служебному выходу, где мы забрались в огромные корзины для белья. Согласно задумке, кто — то из служащих отеля должен был вынести нас в этих корзинах и погрузить в присланный из прачечной грузовик. Как только мы отъедем чуть подальше, мы должны были оттуда вылезти и уже нормально, как люди, добраться с нашим водителем до аэропорта. Все было бы хорошо, если бы шофер вызволил нас из корзин и дал нам принять более естественное для путешествующего в автомобиле человека

положение. Он же, напротив, приняв груз на борт, тут же ударил по газам, и весь час, пока он мастерски, на хорошей скорости вписывался в крутые повороты, мы болтались по кузову в наших корзинах от одного угла к другому. Вдобавок там внутри было очень трудно дышать, мы боялись задохнуться и орали, как сумасшедшие, но, поскольку водитель нас не слышал, нам оставалось только держаться покрепче да молить бога, чтобы все это побыстрее закончилось.

В аэропорт мы прибыли скрюченными, в синяках, со слезами на пыльных лицах и охрипшими от постоянного крика. Зато наша военная хитрость сработала: пресса так и продолжала толпиться у отеля, не зная, что нас там уже давно нет. Джон с Джорджем, услышав наш рассказ, сочли, что это ужасно весело, и всю дорогу домой дружно подшучивали над нами. Мы с Патти поклялись, что в следующий раз, когда кому — нибудь придет в голову гениальный план, они будут воплощать его сами, а мы отныне намерены выбираться из положения наиболее легким и привычным способом — через вестибюль и главный вход. И все же нам было так хорошо вместе, что уже через несколько недель мы снова отправились отдыхать в том же составе, на этот раз на Таити. Чтобы избежать общения с прессой, мы арендовали яхту, а на место вылетели по отдельности. Мы с Джоном полетели через Гавайи, где за нами увязались толпы газетчиков и фанатов, так что мы снова выдерживали осаду в отеле.

Когда мы наконец встретились с Джорджем и Патти на Таити, наша «яхта» на поверку оказалась рыбацким баркасом почтенного возраста, и первые два дня, не переставая, шел проливной тропический дождь. Кроме прочего, у меня началась морская болезнь, и я уже пожалела, что мы все это затеяли. Однако когда шторм на море прекратился, все наладилось, и мы прекрасно провели время. Команда нашего судна состояла из веселых, трудолюбивых местных жителей и, к нашему счастью, понятия не имела о том, кто мы такие. Кок был большим специалистом по блюдам из картошки, которую он готовил каждый вечер по — разному, так что домой мы с Джоном вернулись, заметно поправившись. Целыми днями мы валялись на палубе, плавали, болтали, ели, и, что самое прекрасное, пресса так и не узнала, где мы находимся.

Вскоре мы с Патти стали настоящими подругами. Я восхищалась ее идеально стройной фигурой и прекрасным чувством стиля, а она, как мне кажется, находила свою прелесть в общении со мной как с человеком, который был с «Битлз» с самого начала и знал слабые и сильные стороны каждого из них. Джон с Джорджем также общались очень легко и непринужденно.

Они обычно отправлялись на пляж, в то время как мы с Патти бродили по магазинам. Для нас с Джоном эта возможность отдохнуть вместе дорогого стоила: когда еще мы могли день и ночь находиться вместе, успокоиться и, никуда не торопясь, насладиться обществом друг друга? Все остальное время у нас было заполнено постоянной суетой; мы и встречались — то большей частью в дверях — на входе или выходе из дома. Даже когда мы бывали вместе на официальных мероприятиях, нас почти никогда не сажали рядом, и к тому же столько людей из кожи вон лезло, чтобы привлечь внимание Джона. Так что наше бездельничанье на пляже, прогулки и беседы, взаимные ласки и занятия любовью, плескания в воде были настоящей идиллией. Нам не нужно было стараться «отдыхать хорошо» — мы действительно хорошо, прекрасно отдыхали, потому что были вместе, потому что нам никто и ничто не мешало. В такие часы Джон был по — настоящему счастлив, напрочь забывая об охране, о журналистах, поклонниках и о том, что он все время кому — то что — то должен. Он просто смеялся, валял дурака и наслаждался жизнью.

Отпуск закончился, и мы вернулись в водоворот нашей будничной жизни. 6 июля в Лондоне в присутствии принцессы Маргарет должна была состояться премьера фильма A Hard Day's Night. Четыре дня спустя «Битлз» ждали на премьере в их родном Ливерпуле, после чего планировался прием, который городские власти организовали в честь новых героев города. Джон с удовольствием работал над картиной и был очень доволен конечным результатом. Все мы надеялись, что фильм будет принят публикой и продемонстрирует ей еще одну грань таланта группы.

По мере того как приближался день лондонской премьеры, страсти вокруг нас накалялись, и я решила, что должна выглядеть сногсшибательно. Несколько дней я ходила по модным бутикам Вест — Энда и Найтсбриджа в поисках подходящего для такого случая платья. Наконец в Fenwicks, одном из самых престижных лондонских магазинов, я нашла то, что искала, — длинную шелковую тунику без рукавов, бежевую с черным. К ней под цвет я подобрала черный, отороченный перьями шифоновый кардиган от Mary Quant. Единственная проблема заключалась в том, что платье было чуть длинновато. В магазине пообещали устранить этот недостаток и доставить покупку мне на дом в день премьеры.

Утром, когда никто так и не приехал, я не на шутку запаниковала. В конце концов моя мама сама поехала за платьем и привезла его за полчаса до того, как нам надо было выходить. Джон, придававший большое значение моему внешнему виду,

оценил наряд по достоинству. Я спросила его, как мне зачесать волосы, вверх или вниз, на что он ответил: «Выдай — ка нам на сей раз, для разнообразия, немного Бриджит Бардо и подними волосы наверх. Только прошу тебя, не надевай очки. Тебе без них в сто раз лучше. Не беспокойся, если что, я буду твоим поводырем». В таких случаях Джон всегда гордился мной, разглядывая конечный результат моих прихорашиваний, и, как правило, говорил: «О боже, Син, ты выглядишь потрясающе!» На премьеру я отправилась, чувствуя себя настоящей принцессой, с черной бархатной лентой в волосах, в тон моему новому платью.

Джон, Пол, Джордж, Ринго, Брайан и я сели в машину к нашему шоферу Биллу Корбетту и отправились на Лестер — сквер, где по сей день проходят крупнейшие кинопремьеры. Пока мы ехали мимо выстроившихся вдоль улиц поклонников, которых сдерживало полицейское оцепление, Джон выглянул в окно и спросил, что происходит: «Это они на футбол, что ли, собрались?..» Когда Брайан объяснил ему, что все эти люди стоят здесь, чтобы увидеть «Битлз», Джон неподдельно удивился: несмотря на то что толпы орущих людей неотступно сопровождали ребят последние девять месяцев, он все еще никак не мог с этим свыкнуться.

Когда нас вывели на красную ковровую дорожку и мы стояли под вспышками фотокамер, приветственно улыбаясь встречающим, я вдруг вспомнила, как еще совсем недавно затворницей жила у Мими, экономя свои жалкие гроши, а ведь это было всего — то год назад!.. После показа фильма нас представили принцессе Маргарет. Видеть перед собой королевскую особу во плоти было для всех нас событием особого порядка. Джон был настолько польщен и горд тем, что принцесса пришла на премьеру, что весь его протест против истеблишмента мгновенно улетучился. Он стоял, весь пунцовый от волнения, в то время как принцесса задавала ему какие — то вопросы, впрочем, довольно короткие и поверхностные. Ее, несомненно, интересовали сами «Битлз», но отнюдь не их сопровождающие. Джон попытался представить меня принцессе: «Мэм, это моя жена, Синтия». — «О, как мило», — промолвила она и удалилась. Тем не менее я была вне себя от восторга: я познакомилась с членом королевской семьи. Разве могла я когда — нибудь хотя бы мечтать об этом у себя в Хойлейке?!

Брайан посоветовал мне и другим подругам «Битлз» не ехать на ливерпульскую премьеру и прием, так как, судя по всему, там ожидалось огромное количество народа и с нами могли возникнуть проблемы. Ребята в первый раз после начала битломании должны были появиться в своем родном городе и,

конечно же, с нетерпением ждали этой встречи. Все четверо пригласили на показ фильма родственников: Джон позвал своих сестер Джекки и Джулию, которым было теперь, соответственно, шестнадцать и восемнадцать. Они прибыли в кинотеатр с тетушкой Хэрри, одетые в новые нарядные платья, подаренные Джоном, который отправил их в магазин и предложил выбрать все, что они пожелают. За девочками приехал лимузин с шофером, и Джулия потом говорила мне, что это был один из самых счастливых дней в их жизни. Мими на премьеру не пошла, так как подобные мероприятия были, видите ли, не в ее вкусе.

Как и раньше, в Лондоне, улицы города были запружены воодушевленными толпами людей, направлявшихся к зданию городского собрания, где должен был состояться прием и где ребят ждал мэр Ливерпуля, в регалиях и при полном параде. Их провели на балкон, выходивший на площадь, на которой собралось более двухсот тысяч человек, кричавших на пределе своих голосовых возможностей. После роскошного обеда «Битлз» направились в кинотеатр Odeon на премьеру. Перед фильмом они вышли на сцену под непрекращающийся рев публики, и Джон закричал: «А где мои родственники?!» Джулия, Джекки и Хэрри помахали ему в ответ, и весь зал захохотал.

В тот же вечер ребята спешно вернулись назад в Лондон. Их приезд домой в Ливерпуль можно было назвать поистине триумфальным. «Битлз» были в восторге от устроенного им приема, но все это было как — то чересчур: Джону казалось странным, что, хотя он вырос в этом городе, теперь он уже не может себе позволить по нему спокойно прогуляться, навестить друзей, посетить клуб, чтобы услышать новую группу. Отныне его никогда не будут воспринимать здесь как простого горожанина, а только как мировую знаменитость, и это его сильно расстраивало. В своих интервью он всегда говорил, что не скучает по Ливерпулю, что хочет узнать мир и не желает возвращаться назад. В этом мне слышалось что — то неправильное. Теперь я понимаю, что только таким образом он мог защитить себя от необходимости признавать горькую для него правду.

Музыкальной основой фильма A Hard Day's Night стал записанный «Битлз» одноименный альбом, первый, состоявший только из оригинальных композиций Леннона — Маккартни. В нескольких песнях Джона на этой пластинке красной нитью проходит тема одиночества и крика о помощи. Треки Tell Me Why, Any Time At All, I'll Cry Instead отражают удрученное состояние, в котором он тогда пребывал. Он сделался идолом миллионов, однако свобода и веселье прошлых лет исчезли. Успех достался ему слишком дорогой ценой, и Джон все чаще оказывался в

ситуации, развитие которой не мог контролировать.

Я тоже тосковала по прежним временам, чувствуя себя отрезанной от внешнего мира и зажатой в четырех стенах, с постоянно дежурившими внизу отрядами фанатов. Более того, напротив нас было студенческое общежитие с балконом, выходившим на наши окна. Днем и ночью там собирались какие — то люди, которые махали нам руками и что — то кричали, так что приходилось все время держать шторы плотно закрытыми.

Иногда я вспоминаю те особенно ужасные минуты, когда в большом здании прямо рядом с нами, где располагался парк рейсовых автобусов, курсировавших из города в аэропорт Хитроу, разгорелся сильный пожар. Я стояла с Джулианом на руках и смотрела, как высокие языки пламени освещают ночное небо. Ветер дул в нашу сторону, и искры летели прямо на нас. Я уже начала думать о том, что нам нужно эвакуироваться ради собственной безопасности. Наш сосед и товарищ, фотограф, живший этажом выше, зашел проверить, все ли в порядке. Они с женой заверили меня, что пламя не перекинется на наш дом, но тогда я уже в который раз поняла, что чувствую себя в этой квартире уязвимой и беззащитной.

Затем последовал ряд оскорбительных телефонных звонков. Это была последняя капля. Я оказалась в осаде со всех сторон, я не могла выйти из дома, выглянуть в окно, а теперь и поднять телефонную трубку, чтобы не нарваться на фанатов, многие из которых были по — настоящему сумасшедшими. Джону доставалось не меньше: каждый раз, заходя домой, он был вынужден прорываться сквозь толпу девиц, разбивших лагерь прямо на наших ступеньках. Его водитель Билл Корбетт, сильный и крепкий мужчина, расталкивал их в стороны, прокладывая дорогу, но все равно это был полный кошмар. Фанаты размахивали кулаками, дрались, кусались и царапались, стараясь пробиться к Джону и урвать себе клок его одежды. Он перестал носить шарфы, потому что их с него просто срывали. Потом фанаты стали применять новую, еще более хитроумную тактику: чтобы не пустить нас в квартиру и заставить топтаться с ними на площадке, они заклеивали замочную скважину жвачкой. После того как это было проделано в пятый или шестой раз, Джон решил, что с него хватит, пора подыскивать более спокойное жилье.

Поговорив с нашим финансистом о возможности приобретения дома, мы обнаружили, что деньги теперь для нас не проблема. Оказалось, мы богаты настолько, что спокойно можем выбрать себе дом своей мечты. Финансовый директор «Битлз» жил в Уэйбридже, графство Суррей, и мы отправились к нему в

гости. Место нам очень понравилось, совсем недалеко от Лондона, но очень красивое и спокойное. В конце концов мы подыскали идеальное жилье, шестнадцатикомнат — ный особняк Кенвуд в стиле псевдо — Тюдор, расположенный в эксклюзивном владении Сент — Джордж — Хилл, где свои дома уже были у Клиффа Ричарда и Тома Джонса. Коттеджи здесь не теснились друг к другу, стена к стене, как в других владениях, которые мы успели посмотреть. Их разделяли акры земли с лесами и полями; дома утопали и прятались в зелени, соседей было не видно и не слышно. Отделка особняка на первый взгляд показалась нам чудовищной, зато стоял он на вершине холма, откуда открывались чудесные бескрайние просторы, чего нам так не хватало в тесной городской квартире. Кенвуд обошелся нам в девятнадцать тысяч фунтов (огромная сумма по тем временам!). Мы приобрели его 15 июля и вскоре поселились в его тесной мансарде под самой крышей, пока в остальных помещениях шел капитальный ремонт. Все друзья советовали нам нанять дизайнера по интерьеру, и Брайан порекомендовал одного своего знакомого специалиста. Совершенно не разбираясь в подобных вещах, мы позволили ему делать все, что он считает нужным. Для дизайнера это райские условия, так что он принялся тратить наши деньги направо и налево, предлагая каждый раз все более странные, на наш вкус, проекты. Тем временем рабочие уже начали рыть во дворе котлован под бассейн: Джон ни в чем не желал отставать от остальных поп — звезд. И так мы провели несколько месяцев, ежедневно протискиваясь между бригадами рабочих и целой армией декораторов наверх в наши две маленькие комнаты на чердаке. Лишь иногда, когда внизу устраивали очередной перерыв на чай с бутербродами, мы скромненько заглядывали в какую — нибудь из комнат и интересовались, как идут дела.

Иногда предлагаемый помпезный дизайн интерьеров приходился нам по душе, однако сами мы остановили бы выбор на чем — нибудь другом. А однажды, когда Джон увидел окончательную отделку одной комнаты, его чуть не хватил апоплексический удар: то, что было задумано как яркое, наполненное солнечным светом помещение с большими окнами, превратилось в мрачный зал в темно — зеленых тонах, больше напоминавший какой — то восточный свадебный шатер. В бешенстве он стал сдирать со стен все, что только можно было содрать.

Мы все еще продолжали жить на чердаке нашего дома, когда «Битлз» отправились в свое первое полномасштабное турне по США, в августе 1964 года. Пока Джона не было, я, как могла,

старалась занять себя различными делами, чтобы не закиснуть совсем в одиночестве, которое, увы, становилось неизменным атрибутом моей новой жизни. Я пригласила к себе погостить свою старую подругу Фил, и мы замечательно провели вместе пару недель, расхаживая по магазинам, делая новые прически и болтая обо всем на свете. Фил сочла ужасно забавным, что мы живем на чердаке, имея такой огромный дом.

За триумфальным шествием «Битлз» мы следили по телевизору. Их гастроли имели огромный успех, и толпы народа были еще более внушительными, чем в первый приезд. Мы ходили в местный кинотеатр на A Hard Day's Night, который Фил так еще и не видела, а я с удовольствием посмотрела на Джона, пусть и в кино: мне его так не хватало!

Пока шел ремонт, мы с Джоном провели на чердаке в общей сложности девять месяцев. Мы привыкли к небольшим пространствам, поэтому нас это вполне устраивало. Гораздо более странным для меня было переселиться в дом и иметь в своем распоряжении такое количество просторных комнат. Как только терроризировавший нас все это время дизайнер уехал, мы смогли спокойно заменить некоторые из ковров и занавесок, а также обменять массивные, обтянутые красной кожей диваны на меньшие по размерам и более уютные, с зеленой бархатной обивкой. Красные диваны, кстати, приглянулись Ринго, и он купил их у нас для своей лондонской квартиры. Гостиной и столовой мы пользовались, только когда принимали гостей. Вес остальное время эти комнаты пустовали.

Ни я, ни Джон не привыкли жить на широкую ногу, так что в конечном счете мы облюбовали себе небольшую скромную комнатку в задней части дома, где и проводили основную часть времени. Там были уютная софа, телевизор, стол, за которым мы обедали, и игрушки Джулиана. Когда Джон не работал, он обычно лежал на софе и делал вид, что смотрит телевизор: он любил, чтобы телевизор работал постоянно, что вовсе не означало, что он его смотрит. Часто он просто валялся, глядя в одну точку, а мысли его витали где — то далеко — далеко. Когда я к нему обращалась в такие минуты, он не слышал меня. В этом не было ничего нового. Джон всегда отличался способностью отключаться от происходящего, присутствовать и одновременно отсутствовать, и это случалось тем чаще, чем более загруженной становилась его жизнь. Я хорошо понимала его и нисколько не противилась: если это помогает ему справляться со стрессом, если такие «отключки» стимулируют его творчество, то ради бога! Самое интересное, что, проведя в таком состоянии час или два, он потом часто усаживался за пианино и начинал сочинять какую — нибудь

песню.

Теперь, когда мы стали жить в таких хоромах, у нас появились помощники. Дороти Джарлетт, или просто Дот, добродушная и деятельная женщина лет сорока, гладила белье у прежних хозяев. Мы же наняли ее в качестве экономки. С нами она всегда была покладистой и преданной и очень поддерживала меня, пока Джон неделями пропадал в командировках.

Не раз мне приходилось читать или слышать где — нибудь в интервью, что Джон не разрешил мне приглашать няню для Джулиана, настаивая на том, чтобы я сама занималась воспитанием сына, якобы потому, что сам хорошо знал, что такое детство без матери. На самом деле Джон предоставил мне возможность самой решить, нужна нам няня или нет. Я пришла к выводу, что не нужна: Джулиан доставлял мне столько радости; я любила проводить с ним время, наблюдать за тем, как он узнает с каждым днем все новые и новые вещи. Мне хотелось завести второго ребенка, но, несмотря на то что мы никогда не предохранялись, я не беременела. Присматривать за Джулианом мне время от времени помогала Дот, а кроме того, моя мама, которая часто к нам приезжала. Еще у нас был садовник, мрачноватого вида пожилой мужчина. Он все время возился в саду и, казалось, почти не замечал нас, зато очень хорошо знал свое дело. И, наконец, у нас был личный шофер. Лес Энтони устроился к нам после того, как нам пришлось распрощаться с парой его предшественников, один из которых, как выяснилось, жил в той самой машине, в которой возил нас. Что касается Энтони — мы почему — то называли его по фамилии, — то он был, так же как и наша домоправительница Дот, очень надежным и преданным. Раньше он служил в охране. Ни Джон, ни я тогда еще не умели водить машину, поэтому Энтони, веселый и жизнерадостный валлиец, был для нас не просто водителем как некоей функцией и показателем статуса, а настоящим проводником по жизни.

Когда ремонт в доме был закончен, Джон настоял на том, чтобы мы завели кошку: он вырос с кошками и котами в доме и очень их любил. Первую он назвал Мими, в честь своей тети, большой кошатницы. За ней появились еще две, а потом еще и еще. В общей сложности по дому у нас бегало около десятка кошек. Кроме них, мы взяли собаку, дворнягу по кличке Бернард. Кличку дал Джулиан: так звали мужа Дот. К сожалению, эта собака прожила у нас всего год и умерла.

Вскоре после нашего переезда в Кенвуд Джордж и Патти тоже купили себе дом в Эшере, в нескольких минутах езды от нас, а за ними — Ринго с Морин. Они приобрели особняк Санни — Хейтс

на соседнем участке. Морин и Ринго продолжали встречаться, хотя она все еще жила в Ливерпуле, а он в Лондоне. Мы все знали, что у Ринго время от времени случались мимолетные связи с другими девушками, однако сердце его принадлежало Морин. Летом 1964–го, не сказав ничего ее родителям, они вместе с Полом и Джейн отправились в отпуск. С чего она решила, что о ее отпуске с битлом никто не пронюхает, представить себе не могу. Конечно же, через пару дней ее фото красовалось почти во всех газетах. Когда репортеры постучались в дверь дома родителей Морин, ее отец великодушно заявил, что, знай он об этом заранее, он бы свою дочь отпустил.

В начале декабря Ринго слег с острым тонзиллитом, и Морин тут же ринулась к нему из Ливерпуля. «Битлз» тогда собирались на гастроли, сначала по Голландии, а потом по Дальнему Востоку и Австралии, поэтому его болезнь вызвала значительный переполох. Брайан, наконец, решил, что ребята поедут без Ринго, а он присоединится к ним через несколько дней, как только выздоровеет, уже в Австралии.

В январе Морин обнаружила, что беременна. Пришлось спешно организовывать свадебную церемонию, которая была назначена на 11 февраля 1965 года в лондонском Кэкстон — холле. Все, что происходило с Ринго и Морин, можно назвать полной калькой того положения, в котором в свое время оказались мы с Джоном, с той лишь разницей, что в их случае вся мировая пресса желала рассказать об этом во всех подробностях. Снова Брайан взял на себя все организационные вопросы, снова беременность невесты приходилось скрывать, и, чтобы избежать гласности, церемонию назначили на восемь часов утра. Пол и Джейн тогда были на отдыхе в Тунисе, и пришли мы с Джоном, Джордж, Патти, мама Морин, мама Ринго, а также его отчим. Как и на нашей свадьбе, Брайан все организовал, и после трогательной церемонии мы направились в лондонский район Белгравия, где в доме Брайана состоялся праздничный завтрак. Молодожены отправились в трехдневное свадебное путешествие в местечко Хоув, неподалеку от Брайтона, а потом Ринго был вынужден вернуться к работе.

Морин только что исполнилось восемнадцать, и перед репортерами она выглядела застенчивой и неискушенной. Так же, как и я, она предпочитала оставаться в стороне и не давать много интервью. Во время брифинга с журналистами в разгар их медового месяца она крепко держала Ринго за руку и произнесла всего несколько слов. Одна газета тогда написала, что один из самых завидных женихов на свете выбрал себе одну из самых незаметных невест. Но в том — то и дело, что Ринго с Морин

этого как раз и хотели. Ринго, как и Джон, делал все, чтобы его семья находилась как можно дальше от света рампы. Он, как умел, старался защищать ее от посторонних глаз и ушей.

Морин была отнюдь не скромницей, как могло кому — то показаться. Она любила поболтать, посмеяться и хорошо повеселиться, чем, собственно, и нравилась всем нам, считавшим, что для Ринго лучшей партии не сыскать. Мы с Джоном очень обрадовались, узнав, что они будут жить неподалеку. Вначале они жили в небольшой двухкомнатной квартире Ринго на Монтегю — сквер, рядом с Гайд — парком, но, как и нам в свое время, им стало там тесно и неуютно от чрезмерного внимания посторонних. Мы, жены и подруги «Битлз», прекрасно ладили друг с другом, но Морин, самая простая и прямодушная девушка из всех, кого я когда — либо знала, стала мне самой близкой подругой. Когда в сентябре, через семь месяцев после их женитьбы, у Морин родился сын Зак, мы вдвоем часто ходили по магазинам в Найтсбридже. Энтони обычно высаживал нас где — нибудь поблизости, и мы слонялись между универмагами Harrods, Harvey Nichols и многочисленными дизайнерскими салонами. Потом мы присаживались пообедать в каком — нибудь маленьком симпатичном бистро. Нам нравилось покупать детям модные костюмчики, и мы всегда старались прикупить что — нибудь особое и необычное для наших мужчин, чтобы сделать им приятный сюрприз. Это могла быть экстравагантная, в психоделическом стиле рубашка, этнические украшения или даже новый медиатор для гитары, который я, например, как — то купила Джону. Он очень любил «подарочки», как он выражался. Причем любые — большие, маленькие, какие угодно. Ну а мне, в свою очередь, доставляло огромное удовольствие отыскать то, что его обрадует и удивит.

Как бы Морин ни нравилось бродить со мной по магазинам, она внимательно следила за тем, чтобы быть дома к возвращению Ринго. Она была настолько предана ему, что могла не ложиться до четырех утра, чтобы встретить его горячим домашним ужином. Морин всегда старалась, чтобы Ринго чувствовал и понимал, что его любят; так же, как и я, она воспитывалась в семье, где мужчина в доме — добытчик, а женщина обеспечивает тепло и уют.

Довольно часто мы с Джоном приходили к ним в гости, и всегда в доме у Старки царило приподнятое настроение. Ринго любил повеселиться и был очень общительным, этаким клоуном и шутом с невероятно заразительным смехом. Они с Морин составляли неподражаемую пару, оба экстраверты и балагуры без лишних комплексов. У себя в гостиной Ринго обустроил

настоящий английский паб, который назвал «Летающая корова», с барной стойкой и старинным кассовым аппаратом, пивными кружками, зеркальными стенами и даже биллиардным столом. Он заходил за стойку и выдавал нам напитки, а Морин в это время подносила бесчисленные тарелки с закусками. Это был уютный и удобный для жилья дом, полная чаша, где все было устроено по последнему слову техники, включая постоянно работающие телевизоры — в каждой комнате.

К дому прилегал очень просторный участок, на котором Ринго устроил дорожку для гонок на картах. Они с Джоном обычно пропадали либо там, либо в биллиардной, а мы с Морин в это время сидели за чашкой чая или отправлялись на прогулку с Джулианом и Заком. Другой страстью Ринго было производство домашних короткометражных кинофильмов. У него было для этого все необходимое оборудование, и, когда няня забирала у нас детей, мы садились посмотреть его последний киношедевр. В одном из них, например, он в течение пятнадцати минут подробно изучал лицо Морин через объектив. Может, в этом и было что — то авангардистское, но привлекательным и пленяющим взор такое представление можно назвать разве что с огромной натяжкой.

Мы ездили в гости также и к Джорджу с Патти. Джордж купил в Эшере огромный дом — бунгало, минутах в двадцати от нас, и Патти вскоре переехала к нему жить. Внешняя часть дома была расписана яркими красками, что придавало фасаду несколько пугающий психоделический тон. Внутри же жилище Джорджа было полной противоположностью дому Ринго: здесь чувствовался тонкий стиль и вкус, работа дизайнера — и никаких телевизоров.

«Битлз» крепко сдружились за последние годы, поэтому большую часть совместного свободного времени мы проводили вместе. Это было все равно что иметь вторую семью. Даже Пол, который предпочел городской дом в лондонском районе Сент — Джонс — Вуд, часто приезжал навестить нас вместе с Джейн. Вообще, мы навещали друг друга, наверное, чаще, чем кто — либо и где — либо. Отдыхали мы тоже всегда вместе, в полном или почти полном составе, а на Рождество обязательно собирались все вместе у кого — нибудь в доме и обменивались подарками. Может, это и выглядит странно, но ссоры и разногласия между нами возникали крайне редко и в любом случае быстро улаживались.

Личные отношения между Джоном и каждым из остальных битлов, конечно же, были разными. Расслаблялся он больше всего, общаясь с Ринго, который всегда умел достойно парировать

его шутки. К Джорджу он относился с покровительственной симпатией, как к младшему брату. Ближе всех они были с Полом, однако их отношения были куда более сложными. Они много времени проводили за совместным сочинительством, один сидел за фоно, другой — с гитарой или с листом бумаги, записывая текст песни. Они поглощали чай и бутерброды в огромных количествах и были полностью погружены в процесс. Совместное творчество требовало от обоих огромной отдачи, и, когда оно заканчивалось, и тому и другому требовалось выпустить пар и расслабиться. Поэтому с Полом Джон куда реже проводил свободные часы, чем с другими ребятами.

Такая почти семейная близость, существовавшая между битлами, не распространялась на Брайана. Может быть, потому, что он был их «босс», он предпочитал держаться на расстоянии. Брайан довольно редко участвовал в наших совместных вечеринках или отдыхал вместе с нами, хотя его всегда приглашали. Так уж сложилось, что ему выпала роль друга и наставника «Битлз», но не приятеля, с которым можно запросто повеселиться.

ГЛАВА 12

Брайан всегда говорил, что «Битлз» будут круче Элвиса. Поначалу все над этим посмеивались. Элвис Пресли уверенно сидел на своем троне короля рок — н-ролла, а о «Битлз» тогда и слыхом не слыхивали. Однако к 1965 году его предсказания сбылись. Они стали величайшей в мире поп — группой, затмив и Элвиса, и других популярных исполнителей. Их знали в любой стране земного шара; битломания добралась даже до далекой Австралии и Филиппин, до Японии и Скандинавии.

Мы в Великобритании находились в эпицентре явления, которое потом стали называть «свингующие шестидесятые». Это была эпоха свободы самовыражения, безудержного веселья и экстравагантного поведения. Люди поняли, что не обязательно ждать Рождества, чтобы зажечь свечи; они горели и горели, днем и ночью, не оставляя времени на сон. Иногда нам казалось, что жизнь в стране превратилась в бесконечную вечеринку, на которой мы всегда числились в списках почетных гостей. Весь 1965–й и последующие три года мы были завсегдатаями модных ресторанов и ночных клубов, нас приглашали на приемы к знаменитостям, мы покупали одежду от лучших дизайнеров, наши фото не сходили со страниц газет и журналов.

Жизнь моя тогда представляла собой череду контрастов. Один вечер я могла быть на какой — нибудь премьере, в окружении беснующихся толп, под вспышками фотокамер, а на следующее утро отводить Джулиана в детский сад, как и все остальные молодые матери. Днем я заходила в мясную лавку, и никто меня без Джона не узнавал, а вечером, когда он заканчивал запись в студии, мы отправлялись в шикарный ночной клуб потанцевать и поболтать с представителями богемы, которых мы считали своими добрыми друзьями.

Несмотря на то что теперь мы сами относились к касте знаменитостей, мы продолжали оставаться наивными, неискушенными детьми, не отличаясь изысканностью манер и особым чувством стиля. Раньше, в Ливерпуле, классно провести вечер означало попить вволю скотча с кока — колой или грушевого сидра в пабе — и то не в обычный день, а под Рождество или на чей — нибудь день рождения. Чаще всего мы ограничивались кокой и пивом, и все. Привычки обедать в ресторанах у нас не было, и только в редких случаях, когда вдруг заводились деньги, мы шли, конечно, не в ресторан, а в закусочную или кафе и заказывали себе курицу с жареной картошкой.

Приехав с Джоном в первый раз в Лондон, мы попросили Брайана помочь нам осмотреться. У него к тому времени уже была симпатичная квартира в престижном районе Белгра — вия, и он, не теряя времени даром, активно осваивал город и знакомился с его лучшими обитателями. Не зная, с чего начать, мы полностью положились на вкус Брайана. Чтобы мы вкусили немного ночного Лондона, он для начала повел нас на ужин в ресторан, который располагался на Эбери — стрит и назывался La Poule аи Pot. Рестораном заправляли два французских гея, шокирующе откровенные декаденты — по крайней мере, нам так показалось. Обстановка вокруг была очень интимной, стены завешены тяжелыми темно — красными и зелеными с позолотой портьерами, в бутылках, служивших подсвечниками, горели свечи, и воск стекал по ним вниз, образуя причудливые скульптуры. Нам там понравилось, хотя в меню, написанном по — французски, мы не могли разобрать ни слова.

Что касалось Брайана, то он был здесь в родной стихии. Гомосексуализм в то время еще находился под запретом, поэтому только в таких местах, как это, где не нужно было скрывать свою ориентацию, он мог расслабиться и не чувствовал себя изгоем. Наоборот, здесь он был членом особого клуба посвященных и одновременно нашим старшим товарищем с изысканными манерами, который показывал нам, наивным и неопытным, как надо жить. И мы в тот вечер предоставили Брайану полное право выбора: он заказал нам французский луковый суп, петуха в вине, грушевый десерт Poire Belle Helene и бутылку Pouilly Fuisse. Ужин был великолепно — благородным и сопровождался добродушными, хотя и несколько вольными шутками наших французских хозяев. Мы с Джоном весь вечер тренировались правильно произносить Pouilly Fuisse, чем очень веселили окружающих.

После того ужина Брайан регулярно брал нас с собой в походы по лондонским злачным местам, поэтому еще до нашего переезда в Уэйбридж мы не единожды имели возможность по достоинству оценить прелести ночной жизни города. Несмотря на частые посещения ночных клубов, ресторанов и вечеринок, мы так и не стали тонкими ценителями изысканной кухни. Джон по — прежнему предпочитал бутерброд с ветчиной или бифштекс любому блюду, приготовленному для него лучшими поварами.

Нашим любимым местом ночных бдений был клуб Ad Lib. Он располагался на верхнем этаже здания, куда из холла вас доставлял лифт, спрятанный за потайной неприметной дверью. Клуб был оформлен в минималистском стиле, вокруг находящейся в центре зала танцплощадки стояли мягкие узкие

диванчики с подушками и длинные низкие столики.

Всю ночь клуб жужжал, как улей, и время от времени сюда захаживали знаменитости. Мы танцевали, пили и болтали с местными завсегдатаями — поющими близнецами Полом и Барри Райанами, нашими старыми ливерпульскими друзьями Фредди и Джерри, выступавшими в составах своих групп Dreamers и Pacemakers, здесь появлялись и музыканты из ансамблей The Who, Rolling Stones, Animals, а также певец Джорджи Фэйм. Встречаясь с барабанщиком группы The Who где бы то ни было, мы тут же заводили возвышенные философские беседы. Несмотря на свой имидж безумного рокера, Кейт Мун оказался очень серьезным и тонким человеком, и лет десять спустя я искренне оплакивала его преждевременную смерть.

После долгого ночного загула, уже на рассвете, мы отправлялись домой, как правило, вместе с Джорджем и Патти или с Ринго и Морин. Мы просили водителя остановить нас где — нибудь в придорожном кафе, съедали там мясной пирог и успевали вернуться домой как раз к тому времени, когда мне надо было отводить Джулиана в детский сад. После этого я падала в постель и несколько часов спала как убитая.

Среди наших излюбленных клубов были также Scotch of St. James, Samantha и Bag o'Nails. Последний мы посещали особенно часто. По контрасту с Ad Lib, он был оформлен преимущественно в темных тонах, с канделябрами в углах и глубокими, массивными диванами. Самым же привлекательным было то, что всю ночь здесь подавали багеты с мясом и луком: после записи парни обычно умирали от голода, так что они заказывали себе целую гору и жадно вгрызались в них.

Просторная квартира Брайана в Белгравии была очень элегантной, в классическом стиле. Он часто устраивал там вечеринки, всегда тщательно спланированные. Гостям подавали шампанское на большом подносе, который путешествовал из комнаты в комнату в руках ненавязчивого мажордома. У Брайана встречались самые разные люди: Дэвид Джекобс, ведущий популярной телепрограммы Juke Box Jury, на которой побывал и Джон, музыкальный журналист Рэй Коннолли и его супруга Плам, сказочно богатый владелец компании по производству и продаже стиральных машин Джон Блум и, наконец, Джими Хендрикс.

Кроме удовольствия от тонких вин и хорошей кухни, мы также узнали, что такое индийская конопля. На частных вечеринках или даже в клубах нередко забивался косячок, который предлагался всем желающим. «Битлз» впервые попробовали коноплю из рук Боба Дилана, во время их первого визита в США. В строчке их песни I Want To Hold Your Hand, где

есть слова I can't hide («я не скрываю»), Боб по ошибке услышал I get high («я улетаю»). Он решил, что это имеет прямое отношение к наркотикам и что ребята давно их принимают. Когда Боб напомнил об этой строчке Джону, тот объяснил, что это не так и что «Битлз» до сих пор не пробовали ничего подобного. Тогда — то Дилан и предложил им покурить «травку» вместе с ним. Накурившись до одурения, ребята, хихикая, разбрелись по углам гостиничного номера, и потом рассказывали, как здорово это было. Впоследствии они курили регулярно и относились к этому как к выпивке, которая позволяет отдохнуть и расслабиться. Я тоже несколько раз пробовала, однако это так и не вошло у меня в привычку: не понимаю, как можно получать удовольствие от того, что лишает тебя контроля над собой.

То, что нас приглашали всюду, где собирались знаменитости и настоящие звезды, о которых еще пару лет назад мы могли только прочесть в газетах или увидеть по телевизору, необычайно льстило нам и вызывало легкое головокружение. Одной из таких звезд была певица Альма Коган. Она пользовалась бешеной популярностью в пятидесятые годы и все еще оставалась весьма известной в первой половине шестидесятых. «Битлз» познакомились с ней на ее телевизионном шоу, и она прониклась к ним искренней симпатией, особенно к Джону. С тех пор нас часто приглашали на вечеринки, которые Альма устраивала в своей роскошной квартире на Кенсингтон — Хай — стрит.

До личного знакомства, мы с Джоном воспринимали ее как несколько старомодную и скучную даму. Мы еще помнили ее давно вышедшие из моды наряды с утянутой талией и пышными юбками пятидесятых годов. Тем не менее в жизни Альма Коган оказалась очень красивой, интеллигентной и веселой женщиной, излучавшей сексапильность и шарм. Войдя в ее дом впервые, мы с Джоном почувствовали себя в совершенно ином мире. Насыщенные краски портьер из шелка и парчи на стенах напоминали шикарные декорации дорогих ночных клубов, все видимые глазу поверхности были украшены орнаментом, заставлены этническими скульптурами и фотографиями в рамках, инкрустированных серебром, золотом или драгоценными камнями. В гостиной разместились два роскошных глубоких дивана, между ними — для любителей — карточный столик, вокруг были разбросаны подушки, горели напольные лампы, драпированные шифоном и шелком, и повсюду — свечи, свечи, свечи…

Однажды за игральным столом мы увидели актера Стэнли Бейкера, играющего в покер с тремя другими гостями, лица которых мне были знакомы по киноэкрану. Неподалеку, на

диване, сидел режиссер Роман Полански. Он и его жена, Шэрон Тейт, держались за руки. Несколько лет спустя она погибнет от рук Чарльза Мэнсона и его банды. Напротив сидел певец Алан Прайс со своей подружкой, а в углу комнаты некая таинственная женщина предсказывала судьбу по руке. Мы с Джоном уселись на подушки, лежавшие на полу, а сама Альма, ее мама и сестра разносили гостям шампанское. Я впервые столкнулась с такой гедонической роскошью и чувствовала себя не в своей тарелке.

Было здорово ощущать свою принадлежность к свингующему Лондону, но все это лишь усугубляло мою неуверенность в себе. В отличие от Джона, который легко вписался в новую атмосферу, я все еще страдала от комплексов, понимая, как мне не хватает тонкости и изысканности. «Мне, простой и наивной девчонке, крупно повезло, я не заслуживаю права находиться здесь», — говорила я себе. Окруженная изощренным великолепием, я все острее осознавала собственное несовершенство.

Я старалась, как могла, бороться со своими сомнениями и страхами, посещая самые модные магазины — Biba на Кенсингтон — Хай — стрит, Mary Quant на Кингс — роуд и другие. Там я покупала изумительные наряды, делала себе прически в небольшой греческой парикмахерской в районе Бейзуотер (в шикарном салоне вроде Vidal Sassoon я бы не находила себе места от смущения) — в общем, прилагала все усилия, чтобы выглядеть достойно. Однако сомнения в собственной привлекательности не оставляли меня. Это было вовсе не так важно в те времена, когда мы с Джоном жили в Ливерпуле. Тогда мы с ним были сосредоточены только друг на друге, и мой черный костюм а — ля Бриджит Бардо и высветленные волосы автоматически делали меня супермодной. Сейчас же, когда нас с Джоном повсюду окружали соблазнительные, тоненькие, как тростинки, модели и актрисы, для которых выглядеть великолепно было образом жизни и способом существования, я понимала, что не выдерживаю конкуренции.

Тем не менее мне тоже доставалась моя доля комплиментов. Помню, как кто — то сказал мне, что я красивее Бритт Экланд, жены Питера Селлерса, которую многие считали воплощением идеально прекрасной блондинки. Услышав столь лестные слова в свой адрес, я несколько дней не могла успокоиться. Джон, надо признаться, нередко говорил мне, как он меня любит, и сердился, когда я делилась с ним своими переживаниями. Приходилось прятать их глубоко внутрь и вести себя на людях так же, как остальные дамы, то есть изо всех сил стараться блистать и покорять сердца. Это давалось мне особенно трудно, когда меня вдруг охватывали мысли о том, что Джон может мне изменять.

Альма Коган, кстати, была одной из женщин, которых я подозревала в связи с Джоном. Я замечала сексуальное напряжение между ними, ее откровенные заигрывания. Впрочем, весомых причин для подозрений у меня не было, просто интуиция подсказывала.

Я старалась как можно глубже прятать от посторонних глаз свою уязвимость и закомплексованность, но иногда все это вываливалось наружу самым неожиданным и неуклюжим образом. В один из таких злополучных вечеров мы были на новоселье у Силлы Блэк и ее мужа Бобби, только что переехавших в Лондон. Силла отныне являлась штатной артисткой в элитной «конюшне» Брайана и первой после Хелен Шапиро поп — исполнительницей, возглавившей хит — парад. В течение вечера состав гостей постоянно пополнялся и обновлялся, приходили разные знаменитости и люди менее известные.

К исходу вечера, когда все уже изрядно выпили, Силла зашла к себе в спальню и увидела там певца Джорджи Фэйма, который почему — то разговаривал с закрытой дверью ее гардероба: «Ну же, Син, выходи, прошу тебя. Что случилось?» — «Я выйду отсюда только тогда, когда Джон заметит, что я исчезла», — отвечала я, вся в слезах.

Силла, обеспокоенная не столько моим состоянием, сколько тем, что я, будучи такой пьяной, могу испортить ее дорогие новые платья, спешно помогла вытащить меня из шкафа. Она предложила выпить еще по стаканчику, а Джон в это время продолжал мирно беседовать, окруженный толпой людей, в другом конце квартиры, так и не заметив, что я куда — то запропастилась.

Однажды вечером, вскоре после нашего переезда в Кен — вуд, снизу кто — то позвонил в дверь. Джон открыл, я стояла чуть позади него. Это были Боб и Сонни, фотограф «Битлз» со своей женой, которые жили неподалеку от нас, в Эмперорс — Гейт. Боб выглядел взбешенным, а Сонни, эта великолепная шведка, рыдала у него за спиной. Боб не обратил на меня никакого внимания и сказал Джону, что хочет с ним поговорить. Втроем они заперлись в гостиной, и через полчаса супруги уехали. Когда Джон вернулся на кухню, я спросила его, в чем дело, но он только пожал плечами и поднялся к себе наверх в студию. Мы больше не говорили об этом случае, однако довольно скоро до меня дошла новость, что Боб с женой разводятся. Вывод, что это произошло из — за романа Сонни с Джоном, напрашивался сам собой. Однако никаких тому доказательств у меня, опять же, не было.

В некоторых биографиях Джона авторы прямо указывают на то, что он был бабником, причем с самого начала. Еще в училище

он якобы встречался с другими девушками за моей спиной. Я могу сказать, что если это и было так, то я об этом ничего не знала. Он мог пофлиртовать с кем — нибудь на вечеринке, но в колледже Джон находился со мной все время, и у него просто не было возможности встречаться с кем — нибудь еще. В то время я не допускала и мысли о том, что он способен на измену. Мы были вместе, мы любили друг друга — о большем я и не мечтала. И лишь после переезда в Лондон, где начался новый период нашей жизни, в мою душу стали закрадываться некоторые сомнения.

Конечно, я понимала, что у Джона могли быть случайные связи, когда «Битлз» находились на гастролях. Отрицать это невозможно, ведь каждый из них был прежде всего человеком. Мы, их женщины, знали, как девицы бросаются к ним на шею, но мы также знали, что они не придают этому большого значения и всегда возвращаются домой, к нам. Мы старались не замечать этого, как не обращали внимания на письма типа: «Я люблю твоего мужа, он тебя не любит, ему нужна только я. Оставь его в покое». Некоторые из таких посланий были откровенно смешными, другие содержали прямые угрозы, однако все они неизменно выбрасывались в корзину и быстро забывались. Поэтому, задаваясь вопросом, было ли у Джона что — нибудь с Альмой, или Сонни, или с другими женщинами из нашего окружения, я рано или поздно принимала решение оставить все как есть. Я верила, что мы — крепкая семья, способная пройти через что угодно, и не хотела требовать от него объяснений или искать доказательств его неверности, пока они не предстанут передо мной со всей очевидностью. Попробуй я прижать его к стенке, он бы развернулся и ушел, а я осталась бы мучиться подозрениями, да еще себя же во всем обвинять. В конце концов, я не из тех женщин, которые держат мужа под неусыпным контролем и смотрят на него, как на собственность. Знать, что именно благодаря мне у Джона есть стабильная точка опора в жизни, что он любит меня, — это уже достаточно, и пусть так и будет.

В январе 1965 года Джон появился в сатирическом шоу Питера Кука и Дадли Мура Not Only… But Also[25]. Они мгновенно сошлись с Питером и стали хорошими друзьями. Оба любили злые, ядовитые шутки и обладали незаурядным жестким умом. Вскоре после передачи Питер и его жена Венди пригласили нас к себе в гости. Их дом в лондонском районе Хэмпстед выглядел как картинка в глянцевом журнале. Войдя внутрь, мы с Джоном обменялись ошеломленными взглядами. Хозяева, судя по всему, без труда достигали совершенства во всем. Их огромная кухня была снизу доверху заполнена медной утварью и букетами

засушенных цветов. В дальнем углу стояла массивная газовая плита, вся заставленная сковородами и противнями с заманчиво пахнущей едой. В столовой был накрыт длинный дубовый банкетный стол с красивыми хрустальными бокалами, сверкающими приборами и вазой с искусно подобранными садовыми цветами. Еда была превосходна. Тогда мы впервые попробовали чеснок: представьте себе, в Ливерпуле в годы нашей юности о нем даже не слышали.

Дадли Мур тоже пришел, и они с Питером, по своему обыкновению, начали дурачиться. Джон подключился, старательно упирая на свой ливерпульский акцент, и так, опорожняя одну за другой бутылки дорогого красного вина, мы прохохотали весь вечер. В разгар застолья Джон легонько толкнул меня коленом и, улыбаясь, подмигнул: все отлично.

Когда наступило время уходить, он пригласил Питера, Венди и Дадли отужинать у нас на следующей неделе. Я посмотрела на Джона с ужасом: как же я смогу устроить что — либо подобное? Надо признать, мои кулинарные способности несколько продвинулись, и теперь я могла приготовить не только замороженный рис под соусом карри, но даже целый ростбиф. Но до такого впечатляющего званого ужина мне было еще очень и очень далеко. Что же мне приготовить такого, чтобы удивить самых искушенных гостей во всем Лондоне? По крайней мере, думала я, у нас есть нормальная столовая, хрустальная посуда, серебряные приборы, льняные скатерти и салфетки. Спасибо, что Брайан прикупил в наш погреб несколько бутылок самого дорогого вина — хотя мы и понятия не имели, какой они марки и какое к какому блюду нужно подавать.

Я честно попыталась составить самое изысканное меню, на какое только хватило воображения: коктейль из креветок на закуску (креветки, конечно, из пакета, соус из бутылки), мясо молодого барашка в качестве основного блюда, а на десерт я приготовила яблочный пудинг. Яблочное пюре, опять же, из концентрата, заварной крем — из консервной банки. И в довершение всего сырное ассорти.

Дадли в последний момент позвонил и сказал, что не сможет приехать из — за работы. Кук с женой должны были прибыть к восьми, Джон, который просто не умел приходить вовремя, тем не менее обещал вернуться из студии заранее. Я была вся на нервах, и Джулиан, наверное, почувствовав это, раскапризничался. Он понимал, что в доме происходит что — то очень важное, потому что никогда не видел, чтобы родители пользовались обеденным столом, тем более в таком парадном виде — накрытым белой скатертью, заставленным хрусталем и серебряными приборами.

За полчаса до прихода гостей я начала паниковать. О боже, цветы, цветы!.. Я побежала, спотыкаясь, в сад и нарвала в темноте какое — то подобие букета. Без пятнадцати восемь я переоделась в праздничное платье и постаралась собраться. Мясо томилось в духовке, овощи нарезаны… вроде все готово. Наконец — то можно вздохнуть.

Питер и Венди приехали, и я сразу предложила им по бокалу вина и орешки с чипсами, которые заблаговременно высыпала в большие стеклянные чаши, чтобы им было чем занять себя до прихода Джона. Следующие два часа были, наверное, самыми долгими в моей жизни, и я еще никогда не чувствовала себя так неловко. Я из кожи вон лезла, чтобы поддерживать разговор, то и дело подливала гостям вина, в то время как Джулиан крутился у нас под ногами и беспрестанно шалил. Питер и Венди были очаровательными и воспитанными людьми, но мне стоило огромного труда развлекать их. Стряпня моя тем временем тихо приходила в негодность в духовке.

Наконец объявился Джон. Он ввалился в дом с извинениями, с блаженной улыбкой на лице, явно обкуренный. В тот вечер он, так же как и я, очень нервничал, выкурил пару самокруток, чтобы расслабиться, и потерял счет времени. Мы тогда крепко напились, поэтому, когда Джон свернул очередной косяк, Питер и Венди с радостью присоединились. Когда я подавала мясо, они были уже совсем никакие и проглотили мою еду в один присест, не обратив ни малейшего внимания на ее пакетно — консервное происхождение и подгорелое состояние. В итоге вечер удался на славу. Потом мы еще не раз ужинали вместе, и в городе и дома.

Как — то раз в выходные, несколько месяцев спустя, к нам в гости вместе со своей женой приехал Майк Несмит из группы Monkees. Джон познакомился с ними на гастролях и пригласил их к нам, хотя, похоже, сам не слишком обрадовался их приезду. Я же была гостям рада. Теперь я стала хотя и не совершенной, но все же гораздо более опытной хозяйкой. После того визита Питера и Венди я приобрела сразу несколько кулинарных книг, и мой обеденный репертуар значительно расширился, так что я всегда была счастлива видеть новых людей в доме. Правда, жена Майка, судя по всему, жила исключительно ради того, чтобы ублажать своего мужа, поэтому с ней мне пришлось нелегко: во время готовки она все время поправляла меня и говорила: «Майку это не понравится» или «Для Майка я это делаю не так». Как я ее тогда не поколотила, до сих пор понять не могу.

Среди других гостей у нас бывали Боб Дилан и Джоан Баэз. Боб с Джоном были добрыми друзьями, их взаимное творческое влияние друг на друга было очень сильным. То он, то Джоан

иногда заходили к нам, предупреждая о своем приходе в последнюю минуту.

И я, и Джон знали, что мы богаты. Однако, несмотря на это, тратить деньги мы так по — настоящему и не научились. Дома мы жили очень просто: почти не пили спиртное, предпочитая стакан молока за обедом. Наши вкусы не отличались экстравагантностью. Джон выделял мне пятьдесят фунтов в неделю, приличные деньги по тем временам. Я не страдала особой тягой к шопингу. Единственное, что я любила покупать, это туфли: каждый раз, когда я появлялась в обувном магазине в Уэйбридже, продавцы потирали руки в предвкушении. Час спустя я обычно покидала магазин, нагруженная коробками и без гроша в кармане.

Еще мне очень нравилось покупать вещи для Джулиана, а он обожал надевать новые костюмы и появляться в них на людях. С плохо скрываемым волнением он показывал обновки своей маленькой светловолосой подружке Лоррейн, приехавшей с родителями из Канады. Другим моим пристрастием в этой области было постельное белье: мы с Дот приезжали в соседний с нами городок Уолтон — на — Темзе и носились по нему как угорелые, сметая на своем пути дорогие простыни, наволочки и покрывала. Когда я снимала комнату, у меня был всего один комплект постельного белья, который нужно было стирать, а потом сушить и гладить. И, если солнце скрывалось за тучами и белье не сохло, приходилось заворачиваться просто в одеяло. Поэтому возможность иметь столько простыней и пододеяльников, сколько тебе необходимо, казалась мне невероятной роскошью.

Джон любил ходить по магазинам еще больше, чем я. Ребятам специально открывали магазины во внеурочные часы. Джон возвращался оттуда счастливый, как мальчишка, с кучей подарков для меня, игрушек для Джулиана и одежды для себя. Мне он как — то приобрел изумительные золотые часы Cartier с браслетом в специальной бархатной коробочке для ювелирных изделий. Еще он придавал особое значение нижнему белью и приносил мне не только всякие сексуальные штучки вроде черных трусиков, но и умопомрачительные, невероятно экстравагантные неглиже, которые впору было носить на светском балу. Вечерами я демонстрировала их под наш общий хохот и шутки. «Потанцуем?» — игриво предлагал он, и мы вальсировали, кружась по спальне. Разумеется, такие показы мод, в опасной близости друг от друга и от кровати, редко длились долго.

Когда Джон покупал себе одежду, мне приходилось быть критиком, который не одобряет или, наоборот, с восхищением

соглашается с его выбором. «Как тебе это, Син? А так — лучше или хуже? Эти цвета, по — твоему, нормально сочетаются? Тебе не кажется, что эти брюки висят мешком, а?..» И такие сеансы в примерочной могли длиться часами.

Иногда, особенно когда Джон делал покупки вместе с Полом, Джорджем и Ринго, багажник его машины оказывался полностью забит игрушками для Джулиана. Часто это были игрушки для восьми — девятилетних: в порыве энтузиазма он забывал, что его сыну всего два годика. Тогда те игрушки, до которых Джулиан явно не дорос, откладывались на время куда — нибудь подальше, прямо в коробках. Джулиан скоро научился обнаруживать спрятанные от него «взрослые» игрушки, и однажды, когда ему было три года, он нашел какой — то довольно сложный конструктор и, к нашему удивлению и восторгу, собрал его в два раза быстрее, чем требовалось. Понятно, что никакой инструкции по сборке он прочитать не мог. «Это мой сын! — закричал Джон. — Я бы сам с этим не справился».

В том, что касалось автомобилей, Джон был настоящими гурманом. Когда мы переехали в Кенвуд, он купил нам «роллс — ройс», чтобы потом нанять шофера и ездить по окрестностям. Через пару лет, в разгар эпохи хиппи, Джон раскрасил свое авто в психоделические цвета. Выглядело это здорово, однако путешествовать инкогнито в такой машине стало совсем не просто. Когда я сдала на права, Джон приобрел мне очаровательный белый «мини — купер», на котором я с большим удовольствием ездила с Дот по магазинам. Как — то раз Джон, страшно возбужденный, пришел домой и с порога попросил, чтобы я закрыла глаза и вышла с ним во двор. Перед домом стоял купленный для меня золотистый «порше». Через несколько недель, проснувшись, я обнаружила, что он исчез. На его месте красовался красный «феррари»: Джон теперь тоже получил права и, не долго думая, поменял с доплатой мой «порше» на эту машину, которую собирался водить сам. При всей его щедрости типичная для него бесцеремонность: не спросив моего согласия, он бросился осуществлять пришедшую в голову затею. Принимая решение, он ждал от окружающих безоговорочного подчинения. Не имея времени на переговоры, размышления и расчеты, он предпочитал действовать по наитию и плевать хотел на последствия.

Следующей моей машиной стал «фольксваген — жук» зеленого цвета. Я его любила, хотя не так, как «порше». Джон же продолжал гонять на своем «феррари», причем на умопомрачительной скорости. Водитель он был, честно говоря, ужасный: его пассажирам приходилось подсчитать все кочки,

выбоины и бордюрные камни, прежде чем они, едва живые от страха, добирались до места назначения.

В Кенвуде у нас было много всяких развлечений и игр. Когда мы наконец завершили ремонт и наша мансарда освободилась, мы там все обустроили, привели в порядок и превратили ее в игротеку. Джон тогда был без ума от игрушечных автогонок Scalextric. Он купил сразу три набора, собрал все треки в один огромный автодром, и все, кто приходил в дом, в первую очередь Пол, Джордж и Ринго, первым делом отправлялись с ним наверх, мимо лошадки — качалки Джулиана в натуральную величину живой лошади. Джон был очень азартным игроком. Он выбирал себе всегда одну и ту же, как ему казалось, самую скоростную машинку, и они с Джулианом соревновались против команды соперников. Сверху только и слышалось: «Ух ты! Смотри, твоя вырвалась вперед. А моя совсем застряла!..»

В другой комнате, также на чердаке, была оборудована звукозаписывающая студия. Там всегда царил полный бардак — повсюду валялись пластинки, листы бумаги с текстами песен, усилители, магнитофоны. Джон обычно забирался туда на несколько часов и потом кричал мне сверху: «Син, ты что там делаешь? Иди сюда, послушай». Если я не приходила сразу, он повторял: «Син, бросай все, поднимайся, ты нужна мне прямо СЕЙЧАС!»

«Слушаюсь, сэр. Бегу, господин начальник». Когда я поднималась на чердак, было видно, что Джону немедленно требуется публика, способная оценить его новое творение. Я внимательно слушала, делала замечания и старалась, как могла, помочь, когда у него случался какой — нибудь затык с текстом. Я любила музыку Джона, которая все дальше выходила за рамки просто рок — н-ролла. Тогда он сочинял песни для их пятого альбома — они же саундтрек к фильму Help!. В композициях Джона нередко слышались и злость, и печаль, и даже вызов, но в то же время их честность и энергия делали их неотразимо притягательными. Помню, как поздним вечером он написал You're Going To Lose That Girl и позвал меня послушать.

После многочасового затворничества у себя наверху Джон рано или поздно выглядывал наружу, и я спрашивала: «Может, бутербродик с ветчиной и чайку?..» — «Здорово, ты читаешь мои мысли», — отвечал он, расплываясь в улыбке.

Процесс сочинительства у Джона протекал очень непредсказуемо: идея песни могла прийти ему в голову в любое время суток, и он сразу же поднимался на чердак. Я уже привыкла к тому, что он может выскочить из постели, чтобы записать текст, сесть за пианино и наиграть какую — нибудь строчку или на

полночи засесть в студию, чтобы закончить песню. Иногда он играл на фоно по нескольку часов, а я сидела рядом и что — нибудь шила, просто чтобы составить ему компанию. Потом следовали звонки Полу и от Пола, туда и обратно: они играли и пели друг другу в телефонную трубку очередную песню.

Бывало и так, что Джон просил меня спеть что — нибудь вместе с ним. Нашей любимой песней была Blue Moon, однако стоило нам запеть ее дуэтом, мы начинали покатываться со смеху, так нелепо это звучало. «Син, я же знаю, ты солировала в хоре. Но, боже мой, так поп — звезда из тебя не выйдет: ты поешь уж слишком гладко. Попробуй, прибавь немного рока. Сейчас — то ты не в церкви! Встряхнись и давай еще разок».

Несмотря ни на что, даже на его случайные связи, мы с Джоном оставались единым целым, мы были счастливы и радовались, что наша жизнь сложилась так удачно. Конечно, нет в мире полного совершенства: ребята жили в условиях постоянного стресса. Несколько раз в году они все так же отправлялись на большие международные гастроли и, кроме того, ездили с концертами по Англии. А еще они должны были выдавать три — четыре оригинальных сингла в год плюс пару долгоиграющих пластинок. Так напряженно сегодня не работает ни одна поп — звезда. Из поездок Джон регулярно звонил, когда только мог. Однако он предпочитал писать письма — нежные и смешные послания, с анекдотами и коверканьем слов, с длинными, пространными объяснениями в любви и с тоской по дому в каждом слове. Когда «Битлз» были на гастролях в Штатах в августе 1965 года, Джон написал о том, как он любит Джулиана:

Ты знаешь, я теперь скучаю по нему как по личности. Он для меня уже не просто «ребенок», «мой ребенок», а живая частичка меня самого. Он для меня Джулиан и все, что у меня есть, и я не могу дождаться момента, когда мы снова увидимся. Я никогда еще не скучал по нему так. Наверное, так, медленно, я становлюсь настоящим отцом. Я столько часов провожу в каких — то гример — ках или еще где — нибудь и все время думаю, сколько же времени я потратил впустую, вместо того чтобы быть с ним, играть с ним, — и кто меня дергал читать эти чертовы газеты и всякое дерьмо, когда он вот здесь, рядом со мной, в комнате. Я понял, ВСЕ НЕПРАВИЛЬНО! Он не видит меня, а я хочу, хочу, чтобы он знал меня и любил, и скучал — вот так, как я скучаю сейчас.

Все, я должен заканчивать. Эти мысли о том, какой я бессердечный ублюдок, наверное, скоро доведут меня до ручки. Три часа дня, не самое лучшее время для эмоций, а мне хочется плакать, пусть это и глупо. Я пишу, а мне воздуха в груди не

хватает. Не знаю, что со мной. Вроде и гастроли ничем особым не отличаются от Других, сплошные «хи — хи» да «ха — ха», но в промежутках — пустота, никаких чувств.

Пойду я, а то это письмо становится слишком уж тоскливым. Люблю тебя. Очень сильно.

Син от Джона.

В постскриптуме Джон просил меня позвонить ему, во втором постскриптуме — передавал привет моему брату Чарли.

Его письма не всегда были такими серьезными. Но это было далеко не исключением. Джону легче было сказать некоторые вещи в письме, как он делал еще в гамбургские времена; так он меньше стеснялся проявлять свои истинные чувства. Через несколько лет, когда мы с Джоном уже развелись, я продала это письмо вместе с несколькими другими. Я была очень тронута, когда через несколько лет владелец снова выставил его на продажу на аукционе и Пол Маккартни купил его. Он поместил письмо в рамку и подарил нам с Джулианом. Очень благородный жест — мы с Джулианом оценили его по достоинству и были очень благодарны. Это письмо сейчас вызывает у меня неоднозначные чувства. Я знаю, Джон любил нас и очень скучал, каждое его слово было правдой. Но он так нисколько и не изменился. Были периоды, когда он старался проводить больше времени с Джулианом, когда они становились ближе как отец и сын. Однако у Джона всегда находились более важные вещи, которым он уделял больше времени и сил, нежели маленькому ребенку, страдавшему от недостатка внимания.

С гастролей Джон возвращался всегда вымотанным и следующие несколько дней почти непрерывно спал. Это означало, что я должна запрещать Джулиану шуметь и держать его подальше от нашей спальни. Когда отец был в отъезде, Джулиан по нему очень скучал и все время рисовал картинки «для папы». Конечно же, когда Джон приезжал, Джулиану не терпелось увидеться с ним.

В доме было заведено правило: в два часа дня звенел будильник, и в спальню приносили чай. Джулиан, который до этого времени сидел и ждал папиного пробуждения, как только я ему разрешала, тут же врывался в комнату, запрыгивал на Джона, и они обнимались и болтали.

Проходило обычно несколько дней, прежде чем Джон возвращался в нормальное состояние. Но тогда он становился похожим на торнадо: ему не терпелось узнать обо всем, что он пропустил, он играл и кувыркался по полу с Джулианом, который повсюду следовал за отцом как тень. Потом Джон успокаивался и усаживался читать письма от поклонников: как правило, за время

его отсутствия их накапливался целый мешок. Маленькие пальчики Джулиана добирались и до писем тоже, и тогда папа объяснял ему: «Смотри, Джулиан, это очень важные письма. Это — наш хлеб с маслом. Понимаешь? Вот это письмо — твой завтрак, то письмо — твой обед, а вот это — новая гитара для папы». Потом, какое — то время спустя, Джон говорил: «Ну, хорошо, хорошо. Пойдем с тобой погуляем в садике и нарвем цветочков для мамы». И они исчезали на пару часов.

Джон любил общаться с сыном, но только время от времени. Вследствие непредсказуемых перепадов настроения иногда он даже срывался на Джулиана. Один раз, помню, Джон накричал на него за то, что он неаккуратно вел себя за обеденным столом. Я не на шутку взбесилась: «Если бы ты чаще бывал дома, ты бы знал, что дети в три года едят именно так. Оставь мальчика в покое!» В слезах я убежала на второй этаж. На личике Джулиана, беспомощного перед отцовским гневом, отразилось такое потрясение, что у меня сердце кровью обливалось. Подобные ссоры, правда, случались редко.

Мы с Джулианом научились держаться от Джона на расстоянии, если он был не в духе.

По вечерам в нашей любимой гостиной, пока Джулиан играл в свои игрушки на полу, мы с Джоном ужинали и смотрели новости. В такие минуты Джон любил повторять снова и снова, как все — таки здорово быть дома: «Черт, Син, да это просто фантастика какая — то! Как твоя мама? Она купила что — нибудь интересненькое? Скажи ей, если увидит что — то новое и необычное, пусть обязательно купит. Сколько бы оно ни стоило. И еще: не забудь, нам нужны книги для новых книжных шкафов. Пусть Лил купит те, что в кожаных переплетах, они выглядят так солидно!»

В холле, вдоль всей стены, у нас стояли книжные шкафы. Они были наполовину пусты, и Джон с удовольствием поощрял мамину любовь к посещению всяких ярмарок и распродаж, где она покупала разные симпатичные антикварные штучки и украшения для дома. Особенно ему нравились настенные часы, и мама рыскала повсюду, чтобы купить что — то оригинальное для Джона. «Да, слушай, пока не забыл: попроси Дот закупить побольше рисовых хлопьев. Они у нас кончаются». Он обожал хлопья и требовал, чтобы они всегда были под рукой.

Когда Джулиан ложился спать, а Дот уходила домой, у нас появлялось время, чтобы прийти в себя и побыть вдвоем. Теперь нас уже не беспокоили фанаты, которые еще недавно могли запросто проникнуть на территорию поместья и даже внутрь дома. Такое уже происходило несколько раз: однажды утром я

обнаружила человек двадцать молодых людей, слоняющихся по комнатам первого этажа. Чтобы отгородиться от непрошеных гостей, мы специально установили большие деревянные ворота. Самые непримиримые и настырные все же продолжали торчать за воротами в любую погоду. Они увековечивали свои имена для потомков, вырезая их на дереве. Но все — таки жить в доме стало гораздо безопаснее.

После недель, проведенных в разлуке, когда я занималась хозяйством, а Джон выступал на концертах, было прекрасно снова быть вместе, закрывшись от всего внешнего мира. Это были самые трогательные моменты, наполненные любовью и теплом. Мы дарили друг другу розы, писали любовные записочки и сидели, обнявшись, перед телевизором. Такие минуты мы называли «время Джона и Син» — оазис любви и мира среди творящегося вокруг безумия. Мне они были очень дороги.

ГЛАВА 13

Когда было объявлено, что «Битлз» номинированы на награждение Знаком членов ордена Британской империи (MBE) [26], это вызвало огромную волну возмущения, прежде всего в высших слоях общества. Тема горячо обсуждалась в газетах, читатели Times писали в редакцию гневные письма. Тем не менее основная часть населения была рада узнать, что их кумиров собираются наградить. Сейчас это обычное дело, но тогда, в 1960–е годы, такого рода почестями отмечались судьи, политики и гражданские служащие, но никак не звезды эстрады. «Битлз» и здесь были первыми.

Крайне возбужденный Брайан позвонил Джону и прокричал в трубку: «Ты не поверишь. Я тоже сначала не верил, но только что мне подтвердили, что вы с ребятами представлены к ордену. Ну разве это не фантастика? Я все еще щиплю себя за все места и не верю. Орден Британской империи! Из рук королевы! В Букингемском дворце!»

Ответ Джона прозвучал чуть менее возвышенно: «Брайан, да ты шутишь, мать твою. За что? Поп — звездам не дают орденов, они — для военных, для всяких там народных благодетелей или чиновников. Черт тебя задери, дай я сначала расскажу об этом Син и Мими». На самом деле Джон был так польщен этим известием, что ему не терпелось сообщить его всем вокруг. У него и мысли не мелькнуло отказаться.

Минуло несколько месяцев, прежде чем ребят и Брайана пригласили на торжественную церемонию во дворец. Мы, их жены и подруги, очень хотели пойти вместе с ними, но мальчики решили, что нам лучше остаться, так как у дворца ожидалось настоящее столпотворение истеричных фанатов. Мы наблюдали за всем по телевизору и были несказанно горды за них.

Джон в те дни все время повторял: «Теперь Мими придется забрать свои слова назад — про то, что гитарой на жизнь не заработаешь». Мими по — прежнему вела себя так, будто его популярность — результат везения, а не таланта и упорного труда. Это все еще задевало Джона, где — то глубоко внутри, и он надеялся, что награда из рук самой королевы наконец — то переубедит Мими. Так оно и вышло. Мими была так обрадована этим событием, что попросила разрешения хранить знак отличия у себя, и Джон, конечно, согласился. Несколько лет коробочка с наградой покоилась в самом почетном месте ее дома — на телевизоре.

Мими тем временем жилось в Ливерпуле не слишком

комфортно, о чем она не забывала жаловаться Джону в телефонных разговорах. Подруг у нее не было, фанаты докучали, и однажды она призналась, что хотела бы жить в другом месте. На наш вопрос, где же, она заявила: «В Борнмуте». Мими сказала, что всегда мечтала жить на берегу моря, на юге. Мы забеспокоились, что, уехав, она начнет скучать по сестрам и их детям, на что она презрительно ответила: «Вздор. Я и здесь — то с ними редко вижусь. Они навещают меня, только когда им что — нибудь нужно».

Итак, мы согласились подыскать ей дом в Борнмуте. Мими приехала на несколько дней к нам в Кенвуд, и мы договорились с агентствами по недвижимости в Дорсете, чтобы они прислали нам на выбор варианты домов с подробным описанием. Мими внимательно их изучила и остановилась на четырех, которые ей приглянулись больше остальных. После этого мы сели в наш «ролле» и отправились в Борнмут. День выдался не из легких: Мими была в ужасном настроении и категорически отвергла первые три варианта. Однако потом произошло чудо: последний, четвертый, вариант ее устроил. Это было маленькое роскошное, белого цвета бунгало в Пуле, соседнем с Борнмутом городке, тоже на побережье. Настроение у Мими сразу же переменилось, и всю дорогу назад она болтала без умолку: «О, Джон, я благодарю бога за все. Может быть, хоть теперь я смогу пожить в мире и спокойствии. Вы можете иногда привозить ко мне Джулиана, пусть подышит морским воздухом, поиграет в песочке».

Наконец — то мы с Джоном облегченно выдохнули. Дом Мими был продан за шесть тысяч, а за бунгало мы заплатили двадцать пять тысяч фунтов. Оно стоило даже дороже нашего собственного дома — из — за близости к морю. Когда Мими переехала, летом 1965 года, мы с Джоном и Джулианом отправились к ней в гости. Она показалась нам гораздо более умиротворенной и спокойной, в ладах с собой и окружающими. Светило солнце, и мы решили отправиться на пляж: быстренько собрали закуски для пикника, купили Джулиану игрушечное ведерко с совком и формочками, строили на берегу замки из песка, плескались в воде и загорали. Джон был в широкополой панаме, футболке и шортах, и никто на этом многолюдном пляже его не узнавал. Мы были на седьмом небе от счастья и уже размечтались, как отныне будем часто приезжать к Мими, но, к сожалению, этот визит был первым и последним. Несмотря на то что мы этого очень хотели, Джона буквально рвали на части, и после того раза он не виделся с Мими несколько лет, хотя, конечно, они общались по телефону.

Джон продолжал проявлять чудеса благородства и щедрости.

Заработав достаточно денег, он теперь хотел делиться ими с родными и друзьями. Во — первых, он купил дом моей маме, в Эшере, недалеко от нас. Он знал, как мне важно, чтобы мама жила рядом. Когда Джон бывал в отъезде, она гостила у нас, когда мы с Джоном поздно возвращались или же уезжали в отпуск, сидела с Джулианом. Вскоре мы с Джоном решили выплачивать маме и Мими еженедельное денежное пособие — по тридцать фунтов каждой. Мама большую его часть тратила, покупая всякие экзотические штучки для нашего дома и часы для Джона. Однако, когда Мими случайно узнала, что не ей одной перепадают от нас деньги, разразился настоящий скандал. В один прекрасный день я подняла трубку и только успела сказать: «Здравствуй, Мими», как в ответ последовала гневная тирада: «Мне тут только что сказали, что твоя мать получает столько же, сколько и я. Это отвратительно. Как она смеет рассчитывать на деньги от Джона, как смеет их принимать? Что она сделала, чтобы заслужить право претендовать на что бы то ни было? Будешь разговаривать с Джоном, скажи ему, что я глубоко оскорблена». Прежде чем я успела открыть рот, в трубке раздались короткие гудки.

Джон, выслушав меня, и бровью не повел: «Син, ты же знаешь Мими, она всегда всем недовольна. Забудь об этом».

Другим человеком, которому Джон безвозмездно оказывал материальную помощь, был его давний школьный друг Пит Шоттон. Пит играл в составе первой группы Джона, Quarrymen, но, поскольку не отличался особой музыкальностью, вскоре покинул ее. Тем не менее они с Джоном остались друзьями, и когда Пит переживал нелегкие времена, Джон дал ему двадцать тысяч фунтов на открытие супермаркета на Хейлинг — Айленд, недалеко от Уэйбриджа, где мы жили. Он тогда довольно часто приезжал в Кенвуд, сводя меня с ума своими неожиданными визитами, о которых никогда не предупреждал заранее, так же как и о том, что собирается еще и пожить у нас пару дней. Позже, когда «Битлз» основали свою собственную продюсерскую компанию, Apple, Джон настоял на том, чтобы Пита взяли туда на работу.

Когда мы наконец закончили ремонт и окончательно разместились в новом доме, к нам приехали погостить Джулия и Джекки. Они были умненькие и симпатичные девочки, в восторге от возможности навестить своего знаменитого старшего брата. Джулия закончила среднюю школу и собиралась поступать на французское отделение Честерского колледжа, а Джекки хотела стать парикмахером — я и сама когда — то мечтала об этой профессии. Мы не виделись с девочками с тех пор, как полтора

года назад уехали из Ливерпуля, поэтому собирались устроить им праздник по полной программе.

Мы купили им билеты на самолет, зная, что это будет их первый полет в жизни, и отправили встречать в аэропорт Энтони на нашем «роллс — ройсе». Когда сестры приехали, мы первым делом показали им дом. Джон с гордостью водил их по комнатам, а девчонки только охали и ахали, глядя на огромную гостиную, диваны, отделанную дубом столовую с роскошной люстрой, и наши шесть спален. Больше всего их поразила наша спальня с ее белыми коврами, и ванная комната с утопленной в пол ванной, джакузи и двумя отдельными раковинами.

Джон проводил с сестрами столько времени, сколько мог, однако несколько раз ему нужно было уезжать на студию. Тогда я ехала с ними в Лондон — посмотреть город и пройтись по магазинам. Однажды мы с Энтони устроили им «волшебное, таинственное путешествие» по местам, сыгравшим роль в становлении «Битлз», завершив маршрут посещением торгового центра Harvey Nichols, где я разрешила девочкам выбрать все, что они пожелают. Они были так поражены, что сначала мне не поверили. Но в конце концов, расплывшись в улыбке Чеширского кота, они бросились во все тяжкие, примеряя одно, отбрасывая в сторону другое и, облизываясь в нерешительности, глядя на третье. «Син, ну вот это ведь ты не купишь, слишком дорого!» — «Джулия, перестань, пожалуйста. Я же сказала: все, что захочешь».

Исполняя их желания, я получала не меньшее удовольствие, чем они — выбирая обновки. Джон, конечно же, хотел побаловать девочек, и было так здорово воспользоваться этой возможностью: они были такие невинные, такие добрые, неиспорченные и так искренне радовались всему, к чему мы уже успели привыкнуть.

Довольно скоро, однако, их покупательские фантазии иссякли. Да и Джулиан устал и начал капризничать, так что мы отвели его в детский отдел, где, не без помощи верных друзей, то есть нас троих, он примерил джинсы и водолазку — и то и другое черного цвета. Продавщица, девочки, я и даже другие покупатели в отделе покатывались со смеху, глядя, как он позирует и пританцовывает: перед нами стоял маленький битл, точь — в-точь его отец. Не хватало только миниатюрной гитары.

К вечеру мы вернулись домой с полным багажником одежды, которую девочки себе выбрали. На следующий день им предстояло самое главное — впервые увидеть своего брата на сцене. У «Битлз» было намечено выступление в лондонском концертном зале Astoria, рядом с Финсбери — парком, и Джон распорядился, чтобы с ними обращались как с особо важными персонами. Вместе с Джоном мы приехали на нашем «роллс —

ройсе». Первое, что их поразило до глубины души, была огромная толпа орущих, падающих в обморок девиц и плотные ряды мокрых от пота полицейских, которые пытались сдержать их натиск. Мы — то привыкли и считали все это почти нормой, но Джулия и Джекки, ничего подобного в жизни не видевшие, были страшно напуганы, особенно когда надо было выбраться из машины и бежать к входной двери. В гримерке девочки встретили других битлов и Мика Джаггера, который заехал посмотреть концерт. Через некоторое время все уже мирно пили кока — колу, не обращая никакого внимания на беснующиеся толпы за пределами комнаты.

Джон достал нам билеты в первом ряду. Несколько ближних к сцене рядов были оцеплены полицейским кордоном, чтобы толпа не могла ринуться на сцену. Но даже оттуда мы с трудом слышали музыку, такой крик стоял в зале. А когда фанаты начали напирать и пробираться к сцене, мы боялись, что нас просто раздавят. Один из распорядителей поспешно поволок нас за сцену. Так что оставшуюся часть представления мы наблюдали из — за кулис. После концерта мы поехали домой в Уэйбридж, а Джон остался на фуршет. Девочкам, решил их строгий и заботливый старший брат, там делать нечего.

Пару дней спустя Джулия и Джекки уехали к себе в Ливерпуль. Мне было скучно без них: моя новая роль — старшей сестры — мне очень понравилась. Мы договорились, что они обязательно приедут к нам снова. Когда через несколько месяцев они вновь гостили в Кенвуде, мы с Джоном привезли их на студию Abbey Road. Они присутствовали при записи Day Tripper и познакомились с Джорджем Мартином. Жаль, что мы не могли принимать их почаще. Джон то был в отъезде, то приходил в себя после гастролей, поэтому трудно было найти подходящее время. Так уж вышло, что тогда они были у нас в последний раз, и после этого мы практически не общались. Джулия поступила в колледж и стала изучать французский, Джекки начала учиться на парикмахера, когда их отец, Бобби Дайкин, погиб под колесами автомобиля — точно так же, как несколькими годами раньше погибла их мать. Джону, который, как никто другой, мог бы разделить с ними эту боль, никто ничего не сообщил. Мы узнали обо всем много позже. Опекунство было оформлено на тетушку Хэрри.

Когда Джон узнал о случившемся, он был очень огорчен тем, что девочки остались круглыми сиротами, и предложил Хэрри и Норману купить им дом, который потом отойдет по наследству Джулии и Джекки. Они с радостью согласились и занялись поисками подходящего места.

Джон хотел, чтобы дом наследовали его сестры, чтобы он стал их родовым гнездом на будущие времена, но, к сожалению, в вопросах собственности и финансов он разбирался очень плохо. Дом был куплен, Хэрри с Норманом туда переехали, однако вместо того чтобы записать дом на них или на девочек, Джон, по совету своего финансиста, зарегистрировал его на свое имя. После гибели Джона это создало массу проблем для его родственников. То же самое касалось и остальной недвижимости. По закону дом моей мамы в Эшере и бунгало Мими в Пуле являлись частью состояния Джона. Все, включая Мими, с удивлением узнали об этом уже после его смерти.

То, что Джон всегда любил своих родных, хоть и отдалился от них с годами, сомнению не подлежит. Он обожал сестер, в его сердце всегда было место и для Мими. Он приезжал к ней с Йоко, и я тоже навещала Мими уже после нашего развода. Перед отъездом в Штаты Джон навестил в Ливерпуле Хэрри и остальных. Однако потом он долго почти не общался с ними. Лишь за несколько месяцев до его смерти они с Джулией стали регулярно разговаривать по телефону. Я тоже всегда была привязана к сестрам Джона. Мы до сих пор близкие подруги, особенно с Джулией. Мы поддерживали связь и встречались в течение многих лет, и я очень рада, что смогла рассказать ей, как Джон любил ее и Джекки и как он хотел, чтобы дом, купленный для Хэрри, в конце концов достался им.

До самой своей смерти в 1976 году моим близким другом была также и тетушка Матер. Уже когда мы с Джоном жили в Уэйбридже, я иногда садилась в эдинбургский поезд и навещала ее. Тот уикснд, который мы с Джоном провели у них дома, добравшись туда на перекладных, сделал нас близкими и родными людьми. Когда Лондон мне надоедал или когда Джон был на очередных гастролях, дом Матер становился для меня добрым, мирным пристанищем. Она была невероятно теплой и гостеприимной женщиной, и мы засиживались допоздна за стаканчиком виски ее мужа Берта, болтая обо всем на свете. Она не была такой резкой, как Мими, и относилась ко мне как к дочери: приносила мне в постель завтрак и всячески меня баловала.

Единственный из близких родственников, с кем Джон общался без малейшего удовольствия, был его родной отец Альф. Из газет мы узнали, что он работает мойщиком посуды в отеле «Грейхаунд», на южной окраине Лондона. Он не интересовался поп — музыкой и, похоже, не знал, что его сын знаменит, пока его коллега не показал ему фотографию Джона в газете и не спросил, является ли он его родственником.

Когда Альф понял, что его сын, от которого он ушел двадцать лет назад, теперь стал миллионером, он тут же захотел возобновить с ним отношения. Однажды, когда Джона дома не было, он появился в Кенвуде. Я открыла дверь и увидела перед собой маленького человечка, с редкими седыми волосами и зарождающейся лысиной на макушке. Выглядел он неряшливым оборванцем, но лицом пугающе походил на Джона.

Как только я преодолела шок от его неожиданного появления, я пригласила его зайти в дом и предложила чаю и бутерброды с сыром, а также представила ему его внука. Альф сказал, что очень хочет повидаться с Джоном, и я предложила ему подождать: Джон должен был вернуться через час — другой. Меня, конечно, беспокоила возможная реакция Джона, когда он приедет домой, но я также понимала, что не могу просто так захлопнуть дверь перед носом его родного отца. К тому же мне и самой было интересно, что это за человек, способный бросить маленького сына.

Мы с Альфом еще какое — то время пытались поддерживать довольно неуклюжую светскую беседу, пока он вдруг не заметил, что его волосы в полном беспорядке и что ему надо бы постричься. Может быть, он сказал это, видя, насколько его затрапезный облик контрастирует с обстановкой дома, не знаю. Однако я всегда любила стричь (пока мы с мамой жили вдвоем, я регулярно делала ей прически), поэтому у меня руки зачесались от желания взять ножницы и подровнять его шевелюру. Он с удовольствием согласился расстаться со своими длинными патлами, и я сделала все, чтобы придать ему более презентабельный вид. Два часа спустя Джона все еще не было, и Альф решил, что, пожалуй, пойдет.

Джона визит отца совсем не обрадовал. Он сказал, что Альф уже как — то появлялся у него в гримерке, несколько недель назад, когда снимали фильм Help!. Его привел какой — то репортер, в надежде, что ему посчастливится стать свидетелем воссоединения сына с давно пропавшим отцом. Джон тогда обрушился на репортера и сказал отцу, чтобы он шел домой. Меня удивило, что Джон ничего не рассказал мне о том случае, но я знала, что все, что связано с отцом, было для него особой темой.

Тогда Джон отложил проблему в сторону и предпочел не ворошить старое до лучших времен. Но через несколько месяцев он стал встречаться с отцом, и они, если так можно сказать, подружились, хотя Джон продолжал относиться к нему неоднозначно. Джон предполагал, что, возможно, Альфу в первую очередь нужны его деньги. Но это был его отец. Скорее всего, где

— то в глубине его души до сих пор теплилась надежда вновь обрести отца. «Он нормальный мужик, Син. Только немного чокнутый, как и я, — сказал он мне однажды. — Теперь я знаю, откуда это во мне». Джону было очень важно узнавать в себе черты отца, видеть, откуда он происходит.

На Рождество 1965 года мы услышали, что Альф записал сорокапятку, подписанную: «Фред Леннон». Фамилия, понятное дело, была броской, однако песня, That's My Life, оказалась ужасной. Джона взбесило, что отец пытается прокатиться с ветерком на успехе собственного сына, и он попросил Брайана сделать все, чтобы прекратить это. То ли Брайан действительно что — то сделал, то ли нет, но в хитпараде этот сингл так и не появился, а вскоре и вовсе пропал без вести.

После этого случая Альф выкинул еще один фортель: в один прекрасный день он появился на публике с молоденькой подружкой, которая годилась ему во внучки. Студентке Полин было девятнадцать, ему — пятьдесят шесть. Они клялись, что влюблены друг в друга, и, несмотря на отчаянные протесты со стороны матери девушки, намеревались расписаться. Альф спросил, можем ли мы дать Полин какую — нибудь работу, и мы предложили ей сортировать письма от поклонников и выполнять кое — какие секретарские обязанности. Полин жила у нас в доме несколько месяцев, и это был сущий кошмар. Она постоянно плакала и ругалась со своей мамой по поводу Альфа. Спала она в мансарде, и когда ей звонила мать, до нас полночи доносились сверху вопли и рыдания. В конце концов им с Альфом надоело уговаривать родителей, и они сбежали вдвоем в Шотландию, в Гретна — Грин[27], где и прожили еще десяток лет, вплоть до его смерти. У них родились два сына, которых мы ни разу не видели. По — моему, Альф все — таки еще приезжал повидаться с Джоном, уже после нашего развода, но тот послал его куда подальше. По крайней мере я точно знаю, что перед смертью Альфа они разговаривали по телефону. Надеюсь, Джон в итоге примирился с отцом, который в свое время так бессердечно с ним обошелся.

Самой большой переменой в нашей тогдашней жизни, самым серьезным и, пожалуй, единственным фактором, приведшим к нашему разрыву, стал растущий интерес Джона к наркотикам. Вся четверка уже пару лет курила марихуану, когда нас познакомили с ЛСД. Против первого я не возражала: многие музыканты курили «травку». После нее Джон становился расслабленным, смешливым, каким — то отстраненным, но скоро это проходило, без каких — либо болезненных последствий. С ЛСД все обстояло иначе. Это случилось на ужине, куда мы отправились вместе с

Джорджем, Патти и еще одной парой: хозяин дома потихоньку добавил наркотик в наши бокалы. Никогда не прощу ему, что он сделал это без нашего ведома, хотя наверняка не имел дурных намерений. Многие в то время именно таким образом знакомились с ЛСД и подсаживались на этот наркотик.

После ужина мы почувствовали себя как — то странно. Перед глазами все плыло, и поначалу я подумала, что у меня пищевое отравление. Мы ничего не понимали, пока хозяин дома, покатываясь со смеху, не просветил нас относительно того, что с нами на самом деле происходило. Мы были так напуганы, что тут же бросились прочь, желая как можно быстрее добраться домой. Джордж на своем новеньком «мини — купере» собрался доставить нас, но мы находились в центре Лондона, в часе езды от дома, а, он не очень — то соображал, в каком мы полушарии.

Одному богу известно, как, после немыслимых кругов по городу, мы оказались дома у Патти и Джорджа. Мы с Джоном так и не смогли добраться до Кенвуда, поэтому всю оставшуюся часть ночи просидели в креслах, наблюдая замысловатые движения стен и таинственные разговоры растений, перемещения людей, больше похожих на кровожадных вампиров, — и все это в каком — то застывшем, остановившемся времени.

Ощущение было по — настоящему ужасным: я сознавала, что не могу контролировать происходящее и не знаю, что меня ждет впереди.

На следующее утро мы с Джоном с трудом доползли до дома и улеглись в постель, чтобы наверстать бессонные часы. Я отнеслась к этому эпизоду как к дурацкому событию, которое нужно поскорее забыть, и дала себе слово, что больше никогда не буду принимать наркотики. Джон же был настроен совсем по — другому. Несмотря на шок и страх, он ощутил притягательную силу ЛСД. Ему как раз понравились эта бесконтрольность и странные видения. То, что было концом для меня, для него стало началом. Он решил попробовать еще раз.

В течение следующих нескольких месяцев Джон принимал ЛСД регулярно. Он был жаден до новых впечатлений и никогда не боялся экспериментировать. Джорджу тоже понравилось, и он не раз повторял опыт, впрочем, как и Пол с Ринго. Но Джон, в отличие от них, воспринимал наркотик как новый поворот в своей жизни; он погрузился в них с головой, убедив себя, что это путь к просветлению, новым творческим высотам и счастью.

Когда Джон «улетал», мне казалось, что я живу с чужим человеком. Он был полностью отрешен от происходящего, витал в других мирах и не мог даже четко выражать свои мысли. Мне было ненавистно это его состояние и то, что наркотик отдалял

его от меня. Я не хотела присоединяться к Джону, и он находил себе тех, кто хотел. Спустя несколько недель после первого раза Джон уже принимал ЛСД ежедневно, чем беспокоил меня все больше и больше. Когда он находился под кайфом, до него было не достучаться. Когда воздействие препарата заканчивалось, он опять становился нормальным человеком, пока не принимал его вновь.

Поначалу наркотики не влияли на его работоспособность, он употреблял ЛСД после сеанса звукозаписи или после концерта и никогда — во время работы. Позже это пагубное пристрастие заметно сказалось и на творческом процессе, но пока что выступлениям и записи пластинок оно вроде бы не мешало.

Довольно скоро Джон стал приводить домой разных людей, с которыми он познакомился через наркотики. После вечеринки в клубе он мог притащить домой каких — то личностей, и ему было не важно, знает он их или нет. Все они были под кайфом и могли часами, а иногда сутками находиться в нашем доме. Они бродили из угла в угол, с мешками под глазами, заваливались на диваны, кровати и просто на пол, а проспавшись, съедали все, что им попадалось под руку на кухне. Джон, как мало кто другой ценивший право на личную жизнь, под воздействием наркотиков становился полностью беззащитным и подчинялся каждому, кто намеревался использовать его.

Я знала, что бесконечно это продолжаться не может. Наш дом был оккупирован людьми, которых я не знала и знать не хотела. Неудивительно, что я боялась за Джулиана и за себя. Мне вовсе не правилось слушать громкую музыку всю ночь напролет или пробираться утром между бесчувственными телами, чтобы накормить Джулиана завтраком. Однако каждая моя попытка покончить с этим натыкалась на кирпичную степу. Пропасть между мной и Джоном росла на глазах, а я не знала даже, как перекинуть через нее мост. Может быть, мне пора уехать отсюда, может быть, это начало конца? Нет, думала я, так просто я не могу разрушить нашу семью. Я должна испробовать все возможные средства. Но как можно жить под одной крышей с человеком, который все время находится в другом измерении?

Джона тоже раздражало, что между нами выросла стена непонимания, однако он видел один способ решения проблемы: я должна к нему присоединиться. Он всеми силами убеждал меня начать принимать ЛСД. «Син, ты знаешь, я так люблю тебя. Ничего плохого с тобой не произойдет, я этого не позволю. Нам обоим будет хорошо, мы станем с тобой еще ближе, — уговаривал он меня. — Ну пожалуйста, Син. Когда ты делаешь это с тем, кого любишь и кому доверяешь… вот увидишь, это будет чудесно».

И в конце концов я поддалась на его уговоры. Мне хотелось понять, что же такого притягательного он находит во всем этом. Мы назначили день, я договорилась с Дот, что Джулиан останется на уикенд у нее дома. Джон, счастливый, что я согласилась, делал все, чтобы ободрить меня, понимая, что я очень волнуюсь и боюсь.

Я действительно была здорово напугана. Джон договорился со своими друзьями и организовал мне группу поддержки. Первым приехал Терри Доран, наш старый друг еще по Ливерпулю, который теперь работал у Брайана. Следом прибыли Джордж и Патти и ее коллега и подруга, манекенщица Мэри Лиз (в нее потом страстно влюбился известный киноактер Джон Хэрт, а позже она погибла, упав с лошади). Приехали еще несколько друзей Джона, лица которых мне были знакомы лишь смутно. Мы зажгли свечи, включили музыку, пустили по кругу виски с колой. Все были настроены на операцию под кодовым названием «Синтия». Они собрались, чтобы мое знакомство с ЛСД прошло непринужденно, однако никто не имел и малейшего представления о том, как мне страшно. Я все время думала, будет ли это в таблетках или на кусочке сахара, как это делали последнее время. Потом я поняла, что ЛСД уже внутри меня, наверное, его просто добавили в спиртное, чтобы я не передумала в последний момент.

Чувствуя себя несколько странно, я пересекла гостиную и отправилась в ванную. Там я посмотрела на себя в зеркале и увидела собственный скелет. Он двигался и перемещался в пространстве вместе со мной, то становясь моим расплывчатым отражением, то снова скелетом. Я оцепенела. Следующее, что я помню, был голос Джона позади меня: «Син, с тобой все в порядке? Не бойся, все будет хорошо, тебя здесь никто не обидит. Здесь Терри и я. Ты в полной безопасности». Он обнял меня и повел в нашу комнатку наверху, где мне стало гораздо спокойнее, пока Терри не сказал мне что — то и я увидела, что он превратился в змею, а потом в крокодила. Его голос я слышала из уст какого — то монстра, который медленно двигался мне навстречу. Тело его покрылось чешуей, которая блестела и меняла цвета. Я была уверена, что нахожусь в аду. Все, на что я начинала смотреть, сразу же меняло свои формы и цвет, даже ковер под моими ногами, казалось, шевелился и дышал, как живое существо.

Пока я ходила по комнате и пыталась нащупать что — нибудь, что было бы постоянным и неизменным, за мной шаг за шагом следовала наша кошка. Мне казалось, что ее тело переливается разноцветными гранями, а мех самостоятельно

движется и танцует в такт звучащей музыке. Смех рядом стоящих людей звучал для меня громкими ударами курантов Биг — Бена, отзываясь бесконечным эхом. Все вокруг успокаивали меня и говорили, как они меня любят. Потом я вдруг снова провалилась куда — то и, похоже, отключилась.

По мере того как действие наркотика ослабевало, я время от времени ощущала периоды просветления, слышала, что ко мне тихо обращаются и целуют в щеки. «Приземление» было медленным. Когда это начало происходить, я поняла, что и другие тоже «возвращаются»; они целовались и обнимались, говорили, как здорово все было и как они любят друг друга.

Я была тронута этим ощущением теплоты, но моей первой адекватной мыслью было осознание того, что все же это не для меня. Мне не хотелось искусственной близости с людьми, которых я мало знаю и которые почти не знают меня. И я не хотела наркотиков. Все равно я продолжала воспринимать их как нечто страшное и опасное. Мне не хотелось шутить и экспериментировать со своим рассудком. Как бы я ни любила Джона, я знала, что движение в этом направлении — не мое. Я хочу спокойно и ясно мыслить. И быть рядом со своим сыном.

После того случая мне пришлось сказать Джону неприятную для него правду. Он принял мое решение и больше не пытался переубедить меня. Тем не менее сам он продолжал принимать наркотики, в компании или один, а я, как могла, старалась мириться с этим, втайне надеясь, что рано или поздно он устанет от них.

Вскоре в нашей жизни произошел эпизод, заставивший меня серьезно задуматься о том разрушительном влиянии, которое наркотики оказывают на Джона и на наши отношения. Я сказала ему, что хочу снова заняться живописью. С момента нашей женитьбы я поставила крест на своих профессиональных амбициях и на любви к искусству, и теперь мне хотелось творить что — то свое. Джон воспринял мою идею с энтузиазмом, поэтому в один прекрасный день я расположилась на веранде, чтобы расписать красками наш белый телевизор. На веранде стоял желтый шезлонг, подарок тети Матер, в котором Джон любил отдыхать днем, а стены были увешаны всякими безумными плакатами, фотографиями и прочей битловской атрибутикой. Мы часто там завтракали.

Пока Джон был в студии, я усердно, в течение нескольких часов, украшала телевизор затейливым цветочным орнаментом и закончила, очень довольная результатами своего труда, только поздно вечером. Мне не терпелось показать свое творение Джону.

На следующее утро я встала, чтобы накормить Джулиана

завтраком, и случайно бросила взгляд на вчерашний шедевр: весь телевизор был облеплен круглыми наклейками с надписью: «Молоко очень полезно». Джон, приехавший домой под утро, наверняка под кайфом, полностью уничтожил все мои старания. Я была потрясена и оскорблена. Неужели он считает, что у меня не может быть своего собственного дела? Он что, думает, что я должна быть целиком занята только им? Или, может, он настолько накачался наркотиками, что не соображал, что делает?

Я предпочла ничего не говорить ему. Мне было понятно, что это было сделано под влиянием наркотика, спиртного или, скорее, и того и другого. Я не хотела слушать, как он будет пренебрежительно отмахиваться от моих упреков или просить прощения. Я просто решила проглотить свою обиду и боль. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что мне следовало высказать ему все в лицо, но так же, как и Джон, я боялась открытых конфликтов и споров. Думаю, это наше с ним неумение разрешать на месте щекотливые вопросы стало одной из главных причин нашего развода. Мы оба, и он и я, привыкли подавлять свои эмоции, которые в конечном счете оборачивались взаимным раздражением. Если бы мы умели справляться с трудностями открыто, то, несомненно, были бы более стабильной парой. Но тогда, не имея опыта, я просто выбрала наиболее разумный, как мне казалось, путь.

Примерно через месяц я снова попробовала ЛСД, в последний раз в жизни. Брайан организовал вечеринку в своем недавно купленном загородном доме в Сассексе. Мы с Джоном и еще несколькими друзьями поехали к нему на нашем «роллс — ройсе». По дороге все приняли по дозе ЛСД, и я, поддавшись общей атмосфере веселья, тоже решила к ним присоединиться, за компанию. И снова это было ужасно.

У Брайана я таскалась за Джоном по пятам, в надежде, что он поможет мне пережить мое жуткое состояние. Но Джон был не в настроении, смотрел на меня волком и обращался со мной холодно, как с незнакомкой. Меня охватило отчаяние. На втором этаже я зашла в ванную комнату с открытым на улицу окном и всерьез задумалась, не броситься ли вниз. В течение нескольких долгих минут мне казалось, что покончить с собой таким образом — это самое разумное и легкое решение всех проблем. Между мной и Джоном разверзлась пропасть, и я не представляла себе, как ее преодолеть.

В этот момент кто — то окликнул меня, я вернулась в комнату, и мое мимолетное наваждение рассеялось. Но гнетущие мысли остались. В первый раз я ясно осознала, что наш брак, вполне вероятно, обречен.

ГЛАВА 14

После трех лет непрерывных гастролей, записи пластинок и концертов Джон, Пол, Джордж и Ринго находились в состоянии хронического морального и физического переутомления. Они месяцы проводили в дороге, трижды в год гастролируя за границей и вечер за вечером выступая перед многотысячной аудиторией. Снова и снова они исполняли одни и те же песни под оглушительные вопли толпы, и это им порядком надоело.

Вдобавок они сочиняли и записывали по нескольку синглов в год плюс пластинки, да еще сняли два фильма. Премьера второго полнометражного фильма «Битлз» Help! прошла в июле 1965 года и имела почти такой же успех, как A Hard Day's Night. Ребятам хотелось сделать и третью картину, но плотное расписание не позволяло. Перспектива еще год прожить в таком ритме их не устраивала, от чего — то нужно было отказаться. И они решили прекратить концертные выступления, чтобы сосредоточиться на записях и на фильме, иметь возможность участвовать в новых проектах, а также дать себе жизненно необходимый отдых.

Перед тем как отправиться в Штаты в свое последнее заграничное турне, они посетили Германию, где их особенно тепло принимали в Гамбурге, дали концерты в Токио и на Филиппинах.

Джон был счастлив, что не надо больше выступать. Он был выжат, как лимон, и уже ничего не хотел, кроме как лежать все время дома и чтобы никто его не дергал. Помимо прочего, его раздражали больные и калеки, которых «Битлз» притягивали, как магнит; перед их раздевалкой, почти каждый раз после концерта, выстраивались целые очереди людей в инвалидных колясках, на костылях, в сопровождении своих многочисленных помощников. Джон всегда тяжело реагировал на физические недостатки, и для него такие сцены были настоящим кошмаром. Еще в колледже он высмеивал больных, рисовал жуткие карикатуры калек и убогих. Физическая неполноценность всегда внушала Джону какой — то неосознанный страх, ощущение неловкости и вины, хотя он никогда бы в этом не признался, даже самому себе. Конец концертной деятельности означал для него также и завершение этой разновидности дискомфорта.

И вообще, Джона гораздо больше привлекал процесс сочинительства и записи песен. Он любил работать один, вместе с ребятами или в тесной компании талантливых операторов и режиссеров. Он видел, что на концертах «Битлз» все больше становятся похожи на гастролирующих обезьян, которые

выбегают на сцену и вновь скрываются за кулисами — все это лишь ради того, чтобы толпе было кого приветствовать своими воплями. Концерт как таковой уже давно перестал быть для них актом творчества, а следовательно, утратил всякий интерес. Джон понимал, что, узнав об их решении, публика и пресса пригвоздят их к позорному столбу, и все равно ему не терпелось поскорее уйти со сцены.

Надо сказать, что такой поворот событий вселил оптимизм и в мою душу: Джон теперь станет чаще бывать дома, в семье, а это важно не только для нас с ним, но и для Джулиана, который совсем не видит отца. Кроме прочего, я очень надеялась, что при меньших нагрузках и давлении на него Джон если не завяжет с наркотиками, то хотя бы снизит дозы. Мне так не хватало того самого Джона, которого я знала, близкого и родного. Отправляясь на последние гастроли, он признался, что ждет не дождется возвращения домой, чтобы стать наконец нормальным отцом и мужем. Мы договорились, что отныне в поездки куда — нибудь за границу, скажем, на киносъемки, он будет брать нас с собой всегда, когда это возможно.

Я приободрилась и была в наилучшем расположении духа, чего со мной не случалось уже много месяцев. Пока Джон был на гастролях, мы вместе с мамой и Джулианом решили отправиться в отпуск. Мама предложила поехать в Пезаро, в Италию. Она уже отдыхала там раньше, в небольшой и симпатичной семейной гостинице. «Никто тебя не узнает, ты прекрасно отдохнешь», — заверила она меня. Но, увы: мы еще даже доехать до отеля не успели, как на нас уже набросились итальянские газетчики. Журналы по всей стране пестрели фотографиями: я с трехлетним Джулианом на руках. Снимки были сделаны, когда мы пересаживались на самолет местной авиакомпании. Каждый раз, когда мы отправлялись на пляж, нас неизменно окружали толпы людей, страстно желавших потрогать и поцеловать маленького битловского «бамбино». Бедный Джулиан был так напуган, что мне приходилось пробираться с ним назад в отель и сидеть там взаперти. Владельцы гостиницы, супруги Басса — нини, старались, как могли, оградить и защитить нас. Они провожали нас через заднюю дверь, водили в маленькие, уютные ресторанчики, где нас никто не беспокоил. Они были так любезны, что мы пообещали обязательно приехать сюда еще, когда все это безумие вокруг «Битлз» сойдет на нет.

Домой мы вернулись в начале июля, примерно тогда же, когда и Джон. Он был невероятно счастлив нас видеть. Воссоединение с любимой семьей прошло замечательно, но уже надо было готовиться к прощальным гастролям по Соединенным

Штатам, запланированным на август. За несколько месяцев до поездки в Штаты Джон дал пространное интервью Морин Клив из лондонского таблоида Evening Standard. Они давно знали друг друга, поэтому, вероятно, Джон позволил себе излишне откровенные рассуждения: «Христианство уйдет, увянет и исчезнет. С этим даже спорить не нужно. Я прав, и будущее подтвердит мою правоту. Сейчас мы популярнее Иисуса. Я не знаю, что уйдет первым, рок — н-ролл или христианство. Иисус был нормальный, но его ученики были тупые и недалекие. Они все исказили и тем самым, на мой взгляд, уничтожили».

Конечно, это был спонтанный комментарий, ответ на прямо заданный вопрос. Он не ждал, что с ним обязательно будут согласны, а лишь высказал собственное мнение, которое, понятное дело, не совпадало с мнением общественным. Однако Джон никогда не скрывал своих суждений только потому, что они могут кому — то не понравиться.

Когда в марте интервью было напечатано, никакого шума или ажиотажа не возникло. Все, включая самого Джона, уже давно забыли о нем, когда в конце июля его перепечатал американский журнал Databook. Фраза о том, что «Битлз» популярнее Христа, была подхвачена прессой, и весь мир как будто с цепи сорвался.

Не прошло и нескольких дней после публикации, как в целом ряде штатов музыку «Битлз» запретили для трансляции по радио, комментаторы выражали свой праведный гнев, значительная часть юга страны, так называемый «библейский пояс», вся, как один, ополчилась против них. Из Штатов волна гнева перекинулась в другие страны, Джон мешками получал оскорбительные письма, хотя были и такие, в которых его поддерживали. Мы складывали в одну кучу письма за, в другую — против, и Джон периодически спрашивал меня, какая из них больше. Он был изумлен, потрясен и никак не мог понять, почему такое огромное количество людей придало его словам столь большое значение.

Очень неприятно было читать предупреждения от всяких провидцев: мы получали десятки предсказаний авиакатастроф и прочих ужасных событий, но лишь одно из них оказало сильное воздействие на Джона. В отличие от других, это письмо не было ни враждебным, ни злобным; в нем просто сообщалось, что, когда он будет в Штатах, его застрелят. На гастроли Джон уезжал напуганным и мрачным. Ему и в голову не приходило, что высказывание, которое он считал справедливым, вызовет столько гнева и ненависти. Я тоже боялась, и, если бы могла, то, конечно, удержала бы его от поездки. Расставаясь, мы со слезами на глазах сжимали друг друга в объятиях, опасаясь, как бы это не стало

нашим последним прощанием.

На протяжении гастролей я неотрывно следила за новостями по телевизору, периодически связывалась с офисом Брайана и говорила с Джоном по телефону при каждой возможности. В начале турне он неохотно извинился за свое высказывание. Извиняться он, вообще говоря, не умел и не любил, особенно если вины за собой не видел, но Брайан и остальные убедили его, что так будет лучше для всех.

Несмотря на скандал, билеты были раскуплены все до единого. 29 августа «Битлз» дали свой самый последний живой концерт в Кэндлстик — парке, в Сан — Франциско. День спустя Джон прилетел домой. Он чувствовал необычайное облегчение, что все закончилось, и был настолько измочален, что проспал полные двое суток.

Завершение концертной деятельности заметно облегчило ребятам жизнь, но теперь они находились в некоторой растерянности. Конечно, они будут продолжать записывать пластинки, но — что помимо этого? Каждый из них постепенно начинал развиваться в своем направлении, у всех появились собственные интересы. Ринго с удовольствием посвящал освободившееся время семье. Он тогда вообще был самым домашним из всей четверки и предпочитал компанию жены и ребенка любым развлечениям. Пол и Джордж хотели путешествовать. Пол собирался исколесить всю Африку вместе с Джейн, а Джордж отправился в Индию. Его заинтересовала индийская музыка, с тех пор как на съемках A Hard Day's Night ему в руки попался ситар. Джорджу страстно хотелось научиться играть на нем, а кроме того, познакомиться с традиционной индийской философией.

Джон, в свою очередь, дал согласие на роль в фильме How I Won the War, «Как я выиграл войну». Его очень привлекала антивоенная тема. Плюс к этому Джону понравилось сниматься в кино, и он уже начинал видеть свое будущее в этой области. Он был чрезвычайно возбужден перспективой впервые выступить в качестве полноценного актера с ролью в художественном фильме. Съемки должны были проходить в Германии и, затем, в Испании, в прибрежном городке Альмерия. Нам с Джулианом Джон обещал, что, как только съемочная группа переместится к морю, он сразу же вызовет нас к себе. Через пару недель мы вылетели в Испанию, где Джон снимал виллу с актером Майклом Кроуфордом, его женой Габриэль, их ребенком и няней.

Для роли рядового Грипвида Джону пришлось постричь свои длинные волосы. Ему также выдали круглые «бабушкины» очки, из тех, что во время и после войны продавались в бюджетных

аптеках министерства здравоохранения. Последние годы Джон все пытался надевать контактные линзы, хотя бы на публике, но это оказалось не так просто. После случайной фразы Джорджа во время концерта о том, что кто — то слопал все его «мармеладки» и ему не оставил, фанаты часто бросали на сцену всякие сладости. Одна конфета довольно больно попала Джону в глаз и выбила линзу. К тому же сами контактные линзы тогда были толстыми и неудобными. Круглые очки «от Минздрава» Джону понравились, он к ним привык, а линзами решил больше не пользоваться. Так, собственно, и родился этот его «фирменный» образ.

Мне нравилось в Испании и нравилось наблюдать за съемками фильма. Однако вилла, которую мы снимали, была какой — то сырой и неопрятной. Когда Морин с Ринго сообщили, что вылетают, чтобы к нам присоединиться, у нас появился уважительный повод подыскать что — нибудь получше. Мы нашли просторную виллу с собственным бассейном. Позже выяснилось, что раньше на этом месте стоял монастырь. Переселившись, мы довольно скоро почувствовали, что, кроме нас, здесь живут еще некие непонятные существа: свет мог неожиданно выключиться, разные предметы таинственным образом исчезали, и все время чувствовалось чье — то присутствие. Мы затеяли вечеринку, чтобы как — то освоиться и обжить новое жилище, но вдруг электричество погасло, и начался сильный шторм. Пока бушевала гроза, мы собрались в большой гостиной и зажгли несколько десятков свечей. Их мягкий свет располагал к спокойствию. Кто — то затянул песню. К нему присоединились остальные, и комната наполнилась красивыми, мелодичными звуками, погружая всех присутствующих в музыкальную и духовную гармонию. Через полчаса свет снова включился, и магия исчезла, но нам уже легко верилось в то, что к пению нас подвигли монахини, некогда жившие здесь, их коллективный дух.

Фильм имел успех, роль, исполненная Джоном, была отмечена сразу в нескольких печатных изданиях. Режиссер и продюсер картины Ричард Лестер сказал, что из Леннона получится неплохой актер. Джону понравилось сниматься, но он терпеть не мог зубрить текст, и его совсем не привлекала вынужденная необходимость слоняться без дела по площадке в ожидании очередного дубля с его участием. Он решил, что музыка как искусство гораздо ближе его сердцу, и продолжал пропадать у себя в студии, в мансарде, сочиняя новые песни.

Меня радовал его творческий настрой, однако принимать наркотики Джон не прекращал и поэтому, как и раньше, часто

был для меня недосягаем. Я все еще цеплялась за него прежнего и надеялась, что тот настоящий, любящий Джон скоро вернется. Однажды утром, за завтраком, он показал мне статью в газете, где рассказывалось о японской художнице Йоко Оно, сделавшей фильм, состоявший целиком из снятых крупным планом задниц: «Син, ты только посмотри. Все это, конечно, шутка, не иначе. Но, боже, что же дальше? — Мы оба расхохотались. — Безумие какое — то. У нее, наверно, крыша съехала».

Мне оставалось только согласиться с ним. Мы тогда еще ничего не смыслили в авангардном искусстве или концептуализме. Газета отправилась прямиком в мусорную корзину. К Йоко Оно мы больше не возвращались, пока как — то вечером, когда мы читали в постели, я не заметила у Джона в руках тоненькую книжку под названием «Грейпфрут». Я спросила его, что это, и он ответил: «А, да это мне та странная художница прислала». — «Я не знала, что ты с ней встречался». Джон оторвался от книги: «Да, я ходил на ее выставку. Джон Данбар позвал меня. Идиотизм полный…»

Данбар, бывший муж подруги Мика Джаггера, Марианн Фэйтфул, был нашим приятелем. Он владел художественной галереей «Индика» в центре Лондона и часто приглашал друзей на свои выставки. Ничего необычного в этом не было, и вскоре я забыла о том разговоре.

Я не знала тогда, что Йоко начала целенаправленно преследовать Джона. В течение нескольких месяцев она писала ему письма, но я не подозревала ни о них, ни о том, что она не раз приходила к нам домой и спрашивала Джона. Нас тогда дома не было, и Дот, полагая, что это очередная фанатка, ничего мне не сказала. Знал ли об этом сам Джон, понятия не имею.

Единственное, в чем я была уверена, это в том, что между мной и Джоном уже нет прежней близости, и мне отчаянно хотелось вернуть ее. Моя и без того заниженная самооценка упала ниже некуда. Листая старые газетные фотографии и думая, почему же я так редко нравлюсь себе, я решила, что все дело в моем носе. В моем римском, как у папы, носе с выраженной горбинкой посередине. Будь он коротким и прямым, как у моей мамы или брата, все было бы по — другому. Конечно, где — то в глубине души я понимала, что это глупо. Но мне так хотелось найти причину моих неурядиц в том, что еще можно изменить и что в конечном счете изменит наши отношения с Джоном. Если проблема в моем носе, что ж, это исправимо.

Когда я сообщила Джону, что собираюсь сделать пластическую операцию, он сказал, что это смешно, однако возражать не стал, а лишь заметил: «Только потом не плачься

мне, если они сделают хуже».

Когда подошло время операции, я убедила себя, что после нее стану совсем другим человеком — энергичной, уверенной в себе и сексуальной, да еще и с новым носом. Я легла в Лондонскую клиническую больницу, и уже после операции, когда нос мой был весь туго забинтован, мне принесли букет красных роз с запиской: «Носу с другим именем. От Джона и Джулиана, с любовью».

Когда несколько дней спустя бинты сняли, мне стало страшно, что из — за моего чрезмерного тщеславия я теперь получу жуткий и безобразный нос. Но, набравшись мужества и посмотрев в зеркало, я обрадовалась: на меня смотрел маленький, симпатичный, без всякой горбинки носик, мой собственный — как раз такой, какой я и хотела. Я поняла, что никогда не пожалею о том, что сделала операцию.

Я была уверена, что теперь выгляжу совсем по — другому, но, когда я вернулась домой, никто ничего не заметил. Ни Джулиан, ни мои подруги. «Вы что, во мне ничего нового не замечаете?» — настойчиво интересовалась я. В ответ сыпались догадки. «Новые очки?» — спрашивала одна. «Прическа?» — пыталась угадать другая. Успокоив себя, я заключила, что, раз они ничего не замечают, значит, новый нос сидит как надо. Ну а Джон? Ему понравилось. Хотя он по — прежнему считал, что мне не стоило все это затевать.

В феврале 1967–го «Битлз» выпустили пластинку — сингл с полноценными песнями на обеих сторонах — Strawberry Fields Forever, написанной Джоном, и Penny Lane, которую сочинил Пол. Обе песни посвящались любимым местам их детства в Ливерпуле. Пенни — Лейн — это район в центре города, почти самостоятельное поселение, рядом с которым находились дома Джона, Пола и Джорджа. Здесь они часто встречались, заходили в магазинчики, ждали автобуса. Strawberry Fields, «Земляничная поляна» — так назывался детский интернат в Вултоне, неподалеку от дома Мими. Джон часто ходил мимо его стен из красного песчаника, и поэтическое название надолго врезалось ему в память.

Сингл достиг первого места в хит — параде, но не сразу, в отличие от всех без исключения предыдущих синглов «Битлз», начиная с Please Please Me. Неужели их популярность пошла на убыль? Или такова была реакция поклонников на прекращение концертной деятельности? Оставалось только ждать, что же дальше.

Следующие несколько месяцев группа упорно трудилась в студии, и к лету был готов их новый альбом, Sgt. Pepper's Lonely

Hearts Club Band. Некоторые из треков имели явное отношение к наркотикам или были написаны под их воздействием, но красочность и мечтательность стиля необыкновенно точно отражали тогдашнее настроение нации. Наступила эра «власти цветов», главными темами которой были хиппи, цветы, любовь и мир. Психоделика чувствовалась во всем, в моде были мини — юбки, одежду все старались покупать на лондонской улице Карнаби — стрит, центре моды хиппи, где можно было приобрести причудливо расшитый кафтан или бисерные бусы.

В альбоме была песня Джона, Lucy in the Sky with Diamonds, про которую все уверенно говорили: в ней описан ЛСД — трип. На самом деле к названию песни прямое отношение имеет Джулиан, который принес как — то из детского сада рисунок, где изобразил свою подругу Люси. И когда Джон спросил его, что здесь нарисовано, Джулиан сказал: «Это Люси в небе с алмазами». Джону, конечно же, очень понравилось это необычное и совершенно невинное определение, порожденное живой фантазией его сына.

Джон к тому времени не отлучался из дома уже целых девять месяцев, но отношения наши от этого лучше не становились. Он продолжал принимать наркотики почти ежедневно, вел себя отстраненно, холодно и непредсказуемо. Джулианом и домом по — прежнему занималась я одна, пока Джон пребывал в иных мирах.

На презентации диска Sgt. Pepper Джон был под кайфом, и журналист Рэй Коулман, который позже написал его биографию, сказал мне, что здоровье Джона вызвало у него серьезные опасения: он не только явно злоупотреблял наркотиками, но еще и много пил и курил, отчего выглядел потрепанным, старым и больным, с остекленевшим взглядом и замедленной речью. Рэй поделился своими соображениями с Брайаном, но тот ответил: «Не волнуйся, он живучий».

Меня тоже беспокоило состояние здоровья Джона. От наркотиков он почти совсем потерял аппетит и выглядел действительно ужасающе. Я все время боялась, как бы он не покончил с собой. В нем всегда сидела склонность к саморазрушению, и сейчас он, судя по всему, намеревался дать ей полную волю.

Мне никак не удавалось понять, почему наркотики так притягивали Джона. Может, он специально затуманивал себе мозги, блокируя свои детские воспоминания и комплексы? Иногда мне казалось, что до этого его довели успех и слава. Поначалу, когда «Битлз» только набирали высоту, Джон чувствовал себя превосходно и был уверен в себе и своих силах.

Но потом слава и всеобщее поклонение начали зашкаливать. Думаю, что именно тогда, стараясь убежать от всего этого, он обратился к наркотикам и впал в серьезную зависимость от них.

Пропасть между нами продолжала увеличиваться. Мне все так же сильно не хватало стабильности в семье и любви Джона. Но он никак не мог успокоиться. После того как «Битлз» прекратили живые выступления, Джон лихорадочно искал новое направление для своей жизни. Я знала, что, несмотря на наркотики, вставшие между нами, он все еще любит меня. В моменты просветления он обнимал меня и признавался в любви. Но, несмотря на его глубокие чувства ко мне и Джулиану, наркотики уводили его от нас все дальше и дальше. Мой муж стал наркоманом, это не подлежало сомнению. Чтобы завязать, ему потребовалось бы немало усилий и мощная мотивация.

Мотивация чудесным образом явилась в лице Маха — риши Махеш Йоги. В то самое лето «власти цветов» 1967 года Джордж и Патти серьезно увлеклись индийской духовной философией. Патти пыталась самостоятельно обучиться медитированию, но у нее ничего не получалась до тех пор, пока она не отправилась на лекцию о трансцендентальной медитации в Кэкстон — холле, организованную Движением духовного возрождения. Она вступила в общество и в августе узнала, что лидер движения, Махариши, скоро приезжает из Индии в Северный Уэльс, в Бангор, на летнюю конференцию. За пару дней до ее начала он собирался выступить в отеле «Хилтон». Они с Джорджем решили туда пойти и позвали нас тоже.

Я осталась дома, а Джон отправился, вместе с Патти, Джорджем, Полом, Джейн и Ринго.

Домой Джон вернулся в чрезвычайном возбуждени: «Син, это просто фантастика! Медитация, оказывается, очень простая вещь, но с ее помощью можно изменить жизнь». Как и остальные, он поддался обаянию Махариши, безоговорочно поверив его обещаниям нирваны. Махариши пригласил «Битлз» на свою конференцию в Бангоре, которая должна была продлиться десять дней, начиная с конца августа. Джон с удовольствием принял приглашение, да и я была рада поехать и узнать, что же это такое. Джордж, Патти со своей сестрой Дженни и Пол тоже собирались в Бангор. Ринго присоединился к нам в последний момент. Морин не могла его сопровождать: она недавно родила их второго сына Джейсона и все еще находилась в больнице. В компании отъезжающих в Уэльс был также молодой грек Алекс Мардас: совсем недавно мы познакомились с ним через нашего друга Джона Данбара, который представил нам его как выдающегося эксперта в области электроники. Скоро его прозвали Алекс —

волшебник, он вошел в ближний круг «Битлз» и стал для них незаменимым человеком в студии звукозаписи и за ее пределами.

Махариши был категорически против наркотиков, он объяснял, что, медитируя, можно достичь естественной эйфории, ничуть не менее сильной. Джону эта мысль пришлась по душе, и он уже рассуждал о просветлении, космическом разуме и об отказе от наркотиков. Я, понятное дело, была только за. Может быть, думала я, это и есть тот новый путь, которого искал Джон, и, может быть, на сей раз мы пойдем по нему вместе.

После выступления Махариши, состоявшегося в четверг вечером, в пятницу я договорилась с Дот, что оставлю у нее Джулиана на уикенд, и начала паковать наши вещи. В субботу мы поехали на Юстонский вокзал, чтобы сесть на поезд

Лондон — Бангор. Кроме «Битлз» и их сопровождающих, туда отправлялись Мик Джаггер и Марианна Фэйтфул. Ма — хариши и его свита ехали тем же поездом. Также состав был набит неизбежными в таких случаях фотографами и репортерами, прознавшими о новом эксцентричном увлечении четверки.

В первый раз за несколько лет «Битлз» отправлялись в поездку без Брайана и без гастрольных менеджеров Нила и Мэла. Брайан знал о наших намерениях и сказал, что, может быть, присоединится к компании после выходных. Джон был возбужден, как мальчишка, но было видно, что он нервничает. Ехать куда — нибудь без Брайана, Нила и Мэла, сказал он, «все равно что появиться на людях без штанов». Даже в Испании, на съемках, Нил был при нем и исполнял любые его пожелания.

Утро в день отъезда выдалось прекрасным и солнечным. Я собралась рано, но Патти, Джордж и Ринго, которые должны были ехать на вокзал в нашей машине, явились с опозданием. Когда Энтони привез нас на станцию, оставалось всего пять минут до отправления поезда. Джон выскочил из машины вместе с остальными и побежал на платформу, оставив меня плестись следом с нашими сумками. За последние годы у него вошло в привычку не беспокоиться о мелочах, для этого существовали специально обученные люди. Я следовала за ним настолько быстро, насколько могла. У вагона образовалась настоящая куча — мала из фанатов, репортеров, полиции и пассажиров. Пробивая себе путь к платформе, я уперлась в огромного полицейского, который преградил мне дорогу и, не зная, что я вместе с «Битлз», оттолкнул меня в сторону: «Прости, милочка, слишком поздно: поезд отправляется».

Я начала звать на помощь. Из двери вагона высунулся Джон, увидел, что произошло, и закричал: «Скажи ему, что ты с нами! Скажи, чтобы он пропустил тебя!»

Но было поздно. Поезд медленно тронулся, я осталась стоять на платформе, с нашими сумками. Слезы ручьями текли по моим щекам. Все это было ужасно унизительно. Репортеры вокруг щелкали затворами фотокамер, сверкали вспышки, а я чувствовала себя полной идиоткой. Питер Браун, помощник Брайана, приехавший проводить нас, подошел ко мне, обнял за плечи и сказал, что обязательно устроит мне машину до Бангора: «Ты еще раньше них туда приедешь», — сказал он, стараясь успокоить меня.

Откуда ему было знать, что плакала я не потому, что не попала на поезд? Мои слезы объяснялись тем, что этот случай в моих глазах символизировал исход нашего брака. Джон сидел в поезде, набиравшем скорость и устремленном в будущее, а я отстала. Стоя на платформе и глядя вслед уходящим вдаль вагонам, я была уверена, что это мое одиночество однажды станет постоянным. До Бангора меня отвез Нил Эспи — нолл. Дорога заняла около шести часов, и ехать в машине было гораздо комфортнее и спокойнее, чем в поезде с этим репортерским цирком. Но я смотрела в окно на прекрасные деревенские пейзажи, и сердце мое сжималось от страха: что же нас с Джоном ждет впереди?

Мы приехали на место тихо, после того как толпа поклонников и прессы уже успела шумно и радостно поприветствовать всю честную компанию. Бангор, маленький городок на побережье, как будто недоумевал, что же такое на него обрушилось. Все бросились обнимать и целовать меня, кроме Джона, который, наоборот, принялся меня отчитывать: «Син, ну почему ты всегда оказываешься последней? Как ты вообще умудрилась не сесть на этот чертов поезд?» — «Может, если бы ты не оставил меня тащить сумки, я бы и успела, дорогой», — ответила я. И вообще, как у него только язык поворачивается упрекать меня, когда он сам повел себя так бестолково? По давно выработанной привычке, как и сто раз до того, я проглотила обиду. Как и раньше в таких случаях, я не хотела ссоры, особенно на людях. Мне следовало проявить большую твердость. Слишком, слишком многое я ему позволяла и прощала.

Нас всех разместили в общежитии огромного учебного центра, вместе с парой сотен других последователей учения Махариши. Наша с Джоном комната была самой обычной: две кровати и шкаф с ящиками. Джон был искренне удивлен: «Это что — то новенькое, правда?» Правда.

В этот момент в нашу комнату тихонько втиснулись совершенно ошарашенные Мик и Марианна: «Слушай, Джон, что за дела? И чего дальше?..»

«Дальше — снова в школу», — засмеялся Джон.

Вступительный семинар был назначен через полчаса в актовом зале. Там собралась разношерстная толпа: давние приверженцы учения Махариши, с одной стороны, разодетая в психоделические наряды поп — элита — с другой. Все сидели чинно, скрестив ноги, на голом деревянном полу. Марианна, оказавшаяся рядом со мной, шепотом сообщила, что у нее только начались месячные, и спросила, нет ли у меня чего — нибудь. К счастью и совершенно случайно, было. Марианна мне сразу понравилась: она была доброй и какой — то чересчур хрупкой для жестокого мира рока и наркотиков.

В тот же день, после полудня, «Битлз» провели пресс — конференцию, на которой открыто отказались от приема наркотиков, в соответствии с учением великого Махариши. А ведь всего месяц назад они вместе с группой других поп — звезд на целой странице Times распространялись о том, что закон о запрете марихуаны неприменим и аморален. Пол публично заявил, что принимает ЛСД, и все прекрасно знали, что и другие тоже. Теперь же все перевернулось с ног на голову. Пресса была в диком восторге.

Но едва успело заявление «Битлз» появиться на страницах газет, как его тут же перебила другая ужасная и трагическая новость. Мы как раз возвращались в свою комнату, когда один из репортеров сообщил нам, что Брайан Эпстайн — человек, который направлял «Битлз» по жизни последние шесть лет, — найден у себя дома мертвым.

ГЛАВА 15

Я знала, что теперь уже никогда не будет так, как раньше. Никто не верил, и все были в ужасе от случившегося. Джон побледнел как полотно. Те шесть лет, что Брайан занимал место в сердце каждого из «Битлз», из — за огромного количества событий и жизненных поворотов казались нам целой эпохой. Для нас он был проводником, наставником, другом, старшим братом и отцом, благородным, мудрым и в то же время расчетливым бизнесменом, главным режиссером невиданной славы и успеха «Битлз», покровителем, прошедшим с нами весь путь — от нашей свадьбы и первой кроватки Джулиана до наших переездов, выходов в свет, дней рождения и юбилеев. Для Джона даже больше, чем для остальных, Брайан был по — настоящему близким человеком. Их связывали взаимное уважение, восхищение и искренняя привязанность.

Подробностей мы в тот день узнали немного: судя по всему, передозировка медицинскими препаратами, возможно, в целях самоубийства. Все это было чудовищно. Не только то, что он умер в возрасте всего тридцати двух лет, но и то, что обстоятельства его смерти требовали специального расследования. Журналисты, конечно же, ухватятся за все торчащие наружу неприглядные детали.

Пресса уже начала собираться перед входом в учебный центр, когда мы с Джоном прошмыгнули незамеченными в нашу комнату. Мы сидели, обнявшись, и плакали. Боль от потери и шок сблизили нас. «Господи, Син, что же делать?» — спросил Джон. Я была не в состоянии дать сколько — нибудь вразумительный ответ.

Репортеры были намерены стоять до последнего, пока кто — нибудь не выйдет и не сделает заявление для прессы. Коллеги пришли в нашу комнату, чтобы обсудить, кто сможет выступить. Джон сказал, что это сделает он, и, спотыкаясь, вышел к нацеленным на него объективам камер и фотоаппаратов. На него тут же обрушился шквал вопросов.

«Да, я только что услышал», — с трудом выговорил он. «Нет, не знаю». «Да, это ужасно». Лицо его приобрело пепельный оттенок. «Извините, но мне нужно идти».

Он вернулся в нашу комнату, и все вместе мы перебрались в холл, подальше от гомона журналистов. Стояла гнетущая тишина. Мы словно онемели, потрясенные известием.

Еще не наступил вечер, когда главный помощник Маха — риши пригласил нас к нему. Мы направились в его апартаменты,

где нас проводили в невероятно красивую и нарядную комнату, украшенную живыми цветами. Все вокруг блестело и сверкало, включая самого Махариши, сидевшего в центре комнаты в позе лотоса. Он попросил нас сесть перед ним на пол и начал говорить о жизненном пути, о реинкарнации, освобождении от боли, о том, что эта жизнь — всего лишь ступень к последующей. Он сказал, что дух Брайана сейчас с нами, и, дабы переход его в иную жизнь был легким, мы должны смеяться и радоваться, поскольку наши мрачные мысли будут лишь удерживать его здесь.

Слова Махариши несколько успокоили нас, и мы попробовали, хоть и с большим трудом, приободриться ради Брайана. Некоторые из журналистов, видя эти наши попытки, посчитали их проявлением черствости. Ничего подобного:

Джон и остальные были убиты горем, улыбки на их лицах означали лишь прощальный привет Брайану.

В тот же день мы отправились обратно в Лондон. В машине мы с Джоном держались за руки, пытаясь придать друг другу мужества. Иногда Джон вдруг восклицал полушепотом: «Боже, ну почему? Почему — Брайан?» Ему было так же тяжело, как после смерти Стюарта — такая же неожиданная потеря. Смерть Брайана положила конец самой значимой главе в жизни «Битлз».

На взгляд обывателя, у Брайана было все в этой жизни: молодость, привлекательная внешность, успех. Он подарил миру «Битлз» и целый ряд других артистов; он имел сотни высокопоставленных друзей, два дома и всю роскошь, которую только можно купить за деньги. Зачем ему было умирать? Но те, кто знал его близко, как мы, понимали, что Брайану нужно нечто большее. Это был сложный и неуверенный в себе человек. У него, конечно, случались романы, но он так и не нашел себе постоянного, любящего спутника жизни. Его одиночество, при всем многообразии увлечений, было почти осязаемо. Даже рядом с «Битлз» Брайан оставался в какой — то степени посторонним. Он любил их всей душой, однако у них были свои семьи, подруги; они смотрели на него снизу вверх и как на человека, стоящего не рядом, а немного в стороне.

Нам пришлось ждать почти две недели, пока следствие вынесет вердикт касательно причин смерти Брайана. Когда подтвердилось, что это был несчастный случай, мы вздохнули с облегчением и расплакались. Тем не менее картина последних дней жизни Брайана не могла не вызвать в наших сердцах чувства глубокой печали и общей вины. После того как примерно год назад «Битлз» прекратили давать концерты, их ежедневные контакты с Брайаном постепенно отошли в прошлое. Значительная часть его работы заключалась в организации их

интервью, выступлений и гастрольных поездок. Он оставался их менеджером и регулярно общался с ребятами по тем или иным делам, но уже далеко не на том, прежнем уровне. У Брайана оставались и другие продюсерские проекты, самым успешным из которых была Силла Блэк, однако «Битлз» составляли смысл его существования. Завершение гастролей пробило серьезную брешь в его жизни. К тому же никто из нас не имел представления о том, насколько он был склонен к депрессиям. Как выяснилось, тяжелые приступы депрессии мучили его на протяжении многих лет, и последний начался за несколько месяцев до смерти. Он просыпался не раньше полудня и в офисе появлялся, как правило, лишь к обеду или не появлялся вовсе — это сказывалось на результатах работы. Несомненно, повлияла на его душевное состояние и смерть отца, скончавшегося месяцем раньше. Мать Брайана, Куини, последнее время жила с ним, и он изо всех сил старался щадить ее чувства, скрывая происходящее: вставал утром и завтракал с ней, потом шел на работу и вечером возвращался домой. В тот, последний в его жизни четверг, за три дня до смерти, когда мать уехала, он собрался провести уикенд в загородном доме со своими друзьями. Случилось так, что большинство из них приехать не смогли, поэтому вечером он опять вернулся в Лондон. На следующий день Брайана нашли мертвым супруги Антонио и Мария, которые работали и жили в его квартире. Они долго стучались в закрытую дверь его спальни и, не дождавшись ответа, позвали секретаря Брайана и врача. Дверь взломали. Брайан лежал бездыханным в собственной постели.

Полиция нашла в его доме семнадцать пузырьков с транквилизаторами и антидепрессантами, которыми он пользовался уже долгое время. Перед смертью Брайан употреблял их чаще, чем обычно, но погиб он не от преднамеренной передозировки, а от того, что регулярный прием этих препаратов в течение длительного периода постепенно превысил критическую массу вредного вещества в организме. Согласно заключению врачей, Брайан проявил неосторожность, принимая таблетки, но отнюдь не собирался покончить с собой. Мы все были уверены, что именно так оно и было. Тем более что он никогда бы сознательно не подверг любимую маму такой муке — оплакивать сына почти сразу вслед за мужем.

Тело Брайана было переправлено в Ливерпуль, где состоялись и его похороны, тихо и мирно. «Битлз» на похоронах не присутствовали, поскольку семья покойного не хотела излишней шумихи, которая бы неминуемо возникла вокруг них. Вместо этого в октябре все вместе мы присутствовали на

мемориальной службе в Новой синагоге, в лондонском районе Сент — Джонс — Вуд, неподалеку от студии Abbey Road. Церемония была торжественной и трогательной, в память человека, которого все мы любили и которого никогда не забудем.

Руководство лондонским офисом Брайана перешло в руки его личного помощника Питера Брауна. Он работал с Брайаном еще с Ливерпуля и принял на себя все дела, однако к тому времени «Битлз» сами толком не знали, что им делать дальше.

В итоге они начали двигаться сразу в двух направлениях. Во — первых, теперь, в отсутствие менеджера, они решили создать свою компанию, Apple, призванную объединить все их деловые проекты под одной крышей и наметить новые пути развития. «Битлз» решили обзавестись собственной звукозаписывающей компанией и рядом сопутствующих предприятий. Они приобрели в собственность офис на Сэвил — роу, и их первым коммерческим предприятием стал магазин на Бейкер — стрит, который открылся в декабре 1967–го под управлением старого друга Джона, Пита Шоттона. Здание раскрасили в психоделическом стиле, ребятам ужасно понравилось, но жители соседних домов написали жалобу. Пресса подняла шум, и пришлось все перекрашивать заново.

«Битлз» были наивными новичками в бизнесе. Они тратили огромные деньги на то, чтобы оборудовать офис на Сэвил — роу, студию звукозаписи, закупили изысканную мебель, устроили переговорные комнаты с баром и все прочее. Но никто из их окружения не обладал деловой хваткой: ребята наняли огромный штат сотрудников, в основном своих старых друзей, которые не имели ни малейшего представления о том, что от них требуется. Все четверо новоиспеченных бизнесменов регулярно приезжали на совещания, воодушевленные новаторскими идеями, однако дела вперед не двигались.

Тем временем Джон и Джордж всерьез увлеклись идеями Махариши. То, что прежде казалось обыкновенной блажью, теперь стало, ни больше ни меньше, поиском смысла жизни. Похоже, что с уходом Брайана «Битлз» нуждались в человеке, который его заменит и укажет им правильный путь. И Махариши был тут как тут.

Джон и Джордж приняли его предложение отправиться в ашрам, учебный центр в Ришикеше, у подножия Гималаев, для изучения основ медитации. Мы с Патти согласились поехать с ними. Пол, Джейн, Ринго и Морин, не будучи большими поклонниками медитации, тем не менее решили к нам присоединиться. Поездка была намечена на февраль 1968 года.

Наша компания планировала провести в Индии два — три месяца.

Джон всегда со страстью и энтузиазмом брался за новое дело. Он ощущал себя чуть ли не одним из апостолов Махариши, собирался раструбить о своем намерении на весь мир и планировал посвятить всю оставшуюся жизнь исключительно медитации. Я была настроена более скептически, но сама идея и медитация как таковая пришлись мне по душе. К тому же я была рада возможности отправиться в Индию и узнать много нового. Также я надеялась, что ожидающая нас там мирная обстановка, вдали от вспышек фотокамер, пойдет нам с Джоном только на пользу.

На Рождество по телевизору показали очередной фильм «Битлз», Magical Mystery Tour. Съемки начались как эксперимент, попытка осуществить идею Пола, который предложил всем просто сесть в автобус, поехать — а дальше будь что будет. Картина обернулась первым провалом «Битлз». Критики назвали ее «занудной ерундой», американцы даже не стали покупать права на показ фильма у себя. Сюжета никакого не было, и песни были довольно слабыми. Джон назвал сей опус «самым дорогим любительским фильмом в истории кинематографа» и втайне считал, что во всем виноват Пол. Мне же это казалось несправедливым: они все согласились участвовать.

Перед демонстрацией фильма, 21 декабря, был организован прием — маскарад в королевском отеле «Ланкастер», в Лондоне. Я надела бальное платье с кринолином и выглядела барышней с конфетной коробки, а Джон выбрал образ пижона в кожаном костюме, с набриолиненными волосами. Он позвал с нами своего отца Альфа, и они вдвоем здорово напились. Вечер не удался. Я все глубже погружалась в уныние, по мере того как Джон флиртовал с другими женщинами, в том числе с Патти, наряженной в соблазнительный костюм восточной танцовщицы. Моя подруга Лулу обиделась за меня и принялась во всеуслышание стыдить Джона за его поведение. Несмотря на раненое самолюбие, я не удержалась от смеха, глядя, как миниатюрная Лулу, одетая под Ширли Темпл, устраивает выволочку «хулигану». Эта невеселая вечеринка закончилась пьяными танцами Альфа и Джона, который, кажется, успел перетанцевать со всеми, кроме меня.

Через четыре дня, в Рождество, Пол и Джейн объявили о своей помолвке. Мы все хорошо относились к Джейн и искренне порадовались за них. Джордж и Патти к тому времени уже были женаты. Они расписались по — тихому, никого не пригласив, почти два года назад, в январе 1966–го. Таким образом, Пол стал

последним из четверки, кто затянул на себе супружеский узел. Мы знали, что далось ему это нелегко: Пол, как и остальные битлы, был в этом смысле обычным старомодным ливерпульцем, убежденным, что удел жены — сидеть с детьми, варить обед и ждать мужа. Джейн же ни в коей мере не соответствовала этим параметрам: по работе она бывала в разъездах не меньше, чем Пол, и жила своей собственной жизнью. Она не собиралась сидеть дома в ожидании Пола, наоборот, часто не приходила на наши посиделки, будучи за границей в очередной командировке. Но Пол любил ее. Мы знали это и были рады, что у них все сложилось.

Незадолго до отъезда в Индию Джон провел уикенд с Дереком Тейлором, бывшим журналистом, а теперь пресс — секретарем «Битлз» и нашим хорошим товарищем. Вместе с женой и пятью детьми он жил в своем большом загородном доме и от души наслаждался жизнью. Вернувшись от Дерека, Джон обнял меня и сказал: «Син, давай с тобой нарожаем еще кучу детей и будем по — настоящему счастливы».

Несмотря на нарастающее во мне ощущение, что Джон отдаляется от меня, в такие минуты мне казалось, что между нами все так же, как раньше. Джон больше не принимал наркотики и очень напоминал себя прежнего. «У нас все получится, — говорил он. — В Индии у нас будет время побыть вдвоем, и все образуется». Я очень надеялась, что он не ошибается.

В Лондоне за несколько дней до отъезда в Индию у нас состоялась встреча с помощником Махариши, на которой мы должны были обсудить детали нашей поездки. Когда мы зашли в гостиную, я увидела, что в углу в кресле сидит японка, маленькая, вся в черном. Я сразу же догадалась, что это Йоко Оно, но, боже, что она здесь делает? Неужели Джон пригласил ее? Если так, то — зачем?

Йоко представилась собравшимся и потом до конца сидела молча, практически без движения, никак не участвуя в беседе. Джон непринужденно болтал с помощником Махариши, с ребятами и, казалось, не замечал ее. Я никак не могла успокоиться: неужели он общается с этой женщиной? И вообще, что, черт возьми, происходит?

Когда встреча закончилась, Энтони ждал нас у машины. Он открыл дверцу и, к моему безграничному удивлению, Йоко первой, раньше нас, залезла в салон автомобиля. Джон посмотрел на меня, как будто не понимая, что происходит, и в недоумении пожал плечами. Он повернулся назад, поинтересовался, можем ли мы ее куда — нибудь подвезти, и Йоко ответила: «Да, пожалуйста,

Ганноверские ворота, дом 25». Дальше мы ехали в гробовом молчании. Только выходя из машины, Йоко сказала: «До свидания. Спасибо».

«Да, странно, — сказала я. — Что все это значит?» — «Син, ну хочешь, обыщи меня». Джон уверял меня, что не приглашал Йоко, более того, не знал, что она будет на встрече. Однако здравый смысл подсказывал, что пригласил ее именно Джон. Но что бы я себе там ни придумывала, дожидаться объяснений от Джона было бесполезно.

Вскоре после этого случая в кипе писем от поклонников я наткнулась на послание от Йоко Джону, где она писала, что хочет, чтобы ее книга была немедленно переиздана, и что тогда сюрреализм заставит людей изменить мир, превратив его в одну большую прекрасную игру. Дальше она говорила, что боится не справиться с этой миссией в одиночку; просила прощения, что все время пишет о себе и продвигает только себя (под «собой» она имела в виду свое искусство, как я понимаю). Она благодарила Джона за его терпение, добавив, что, когда они не видятся, она часто о нем думает. И в завершение Йоко писала, что каждый раз, когда они прощаются, ее охватывает суеверный страх, что ее напористость и эгоизм могут отвратить его и они больше никогда не увидятся.

Из письма было предельно ясно, что они общаются. Вопрос только в том, насколько тесно. Я начала теребить и расспрашивать Джона, он признался, что она постоянно пишет ему, и письма и открытки, но заверил меня, что это просто сумасшедшая художница, которая хочет, чтобы он ее спонсировал: «Еще одна психованная авангардистка, желающая срубить денег за свое дерьмо. Не обращай внимания».

Проверить, лжет Джон или нет, я никак не могла. Звучало это все правдиво, однако интуиция подсказывала мне, что он чего — то недоговаривает. Впрочем, я решила пока отбросить тревожные мысли: мы отправлялись в Индию, и я хотела, чтобы время, проведенное там, стало для нас особенным.

Мы вылетели 16 февраля вместе с Джорджем, Патти, ее сестрой Дженни и нашим другом Алексом по прозвищу Волшебник. В общей сложности мы планировали провести в Индии два с половиной месяца, поэтому моя мама переехала к нам, чтобы присматривать за Джулианом. Я не любила расставаться с ним надолго, но понимала, что ему будет хорошо под опекой мамы и Дот. Мы решили, что лучше ему будет остаться в привычной обстановке, тем более что во время ежедневных многочасовых медитаций нам будет не до ребенка.

Из аэропорта мы еще несколько часов ехали на машине до

учебного центра Махариши. Он был расположен в лесистых предгорьях Гималаев, живописно спускающихся к берегам Ганга. Территория центра утопала в зарослях чудесных цветов и кустарников. Лагерь был рассчитан на прием нескольких десятков учащихся, которые жили в низеньких каменных коттеджах, по пять комнат в каждом. Когда мы приехали, нас пригласили на встречу с Махариши, который выступил с речью перед многочисленной толпой людей разных возрастов, рас и вероисповеданий. Среди собравшихся здесь были актриса Миа Фарроу, Майк Лав из Beach Boys. Позже к нам также присоединился певец Донован со своим другом, коренастым парнем по прозвищу Цыган. У Донована завязался роман с Дженни, и он сочинил в ее честь песню, которая потом стала хитом — Jennifer Juniper.

Нас с Джоном поселили в комнате, обставленной по — спартански: кровать с пологом, трюмо, пара стульев и электрический обогреватель. Неподалеку находился домик самого Махариши, а также бассейн, прачечная, почтовое отделение и лекционный зал под открытым небом, где нам предстояло регулярно собираться для бесед с нашим наставником.

Мне очень нравилось в Индии, вдали от стресса и хлопот нашей обыденной жизни. Здесь не было никаких фанатов, людских толп, нас не поджимали никакие графики и расписания, от нас ничего не требовали и не ослепляли вспышками фотокамер. Вокруг царили мир и спокойствие, с гор веял легкий ветерок, напоенный ароматами цветов. Но главное, теперь мы с Джоном могли почти все время быть вместе. Я надеялась, что мы будем вдвоем медитировать, разговаривать, ходить на прогулки и таким образом постепенно восстановим нашу утерянную близость и взаимопонимание.

Через четыре дня после нас приехали Пол, Джейн, Ринго и Морин, тоже предвкушая спокойный отдых в тихой и мирной обстановке. Ринго, испугавшись, что в местной столовой его будут кормить исключительно острой и перченой едой, решил не рисковать и привез с собой две коробки: в одной банки с консервированной фасолью, в другой — куриные яйца. На самом же деле питание в нашем учебном центре было простым и незатейливым: на завтрак обычно давали кукурузные хлопья, поджаренный хлеб и кофе. Ели мы на открытом воздухе, за длинными столами, где нахальные обезьянки то и дело порывались разделить с нами трапезу.

За первую неделю мы привыкли к новому расписанию: несколько часов медитаци, посещение лекций. Остальная часть

дня была отдана в наше распоряжение. Я взяла с собой бумагу и карандаши и проводила много времени за рисованием. Кроме того, впервые в жизни я начала писать стихи. По утрам было холодно, и, поскольку теплую одежду мы с собой не взяли, то утренние часы просиживали, завернувшись в одеяла. Однако простота быта в ашраме, когда вокруг тебя нет ничего лишнего, все равно очень привлекала и радовала. Все мы могли наконец немного притормозить и выдохнуть.

По вечерам мы часто собирались вместе и иногда нарушали установленный в ашраме «сухой закон», пропуская по стаканчику местного самогона (по запаху подозрительно похожего на бензин), который Алекс тайком покупал в соседней деревушке на другом берегу реки. Мы пускали бутылку по кругу и, хихикая, как непослушные старшеклассники, делали по глотку и корчились с непривычки, по мере того как эта адская жидкость текла по нашим пищеводам.

Время от времени Махариши организовывал нам вылазки в соседний городок, где я с удовольствием обследовала прилавки местных магазинов, продававших традиционные индийские сари и ткани самых немыслимых расцветок. Все женщины купили себе сари и научились их носить.

Ринго и Морин вскоре начали проявлять беспокойство. Они очень скучали по детям. Ринго к тому же устал от запасенных им яиц с консервированной фасолью, а Морин ужасно боялась мух, от которых в Индии никуда не денешься. Через десять дней они объявили всем, что с них хватит и они летят домой. «Махариши, конечно, славный парень, — заключил Ринго, — но не для меня».

Я же тем временам не получила второго медового месяца, на который так надеялась. Джон день ото дня вел себя со мной все более холодно и равнодушно. Он рано вставал и сразу уходил из комнаты. Разговаривал он со мной очень редко, а через пару недель вообще сказал, что собирается переехать в отдельную комнату, так как ему требуется уединение. С тех пор он упорно игнорировал меня, как наедине, так и на людях. Остальные то ли не замечали этого, то ли просто тактично молчали.

Я изо всех сил старалась понять, что происходит, и просила Джона объяснить, что его не устраивает. Он начал вешать мне лапшу на уши: дескать, это все из — за медитации. «Я просто уже не могу чувствовать себя так же, как раньше, — говорил мне он. — Я пытаюсь собраться. К тебе это никакого отношения не имеет. Оставь меня в покое».

Тогда я не знала, что каждое утро Джон первым делом отправлялся на почту, чтобы проверить, нет ли писем от Йоко. Она писала ему почти каждый день. Узнав об этом гораздо позже,

я была глубоко оскорблена: я, выходит, делала все, чтобы ему было комфортно, старалась его понять, во всем с ним соглашалась — и понятия не имела, что Йоко уже везде расставила свои сети и уводит его от меня все дальше.

Через месяц пребывания в лагере Пол и Джейн тоже заявили, что им надоело. Джон, я, Джордж и Патти решили остаться. Несмотря на напряженные отношения с Джоном, мне нравилось окружающее спокойствие, и я все еще надеялась, что он в конце концов расправится со своими демонами и вернется ко мне. Не видя других причин, я по — прежнему объясняла его отчужденность приступом активного самокопания и говорила себе, что это, возможно, пойдет на пользу нам обоим.

Не закрывала ли я глаза на очевидное, ухватившись за свою веру в то, что наши отношения не разрушены окончательно, а всего лишь напряжены? Наверное. Однако мне действительно казалось, что мы переживаем нечто совершенно новое и необычное, отсюда и странное поведение Джона. Меня разочаровало то, что близость, о которой я так тосковала, не вернулась, но я все еще считала нас единым целым, прошедшим через потрясения, но сохранившим свою прочность.

За две недели до нашего предполагаемого отъезда Алекс обвинил Махариши в том, что тот недостойно повел себя с одной молоденькой американской слушательницей, жившей в лагере. Не дав Махариши возможности ответить на обвинения, Джон и Джордж предпочли сразу поверить Алексу и решили, что мы должны уехать немедленно.

Я была расстроена. Несколько раз я видела Алекса с этой девушкой, молодой и, судя по всему, очень впечатлительной. Меня терзало подспудное ощущение, что Алексом, которого я, кстати, ни разу не видела медитирующим, движет исключительно желание сделать гадость. Удивительно только, что Джон с Джорджем безоговорочно ему поверили. Потом, позже, когда мы с Джоном снова обсуждали произошедшее, он сказал мне, что успел к тому моменту порядком разочароваться в Махариши: для человека праведного его слишком сильно волновали слава, знаменитости и деньги.

На рассвете следующего дня Алекс заказал из соседней деревни такси, и мы отправились сначала в Дели, а потом, самолетом, домой. Восьминедельная идиллия закончилась. Было неприятно уезжать на волне неудовлетворенности и недоверия, учитывая, сколько заботы и доброжелательности проявили по отношению к нам Махариши и его ученики. Мне было стыдно, что мы повернулись к нему спиной, не оставив ему права на ответное слово. Джон снова бежал от конфликта, и у меня не было выбора,

кроме как бежать вместе с ним.

Дорога домой вышла долгой и мрачной. Я с трудом сдерживала слезы, а Джон дергался, вообразив, будто Махариши захочет ему как — то отомстить. Наше такси, старый потрепанный седан, по дороге сломалось. Водитель заверил нас, что приведет помощь, и куда — то исчез, оставив нас на обочине. Джон решил, что надо добираться автостопом. К счастью, водитель подобравшей нас машины, ехавший вдвоем с другом, узнал Джона, и они любезно доставили нас в отель в Дели, где нас уже заждались обеспокоенные друзья. Поначалу мы планировали переночевать в Дели, но гостиница была переполнена, и Алекс выяснил, что, если поторопиться, то еще можно успеть на ночной рейс до Лондона. Мне не хотелось улетать впопыхах, но меня никто не спрашивал. Мы стремглав помчались в аэропорт и чудом в последнюю минуту успели — таки на самолет.

Каким бы печальным мне ни казался финал нашего индийского путешествия, было радостно обнять Джулиана, осыпать его поцелуями, сесть на кухне и за чашкой чая обсудить с мамой и Дот последние новости. Джулиану мы привезли полдюжины чудесных индийских костюмчиков и маленьких, тонкой работы деревянных солдатиков, которые передал ему Махариши в подарок на пятый день рождения. Малышу очень шли индийские обновки, и он был несказанно рад видеть маму и папу дома.

В Кенвуде Джон держался со мной все так же отчужденно. Теперь, когда мы остались одни, когда вокруг не было ни друзей, ни индийских красот, меня охватили страх и уныние: супружеская постель, в которую мы с Джоном вернулись, уже не согревала нас теплом и страстью. Джон почти не замечал меня. С сыном он вел себя не лучше и чаще мог шлепнуть его, чем взять на руки и обнять.

Лишь однажды между нами мелькнула былая теплота. Как ни смешно, это случилось, когда он признался, что изменял мне. Мы были на кухне, и он вдруг ни с того ни с сего сказал: «Знаешь, Син, ведь у меня были другие женщины». Я была потрясена, но в то же время и тронута его честностью. «Ну и пусть!» — ответила я.

Он подошел ко мне, грустно стоящей у раковины, и обнял: «Ты единственная, кого я когда — либо любил, Син, — сказал он и нежно поцеловал меня. — Я все еще люблю тебя и всегда буду любить».

Не прошло и месяца, как Джон предложил мне отдохнуть в Греции вместе с Алексом, Дженни, Донованом и Цыганом,

которые как раз собирались туда на две недели. Я сказала, что не хочу ехать без него. За исключением тех случаев, когда я уезжала с мамой и Джулианом на время его гастролей, мы с Джоном всегда проводили отпуск вместе.

«У меня сейчас много работы, и я не могу ехать. А ты должна, это тебя приободрит», — возразил Джон. Я засомневалась было, но он стоял на своем и в конце концов уговорил меня. Джон тогда работал над новым альбомом группы, The Beatles, больше известным как «Белый альбом». Б общей сложности он написал тринадцать песен к этому двойному диску, в том числе Julia, в память о своей матери, и Goodnight, которую он посвятил Джулиану.

Окрыленная надеждой, что, может, за это время Джон по мне соскучится, я отправилась в Грецию. Джулиана я отвезла пожить к Дот, так что его дома не было, а Джон лежал на кровати, когда я уходила. Он пребывал в том состоянии полутранса, которое я не раз уже у него наблюдала, поэтому едва повернул голову, чтобы попрощаться.

Как ни странно, несмотря на все мои тревоги по поводу нашего брака, отпуск получился на редкость удачным. Греческое солнце, море, узо (местная анисовая водка), симпатичные таверны и веселая компания действительно подняли мне настроение. Алексу я перестала доверять после злополучного эпизода с Махариши, однако в Греции несколько смягчилась, поскольку вел он себя безупречно: переводил для нас всех, располагая к нам местное население, и вообще не скупился на дружескую помощь. Через две недели я уже чувствовала себя значительно лучше. Я соскучилась по Джону и в очередной раз убедила себя, что нам еще не поздно начать все сначала. Я была полна планов на будущее, и мысль о разводе все еще не приходила мне в голову — может быть, подсознательно я брала пример со своих родителей, для которых даже понятия такого не существовало. И мы тоже, полагала я, непременно найдем способ остаться вместе и справиться с нашими трудностями.

Единственное, о чем я не подумала, — у Джона, в свете истории его собственной семьи, отношение к браку сильно отличалось от моего. Он почти не видел своих родителей вместе. Когда ему было пять лет, отец бросил его, да и мать, по сути, тоже. Если бы я учитывала ту непреложную истину, что дети, как правило, невольно повторяют путь своих родителей, я, наверное, была бы больше подготовлена к тому, что Джон разведется со мной и оставит своего пятилетнего сына. Но я была молода, неопытна и слишком исполнена оптимизма, чтобы серьезно рассматривать такую возможность.

Мы совершили посадку в Риме, где решили пообедать. Нам было весело оттого, что мы завтракали в Греции, обедаем в Италии и ничто не мешает нам завершить день ужином в Лондоне. Алекс предложил пригласить с нами на ужин Джона и посоветовал мне позвонить ему, чтобы сообщить, в котором часу мы вернемся.

Наш разговор был коротким: «Привет, дорогой. Я скоро буду дома. Не терпится тебя увидеть». — «Отлично. Увидимся», — как ни в чем не бывало ответил Джон.

Донован с Цыганом поехали домой, а Дженни и Алекс заехали со мной в Кенвуд, чтобы захватить Джона и отправиться поужинать. Мы приехали в четыре часа пополудни, и я сразу же поняла, что что — то не так: на крыльце горел свет, шторы были опущены, в доме стояла полная тишина. Не вышла встречать меня Дот, не бросился мне на шею визжащий от радости Джулиан… Что происходит?

Входная дверь была незаперта. Мы втроем стали ходить и искать Джона, Джулиана и Дот. «Куда вы все подевались?» — звала их я, все еще надеясь, что это розыгрыш и что сейчас они выскочат из — за двери, смеясь над моей растерянностью.

Взявшись за ручку двери, ведущей на веранду, я ощутила укол иррационального, ледяного ужаса. Я вошла — задернутые шторы создавали в помещении полумрак, поэтому я не сразу разглядела, что здесь происходит. А разглядев — оцепенела.

На полу посреди комнаты, возле столика, заставленного грязной посудой, друг напротив друга сидели в позе лотоса Джон и Йоко. На них были надеты банные халаты, которые обычно висели в раздевалке рядом с бассейном, — по всей видимости, они только что ходили купаться. Джон посмотрел на меня с отсутствующим выражением лица и бросил: «О, привет». Йоко даже не повернула головы.

Я выдавила из себя первое, что пришло в голову: «А мы тут как раз хотели поужинать в Лондоне — после обеда в Риме и завтрака в Греции. Поедешь с нами?..»

Глупость этого вопроса потом еще долго преследовала меня: твой муж с любовницей, на которой надет твой собственный халат, ведут себя недвусмысленно и вызывающе, давая понять, что ты вторгаешься в их личное пространство, а ты пытаешься делать вид, что все в порядке… Я была в шоке и передвигалась как на автопилоте. Я понятия не имела, как реагировать. Судя по всему, они специально выстроили эту мизансцену. Я смотрела на них, не в силах поверить, что Джон способен на столь жестокое предательство. Их близость была физически ощутима, словно каменная стена отгораживала их от мира — стена, которую мне

не пробить. Даже в худших своих опасениях насчет Йоко я не могла представить себе подобного.

Я стояла в дверном проеме, и мои ноги, казалось, вросли в пол от шока и боли, когда Джон безразличным тоном ответил: «Нет, спасибо».

Я повернулась и вышла.

ГЛАВА 16

Мне хотелось убежать как можно дальше, прочь от этой террасы и того, что там произошло. Я бросилась к лестнице, еще толком не представляя себе, что делать, а в голове вертелась только одна мысль: бежать. Дженни, которая все это время неловко топталась на кухне вместе с Алексом, вышла и спросила: «Я могу с тобой остаться?» Едва сдерживая слезы, я не смогла ответить.

На лестничной площадке я споткнулась о пару японских домашних тапочек, аккуратно оставленных за дверью гостевой спальни. Постель была нетронута. На какую — то секунду меня охватило желание швырнуть эти тапочки в лицо их хозяйке, но я не нашла в себе сил снова лицезреть Джона и Йоко. Я чувствовала себя бесконечно униженной и только хотела побыстрее исчезнуть отсюда.

Побросав какие — то вещи в сумку, я вновь сбежала вниз по ступенькам. В голове мелькнула мысль: прошло всего каких — то двадцать минут с моего приезда, когда я зашла в дом, чтобы встретиться после разлуки с любимым человеком — и вот я уже возвращаюсь в ожидающее у дома такси, чтобы уехать отсюда, оставив Джона с любовницей.

Я все еще была потрясена, а перед глазами то и дело возникал образ этих двух людей, сидящих вместе. Но, несмотря на то что каждый раз меня заново пронзала невыносимая боль, я опять и опять вызывала его в памяти, пытаясь осмыслить предательство. Вдвоем они излучали столь мощную энергию, что я почувствовала себя чужой в собственном доме.

Как мы с Дженни и Алексом доехали тогда до их домика, который они снимали на двоих, я не помню. Дженни сразу же пошла к себе в комнату: «Син, прости, но я должна лечь, иначе не выдержу. Увидимся завтра. Береги себя, ладно?»

Я осталась одна в небольшой гостиной, среди каких — то восточных подушек, валявшихся на полу. Шторы были задернуты, я упала на диван рядом с камином и только раз заставила себя подняться, чтобы позвонить Дот и попросить ее посидеть с Джулианом еще пару дней. Слава богу, у них все было в порядке.

Кажется, на меня нашло тогда временное помрачение рассудка. В моей голове все вертелось, как в каком — то нескончаемом кошмаре, почти как после приема ЛСД. Что я здесь делаю? Почему я убежала? Что, наконец, будет теперь со мной и Джулианом? Привычный мир разваливался на куски. Я думала, сколько времени Джон уже спит с Йоко. Неужели я была такой

дурочкой, что не замечала очевидного? Сколько — неделю, три, месяц или больше? Может, и в отпуск он меня отправил, чтобы избавиться от помех, чтобы я не мешала им? Каждый новый вопрос отзывался в сердце новой болью.

«Син, я думаю, тебе нужно выпить», — Алекс обошел комнату, зажег свечи и принес бутылку красного вина с двумя бокалами. Я была благодарна за возможность хоть чем — то заглушить боль и осушила сразу несколько бокалов. Алекс принес еще бутылку, мы и ее выпили. Я была настолько измучена, что очень быстро захмелела.

Алекс что — то там говорил, я сначала не обращала внимания, пока, наконец, не услышала: «Знаешь, Син, я всегда любил тебя. И это здорово. А сколько у тебя денег? Может, нам с тобой сбежать куда — нибудь вместе и зажить, как люди? Вот они тогда будут знать…»

Не подумав, я ответила, что у меня на счете осталась какая — то тысяча фунтов. А кроме этого — ни богатства, ни состояния, ничего. Я была совершенно потеряна, шокирована. Мое сердце было разбито на части, и я не могла адекватно воспринимать происходящее. Перед глазами у меня все плыло, предметы теряли очертания. «Ведь Алекс — друг Джона, — вяло удивлялась я про себя. — Как он может такое говорить? Наверное, он просто шутит».

Ощутив приступ неодолимой тошноты, я бросилась в ванную. Потом я поняла, что из — за переживаний у меня раньше срока начались месячные. Кое — как выбравшись из ванной на ватных, подкашивающихся ногах, я увидела перед собой спальню, добралась до постели, рухнула в нее как подкошенная, прямо в одежде, лишь натянув на себя покрывало, и отключилась.

Через некоторое время Алекс забрался ко мне в постель и пытался целовать и ласкать меня, шепча на ухо, что мы должны быть вместе и тому подобное. Я оттолкнула его, не испытав ничего, кроме отвращения.

На следующее утро я проснулась с головной болью и пугающим осознанием того, что брак мой, похоже, распался окончательно. Я понятия не имела, как поступают в таких случаях. Поведение Алекса прошедшей ночью, когда он пытался воспользоваться моей беспомощностью, свидетельствовало, что мое пребывание в этом доме не сулит ничего хорошего. Однако идти мне пока было некуда, Дженни мне очень сочувствовала, Алекс, к счастью, держался предельно скромно, так что весь следующий день я просидела на диване, пила чай и думала, что же мне делать дальше.

Еще пару дней спустя я поняла, что пора все же ехать домой.

Я истосковалась по Джулиану: мы с Джоном могли покончить с нашей совместной жизнью, но у нас по — прежнему был сын, который в нас нуждался.

Я собралась с духом и подготовилась к встрече с Джоном. От него не было никаких известий, и я не знала, что у него на уме, но мне было необходимо это понять. Я приняла горячую ванну, привела себя в порядок, приложив все усилия, чтобы скрыть свое состояние от посторонних глаз, собрала вещи и заказала такси.

Заходить в собственный дом оказалось самым трудным: я не имела пи малейшего представления, что меня там ждет. Но, к моему удивлению, внутри все было вполне прилично. Шторы были подняты, комнаты наполнены солнечным светом, все сияло чистотой и порядком. Очевидно, Дот поработала на славу. Я еще не понимала, кто в доме, когда навстречу мне выбежал Джулиан и бросился обниматься. Как же это было здорово, обнять и поцеловать его!

В тот же самый момент из нашей любимой гостиной наверху вышел Джон. «О, привет, — сказал он, как будто бы ничего и не произошло. — Ты где пропадала?»

Я ошеломленно уставилась на него. Ну конечно, он шутит. Но нет, Джон выглядел спокойным, непринужденным и даже как будто рад был видеть меня. Он подошел и чмокнул меня в щеку.

Может, все это было кошмаром? Или Джон действительно способен совершить нечто подобное и потом делать вид, что ничего не произошло? Я хорошо знала его, однако, еще и раньше, он не раз удивлял меня этой своей способностью делить свою жизнь на отсеки и полностью игнорировать те, которые его не устраивают. Однако предлагать мне не обращать внимания на тот факт, что я его застала вместе с Йоко у нас дома — это было уже слишком, все равно что не замечать слона посреди маленькой комнаты.

Я не хотела ничего обсуждать при Джулиане, поэтому какое — то время изо всех сил старалась вести себя так, будто все нормально. Мне было приятно вновь увидеться с Дот, которая поглядывала на меня несколько озабоченно, но ничего не говорила, хотя, конечно же, должна была знать, что здесь творилось. Она суетилась вокруг меня, помогала мне распаковывать и разбирать вещи.

Только к вечеру у нас с Джоном появилась возможность поговорить наедине. Несмотря на нашу общую привычку избегать острых углов, я решила напрямую спросить его о том, что происходит между ним и Йоко. «А, ты о ней? — переспросил он, как будто был удивлен, что я задаю этот вопрос. — Ничего. Это не важно». — «Нам нужно серьезно поговорить, Джон, — сказала

я. — Пожалуйста, не делай вид, что ничего не произошло».

В конце концов мы все же поговорили, причем так честно и обстоятельно, как, наверное, не разговаривали со студенческих времен. Мы вспоминали наши ошибки и просчеты, говорили, что все равно любим друг друга, обсуждали наши совместные планы и мечты. Джон снова сказал мне, что у него были другие женщины, и упорно твердил, что Йоко для него не важнее, чем все остальные: «Я люблю только тебя, Син. И сейчас я люблю тебя еще больше, чем раньше».

В ту ночь мы легли в постель и занялись любовью. Мое измученное сердце немного успокоилось. Конечно, мне нелегко будет все это забыть, но, если с этим действительно покончено, что ж, я постараюсь. Тот Джон, в объятиях которого я лежала сейчас, разительно отличался от Джона, который равнодушно взирал на меня, сидя на полу нашей веранды с Йоко, — просто не верилось, что это один и тот же человек. Был ли он тогда под кайфом? Он ведь снова развязал, с тех пор как разочаровался в Махариши. Только наркотиками и можно было объяснить его поведение.

Вообще — то Джон никогда полностью не отказывался от этой гадости. Когда мы были в Индии, моя мама нашла его заначку с ЛСД и спустила ее в унитаз. Узнав об этом, Джон пришел в бешенство, но так и не смог высказать что — то маме, поскольку в этом случае ему пришлось бы признать, что он наркоман.

Следующие несколько дней все шло хорошо. Джон был в отличном настроении, Джулиан был счастлив, что мы все вместе, и я тоже втайне надеялась, что худшие времена уже позади. Мы с Джоном провели еще несколько откровенных бесед с глазу на глаз, он говорил, что ему необходимо продолжать исследовать новые возможности и ощущения, я отвечала, что, к сожалению, не смогу всегда поддерживать его в новых начинаниях. Я осталась, по сути, такой же, какой была всегда, — домашней девочкой, счастливой в роли жены и матери. С годами я стала более независимой, но в целом не изменилась. А Джон, вне сомнения, очень изменился за последние годы, и его главным стремлением был поиск ответов на новые вопросы, которые жизнь перед ним ставила. Эти разговоры сблизили нас. Мы пришли к выводу, что хотим жить вместе дальше, невзирая на все наши различия: ведь были же мы разными в течение всех этих десяти лет. Так почему бы не прожить так же и еще десять?

Меня снова переполняла решимость сохранить наш брак, но, увы, эта недолгая передышка скоро закончилась. Джону с Полом предстояла командировка в Штаты по делам их фирмы Apple. Я,

недолго думая, сказала, что готова поехать с ними. Мне казалось, что, если уж мы хотим восстановить прежнюю близость, то нам нужно проводить вместе как можно больше времени и поездка в Нью — Йорк пойдет нам только па пользу.

Джон ответил резким и бесповоротным «нет». И даже не хотел смотреть в мою сторону и обсуждать это. У меня снова защемило в груди: он опять от меня отдалялся.

Я не хотела сидеть дома в одиночестве, пока Джон будет в отъезде, и спросила, как он отнесется к тому, что я вместе с мамой и Джулианом поеду отдохнуть в Италию на пару недель. «Да, конечно», — был ответ.

Подготовка к поездке заняла мое свободное время и мысли, и я полностью посвятила себя этому, решив отключиться от наших с Джоном проблем, однако про себя продолжала размышлять: что же с ним происходит? Может, он уже жалеет, что пообещал стараться удержать наш союз, может, он уже не прочь разорвать его? Вероятно, мне следовало не уезжать, а сидеть дома и ждать его возвращения. А может быть, зря я поехала в отпуск с мамой, которая и в лучшие — то времена раздражала Джона, в особенности с тех пор, как выбросила в унитаз его наркотики.

Во всяком случае, на тот момент мне казалось, что уехать — лучший выход. В Италии меня ждали тепло и любовь родных и близких мне людей, в чем я так нуждалась.

К тому времени мама покинула свой дом в Эшере и переехала в квартиру Ринго на Монтегю — сквер, в конце Бейкер — стрит. Мы снимали эту квартиру у Ринго специально для нее. Ей наскучило жить в Эшере, пусть и недалеко от нас, и она захотела переехать в Лондон, где для нее еще было много интересного и неизведанного.

Мама приехала сначала ко мне в Кенвуд, вместе со своей сестрой и се мужем — они тоже ехали с нами. Я всегда хорошо ладила с тетей Дейзи, маминой сестрой. Вполне возможно, что я неспроста окружала себя близкими родственниками, подсознательно ожидая грядущих событий.

В Италии мы остановились в том же отеле в Пезаро, где жили пару лет назад. Семья Бассанини встретила нас так же гостеприимно, как и в прошлый раз, и, к счастью, пресса ничего не знала о нашем приезде. Несмотря на свои тревоги, я постаралась сделать так, чтобы отдых для всех был приятным. Мы проводили время на пляже с Джулианом, обследовали с мамой маленький городок, и я решила для себя оставить все трудности дома и разобраться с ними, когда вернусь.

Одна из официанток, работавших в отеле, была наша землячка, из Ланкашира, молодая и очень веселая. Мы

подружились, и как — то вечером она предложила сходить куда — нибудь развлечься. Я поначалу сомневалась, идти или нет, так как немного простудилась и у меня начинало болеть горло. И уж конечно, мне не хотелось, чтобы мы выглядели как две одинокие девицы, вышедшие на поиски мужчин. Тогда она предложила взять с собой Роберто, хозяйского сына. Он с радостью согласился сопровождать нас, и я отбросила колебания. До сих пор я вела в отеле исключительно семейный образ жизни и пришла к выводу, что немного развеяться мне не повредит.

Наш кавалер вел себя очень галантно, очень тактично и трогательно нас оберегал. Роберто, открытый и общительный, похоже, был знаком с каждым, кто встречался нам на пути, пока мы перемещались из одного бара в другой. Мы прекрасно провели время, и на несколько часов я напрочь забыла обо всех своих горестях.

Когда наша машина, где — то в районе двух часов ночи, подрулила к гостинице, Роберто открыл дверцу, и, выйдя, я наткнулась на знакомую фигуру. Алекс — волшебник нервно расхаживал туда — сюда у входа в отель. Что, черт побери, ему здесь нужно? Он посмотрел на нас с Роберто, и сердце мое беспокойно забилось: поздняя ночь, и тут — я с красивым молодым итальянцем. Не хватало только, чтобы Алексу показалось, что у меня завязался курортный роман…

В холле нас поджидала мама. Вид у нее был очень расстроенный. Я спросила Алекса, что случилось, и он сказал, что приехал по поручению Джона. «Он хочет с тобой развестись, забрать Джулиана к себе, а тебя отправить назад в Хойлейк».

У меня подкосились колени. Кровь отхлынула от лица, все силы в момент улетучились. В голове вертелась лишь одна мысль: какая низость со стороны Джона — послать ко мне своего лизоблюда, не найдя в себе мужества встретиться со мной лицом к лицу. Это уже не просто трусливое поведение, это подло и жестоко.

В одном я была уверена: что бы ни произошло, своего любимого сына я Джону ни за что не отдам. Я побежала наверх, к себе в номер, и наклонилась к кроватке Джулиана, чтобы поцеловать его в щечку: «Никому и никогда я тебя не отдам, — прошептала я. — Никогда». Забралась под одеяло, страстно желая заснуть и забыться, но сон, как назло, не приходил. Я лежала, не в силах даже как следует расплакаться, и тупо смотрела на занимающийся рассвет. Боль была неописуемой, но вместе с ней меня почему — то посетило странное чувство облегчения. Теперь, после стольких месяцев беспокойств, начинаний с нуля и разрушенных надежд, моя семейная история закончилась. И я

провалилась в сон.

Проснулась я в лихорадке, с температурой и больным горлом, настолько, что мне было трудно говорить. Нужно было возвращаться в Англию, однако я была не в состоянии. Мама сказала, что полетит одна и попробует разобраться, что же там все — таки происходит. Тетя с дядей остались в отеле со мной и Джулианом.

Следующие несколько дней я провела в постели. Синьора Бассанини всячески ухаживала за мной, принося горячее питье и меняя мне холодные компрессы на лбу. Когда однажды она принесла утренние газеты, я увидела фотографию Джона и Йоко, державшихся за руки, во время их первого совместного выхода в свет. Это была премьера спектакля по книге Джона In His Own Write, который поставил в театре наш друг, актер Виктор Спинетти. Газеты называли Йоко новой любовью Джона. Ее настойчивость, как видно, увенчалась успехом, и еще каким! После бесчисленных писем и дежурств у ворот нашего дома Йоко наконец заполучила своего мужчину. Моего мужчину.

Йоко, оказывается, тоже была замужем. Тогда я впервые узнала имя Энтони Кокса, отца их дочери Киоко, на четыре месяца моложе Джулиана. И как, интересно, они с Джоном себя ощущали в то время? Задумывались ли хоть раз о двух семьях, разбитых их стараниями? Неужто они не отдавали себе отчет в том, сколь высока цена их личного счастья?

Фотографии Джона и Йоко разошлись по всему миру, так что все уже знали, что мне нашли замену. Тяжело оказаться в положении брошенной жены. Но вдвойне тяжело, больно и унизительно, когда это происходит у всех на глазах.

Как только я немного поправилась и обрела способность передвигаться, мы тут же отправились домой. Прилетев, мы с Джулианом взяли такси и поехали к маме в ее лондонскую квартиру. Мама крепко обняла и расцеловала нас. Б комнате на столе я увидела большой букет цветов и спросила, от кого они. Мама молча протянула мне карточку, на которой было написано: «Лил, я все равно буду первым. Джон». Цветы уже дожидались маму, когда она приехала домой. Так Джон давал нам понять, что обо всех наших намерениях и телодвижениях он знает заранее и будет всегда на шаг впереди нас. Я похолодела: похоже, он все это время следил за нами.

Я попыталась связаться с ним по телефону, но мне никто не ответил. Что же мне делать дальше? Спустя несколько часов после приезда курьер принес мне записку. Б ней сообщалось, что Джон подает на развод в связи с тем, что я ему изменяла с Роберто Бассанини. Судя по всему, Алекс доложил ему о нашей

совместной прогулке.

Это было смешно. Роберто поддержал меня, проявил дружеское участие, но никогда в жизни я не изменяла мужу. Джон просто пытался снять с себя часть ответственности за собственные поступки.

Ну и что теперь? Наверное, следом меня ждут обвинения в том, что у меня роман с Алексом? Кстати, что стояло за его неуклюжей попыткой соблазнить меня? Ведь Алекса я никогда не интересовала как женщина, а вот чтобы оставаться в фаворе у Джона, он был готов на многое. Меня бросило в холод: если Алекс станет утверждать, что я с ним спала, никаких доказательств обратного у меня не будет — только его слово против моего.

Что же такое произошло с Джоном? Все эти годы я так страстно любила его, а теперь потеряла к нему всякое уважение. Мне всегда казалось, что Джон, по своей сути, человек порядочный. Но его обвинения в измене и угрозы забрать Джулиана не оставляют в нем ни единой капли этой самой порядочности. Он прекрасно знает, что я была всегда верна ему, что отобрать у меня Джулиана значит окончательно, вдребезги разбить мое сердце. Кто же ему советует закончить нашу семейную жизнь именно так?

Мама позвонила моему брату Чарльзу — он специально прилетел из Ливии, где на тот момент работал, — и попросила его найти мне адвоката, поскольку стало предельно ясно, что мне без него не обойтись.

Я также позвонила в офис «Битлз» Питеру Брауну. Он всегда был славным парнем и нашим добрым другом. В его голосе слышалось смущение и сочувствие: «Мне очень жаль, Син. Этого не должно было произойти». Питер обещал устроить мне встречу с Джоном. Я уже не надеялась сохранить семью, но чувствовала, что мы с Джоном можем просто сесть вместе и поговорить, чтобы найти возможность разойтись мирно и по — дружески. Некоторое время спустя Питер перезвонил и сказал: «Син, прости, Джон не хочет встречаться. Но я еще попытаюсь убедить его». Еще через несколько дней он снова позвонил и передал, что Джон предлагает нам с мамой и Джулианом переехать в Кенвуд, а они с Йоко будут пока жить в лондонской квартире.

У нас с Джулианом не было ничего, кроме вещей, которые мы брали с собой в отпуск. Теперь мы хотя бы могли поехать домой. Конечно, так мама оставалась без своей квартиры в Лондоне, но она могла жить вместе с нами. Я помогла ей собраться. Энтони, который теперь возил Джона с Йоко, приехал за нами и отвез в Уэйбридж. Он был дипломатичен и не обронил ни единого

плохого слова о Джоне, но всем своим видом дал понять, что очень рад нас видеть. Было здорово вновь вернуться домой, к своим родным стенам и вещам. Дот встретила нас с распростертыми объятиями. В отличие от Энтони, она откровенно высказала свое мнение. «Какой позор! — воскликнула она. — Проводить время с этой женщиной в вашем доме! Не представляю, как он мог себе это позволить». Мне было приятно, что есть еще кто — то, кто поддерживает меня. Дот рассказала мне также, что Джон подарил Алексу новенький белый «мерседес». Я не могла избавиться от подозрения, что таким образом Джон отблагодарил его за оказанные услуги.

Атмосфера в доме стала совсем другой. Джон ушел, и, хотя взял он с собой лишь самое необходимое, дом опустел. Мы с Джулианом скучали по нему. Сын все время спрашивал, а где папа, когда он вернется, а я не знала, что ему ответить. Я пыталась осторожно объяснить, что теперь мама и папа больше не будут жить вместе, но Джулиан не понимал. «А почему не будут?» — спрашивал ребенок, и у меня в ту же секунду все аргументы куда — то испарялись. Все, что я могла предложить в качестве объяснения, это «мы с папой часто ссорились» или что — нибудь в этом роде. Разве могла я ему сказать, что его отец предпочел мне другую женщину? «Вы скоро увидитесь», — успокаивала я сына, в глубине души надеясь, что именно так и произойдет.

Я продолжала периодически звонить Питеру Брауну, упрашивая его устроить нам с Джоном встречу. Но ответ его всегда был одним и тем же: «Син, дорогая, мне очень — очень жаль. Я все им передал. Знаю, тебе позарез надо, но они молчат. Я буду пытаться снова и снова. Выше нос!»

В конце концов Питер позвонил и сказал мне, что Джон согласен на встречу. Он приедет в Кенвуд в ближайший вторник, к половине четвертого.

Мы с мамой, Дот и Джулианом сидели на кухне в ожидании его приезда. Все мы были напряжены и изо всех сил старались выглядеть естественно и непринужденно. Но разговор не клеился, и мы нервно, одну за другой, поглощали чашки чая. Несмотря на то, как Джон со мной поступил, я все еще любила его. Если уж нам суждено расстаться, я хотела, чтобы мы остались друзьями.

Услышав звонок в дверь, мы, как по команде, вскочили со своих мест. Я посмотрела в окно. Джон и Йоко стояли за воротами, рука об руку, оба с головы до пят одетые в черное. Я почувствовала, что начинаю паниковать: боже, он взял ее с собой!

Дот провела их на второй этаж, дав мне время перестроиться под новые обстоятельства. Я не могла даже предположить, что Йоко будет с ним.

Мама никак не могла успокоиться: «Как у нее только духу хватило приехать сюда? Что происходит с Джоном? Я пойду с тобой, дорогая. Не может и речи быть о том, чтобы ты встречала их одна». Она была готова уничтожить их обоих, и Дот пришлось силой удерживать ее, пока мама не расплакалась.

Успокоить ее было трудно, но я старалась, как могла: «Все будет хорошо, мама, обещаю тебе. Я у тебя уже давно взрослая девочка». Рядом со мной нетерпеливо подпрыгивал Джулиан, жаждущий наконец увидеть папу. Я взяла его за руку и отправилась к ним.

Когда мы вошли в комнату, где их оставила Дот, я с трудом узнала Джона. Прошло всего несколько недель с тех пор, как мы виделись в последний раз, но выглядел он очень сильно похудевшим, почти истощенным. Лицо его было смертельно серьезно, ни тени улыбки — даже когда Джулиан радостно подбежал к нему. Это был совсем другой Джон, не тот, которого я знала долгие годы. Как будто надел маску другого человека. Он сидел на скамеечке для ног подле кресла, где устроилась Йоко, укрытая своими длинными волосами, на лице — ни единой эмоции, руки сомкнуты. Боже, подумала я, почему он не выбрал кого — нибудь попроще, с кем я могла бы хоть как — то найти общий язык? Какой такой властью она подчинила его себе? При одной мысли, что эта женщина будет воспитывать моего сына, меня охватил ужас. Неужели ей ни капли не совестно, не стыдно? Похоже, что нет.

Джон заговорил первым. «Зачем ты хотела меня видеть? — холодно поинтересовался он. В его голосе звучал вызов, он был готов к сражению, и врагом, судя по всему, была я.

Я села на софу. Мне казалось, что присутствие Джулиана смягчит атмосферу, но я ошибалась. Обняв сына при встрече, Джон больше не обращал на него внимания, и в комнате воцарилась неловкая тишина. Я отправила Джулиана на кухню к Дот и, набрав в легкие воздуха, произнесла: «Послушай, Джон, может, нам подыскать более достойный способ со всем разобраться? Я никогда не изменяла тебе, и ты прекрасно это знаешь».

Джон явно избегал смотреть мне в глаза: «Не пори чепухи, Син. Тоже мне невинный цветочек». Я попыталась снова: «Джон, я была в отпуске в Италии, вместе со своей семьей. Неужели ты думаешь, что я могла так поступить с ними и с тобой?»

В эту секунду Йоко ненадолго вышла из комнаты. Дот позже сказала мне, что она пошла на кухню попросить мою маму налить ей стакан воды, на что мама, не стесняясь в выражениях, высказала ей все, что у нее накипело: «Убирайся прочь из этого

дома. И прочь из нашей жизни. У тебя есть хоть немного совести? Посмотри на этого мальчика. Неужели тебе не все равно, что ты делаешь? Ты всем здесь разбила сердце».

Тем временем Джон выдал новый залп: «А как насчет того ковбоя — янки?» — «Какого янки?» — «В Индии».

Я не верила своим ушам. «Ковбоем» был американский актер Том Симкокс, с которым мы познакомились в учебном центре Махариши. Мы общались, но предполагать, что между нами было что — то еще, — верх нелепости. Кого еще Джон готов включить в список моих любовников — нашего пожилого садовника?

Том никогда не давал повода усомниться в наших с ним исключительно дружеских отношениях, лишь однажды галантно поинтересовался, нет ли у меня сестры — близнеца. Мы болтали об искусстве и поэзии — почти всегда за столом, в присутствии всех остальных. Вряд ли это можно считать преступлением, особенно если учесть, что Джон меня все это время практически не замечал. Неужели застарелая ревность еще дает о себе знать? Или ему позарез нужен альтернативный сценарий со мной в роли главной злодейки?

Оказывается, это было еще не все: «А знаешь ли ты, что, уезжая из Ришикеша, этот твой ковбой передал Джорджу письмо для тебя, но тот как верный друг отдал его мне?» Я была несколько удивлена, и мне даже стало любопытно: «Ну и что, интересно, было в этом таинственном письме, Джон?» Он ушел от ответа. Казалось, ему неприятно, что я нисколько не выгляжу виноватой.

Йоко вернулась. Холодно, рублеными фразами Джон подвел черту под нашим диалогом: продолжать его нет никакого смысла. В отчаянии я сделала последнюю попытку: «Джон, пожалуйста, давай все спокойно обсудим». — «Мы можем сделать это через наших адвокатов. — Потом, обращаясь уже к Йоко: — Все, пошли». На ходу бросив Джулиану «пока», он быстро вышел из дома. Йоко, как привязанная, последовала за ним.

Я ушла обратно в комнату, рухнула на софу и разрыдалась. Предельно ясно, что мирно расстаться у нас не получится, как бы я ни старалась. Где — то внутри я понимала, что Джон, возможно, так бесстрастно держался со мной и Джулианом просто потому, что не видел иного способа расстаться с нами. Но думал ли он о том, как больно делает нам? И было ли больно ему самому? Я даже не могла оправдать его поведение действием наркотика: под кайфом он был бы мягче и спокойнее. Эта его ледяная холодность и твердость, думаю, дались ему очень нелегко.

Всю ночь я пролежала, так и не заснув. Я должна была пережить этот кошмар ради Джулиана. Сломаться я просто не

имела права: мне нужно было выстоять, остаться сильной и делать все, чтобы только не навредить мальчику. Конечно, я должна бороться за свои права, но в то же время чем более чистым и безболезненным будет наш развод, тем лучше. К рассвету я приняла решение подать встречный иск в связи с тем, что Джон изменил мне с Йоко.

Следующий месяц или около того я жила, как отшельник, в Кенвуде, сосредоточив все свое внимание на сыне. Я встречалась с адвокатами, возвращаясь от них опустошенной и грустной, и в остальное время почти не выходила из дома. Одежда Джона по — прежнему висела в гардеробе, я спала одна в нашей постели и безумно страдала от этого. Ночами я часто просыпалась от собственных криков и потом долго лежала без сна, думая о том, что же между нами было не так. С Джулианом мне приходилось делать над собой усилие, чтобы выглядеть веселой, но иногда он все — таки заставал меня в слезах. Тогда он обнимал меня и успокаивал: «Не плачь, мамочка, пожалуйста, не плачь». Мне совсем не хотелось есть, и я сильно похудела. Мама и Дот все время были рядом и приглядывали за мной, за что я им была очень благодарна. С ними я чувствовала себя не столь одинокой, но кроме них я ни с кем не общалась: Джон отрезал меня не только от себя, но и от всей битловской семьи.

Только Пол приехал повидать меня. В один прекрасный солнечный день он объявился с одинокой красной розой в руке и сказал: «Мне очень жаль, Син. Не знаю, что на него нашло. Все это неправильно». По дороге к нам Пол написал песню для Джулиана. Она начиналась словами Hey Jules («Привет, Джулс»), и только позже стала называться Hey Jude — так лучше звучало. Забавно, но, когда Джон впервые услышал ее, он подумал, что это про него. Выпущенный вскоре сингл стал одним из самых успешных в карьере «Битлз», он лидировал две недели в британском и девять недель в американском хитпараде.

Пол немного посидел со мной. Он рассказал, что Джон все время приводит с собой в студию Йоко и что ему, Джорджу и Ринго это очень не нравится. Через две недели после того, как от меня ушел Джон, Пол расстался с Джейн Эшер. Новость меня огорчила, потому что я искренне любила Джейн. Сценарий их расставания был похож на наш: Джейн вернулась со своих театральных гастролей на пару дней раньше и застала дома Пола с другой женщиной. Разумеется, она немедленно его бросила. Но дальше их история развивалась уже по другому пути: Пол во всем винил себя и был в отчаянии.

Пол тогда в шутку предложил мне выйти за него замуж: «Как ты на это смотришь, Син?» Я была очень благодарна ему за

внимание и поддержку. Он единственный из семьи «Битлз» нашел в себе мужество противостоять Джону, который, судя по всему, ожидал, что все последуют его примеру и отвернутся от меня. Но Пол был человеком самостоятельным и не боялся Джона. Вообще, они уже начинали двигаться в разных направлениях — как музыканты и как люди. Не исключено, что приезд Пола ко мне был также и своего рода вызовом Джону.

Уезжая, Пол обещал не пропадать, однако через пару месяцев он познакомился с Линдой Истман, фотографом из Штатов, и в жизни его начался новый период. В следующий раз мы встретились лишь много лет спустя.

Кроме Пола я больше ни с кем не разговаривала. Ринго, Морин, Джордж, Патти и все друзья «Битлз» держались от меня подальше. Они не желали навлекать на себя гнев Джона и, наверное, просто не знали, что мне сказать, пребывая в состоянии шока и смятения после всего произошедшего. Со временем их браки тоже расстроятся, но наш развод был первым и, поэтому, наверное, самым шокирующим для всех.

Я могла бы позвонить им сама, но мне не хватало духу. У меня оставалась пара самых верных друзей, прежде всего Фил, с которой я никогда не прерывала отношений, — и все. Я чувствовала себя оскорбленной, раненой и выброшенной из жизни. Меня пугали осторожные, предупредительные разговоры, проявления жалости, неловкие паузы. Я не давала никаких интервью журналистам, и в конце концов они от меня отстали. Всех моих сил и энергии хватало лишь на то, чтобы передвигать ноги и пробираться таким образом по жизни, изо дня в день.

Иногда я представлялась себе конечностью, охваченной гангреной, которую Джон ампутировал, отделил от тела, от всего знакомого, родного и привычного. С нарастающим страхом я беспомощно ждала, что он предпримет дальше.

Мы медленно, но верно двигались к разводу, однако три основных вопроса все еще оставались открытыми: кто с кем разводится, денежный вопрос и самое главное — Джулиан.

В октябре лондонская квартира Джона и Йоко была подвергнута обыску, и полиция обнаружила там некоторое количество марихуаны. Их обвинили в хранении наркотиков и в сопротивлении служителям порядка. Позже второй пункт обвинения был спят, но по первому их признали виновными.

Неделю спустя они объявили, что Йоко беременна и ребенок должен появиться на свет в феврале. Это известие окончательно добило меня, хотя злую иронию я оценить сумела: выходит, Йоко забеременела в мае, ровно тогда, когда Джон твердо намеревался обвинить меня в супружеской измене. Несмотря ни на что, когда

в конце ноября стало известно, что у Йоко случился выкидыш на шестом месяце, мне было их искренне жаль. Так или иначе, свою измену Джон уже отрицать не мог. Скоро я с облегчением узнала, что он отозвал обвинения в мой адрес. Все это время меня преследовал страх, как бы Алекс не заявил, что у нас с ним якобы была любовная связь, чтобы дать Джону козыри против меня. Слава богу, теперь хотя бы на этот счет можно было успокоиться.

Я встречалась с Джоном и Йоко еще один раз, в адвокатской конторе, куда нас вызвали для подписания документов о разводе. Джон почти не смотрел в мою сторону, и мы лишь перекинулись парой слов. Когда он вышел из комнаты и отправился в туалет, Йоко последовала за ним. Через несколько минут, удалившись в коридор со своим адвокатом, чтобы обсудить кое — какие вопросы без свидетелей, я увидела, что Йоко стоит около входа в мужской туалет. Тут Джон как раз вышел и, когда они проходили мимо, бросил в мою сторону: «Видишь, я никуда не хожу без Йоко».

Джон согласился с тем, что опекуном Джулиана буду я. Думаю, адвокаты объяснили ему, что ему это право вряд ли предоставят. Он попросил официального разрешения регулярно навещать ребенка, и я не возражала. После той нелицеприятной беседы в нашем доме несколько месяцев назад Джон так ни разу и не виделся с Джулианом. Поэтому я не имела представления, когда он захочет встретиться с сыном и захочет ли вообще.

Самым сложным вопросом оказались деньги. Мои адвокаты строго — настрого предупредили меня, что я не должна контактировать с Джоном на этот счет, поскольку такого рода действия могут быть квалифицированы как сговор. Меня свели с высокопрофессиональным юристом, королевским адвокатом, который сказал, что у меня есть все шансы вывести Джона на чистую воду и претендовать на половину его состояния. Я же была не готова холодно и расчетливо участвовать в длительном судебном процессе. Мне хотелось поговорить с Джоном, рассказать ему, как Джулиан по нему скучает, решить все по — человечески. И я позвонила ему.

«Чего тебе надо?» — резко спросил он. «Джон, я не могу постоянно жить в этой вражде. Ведь мы же любили друг друга. Мне все говорят, что я могу получить половину твоих денег. Но, по мне, нам лучше все обсудить и договориться самим, без этих юристов и их птичьего языка». — «Нам не о чем с тобой говорить. Мое последнее предложение — семьдесят пять тысяч. Считай, что выиграла в лотерею, и прекрати ныть. Большего ты все равно не стоишь». На этой недвусмысленной фразе Джон повесил трубку.

Я сказала своему адвокату, что не собираюсь претендовать на

половину состояния Джона; меня вполне устроит справедливый и разумный компромисс. Мне совсем не хотелось, чтобы все это превратилось в долгоиграющую битву, в ходе которой, что еще хуже, посторонние будут подробно и тщательно изучать всю нашу с Джоном совместную жизнь. Меня попросили прикинуть в среднем мои еженедельные расходы. На все про все, включая затраты на одежду, еду, развлечения и отпуск с Джулианом, вышло семьдесят шесть фунтов в неделю, или около четырех тысяч в год. Мое личное состояние включало тысячу фунтов на банковском счете, предметы одежды и автомобиль «мерседес». Драгоценностей у меня почти не было, за исключением нескольких милых сердцу вещиц, не имеющих особой материальной ценности.

Банковские активы Джона были оценены в 750 тысяч фунтов, хотя, вне сомнения, денег у него было гораздо больше. Он увеличил свое предложение до юо тысяч фунтов, которые были разбиты на 25 тысяч за дом и 75 тысяч — на повседневные расходы мне и Джулиану, до тех пор, пока он не достигнет двадцати одного года. Учитывая инфляцию, этого не хватало даже на то, чтобы покрыть те скромные ежегодные расходы, которые я ранее указала.

Еще 100 тысяч фунтов были положены на имя Джулиана в трастовый фонд. Я имела право получать проценты с этой суммы на оплату учебы, однако снимать деньги со счета могла только с согласия Джона и Йоко, двух других доверительных собственников. Было также решено, что, если у Джона появятся еще дети, вклад будет поделен между ними и Джулианом в равных долях.

Глядя на других женщин, которые проходили через процедуру развода, я понимала, что мне еще повезло. Но все — таки было как — то не по себе от того, что тебя вот так просто взяли и отправили в отставку. Джон в моих глазах внезапно превратился в настоящего скрягу, каким я его никогда не знала, и это меня очень огорчало: обычно он проявлял щедрость по отношению к окружающим его людям. Ко всем, кроме своей жены и сына?

Чем бы ни мотивировалось его поведение, у меня не осталось сил бороться. Джон уже не был тем добрым, страстным и остроумным молодым человеком, в которого я когда — то влюбилась. Изнуренная долгими, унизительными переговорами через адвокатов, глубоко задетая его замечанием касательно выигрыша в лотерею, я приняла его предложение.

Последнее заседание суда было назначено на 8 ноября 1968 года. Я отправилась в суд одна, меня отвез наш верный шофер

Энтони, который теперь уже работал только на Джона, но все еще оставался мне добрым другом. В сопровождении своего адвоката я шла в зал, как на эшафот. Здание было запружено репортерами. В их присутствии мне пришлось поклясться под присягой, что наш брак разрушен бесповоротно, что мой муж публично признал свою супружескую измену и что Йоко от него беременна.

Эта ужасная, унизительная и болезненная процедура окончательно убедила меня, что теперь я одна. Я вернулась домой разбитая и больная, без сил упала в постель и попыталась хоть как — то представить себе свое будущее. Было невыносимо тяжело свыкнуться с мыслью, что после десяти лет совместной жизни меня отрезали от Джона одной короткой фразой, произнесенной в зале суда. Я должна была ненавидеть Джона за все, что мне по его милости пришлось тогда пережить. Конечно, я злилась на пего, испытывала горькую обиду, но возненавидеть — не смогла. Несмотря ни на что, я все еще любила его.

ГЛАВА 17

Я все еще была занята своими бракоразводными делами, когда мне позвонил Роберто Бассанини. Он находился в Лондоне, услышал о том, что мы с Джоном расстались, и попросил разрешения заехать проведать меня. Он и его семья были с нами очень любезны в Италии, и я пригласила Роберто в тот же вечер к нам домой. Джулиан был очень рад ему, сразу же бросился обниматься и потащил его играть в сад. Роберто и сам был как большой ребенок; они носились друг за Другом, Джулиан визжал и хохотал, а я тем временем приготовила ужин. Поев и уложив Джулиана спать, мы потом долго разговаривали. Роберто был в ужасе от того, как Джон со мной обошелся, и сказал, что ни один мужчина в своем уме меня бы не бросил. Мне доставляло удовольствие принимать ухаживания и вновь чувствовать себя привлекательной женщиной. Роберто умел слушать, выражал сочувствие, и у него даже получалось рассмешить меня, что было прекрасно и удивительно после долгих месяцев беспросветной тоски.

С тех пор он повадился навещать нас регулярно, и очень скоро мы стали любовниками. Роберто подходил мне идеально — ласковый, веселый и жизнерадостный, он заботился о нас с Джулианом, все время напоминал мне, что я любима и желанна. После заточения в эмоциональной черной дыре лучшего спутника трудно было вообразить.

Согласно решению суда, я обязывалась покинуть Кенвуд. Конечно, для нас с мамой и Джулианом дом был слишком велик, но мне очень не хотелось отрывать ребенка от привычной для него обстановки и от друзей по детскому саду. Еще труднее далось вынужденное расставание с моей дорогой Дот и ее семьей. Она была нам верной и надежной помощницей все четыре с лишним года, пока мы жили вместе. Уезжая, мы пролили немало слез и, целуясь и обнимаясь на прощание, обещали не терять связь друг с другом.

Я купила дом на Пемброук — гарденс, недалеко от Кенсингтон — Хай — стрит, в западном районе Лондона, и устроила Джулиана в маленькую частную школу по соседству. Сыну там не нравилось: новых друзей он так и не завел и ходил туда по утрам с большой неохотой. Примерно месяц спустя я перевела его в обычную государственную школу, тоже рядом с домом, которая пришлась ему по душе.

Вскоре после новоселья Роберто переехал к нам. Я была не совсем уверена, что готова жить с другим человеком, — разрыв с

Джоном пока не остался для меня позади, я все еще была обижена, напугана и продолжала злиться на него. Быть может, мне стоило для начала побыть одной, а не причаливать к чьему — то берегу, чтобы поскорее залечить раны. Но Роберто подкупил меня своей добротой и чувством юмора. С ним однообразные, черно — белые будни, полные уныния и одиночества, на глазах окрашивались во все цвета радуги. Если относительно себя самой я еще колебалась, то относительно Джулиана сомнений быть не могло: Роберто искренне любил его, и это составляло главное его достоинство в моих глазах.

Так мы начали совместную жизнь втроем: мама к тому времени вернулась к себе в Хойлейк. Теперь, когда помогать по дому было некому, я пригласила девушку по программе Au pair[28], симпатичную испанку по имени Марикилья. Она легко вписалась в наш быт, очень подружилась с Джулианом и заботилась о нем, как старшая сестра. Девушка прожила у нас четыре года. Потом она уехала на Майорку учиться на авиадиспетчера.

После развода я не виделась и не разговаривала с Джоном в течение нескольких месяцев. Они с Йоко были заняты рядом совершенно бредовых — по крайней мере, на мой взгляд — проектов. Сначала, через три недели после того, как мы окончательно расстались, они выпустили пластинку под названием Two Virgins[29]. Шумиха вокруг этого альбома разразилась исключительно в связи с его обложкой, где оба были сфотографированы голыми. Что же касается музыки, то она оказалась полностью провальной — как с точки зрения критики, так и в коммерческом отношении.

Другой художественной акцией в стиле андеграунд, организованной ими под Рождество, было появление в Королевском Альберт — холле в огромном белом мешке, из которого доносилось их пение. Наверное, это было весело. После этого состоялось еще несколько похожих хеппенингов, включая пресс — конференцию в мешке: смешно, забавно, привлекательно, но я никогда не понимала, почему они так убийственно серьезно к этому относятся. Ни улыбки, ни намека на юмор: что же случилось с озорным характером Джона?

В феврале Йоко развелась со своим мужем, и в марте 1969 года они отправились из Парижа на Гибралтар, где провели всего 70 минут, в течение которых успели зарегистрировать брак, и снова вернулись во Францию. Меня поразило, что они поженились так скоро; особенно неприятно было узнавать обо всем этом из газет. Впрочем, вероятно, после шума, поднятого прессой вокруг нашего с Джоном развода и их романа, они

спешили публично заявить об официальном статусе своих отношений.

Через несколько дней они прибыли в Амстердам, где неделю безвылазно провели в номере отеля «Хилтон». Это была их знаменитая «постельная акция» за мир, которая снималась на пленку и во время которой они дали больше сотни интервью. Джулиан очень удивился: «А почему папу показывают в постели по телевизору?» Сквозь зубы я ответила что — то типа: «Он хочет всем объяснить, как важно жить в мире». Не потрудившись сохранить мир в своей семье, нынче Джон старается добиться — ни больше ни меньше — мира во всем мире, а расплачивается за это маленький мальчик, задающий наивные вопросы.

Те несколько кадров по телевизору, в которых Джон неожиданно предстал перед Джулианом, были первым за восемь месяцев явлением отца сыну с той тяжелой, безрадостной встречи в Кенвуде. Довольно скоро, однако, ситуация начала меняться. В мае за 150 тысяч фунтов Джон и Йоко купили Титтенхерст — парк, двадцатишестикомнатный дом и прилегающее к нему поместье в округе Эскот, графство Беркшир. Мы смотрели этот дом вместе с другими битлами и их женами пару лет назад. Помню, там было очень красиво: огромная территория, собственный сад с фруктовыми деревьями. Нам даже пришла в голову сумасшедшая мысль купить его вскладчину и поселиться там эдакой битловской коммуной. Странно было осознавать, что теперь это дом Джона и Йоко. Вскоре после их переезда мне позвонил Питер Браун и сказал, что Джон хочет повидаться с Джулианом: «Если тебя все устраивает, Син, то Энтони приедет в пятницу, чтобы забрать его на уикенд в Титтенхерст».

Меня не все устраивало, но я согласилась. Джон имел право встречаться с Джулианом, кроме того, я понимала, насколько это важно, чтобы они общались. Узнав, что ему предстоит увидеться с отцом, Джулиан необычайно воодушевился, но был также немного напуган. Недавно ему исполнилось шесть лет, и время, прожитое без Джона, наверняка казалось ему значительным сроком.

В пятницу приехал Энтони. Он зашел на чашку чая, и я поняла, насколько рада его видеть. Так же, как Дот, он был для нас настоящим другом. Он сказал, что, может, и хорошо, что Джулиан не приезжал к ним, пока Джон и Йоко жили в лондонской квартире на Монтегю — сквер: «Там творился полный бардак, весь пол был в мусоре. Они сидели на героине, на каких — то еще наркотиках и слабо себе представляли, день на улице или ночь. Малышу там делать было нечего».

Наверное, поэтому Джон так долго не интересовался

Джулианом. Это меня сильно встревожило. О том, что Джон перешел на героин, я не знала. «Как они сейчас?» — спросила я Энтони. «Сейчас, на новом месте, у них все нормально, — заверил меня Энтони. — Они привели себя в порядок. Джулиану там понравится».

Так до конца и не успокоившись, я проводила их до машины. Джулиан казался таким маленьким и хрупким рядом с Энтони, на пассажирском сиденье огромного автомобиля Джона, на детском личике застыло выражение неуверенности. Я бодро пожелала сыну хороших выходных с папой, улыбалась и махала вслед, пока лимузин не исчез за поворотом, и только потом расплакалась. Отпуская Джулиана в гости к Джону, я больше всего опасалась того, что ему наверняка придется находиться под присмотром Йоко, и я не знала, как сын воспримет ее пугающе холодную манеру общения. Однако он, похоже, нашел способ с ней ладить: быть может, с такой отстраненной мачехой ему проще было примириться, чем с какой — нибудь хлопотливой наседкой. Джулиан никогда не жаловался на нее, и для меня это стало большим облегчением.

После того уикенда Питер звонил регулярно, чтобы договориться о визитах Джулиана к отцу. Меня очень забавляло, что Джулиан начал называть Йоко Хоки — Коки.

Возвращаясь домой из Титтенхерста, Джулиан привозил с собой довольно странные описания тамошнего уклада жизни: судя по его рассказам, папа с Хоки ходили по дому голые, с распущенными длинными волосами, закрывающими лицо, похожие на страшных сказочных колдунов. Они ели какую — то смешную еду, состоящую только из риса и других зерновых (видимо, Йоко ввела в доме вегетарианскую диету). Джулиан, как нормальный шестилетний ребенок, относился к этому вполне спокойно. Слушая его, я лишь старалась воздерживаться от критических замечаний: я не хотела, чтобы он чувствовал себя виноватым, вынужденным оправдываться или защищать меня. Ребенок разведенных родителей в той или иной степени неизбежно разрывается пополам, но я прилагала все усилия, чтобы оградить Джулиана от лишних страданий, дать ему ощущение стабильности и не портить его отношений с отцом.

Проводя выходные без Джулиана, я очень скучала. Из — за того что Джон нередко бывал в отъезде, мы с сыном привыкли к компании друг друга и стали очень близки — нам всегда было весело и интересно вдвоем. Хотя со мной рядом был Роберто, мне ужасно не хватало привычного ощущения, что маленький все время около тебя возится и без умолку что — то щебечет. Иногда Джулиан не хотел уезжать из дома. Такие регулярные выезды и

перемещения от одного родителя к другому нелегко даются детям. Если у него случался какой — нибудь праздник или день рождения одноклассника, Джулиан начинал жаловаться и хныкать. Но я в таких случаях всегда оставалась непреклонной, чувствуя, что лучше придерживаться раз и навсегда установленного правила, чем менять планы в последнюю минуту.

В один из уикендов Джулиан сказал, что он не поедет к папе, потому что ночью ему страшно. Судя по всему, он спал в большой спальне, один, в отдельном крыле дома и далеко от комнаты Джона и Йоко. Я позвонила тогда Питеру Брауну и попросила его переговорить на эту тему с Джоном. «Пусть он хотя бы оставляет у него включенным свет или кладет его поближе к своей комнате», — посоветовала я. Питер обещал поговорить с Джоном, а я, в свою очередь, обещала Джулиану, что папа переселит его в другую комнату.

Но почему Джулиан сам не мог попросить отца об этом? Разве трудно сказать папе, что он боится спать по ночам? После этого я осторожно стала интересоваться у Джулиана, как они с папой общаются. Мне удалось выяснить, что Джон иногда позволяет себе срываться на сына, кричать, что он неправильно ест или что он слишком медлителен. Джулиана это, несомненно, нервировало. Он начал побаиваться отца, чье веселое, игривое настроение порой внезапно сменялось неоправданным гневом.

Я знала об этом давно, но раньше Джон редко срывал раздражение на Джулиане, наверное, еще и потому, что не так часто виделся с ним. Я забеспокоилась, как бы такие вспышки ярости не стали со временем проявляться чаще и не отдалили их друг от друга окончательно.

Я хотела обсудить ситуацию с Джоном, но он по — прежнему отказывался разговаривать со мной. Это сильно озадачивало и удручало меня: ведь я не представляю для него никакой угрозы. Так почему бы ему не поговорить со мной ради блага собственного сына? Но как бы я ни переживала и ни сердилась, делать было нечего. Я решила сосредоточиться на том, чтобы поддерживать Джулиана, насколько это только возможно, надеясь, что, по мере того как новая жизнь Джона стабилизируется, улучшатся и его взаимоотношения с сыном.

Тем временем Джон с Йоко продолжали выкидывать экстравагантные номера. Они устроили очередную «постельную акцию» за мир на Багамах, но через день после ее начала покинули острова, вероятно, из — за сильной жары. Они прилетели в Канаду, в Монреаль, где провели еще неделю в постели, пригласив на это своеобразное шоу премьер — министра страны Пьера Трюдо, и там же записали песню Give Peace a

Chance. Выпущенный несколько раньше, их сингл The Ballad of John and Yoko был запрещен в Австралии за богохульство. Там далеко не всем пришлась по вкусу фраза: «Господи Иисусе, лишь ты знаешь, как все непросто и как тяжко бывает: если так и дальше пойдет, меня, пожалуй, тоже могут распять». Я хорошо помнила те злые письма с проклятиями, которые Джон получал в огромном количестве после высказываний относительно религии и Христа. Меня очень удивило, что Джон решил опять поиграть на нервах общественности. К тому времени он уже настолько изменился, а может быть, новая любовь настолько его вдохновляла, что, вероятно, его меньше всего беспокоило, что о нем подумают.

Когда через несколько недель Джон вернулся в Лондон, Питер Браун организовал еще один визит Джулиана в Тит — тенхерст. Поскольку они давно не виделись, Джон захотел побыть с сыном несколько дней. Я отправила Джулиана вместе с Энтони и начала мирно планировать, чем заняться в выходные.

Два дня спустя из новостей по телевизору я узнала, что где — то в Шотландии Джон и Йоко попали в автомобильную аварию вместе со своими детьми Киоко и Джулианом. Никто серьезно не пострадал, все они находились в местном госпитале. Я была в ужасе. С какой стати Джон повез Джулиана в Шотландию, ничего мне не сказав? То, что он разбил машину, меня нисколько не удивило — водил он всегда безобразно. Но ведь с ним был мой сын и еще один ребенок. Я пришла в бешенство не только из — за того, что они не сказали мне ничего о поездке, но прежде всего потому, что узнала об этом, как и все, из теленовостей. Уж хотя бы позвонить мне и сообщить о случившемся Джон был просто обязан.

Я позвонила Питеру, и он достал мне билет на самолет в Шотландию, чтобы я забрала Джулиана. Связавшись с госпиталем, он выяснил, что дети действительно целы и невредимы, а у Джона с Йоко мелкие ссадины и ушибы. В довершение всех неурядиц, когда в аэропорту Хитроу меня пригласили на посадку, выяснилось, что самолет летит в Белфаст. Мне, в моем взвинченном состоянии, и в голову не пришло заранее проверить, что написано на билете. Питеру, к его величайшему стыду, тоже. Пришлось мне лететь в Белфаст и там дожидаться эдинбургского рейса. Так что до места я добралась только на следующий день.

Прилетев в Эдинбург, я тут же взяла такси до приморской деревушки Голспай, где располагался госпиталь, недалеко от места аварии. Путешествие было долгим, и всю дорогу я только и думала о Джулиане и о том, как я его увижу. Однако, добравшись

до больницы, я узнала, что Джулиана там нет. Мне сказали, что его забрала тетя. Больше ничего я добиться не смогла. Опять, даже в такой ситуации, Джон не пожелал со мной увидеться. Мое отчаяние усугубилось полученной от него запиской. Там говорилось, что Джулиан очень плохо себя вел, и Йоко им недовольна. Мое возмущение не знало границ: Джулиан — маленький ребенок, которому пришлось рано столкнуться с серьезными жизненными трудностями. Если с ним иногда бывает сложно, то это только естественно и вполне ожидаемо. А Джон, вместо того чтобы выразить беспокойство или предложить что — либо дельное, не нашел ничего лучше, чем осуждать сына.

Единственное, чего мне хотелось, это поскорее найти Джулиана и забрать его домой. Внезапно до меня дошло, что вышеупомянутая тетя — это Матер, и я тут же позвонила ей. На мое счастье, она сказала, что Джулиан с ней и они сейчас находятся в ее летнем домике в горах. Я снова села в такси и спустя два невыносимо долгих часа увидела Джулиана, укрытого теплым одеялом, с чашкой горячего шоколада в руках.

Похоже, решение Джона поехать в Шотландию навестить тетушку Матер, дядю Берта и Стэнли в Эдинбурге было спонтанным. Матер встретила меня возбужденным рассказом о том, как Йоко отмела с порога приготовленный для них обед с ростбифом и бросилась на кухню варить какие — то проро — щеиные бобы. «Она трясла своими длинными волосами над кастрюлей, как самая настоящая ведьма», — возмущалась Матер. Будучи не в восторге от Йоко и от резких перемен в характере Джона, она прижала его в углу и спросила напрямую, что он такое творит с собой и своей жизнью. Джон сказал ей, среди прочего, что собирается забрать у меня Джулиана. Его тетка отнеслась скептически к этой идее и твердо заявила, что никто ему не даст забрать ребенка у родной матери, пусть он выбросит это из головы.

Взбешенный, Джон посадил Йоко с детьми в машину и рванул что есть мочи прочь — до первого кювета.

Я была благодарна Матер за то, что она вступилась за меня перед Джоном, и рада, что Джон, несмотря на ссору, отпустил Джулиана к ней. Тем не менее из — за его упрямого нежелания держать меня в курсе происходящего я несколько часов колесила по шотландским проселочным дорогам, не имея представления о том, где и в каком состоянии пребывает мой сын.

На следующий день мы полетели домой. Я все еще негодовала по поводу поведения Джона, но понимала, теперь уже окончательно, что не смогу ничего изменить. Мне уже казалось, что лучше запретить ему видеться с Джулианом, но я не считала

себя вправе обрывать и без того хрупкие отношения между отцом и сыном. Поэтому в течение следующих нескольких месяцев Джулиан продолжал время от времени по выходным ездить к Джону и Йоко.

Между тем Роберто окружил Джулиана заботой и вниманием. Впервые в жизни рядом с моим сыном ежедневно был мужчина, которому он интересен и нужен, который отводил его в школу, помогал делать домашние задания и играл с ним в парке в футбол. Джулиан обожал Роберто, и они стали неразлучными друзьями.

Я тоже была счастлива с Роберто, хотя первые грозовые облака уже маячили на горизонте. Меня все больше и больше волновал денежный вопрос: жалованья, которое причиталось мне и Джулиану после развода, едва хватало, чтобы сводить концы с концами. Мы нуждались в дополнительном источнике дохода, но заработки Роберто были очень нестабильны. Он получал какие — то деньги от отца, который питал к нему некоторую слабость с тех пор, как он в детстве переболел полиомиелитом. Кроме того, Роберто управлял отцовским рестораном в Лондоне, в районе Виктория. Но, к сожалению, деньги в его руках не задерживались и имели необъяснимое свойство исчезать в расходах на всякие развлечения и прелести жизни, прежде чем мы успевали потратить их на оплату счетов. Мой новый мужчина очень любил покутить и отличался чрезмерной щедростью. Он мог пригласить толпу друзей в ресторан, где все гуляли за его счет, или приводил их к нам в дом, чтобы кормить и поить до самого утра.

Мама нередко навещала нас, и в один из ее приездов, когда мы только — только уселись в такси, на заднее сиденье, Роберто вдруг встал перед ней на колено и попросил моей руки. Мама любила Роберто и, не колеблясь, дала свое благословение. Я, отбросив сомнения, помня обо всем, что Роберто делает для Джулиана, тоже ответила «да».

Роберто был добрым и любил меня. Я надеялась, что вместе мы справимся с любыми трудностями. Мы расписались 31 июля 1970 года в регистрационной конторе в Кенсингтоне, куда пригласили наших родственников и нескольких близких друзей, включая Ринго, Морин и Твигги с ее менеджером и бойфрендом, которого звали Джастин де Вильнёв. Я очень хотела, чтобы на свадьбе была и моя дорогая подруга Фил, но она тогда жила далеко от Лондона, на северо — западе Англии, в Камбрии, с двумя маленькими детьми. В качестве пажа на церемонии нас сопровождал Джулиан. Он крутился и прыгал вокруг нас, весь перевозбужденный, так что маме приходилось все время одергивать его.

В тот день я была счастлива. Мне недавно исполнилось тридцать, Роберто был на два года моложе меня. Я надеялась, что начинается новый, более удачный период моей жизни. Свадьбу праздновали на Фулхэм — роуд в ресторане Meridiana, принадлежавшем нашим друзьям, Уолтеру Маритти и Энцо Апичелле. Несколько омрачил праздник короткий разговор с отцом Роберто, который отвел меня в сторону и сообщил, что прекращает выплачивать пособие сыну, поскольку со мной оно ему больше не понадобится. Он, как и многие другие, был уверен, что после развода я получила солидную сумму в качестве отступных. Сердце мое в тот момент ёкнуло: он явно полагал, что теперь его сына буду содержать я.

В наш медовый месяц мы с Роберто и Джулианом отправились на Адриатическое море, в один из отелей, принадлежавших семье Бассанини. С нами поехала бывшая девушка моего брата Чарльза, Кэти, чтобы помочь присматривать за ребенком.

Два месяца спустя после свадьбы мы устроили дома несколько запоздалую вечеринку в честь новоселья. После долгих раздумий я согласилась на предложение Роберто позвать Джона с Йоко, чтобы таким образом уладить и закрепить наши взаимоотношения. Роберто всегда восхищался Джоном, хотя и осуждал его поведение по отношению ко мне; он все еще находился под впечатлением от того, что я была замужем за битлом, и жаждал с ним познакомиться.

Меня удивило, что Джон и Йоко согласились приехать, и еще больше — что они действительно приехали. В тот вечер я увиделась с ними впервые за последние два года с той ужасно неприятной встречи в адвокатской конторе и очень нервничала.

На вечеринке были Ринго с Морин, Твигги, Джастин, Лулу и ее новый муж Морис Гибб, а также Роджер Мур с женой Луизой[30]. Джон и Йоко пришли позже всех. После холодного «привет» в мой адрес Джон сел рядом с Ринго. К ним присоединился Роберто, и скоро между мужчинами завязался оживленный разговор, прерывавшийся взрывами хохота. Джулиан, крайне возбужденный тем, что его мама и папа вновь находятся в пределах одного помещения, вертелся под ногами, как заводной.

Йоко, оставшись одна, не долго думая, решительно двинулась в мою сторону. Я только успела присесть отдохнуть после двух часов фланирования между гостями, а она уже тут как тут, сидит прямо на полу, у моих ног. Я чуть было не лишилась дара речи, а она без умолку говорила о Джулиане, о том, как им нравится, когда он их навещает, и тому подобное. Мне трудно было

совместить мило журчащий поток ее слов с той непроницаемой стеной молчания, которой она отгораживалась от меня во время двух наших предыдущих встреч. Выглядело это просто отвратительно и больше походило на показательное выступление перед остальными гостями и Джоном в первую очередь. Я встала и вышла из комнаты. Через несколько минут, когда они собрались уходить, Джон сказал мне второе слово за весь вечер: «Пока».

После их ухода меня охватила необъяснимая грусть, но вместе с тем я испытала чувство облегчения. Мне было странно и больно вновь увидеть Джона. Я так надеялась, что мы наконец сможем поговорить о Джулиане, но он весь вечер избегал общения со мной, а эти потуги Йоко продемонстрировать дружеское ко мне отношение и вовсе были невыносимы. В конечном счете ничего мы не добились, пригласив их к нам в дом, разве что сбылась давняя мечта Роберто познакомиться с великим Джоном Ленноном. Он, как и многие из тех, кого я потом встречала в жизни, за славой Джона не мог разглядеть в нем человека. Для Роберто тот человек, который столь безжалостно со мной обошелся, был как будто кем — то совсем другим, не имеющим ничего общего с суперзвездой. Еще несколько месяцев спустя в одном документальном телефильме Джон был назван одним из трех великих людей шестидесятых, наряду с президентом Кеннеди и председателем Мао. Это поднимало статус Джона на новую ступень, куда выше остальных звезд, и делало его в глазах общественности чем — то вроде сверхчеловека. Роберто, конечно, продолжал осуждать их, особенно Йоко. Ее он презирал и никогда не простил за ту боль, которую, как он считал, именно она причинила Джулиану.

«Битлз» продолжали оставаться феноменом до конца десятилетия. Их пластинки все так же продавались большими тиражами, количество их первых хитов в таблицах популярности достигло двадцати. Это был абсолютный рекорд на тот момент. Он был побит позже, по иронии судьбы, Клиффом Ричардом, чей талант они в свое время так низко ценили. «Битлз» также выпустили Abbey Road — их последний совместный альбом. Группа пользовалась неизменным успехом, однако слухи о том, что внутри коллектива возникают ссоры и недовольство, стали просачиваться в прессу. Я знала об этом и до развода с Джоном, но теперь, летом 1969–го, всем было ясно, что финал не за горами.

Джон и Пол, которые когда — то с таким блеском и страстью вместе сочиняли музыку, к концу 1960–х с большим трудом находили общий язык. Их музыкальные образы и вкусы ни в чем не совпадали. Пол продолжал писать баллады типа Hey Jude, а

Джон предпочитал жесткие вызывающие песни, такие как Revolution, посвященную студенческим демонстрациям 1968 года. Magical Mystery Tour был их первым самостоятельным проектом после смерти Брайана. Его инициатором и движущей силой выступил Пол, Джон был только на подхвате. После этого они сочинили еще несколько песен и даже выпустили новый фильм, Let It Be, но в нем уже не чувствовалось прежней радости от совместного творчества. Уже в 1967–м мне было очевидно, что рано или поздно их пути разойдутся.

И тем не менее меня шокировало известие о том, что Джон сообщил «Битлз», что он покидает группу. Это решение, по всей видимости, было спровоцировано хаосом, царящим в их компании Apple. «Битлз» не имели никакого опыта и знаний в сфере бизнеса, и деньги из компании улетучивались из — за того, что у нее не было нормального управляющего. Мик Джаггер порекомендовал Джону одного весьма красноречивого адвоката из Штатов, ведущего дела звезд шоу — бизнеса, по имени Аллен Кляйн. Джон, Джордж и Ринго познакомились с ним и решили нанять его, чтобы он вытащил компанию из затруднительного положения. Пол не испытывал особого доверия к Кляйну и отказался подписывать с ним контракт, обратившись вместо него к своему тестю, Ли Истману, тоже вполне успешному адвокату в области шоу — бизнеса. Это только усугубило напряженность между Джоном и Полом.

Был еще один, пожалуй, самый важный фактор, повлиявший на распад «Битлз». Отношения Джона с Йоко раздражали других членов группы и значительно отдалили его от них. С самого начала у «Битлз» было заведено неписаное правило: жены и подруги не должны вмешиваться в рабочий процесс. Мы часто появлялись после сеанса звукозаписи, чтобы услышать конечный результат, но всегда знали, что ребятам работается гораздо комфортнее, если им никто не мешает. Мало кто вообще когда — либо допускался к участию в записи песен, кроме них самих и Джорджа Мартина. Даже Брайана вежливо просили посидеть за пределами студии и подождать, пока не будет записан окончательный вариант. Написание и сочинение музыки было работой, и лучше всего они работали, когда вокруг никто не болтался.

Когда Джон познакомился с Йоко, все стало по — другому. Он отказывался делать что — либо без нее — как тогда, у адвоката, когда она ждала его у двери мужского туалета. Он уже объявил во всеуслышание, что отныне их имена будут единым целым, и звать их теперь следует не иначе как Джон — и-Йоко. Потом он изменил свое второе имя с «Уинстона» на «Оно».

Остальные «Битлз» смотрели на все эти выкрутасы со сдержанной иронией. «Он иногда выглядел чокнутым, но мы все равно любили его», — сказал мне однажды Ринго. Однако, когда Джон стал приводить Йоко в студию, советоваться с ней по поводу всего, что собирался делать, и даже позволял ей критиковать то, что делали остальные, запас их терпения исчерпался. Они едва сдерживали негодование, и было понятно, что скоро мирно решить этот конфликт уже не получится.

В итоге именно Джон положил конец «Битлз», так же как создал их когда — то. Теперь он продолжал свой путь не только без меня, но и без Пола, второго самого близкого ему человека на протяжении всех шестидесятых. Йоко вытеснила меня в качестве жены и Пола — в качестве соавтора. Конечно, перемены неизбежны. Джон, как и Пол, были самостоятельными творческими личностями, и каждого ждал свой собственный успех. Обидно только, что разрыв случился вот так и что, хуже того, их отношения так и не восстановились полностью. После шести лет беспрецедентного успеха один из величайших ансамблей современности распался, погрязнув в ссорах и взаимных обвинениях.

Пока все это происходило на их глазах, Джорджу и Ринго ничего не оставалось, кроме как наблюдать со стороны. Джордж все еще продолжал увлекаться восточной философией и, возможно, испытал известное облегчение оттого, что с «Битлз» покончено. Ринго, всегда смотревший на вещи философски и с иронией, позже скажет: «Это было здорово, пока это было». Но я все же думаю, им было больно расставаться с тем, что каждый из нас считал частью своей семьи.

Я, конечно, переживала, что все закончилось. Пусть я уже не принадлежала к ближнему кругу, я все равно любила их всех, и мне было очень печально оттого, что они столь разобщены и далеки друг от друга.

Джон и Йоко продолжали мелькать в новостях, занимаясь своей неустанной борьбой за мир во всем мире и — терзало меня подозрение — за внимание прессы. Они основали собственную группу, Plastic Ono Band. Их первый сингл Give Peace a Chance взлетел на первые места в хит — парадах. В одиннадцати городах мира они развесили плакаты с надписью: «Стоит вам только захотеть, и война — окончена! Счастливого Рождества от Джона и Йоко». Они остригли свои волосы и выставили их на продажу с аукциона. Джон, кроме того, в знак протеста против войны и истеблишмента, вернул в королевский дворец свою медаль члена ордена Британской империи. Мне стало жаль Мими, которая так гордилась ею.

Я знаю, что тогда многие воспринимали его поступки как мужественные и нестандартные, но я, мать его маленького, растерянного сына, смотрела на это несколько иначе.

Как и многие, кто любил Джона, я с горечью наблюдала, как чрезмерная самонадеянность и наплевательское отношение к близким все отчетливее сквозят в каждом его шаге. Он проделывал все это с такой убийственно серьезной миной, так откровенно упиваясь самим собой, что утратил всякое сходство с Джоном, которого я знала раньше. То же самое ощущали и его друзья, и родственники.

Но особенно глубоко меня встревожил еще один мо — мент в поведении Джона и Йоко. Я знала, что у них вроде бы были хорошие отношения с Тони Коксом, бывшим мужем Йоко. Он опять женился, и они вместе с Киоко, Тони и его новой женой встречали 1970 год в Дании, где провели после этого еще несколько недель. Однако в апреле 1971–го Джон и Йоко были арестованы полицией по подозрению в намерении обманным путем похитить Киоко и увезти ее с собой. Оказалось, что все это время между Йоко и Тони шла тяжба по поводу опекунства над дочерью. Бывший муж Йоко тогда жил на Майорке. Джон и Йоко приехали к нему и забрали девочку сначала к себе в отель, а потом, судя по всему, собирались сесть вместе с ней в самолет и втроем покинуть остров в неизвестном направлении. В итоге они были задержаны на четырнадцать часов, после чего отпущены без предъявления какого — либо обвинения. Киоко вернули отцу, который, по всей видимости, был настолько напуган богатством и могуществом Джона и Йоко, что бежал от них с дочерью куда подальше, в Америку. Джон и Йоко полетели за ними в Штаты, провели там целый месяц в поисках беглецов и потом вернулись ни с чем в Англию.

Изначально Йоко оставила дочку отцу, но потом, видимо, передумала и подала иск в суд на установление опекунства над дочерью. Мог ли Джон сделать то же самое в отношении Джулиана? Уж не решили ли Джон — и-Йоко, что пора, наконец, их детям жить вместе с ними под одной крышей, раз у них все более или менее утряслось? Если так, то я зубами вцеплюсь в глотку тому, кто задумает отнять у меня Джулиана!..

Несколько недель я провела, не находя себе места от беспокойства. Но Джон и не думал просить о встрече с сыном: он попросту оставил его. В сентябре 1971 года из газет я узнала, что Джон и Йоко переехали жить в Соединенные Штаты, устав от постоянных нападок прессы и ненависти к Йоко со стороны общественности. Просто потрясающе: еще не так давно Джулиан ездил к ним в гости, и теперь Джон уезжает из страны на

неопределенное время, не сказав ни единого слова ни мне, ни своему сыну. Я не имела ни малейшего представления, собирается ли он дальше видеться с Джулианом и как вообще его найти. До сих пор мы держали связь через Питера Брауна и офис, но, когда я спросила его об этом, Питер сказал, что он тоже ничего не знает. Похоже, Джон готов был пожертвовать сыном, лишь бы защитить Йоко.

Я попросила Питера связаться с Джоном и сказать ему, что я хочу, чтобы они и дальше продолжали общаться с Джулианом и чтобы мы могли время от времени сообщать ему об успехах сына. Через две недели раздался звонок, и я услышала в трубке голос Йоко. «Привет, Синтия, — сказала она. — Мы с Джоном решили, что обо всем, что касается Джулиана, ты теперь будешь разговаривать со мной. А Джон будет говорить с Тони по вопросам, связанным с Киоко».

На сей раз они зашли чересчур далеко. Мне многое пришлось от них вытерпеть, но это было уже слишком. Я ответила, что не собираюсь вести с ней никаких переговоров. Если Джон захочет повидаться с Джулианом, пусть позвонит мне сам, сказала я и повесила трубку.

Я была вне себя от ярости. Только что Джон выпустил Imagine, песню, которая вскоре стала международным гимном миру, где он призывал мир «жить в единстве». И при этом он не мог поднять трубку, чтобы помириться со мной и договориться о встрече с сыном. Уж сын — то, рассуждала я, наверное, важнее для него, чем какая — то дурацкая договоренность с Йоко о том, как им вести себя с бывшими супругами.

Я ошибалась. Джон и Джулиан увиделись лишь три года спустя.

ГЛАВА 18

С тех пор как Джон и Йоко уехали в Америку, я слабо представляла себе, каким образом Джулиан сможет видеться с отцом, и мне оставалось лишь жить дальше и надеяться, что со временем найдется выход из этого тупика. Если бы Джон позвонил или написал мне, что хочет встретиться с Джулианом, я была бы только рада. Я даже мысленно умоляла его об этом. Но между 1971–м и 1974 годами в наш адрес не было сказано ни единого слова. Правда, ко дню рождения и на Рождество Джулиану регулярно приходили подарки, присланные лондонским офисом Джона, однако там не было ни записки, ни открытки с личными поздравлениями. Джулиану, наверное, казалось, что его папа куда — нибудь улетел с этой планеты. Ему было восемь лет, когда они последний раз виделись. После этого о передвижениях и планах своего отца сын узнавал только из газетных вырезок.

Джон тогда бился с американскими властями за право получить вид на жительство в Штатах. Предъявленные ему ранее обвинения в хранении наркотиков были серьезным препятствием для предоставления ему желанной «зеленой карты». Я говорила Джулиану, что папа не может уехать из Америки, пока не получит разрешения жить там, но это мало что ему объясняло. «Если папа не может приехать ко мне, тогда почему я не могу приехать к нему?» — спрашивал он меня. Что я могла на это ответить? «Думаю, он сейчас очень занят всем этим. Как только освободится, он обязательно с нами свяжется». Но время шло, все оставалось по — прежнему, и Джулиан начал делать свои собственные выводы. «Папа все время говорит людям, чтобы они любили друг друга, — сказал он мне однажды. — Тогда почему же он не любит меня?»

В глубине души я не могла с этим не согласиться. Я проклинала Джона за то, что он заставляет ребенка страдать, но делала все, чтобы убедить Джулиана, что папа его любит.

Джулиан был не единственным живым существом, которое напоминало Джону о прошлом. И он, похоже, намеревался разорвать все связи с родственниками и друзьями в Англии. Если он и связывался со своими сестрами, тетушками и друзьями, с которыми поддерживал постоянные отношения в эпоху «Битлз», то крайне редко.

Мне было особенно трудно видеть, что Джон не обращает внимания на родного сына и в то же время прилагает неимоверные усилия, стараясь помочь Йоко найти ее дочь. В

декабре 1971–го они с Йоко узнали, что Тони и Киоко находятся в Техасе, тут же полетели туда, и Тони продержали в тюрьме пять дней за то, что он не давал матери видеться с дочерью. Затем Тони вновь бросился в бега, и на этот раз Джону и Йоко так и не удалось напасть на их след. Они ездили по улицам, давали объявления в газеты с призывами сообщить о своем местонахождении, но Тони и Киоко бес — следно исчезли. Мне было жаль Йоко, но в то же время я не исключала, что Джон мог заключить с ней странное соглашение, типа «я не буду видеться со своим ребенком, пока мы не отыщем твоего». Как бы кощунственно это ни звучало, я не видела другого объяснения тому, что Джон столь упорно игнорировал Джулиана. На одном из поздних дисков «Битлз», известном как «Белый альбом» (White Album), была колыбельная песенка, которую Джон посвятил Джулиану. Альбом вышел незадолго до нашего развода, я слышала песню, когда Джон сочинял ее, и она мне очень понравилась. Меня расстроило, что Джон не исполнил ее сам, а отдал Ринго. Довольно долгое время после развода я ее не слушала и сыну не заводила. Но потом все — таки дала ее послушать Джулиану и в надежде, что это хоть как — то его утешит, объяснила, что папа написал эту песню специально для него.

Вскоре после того как Джон покинул Англию, мы тоже переехали в другой дом. Непрестанные вечеринки Роберто и растущие долги, которые нужно было оплачивать, привели к тому, что мне пришлось урезать свои расходы, чтобы хватило денег на воспитание Джулиана до его совершеннолетия. Убеждать Роберто прекратить посещать рестораны и ночные клубы оказалось занятием бесполезным, поэтому я продала дом в Кенсингтоне, и мы переехали в Уимблдон. Джулиану предстояло опять сменить школу, но я надеялась, что это компенсируется достатком и более стабильной семейной жизнью.

Я стала обычной мамой, отводящей ребенка в школу, посещающей местный супермаркет, и меня это вполне устраивало. Теперешняя моя жизнь нисколько не походила на прежнюю, подле Джона, однако я и не пыталась вернуться к ней, предпочитая снова оказаться среди обычных людей. Большинство из тех, с кем я общалась, понятия не имели, кто я. С Джоном, даже на публике, я всегда находилась на заднем плане, поэтому без него меня никто не узнавал. Да и кто мог подумать, что в очереди в кассу супермаркета он встретит жену экс — битла? Если мне кто — то и говорил, что мое лицо кажется ему знакомым, я улыбалась и изображала удивление. Обычно это срабатывало: любопытствующий извинялся и уходил.

Конечно, у меня все еще оставались друзья среди знаменитостей, мы с Роберто часто проводили с ними восхитительные вечера, однако я старалась держать этот мир на расстоянии от своей будничной жизни. Даже родители одноклассников Джулиана, заходившие с детишками на чай, редко интересовались, кто мы и откуда.

Перед самым Рождеством 1972–го, спустя год или чуть больше после нашего переезда, умерла от цирроза печени тетя Джона, Хэрри. Ей было всего пятьдесят шесть. Она никогда не пила, поэтому это было особенно неожиданно и печально. Мы с мамой поехали в Ливерпуль на похороны. Было очень приятно вновь увидеться со всеми родственниками Джона. Джулия, которой уже исполнился двадцать один год, пришла с мужем и маленькими детьми — мальчиком и девочкой. Джекки стала парикмахером, а Дэвид, сын Хэрри, привел свою жену, которая ждала второго ребенка. Старшая сестра, Лейла, работала врачом — консультантом, и у нее было трое детей. Тетушка Мими тоже присутствовала, ей уже исполнилось семьдесят, но, к моему удивлению, у нее не было ни единого седого волоса. Едва закончилась служба, она набросилась на меня: «Чем ты думала, глупая, когда развелась и дала ему уйти к этой женщине?» Я заметила, что меня никто не спрашивал. Но Мими мой ответ не устроил: «Ты должна была остановить его. А теперь смотри, каким идиотом он себя выставляет!» Мне стало смешно. Столько лет она от меня нос воротила, а теперь, видите ли, недовольна, что я не удержала мужа. То, что тетушка Джона осталась прежней, все такой же вспыльчивой и несдержанной, в какой — то мере даже успокоило меня. Я пообещала ей, что мы с Джулианом приедем к ней в Пул погостить, и, несколько смягчившись, она отошла от меня в поисках очередного объекта для словесных баталий.

Позже Джулия рассказала мне, что, когда Мими встретилась с Джоном и Йоко после выхода в свет их альбома Two Virgins, она спросила: «Слушайте, почему вы не могли найти кого — нибудь посимпатичнее, если уж вам обязательно нужен был кто — то голый на обложке?» Прямо и без обиняков, как всегда.

Это была моя первая поездка в Ливерпуль за много лет, и я подумала тогда: как же мне его не хватает! Я пообещала себе, что, если появится такая возможность, я обязательно вернусь туда. В Уимблдоне было хорошо, но там я никого не знала, а жить с Роберто становилось все труднее. Его ресторанные загулы не прекратились, кроме того, он открыл счет в компании, занимавшейся пассажирскими перевозками, и каждый вечер мотался на такси в Вест — Энд и обратно, добавляя нам счетов.

Он все еще управлял отцовским рестораном, Da Bassano, но каждый день туда набивались друзья и знакомые, которые ели — пили и ничего при этом не платили. Ему хотелось, чтобы все вокруг его любили, и его популярность финансовым бременем ложилась на наши плечи.

Роберто вообще был донельзя избалован родителями и никогда не сталкивался с суровыми буднями жизни. Он относился ко всему легко, весело и играючи, и наконец я поняла, что с меня хватит, больше не могу. Мне было не до праздников, когда в конце каждого месяца я подсчитывала наши долги и не могла заснуть. Просить, умолять и требовать — все это не приносило никакого результата. Он давал обещания, которые не выполнялись, клялся в любви, дарил цветы, смотрел на меня невинными щенячьими глазами, пока я волей — неволей не рассмеюсь..

К 1973 году я понимала, что наш брак обречен. Единственное, почему я не ушла раньше, это Джулиан. Я не могла лишить его столь значимого для него человека. Роберто так много сделал, чтобы заполнить вакуум, образовавшийся после ухода Джона. Но другого выхода я не видела. Я не могла больше жить с человеком, который не намерен взрослеть, работать и разделять со мной обязанности. С тяжелым сердцем я сказала Роберто, что хочу развестись.

Втроем мы долго лили слезы, и мне пришлось собрать всю свою волю в кулак, чтобы довести дело до конца. Утешало меня лишь то, что Роберто, несмотря на глубокую обиду, никогда не оставлял Джулиана. Как ни странно это для отчима, да еще после столь недолгого брака, Роберто постоянно поддерживал с нами связь и регулярно приглашал Джулиана в Италию, где несколько лет спустя, по иронии судьбы, он стал довольно богатым человеком.

Они с Джулианом оставались добрыми друзьями вплоть до смерти Роберто от сердечного приступа двадцать лет спустя. Он оставил посмертное письмо, из которого следовало, что на имя Джулиана в швейцарском банке открыт счет на 100 тысяч фунтов. После расследования, проведенного банком, выяснилось, что никакого счета нет. Во всяком случае, так утверждал представитель банка. Мы так и не добрались до сути этой таинственной истории, но в 1998 году свой диск Photograph Smile Джулиан посвятил памяти Роберто, любимого отчима, который был для него отцом в гораздо большей степени, чем Джон.

В 1974 году, после развода с Роберто, мы с Джулианом переселились на север. Я приобрела загородный домик в поселке Меолс, округ Уиррал, недалеко от Хойлейка. Было здорово

оказаться снова дома. Мы жили в какой — то паре километров по шоссе от мамы, и можно было видеться когда угодно. Я записала Джулиана в Кингсмидскую школу, рядом с домом. Это была уже пятая школа в его неполные одиннадцать, и, конечно, Джулиану было нелегко, но школа ему понравилась. Он сразу же сошелся с Джастином Клейтоном, с которым дружит и по сей день.

Наш домик был совершенно обычным, и я понимала, что это лишь временное пристанище, необходимое, чтобы перевести дух после двух неудачных браков и решить, чего я хочу от будущего. Я скучала по Роберто и иногда спрашивала себя, правильно ли я поступила. Джулиану его тоже не хватало. Как же так? Как получилось, что оба мои замужества потерпели крах? И это при том что мужчины мне достались совершенно разные, не имевшие ничего общего между собой, — разве что и тот и другой вытянули из меня все нервы. С восемнадцати лет я впервые в жизни была одна и чувствовала, что схожу с ума от одиночества. Но опускать руки я не имела права: мне нужно было заботиться о сыне.

Возможно, из — за всего, что ему пришлось пережить, Джулиан выглядел старше своего возраста и порой бывал слишком серьезным. В его лице мне чудилось что — то средневековое, напоминающее барельефы на древних надгробиях. Как будто он уже жил когда — то на этой земле, и не раз, — такая недетская мудрость светилась в его взгляде. Джулиан заботился обо мне не меньше, чем я о нем. Он умел внимательно выслушать, успокоить, старался, как мог, оградить меня от переживаний. Мы были близки по — особому, как бывают близки только мать — одиночка и ее единственный ребенок.

Потихоньку приходя в себя после второго замужества, я с удивлением прочитала в газетах, что в жизни Джона тоже произошли большие перемены: они с Йоко разошлись. Похоже, это произошло по обоюдному согласию; они решили пожить врозь какое — то время, и в конце 1973–го Джон переехал в Лос — Анджелес со своей молодой помощницей — китаянкой Мэй Пэнг.

Что это могло значить для Джулиана? Захочет ли теперь Джон выйти на связь со мной, чтобы повидать сына? Я раздумывала, что мне теперь делать: позвонить ему самой или просто сидеть и ждать, что будет дальше. На тот момент я решила, что не буду торопиться и подожду.

С Джоном, судя по всему, творилось что — то странное. За последнее время его имя несколько раз мелькало в заголовках статей, в которых описывались его пьяные похождения. При этом он был полон творческих сил, как, пожалуй, никогда: он работал над альбомом своих любимых песен других авторов, для чего пригласил к сотрудничеству давних друзей, в том числе Ринго и

певца Гарри Нильсона. Я очень надеялась, что это станет началом нового, более светлого периода в его жизни, где, быть может, найдется место и Джулиану. Но вот звонить ему первой или он сам позвонит?..

Решение пришло само собой, когда я поехала по работе в Лондон, летом 1974 года. Мне всегда нравилось оформление интерьеров, и, когда один знакомый предложил мне работу в этой области, я, недолго думая, согласилась. Вечером, после деловой встречи, я заселилась в гостиницу и вскоре поняла, что здесь обосновались местные проститутки. Разодетые в пух и прах девицы и какие — то подозрительные типы — сутенеры, наверное — беспрестанно шныряли туда — сюда. Мне стало немного не по себе, захотелось с кем — нибудь пообщаться. Открыв записную книжку, я позвонила своей подруге, но меня случайно подключили к чужому разговору, и через несколько секунд, к своему огромному удивлению, я узнала в трубке голос Патти Харрисон. Мы были страшно рады слышать друг друга, и Патти пригласила меня поужинать.

Они с Джорджем уже успели расстаться, но мы с удовольствием обменялись последними новостями, а затем она представила меня своим друзьям, один из которых был продюсером фирмы грамзаписи. Он как раз собирался плыть в Нью — Йорк на трансатлантическом лайнере «Франс» вместе с Элтоном Джоном, который тогда был самой успешной поп — звездой в мире и собирался дать в Штатах серию концертов. Я сказала, что очень хочу, чтобы Джон и Джулиан наконец — то увиделись, и он вдруг предложил: «Так поехали с нами!» Я несколько опешила, но тут же поняла, что это вполне разумно. Тут в разговор включилась Патти, сказав, что ее сестра Дженни, которую я не видела шесть лет, с той самой злополучной поездки в Грецию, живет под Нью — Йорком и с удовольствием приютит меня, пока Джулиан и Джон будут вместе.

На следующий день я позвонила Питеру Брауну, взяла у него телефон Джона и позвонила. Он был несколько удивлен, но уж никак не меньше моего, после того как я с первой же попытки смогла с ним связаться после стольких лет молчания. Разговор не клеился, к светской беседе мы оба не были расположены, поэтому я сразу перешла к делу и сказала, что хочу привезти к нему Джулиана. Джон обрадовался, судя по голосу, и согласился. Я объяснила, что у меня нет денег, и он ответил, что оплатит нам два билета в каюте первого класса. Я была поражена.

Через несколько дней мы отплыли из Саутгемптона на борту трансатлантического лайнера. «Франс» был прекрасным, добрым старым судном. Это был его последний рейс, после которого его

должны были списать. Мы с Джулианом делили одну каюту на двоих и в первый вечер сидели одни за большим обеденным столом. Группа Элтона располагалась неподалеку, и мы быстро разговорились с его барабанщиком по имени Рэй Купер, который плыл вместе со своей женой. Когда Элтон, очень друживший с Джоном, узнал, кто мы, он пригласил нас в свою огромную каюту и с гордостью продемонстрировал нам дорожный кофр, предназначенный для транспортировки нескольких сотен пар его знаменитых очков. Он был само очарование, и я напомнила ему, как мы случайно встретились в аэропорту Хитроу, где он дал Джулиану автограф.

Джулиан с нетерпением ждал встречи с отцом и очень нервничал. В свои одиннадцать лет он отличался умом и обаянием, но был очень застенчив, и я надеялась, что Джон будет им гордиться. После трех лет разлуки им предстояло заново узнавать друг друга, и мне оставалось лишь молить бога, чтобы они поладили и ничто этому не помешало.

Рэй Купер и его жена были к нам очень добры. Они внимательно слушали меня, когда я делилась своими сомнениями и опасениями по поводу предстоящей встречи с Джоном. На прощание Рэй сказал: «Если понадобится помощь, звоните в любое время». Это предложение пришлось очень кстати после смерти Джона, когда Джулиан отчаянно нуждался в помощи и поддержке.

Когда наш корабль причалил к пристани, Джон и Мэй уже ждали нас внизу. Видеть его вновь было чудесно и вместе с тем мучительно. Он выглядел ужасно бледным и худым и заметно нервничал. Неловко чмокнув меня в щеку, он сгреб Джулиана в объятия. Затем представил нас Мэй, милой, но немного растерянной двадцатитрехлетней девушке.

Нас проводили к лимузину, где Джулиана посадили между Джоном и Мэй, а я села на сиденье за ними. Джон говорил только с Джулианом, я же всю дорогу смущенно молчала. Я была рада, что остановлюсь у Дженни и смогу оставить их наедине. Меня высадили у входа в отель «Пьер», в центре Нью — Йорка, где Джон заранее забронировал мне номер на сутки.

Когда я поднялась к себе в номер, меня все еще немного покачивало из стороны в сторону после морского путешествия. Я заказала себе что — то перекусить и позвонила Дженни. После того как сработал ее автоответчик, я положила трубку и перезвонила в Лондон Патти. «Я уверена, что она на месте, — сказала она. — Я предупредила ее, что ты приедешь».

Я позвонила еще несколько раз, но ответа так и не последовало. Тогда я набрала номер Джона, опасаясь, что меня

сейчас холодно поставят на место. Но, к счастью, Джон посочувствовал моему затруднительному положению и сказал, что они с Мэй и Джулианом летят завтра утром в Лос — Анджелес, — я могу полететь вместе с ними и остановиться у его друзей, барабанщика Джима Келтнера и его жены, моей тезки.

На следующий день мы встретились в аэропорту и сели в самолет. Мое место находилось в одном из последних рядов салона первого класса, а они втроем сидели впереди. Мне было обидно, но я понимала, что Джону проще держать меня на расстоянии. Ему были неприятны любые напоминания о болезненных эпизодах из прежней жизни, и я с грустью признавала про себя, что являюсь для него теперь не более чем осколком прошлого. Он предпочитал сжигать за собой мосты и начинать жизнь с чистого листа, но из — за Джулиана не мог так поступить со мной. Я видела, как ему тяжело. Мне тоже приходилось несладко, но я была благодарна Джону, что он не оставил меня одну в Нью — Йорке.

В Лос — Анджелесе нас отвезли в отель «Беверли — Хиллс», где Джон и Мэй оставили нас, пообещав, что завтра приедут и заберут Джулиана с собой на целый день. Мы хорошо провели вечер перед телевизором, без конца переключаясь с одного канала на другой, однако, когда Джон появился на следующий день, Джулиан расплакался и все время повторял: «Я хочу, чтобы мама тоже поехала». Я, как могла, старалась уговорить его, зная, что в моем присутствии все будут чувствовать себя неловко, но он спрятался за софу, рыдая и наотрез отказываясь ехать без меня.

В конце концов мы вместе поехали в Диснейленд. Для меня день проходил мучительно. Джон с Джулианом шли впереди, а я плелась следом, на некотором расстоянии, чувствуя себя лишней. Положение спасла Мэй: она непринужденно болтала со мной и была очень добра и чутка с Джулианом, благодаря ей он заметно расслабился.

После ланча с гамбургерами, прошедшего в напряженной обстановке, и долгого хождения по аттракционам под палящим полуденным солнцем я была рада, что все наконец закончилось. Я бы предпочла подождать их в отеле, и резкие манеры Джона отнюдь не улучшали моего настроения. Он все еще был мне дорог, и я до сих пор надеялась, что мы сможем стать друзьями и нормально общаться. Чего он боится, недоумевала я: неужели того, что я припомню ему старые обиды? Или захочу вернуть его? Может быть, того, что Йоко узнает, что я здесь, с ними? Вероятно, всего понемногу. Впрочем, Йоко так или иначе была в курсе, она ежедневно названивала Джону, следя за каждым его шагом. А я не собиралась ни заманивать его обратно, ни упрекать за былое.

Да, я все еще любила его, но быть с ним уже не хотела, да и пробуждать в нем угрызения совести считала бесполезным. Я рассчитывала только на дружеские отношения и на то, что он впредь не покинет Джулиана.

После того первого дня Джулиан уже спокойно ходил гулять с Джоном и Мэй, а я проводила время с Келтнерами, которые оказались очень милыми людьми. Их ужасно забавляли мои английские манеры, и они прозвали меня Мэри Поппинс. Когда Джону нужно было работать, Джулиан играл с их детьми. Джим и Син признались мне, что состояние Джона их беспокоит. Они считали, что Йоко управляет им. Она постоянно звонила, и он всегда боялся огорчить ее. Джон в шутку называл ее «мамочкой», и его любовь к ней граничила с ненавистью; он не мог оторваться от Йоко и в то же время злился и обижался на нее. Похоже, Йоко лично устроила его отношения с Мэй и отправила их прочь из нью — йоркского дома Дакота, где они жили. Что бы ни послужило причиной расставания — раздражение, скука или потребность в личном пространстве, — это решение приняла Йоко. Но вместо того чтобы просто отпустить Джона, она подыскала ему женщину по своему выбору.

Я была поражена. Если это правда, то, выходит, Джон предоставил Йоко полную власть над собой, играя в капризного ребенка под надзором строгого родителя. Куда же делся тот свободолюбивый, независимый Джон, которого я знала раньше? Почему ему так необходимо жить под каблуком женщины, которая, насколько мне известно, не очень — то и настроена демонстрировать ему свою любовь и преданность?

Очевидная параллель напрашивалась сразу — тетушка Мими. Джон вырос в тени авторитарной женщины. Это было то, к чему он привык и что было ему лучше всего знакомо. В то время как я после смерти матери дарила ему безоговорочную преданность и, любя, принимала его таким, какой он есть, Йоко обеспечивала ему безопасность и покой, исходящий от матери, которая всегда знает, что для него лучше. Прочитав несколько лет спустя интервью Йоко, где она сравнивала себя с Мими, я улыбнулась ее бесспорной проницательности.

А вот Джон и Мэй, хотя свела их Йоко, кажется, по — настоящему любили друг друга. От меня не укрылась взаимная теплота между ними, их ласковые жесты. Да и Келтнеры тоже замечали, что Мэй ему подходит и что он с ней счастлив.

В первые несколько месяцев их отношений Джон не раз попадал в скандальные газетные хроники за пьяные выходки в ночных клубах. Так, однажды он весь вечер просидел с гигиенической прокладкой, прилепленной ко лбу, и издевался

над выступавшими на сцене музыкантами. Джим и Син сравнивали его с мальчишкой, сбежавшим с уроков. После бесконечных ограничений, которыми его окружила Йоко, он пустился во все тяжкие. С Йоко Джон был настолько отрезан от бытовых проблем, что не знал, как снять наличные в банке, как купить еды в супермаркете. Но постепенно его буйство прошло, он успокоился и получал удовольствие от обычной повседневной жизни с женщиной, которая просто любила его.

Пока Джулиан и Джон общались, я проводила время с Мэлом Эвансом, бывшим гастрольным менеджером «Битлз». Джон попросил его составить мне компанию и показать город. Мне было приятно увидеться с ним снова. Устрашающе грузный на вид, он отличался на редкость добрым сердцем. Я знала его жену Лил и их двоих детей — они когда — то гостили у нас в Кенвуде — и огорчилась, выяснив, что он ушел от них и живет в Лос — Анджелесе со своей новой подругой.

Мэл позаботился о том, чтобы я не скучала. Он сводил меня в отличный мексиканский ресторан, поил коктейлями из текилы, возил по городу. Его тоже расстраивали перемены в Джоне, и при упоминании о Йоко он всякий раз неодобрительно качал головой. В последний вечер нашего двухнедельного пребывания он зазвал нас всех к себе домой. Я поделилась с Малом своими трудностями в общении с Джоном, и он, наша безотказная палочка — выручалочка, тут же захотел помочь. Поразительно, но ему это удалось: пока Мэл наливал всем выпивку, Джон и Мэй подсели ко мне, и у нас завязался разговор. Наконец — то мелькнул проблеск надежды на оттепель в наших отношениях. Впервые после нашего развода Джон забыл про стыд и чувство вины и расслабился. «Как Роберто?» — спросил он. Я сказала, что мы развелись, и он выразил сожаление. «А ты как, в порядке?» Я ответила, что да, в порядке, и рассказала о нашей с Джулианом жизни в Меолсе. Джон ударился в воспоминания о Ливерпуле, старых друзьях и попросил меня передать всем большой привет.

В разгар вечера позвонила Йоко. Мое сердце ёкнуло. Неужели Джон опять надуется, как маленький, и подожмет хвост? К моему удивлению, этого не произошло. Он вернулся к нам все с той же улыбкой. «Джулиан замечательный малый, — сказал он. — Даже не верится, Син, он так вырос! Он уже не ребенок, с ним можно спокойно говорить о серьезных вещах».

К концу вечера я исполнилась оптимизма. Лед был сломан. Джулиан с отцом провели столько времени вместе, мы с Джоном разговаривали друг с другом, и рядом с ним была женщина, которая поддерживала и одобряла его отношения с сыном.

«Скоро мы постараемся опять пригласить Джулиана», —

сказала мне Мэй, когда я высказала надежду, что Джон не станет ждать еще три года, чтобы снова повидаться с сыном. Мне она понравилась, и я очень надеялась, что они с Джоном будут еще долго счастливы вместе.

Мы с Джулианом улетели назад в Англию. Он был счастлив и полон впечатлений и рассказов о Джоне, который записал его игру на барабанах в студии и потом включил запись в один из треков альбома Walls and Bridges. Когда несколько месяцев спустя диск увидел свет, на обложке, среди прочих, стояло и имя Джулиана, чем он очень гордился.

После этой поездки Джулиан разговаривал с отцом по телефону каждые две — три недели. Обычно звонил Джон, однако Джулиан иногда набирался смелости и звонил сам. Он все еще стеснялся и испытывал некоторый трепет перед отцом, что неудивительно, учитывая эмоциональную скупость Джона и его статус всемирно известной рок — звезды. Но я надеялась, что со временем их общение станет более легким и естественным.

Ближе к Рождеству Джон пригласил Джулиана провести праздники в Штатах. Сын пришел в восторг, впрочем, как и я. Теперь мне не было нужды сопровождать его, я могла просто посадить его на рейс и передать на попечение бортпроводнику. А там, на другом конце, Джон его встретит. Все прошло по плану, и Джулиан улетел, немного напуганный, но в радостном возбуждении.

К тому времени Джон с Мэй переехали в Нью — Йорк, в квартиру, выходящую окнами на Гудзон. Джулиан описывал ее как небольшую по площади и очень светлую квартирку с двухмя спальнями. Там был балкон, на котором они часто сидели, и Джулиан сказал мне, что Джон однажды увидел оттуда НЛО.

Мэй была Джулиану как старшая сестра: она умела с ним разговаривать, и им было легко друг с другом. Джон все еще держался с ним немного напряженно и на расстоянии. Тем не менее Джулиан тогда уже начал учиться игре на гитаре у себя в школе, поэтому Джон показал ему некоторые аккорды, и они иногда с удовольствием играли вместе.

На Рождество Джон подарил Джулиану драм — машину, электронную ударную установку, на которой можно было подобрать любой ритм. Джулиану она очень понравилась, и они вдвоем пробовали играть под нее на гитарах. Джон был без ума от всяких технических штучек, и Джулиан никак не мог привыкнуть к маленькой коробочке, прилагающейся к телевизору, при помощи которой можно было переключать каналы, сидя на месте, — прообраз сегодняшних пультов дистанционного управления. С этим был связан один из самых неприятных для

Джулиана моментов его каникул. Однажды утром, когда Мэй ушла, в магазин, а Джон все еще спал в гостиной, Джулиан, устав ждать, пока папа проснется, зашел тихонько в комнату, взял коробочку и начал переключать каналы. Хотя он старался делать это тихо, Джон проснулся и начал орать на него. Джулиан, испугавшись не на шутку, бросился назад, к себе в спальню и с тех пор внимательно следил за переменами в настроении Джона, чтобы, не дай бог, не спровоцировать его снова.

Я разозлилась на Джона за то, что он так бездумно, в одну секунду выстроил еще один барьер между собой и сыном, слишком резко отреагировав на невинный проступок. Порой он проявлял поразительную черствость и жестокость, не задумываясь о последствиях и заставляя Джулиана все время быть начеку. Но, несмотря ни на что, Джулиан боготворил отца и очень обрадовался, когда тот обещал снова пригласить его на летние каникулы.

Все как будто оборачивалось к лучшему, когда, вскоре после возвращения Джулиана из Америки, мы узнали, что Джон вернулся к Йоко и что она беременна. Роды ожидались в октябре. Я не высказывала своих опасений Джулиану, только говорила, как это хорошо, что у него будет братик или сестренка, и надеялась, что Джон не отменит приглашения. Но в глубине души я боялась, как бы достигнутому взаимопониманию с Джоном не пришел конец. И еще я сочувствовала Мэй, которая наверняка страдала. Йоко пренебрежительно отозвалась об этом годе и трех месяцах как о «потерянном уикенде» Джона, а сам он заявил прессе, что его попытка жить отдельно от Йоко не увенчалась успехом. Я умоляла всевышнего, чтобы это не пошло ему во вред и чтобы он не прерывал связи с Джулианом.

Поначалу все шло нормально: Джон продолжал звонить Джулиану так же регулярно. Но со временем звонки становились все более редкими, и все чаще, когда Джулиан звонил сам, отец не подходил к телефону. Йоко или кто — нибудь из прислуги говорил, что Джон спит или занят. Разочарованный, Джулиан неделями собирался с духом, чтобы повторить попытку.

Йоко родила Джону сына Шона в день его тридцатипятилетия, 9 октября 1975 года. Меня впечатлил столь безупречный временной расчет, и, несмотря на мои опасения касательно Джулиана, я была рада за Йоко, у которой до того случилось несколько выкидышей.

Джулиану не терпелось посмотреть на маленького братика, но запланированный на лето визит так и не состоялся. Шона он увидел только через два года.

Тем временем у меня появился новый мужчина. Моя старая

подруга по колледжу Хелен Андерсон, работавшая модельером, познакомила меня с телевизионным инженером по имени Джон Твист. Он был на шесть лет моложе меня, и довольно скоро мы начали встречаться. Однажды он подъехал к моему дому на машине, со своей собакой на заднем сиденье, и сообщил, что потерял и дом, и работу. Я совершенно растерялась. Хотя он мне нравился, я не была готова поселить его у себя. Однако поступила именно так, поскольку никогда не умела отказывать. Лишь намного позже мне стало известно, что на момент нашей встречи он был женат. Я пришла в ужас: когда обман раскрылся, мы уже какое — то время жили вместе. Таким образом ростки недоверия между нами были посеяны в самом начале, и, несмотря на то, что Джон всегда был со мной предупредителен и заботлив, я так и не научилась полностью доверять ему.

Незадолго до знакомства с Джоном Твистом я приобрела за пятнадцать тысяч фунтов симпатичный, хотя и обветшалый дом в Денбишире, на севере Уэльса, и планировала привести его в порядок. Ремонт занял около года, и мы втроем переехали туда. Пусть нам с Джоном и было хорошо вместе, но я сознавала, что он не мужчина моей мечты. Во — первых, я ему не совсем доверяла, а во — вторых, постепенно начала замечать, что он не слишком привязан к Джулиану. Однако я не из тех, кто способен порвать отношения, не испробовав все возможные способы их наладить, поэтому, отбросив сомнения, 1 мая 1976 года я вышла замуж за Джона. И только когда на свадебной вечеринке Хелен Андерсон спросила: «Син, скажи, с чего ты вдруг решила выйти за него замуж?» — я была вынуждена признаться самой себе, что совершила ошибку. Если бы она сказала мне это чуть раньше… может, я бы и передумала. Джон и Йоко прислали нам телеграмму: «Наши поздравления. Удачи, и да благословит Бог вас троих. С любовью, Джон и Йоко». Меня это немного приободрило.

Какое — то время спустя позвонил Джон и пригласил Джулиана приехать к нему на каникулы и познакомиться с Шо — ном. Джулиану тогда уже было тринадцать, он ходил в школу в Ритине, как и его друг Джастин. Джулиану там, похоже, нравилось, особенно он отличался на уроках изобразительного искусства. В школе он вступил в ССF[31], Объединенный кадетский корпус, и стал лучшим кадетом года. Приглашение отца несказанно обрадовало Джулиана, и я посадила его на самолет с подарками для Шона, заверив — не столько его, сколько себя, — что все будет хорошо.

Джулиану очень понравился Шон. которому уже был почти годик. По телефону он рассказывал мне, что его брат учится

ползать и сидит у него на коленях, когда они смотрят телевизор.

В доме гостили еще две девочки, родственницы Йоко — он так и не понял, кем именно они ей приходятся. Я знала, что у Йоко по — прежнему не было никаких сведений о местонахождении дочери, и, наверное, девочек пригласили одновременно с Джулианом ей в утешение. Джон и Йоко отвезли детей на Лонг — Айленд, где все они провели какое — то время относительно спокойно и без происшествий.

Правда, вернувшись домой, Джулиан поведал мне, что в Нью — Йорке его ограбили. Во время прогулки Джулиан увидел в витрине магазина губную гармошку. Дома он сказал отцу, что хочет купить ее, и тот ответил — пожалуйста. Джулиан, робкий от природы, боялся идти один, но Джон, желая, вероятно, немного закалить характер сына и приучить его к самостоятельности, отказался проводить его или кого — то с ним послать: «Если она тебе так нужна, иди и купи сам». Джулиан в конце концов отправился в магазин, но у входа немного замешкался в нерешительности, и тут же к нему подскочили двое подростков, ударили, отобрали деньги и убежали. Хорошо, что я не знала об этом раньше, иначе высказала бы Джону все, что думаю о тех, кто посылает детей без присмотра на улицы Нью — Йорка.

Джулиан был, конечно, рад новой встрече с отцом, но в доме Джона и Йоко он все же чувствовал себя аутсайдером, а они не давали себе труда оказать ему моральную поддержку. Было много случаев, когда при желании они запросто могли бы избавить мальчика от чувства неловкости. Меня расстраивало, что Джон не проявлял большей чуткости в этом вопросе, ведь он сам не раз бывал в подобном положении, когда в том же возрасте, что и Джулиан, навещал свою мать Джулию, Бобби и девочек. К сожалению, Джон не прилагал никаких усилий, чтобы помочь Джулиану освоиться в новой семье отца.

Джон не осознавал также и разницы в уровнях жизни своих детей. В то время как Джулиан жил в весьма скромном достатке, спальня Шона была завалена самыми дорогими на свете игрушками. Джон расшибался в доску, чтобы достать Шону все, что он только изволит пожелать, а Джулиану на день рождения и Рождество дарил довольно скромные подарки. Джулиан был не жаден до вещей, зато очень наблюдателен, поэтому не мог не заметить, сколько роскоши, а главное — отцовского времени и внимания достается младшему брату.

Позже я узнала от Джулии, сестры Джона, которая тогда часто общалась с ним по телефону, что он очень сожалел, что в свое время почти не занимался Джулианом, и не хотел повторять

прошлых ошибок с Шоном. Интересно, а как Джулиан мог понять это, если Джон ничего ему не говорил и никак не пытался наверстать упущенное? В итоге Джулиан остро ощущал, насколько по — разному отец относится к нему и к Шону. Стоило Джону хоть немного постараться и быть с Джулианом ближе и откровеннее, я уверена, все было бы по — другому. Джулиан любил отца и тянулся к нему, но как всякий подросток, очутившийся в непривычной обстановке, вдали от дома, он стеснялся и нуждался в поощрении. Джон, несомненно, тоже любил старшего сына, но, к сожалению, не умел демонстрировать свою любовь, а ведь Джулиану этого так не хватало.

ГЛАВА 19

По решению суда после развода я могла рассчитывать на проценты с денег, положенных на депозитный счет Джулиана, и оплачивать его учебу в школе. Когда родился Шон, депозит был урезан вдвое, равно как и набегавшие по нему проценты. Кроме того, в соответствии с этим же соглашением сумму, которая причиталась Джулиану по достижении совершеннолетия, ему также предстояло разделить с Шоном. Для меня это стало серьезным ударом: состояние Джона насчитывало миллионы фунтов. Неужели он не мог оставить счет Джулиана нетронутым и открыть на имя Шона новый депозит? Кроме того, Джон и Йоко были наравне со мной доверительными собственниками этого счета, и чтобы снять с него какие — либо деньги, мне требовались их подписи. В связи с этим всякий раз происходила задержка. Я была вынуждена заказывать большую сумму, беря у банка кредит, а это в итоге сокращало получаемые мной проценты по депозиту, на которые я изначально рассчитывала.

После очередной поездки Джулиана в Штаты я решила обратиться к Джону с просьбой. Мое письмо было сдержанным, вежливым и вполне конкретным. В нем я пыталась объяснить, что, поскольку он и Йоко все время находятся за пределами Англии, мне невероятно трудно снимать деньги со счета Джулиана.

Без твоей подписи не делается ничего. Это означает, что я постоянно в долгу перед банком, и мне приходится ждать и уповать на благосклонность твоих адвокатов… Я очень беспокоюсь за Джулиана. Условия его жизни не должны меняться к худшему из — за недостаточно эффективного управления делами с твоей стороны, что стало нормой с тех пор, как был открыт счет. Сумма, которая должна была уже удвоиться благодаря размерам вклада, постоянно уменьшается из — за того, что ты не проявляешь к этому никакого интереса… Пожалуйста, давай решим вопрос по — хорошему, чтобы всем было удобно… Если так пойдет дальше, то к 25 годам счет Джулиана попросту обнулится, и он захочет узнать, почему так вышло… Одно дело сражаться за свои права, однако бороться против интересов своего собственного сына — абсурдно, но пока, по — моему, именно это и происходит.

Я предложила Джону назначить доверителей по вкладу в Англии и по возможности разделить счет на две части, чтобы было проще. Закончила я так: «Береги себя, Йоко и малыша Шона — на фотографиях он просто прелесть. Передай мою благодарность Йоко за то, что она была добра к Джулиану, когда

он жил у вас летом, особенно за обратные билеты на «конкорд». Этот полет он запомнит на все жизнь. С наилучшими пожеланиями, Син».

Слава богу, ответ Джона был положительным, и мне стало гораздо проще снимать деньги. Я была рада, что ему хватило здравого смысла понять, что не стоит усложнять и без того непростую жизнь Джулиана. Мне казалось, что наши дела немного продвинулись в лучшую сторону, но, увы, чувство удовлетворения улетучилось очень скоро.

К тому времени по настоянию Джона Твиста мы на год переехали в Ирландию, так как я задумала написать книгу о своей жизни. Мы подыскали себе домик в тихой деревушке Килмакэнок, графство Уиклоу. Одно издательство проявило интерес к книге, и я принялась за работу. Слишком углубляться в подробности я не собиралась, и воспоминания получились довольно общими и поверхностными. По — моему, Джон Твист рассчитывал, что на них мы заработаем состоя — ние, но книга только разозлила Джона и Йоко, больше ничего. Еженедельная газета News of the World опубликовала сенсационную статью о ее скором выходе в свет, поместив рядом фотографии Джона и Йоко. Боясь скандальных откровений с моей стороны, они попытались сорвать выпуск книги. Им это не удалось, поскольку ничего предосудительного в ней не было. Более того, опасаясь за благополучие Джулиана, я сознательно избегала упоминаний о чем — либо, что могло их обидеть. Однако угроза судебного разбирательства снова замаячила на моем горизонте.

На время нашего отсутствия я устроила Джулиана в интернат при его школе в Ритине. Он страшно туда не хотел и перед отъездом увешал весь дом записками, типа: «Не заставляй меня это делать». Я пообещала, что, если ему не понравится, я сразу же вернусь. Но Джулиану понравилось, и он прекрасно провел этот год.

Впрочем, к 1978 году мы вернулись, так как я не находила никакой радости в жизни вдали от Джулиана и мамы. В Ритине мы купили старенький городской дом, отделали его, и вскоре после этого мне приглянулось здание в центре, которое, по моим представлениям, вполне можно было превратить в бистро и маленькую гостиницу. Денег на такую крупную покупку у меня не хватало, но мы взяли ссуду под залог недвижимости и начали реконструкцию.

Через некоторое время мы открыли бистро Oliver's. Над ним располагалась небольшая семейная гостиница, которой согласились управлять родители Джона, а на самом верху — квартирка, где поселилась моя мама. Когда Джон и Йоко

пытались запретить к выходу мою книгу, она очень переживала, у нее случился удар и вскоре обнаружились первые симптомы болезни Альцгеймера.

На работу в бистро мы позвали Энджи Маккартни, бывшую жену брата Пола, Майка. У нее были большие проблемы со здоровьем; в свое время она страдала булимией и анорек — сией, развелась на этой почве с Майком, и ему передали опекунство над их тремя дочерьми. Энджи прекрасно готовила, и кроме того, я хотела помочь ей встать на ноги. Мы выделили ей одну из комнат гостиницы, и, когда дочери приезжали к ней в гости на выходные, они тоже жили у нас.

Время для меня настало очень сложное. Нужно было следить за бистро, гостиницей, мамина болезнь прогрессировала, и она все время что — нибудь забывала, Энджи, психически неуравновешенная, часто не выходила на работу. Мне нравилось быть занятой; в кругу людей я чувствовала себя лучше, чем в одиночестве, но иногда так изматывалась, что думала: может, я слишком много на себя взвалила? Да и мое замужество, непрочное с самого начала, судя по всему, разваливалось на части.

Весной 1979 года, на пасхальные каникулы, Джон пригласил Джулиана в Америку, чтобы отпраздновать там его шестнадцатый день рождения. Они продолжали иногда общаться по телефону, Джулиан тянулся к отцу еще и потому, что сам мечтал стать музыкантом и даже сколотил свою любительскую группу. Поддержка и советы Джона были бы для него особенно ценны на этом этапе.

В начале апреля Джулиан, полный надежд, полетел в Штаты. После того как они провели несколько дней в Нью — Йорке, Джон сообщил, что вся семья едет во Флориду. Джулиана и своего личного помощника, молодого человека по имени Фред Симен, он снарядил туда раньше остальных, и они отправились в путь на микроавтобусе. Пожелав Джулиану счастливого пути, Джон обещал присоединиться к ним чуть позже. Фред был дружелюбным и добрым малым, но Джулиана не покидала мысль, что отец просто решил избавиться от него.

Когда через пару дней Джон с семьей приехал на место, Фред обучал Джулиана водить машину. Джон пришел в ярость оттого, что они не спросили у него разрешения, и наорал на обоих. Испугавшись, Джулиан убежал к себе в комнату.

По какой — то причине — Джулиан так и не понял, почему — Джон решил отметить день рождения сына на несколько дней раньше, отправившись всей семьей в море на яхте и прихватив с собой большой праздничный торт. Все было хорошо до тех пор,

пока кто — то проплывавший мимо не узнал Джона. Пикник тут же свернули, так и не разрезав торт, и вся группа вернулась на берег. Торт Джулиан попробовал уже в отеле, однако возобновлять прерванный праздник никто не стал. Правда, ему очень понравился подарок — мотоцикл, который Джон заранее, за несколько недель, прислал к нам домой в Уэльс.

Со старшим сыном Джон вел себя по — прежнему непредсказуемо: то шутил и смеялся, то вдруг впадал в ярость. Иногда он срывался и на Шона, пугая его до слез. Когда Джон выходил из себя, Фред Симен или Йоко вставали на защиту малыша. Джулиан же сидел, как на иголках, и обычно чувствовал приближение вспышек гнева, старясь заранее скрыться у себя в спальне, чтобы ему не досталось.

Один такой инцидент с отцом травмировал его на всю жизнь. Вся семья была в сборе, они пекли блины по рецепту от Микки — Мауса, дурачились и веселились. Джулиан над чем — то захихикал, и Джон внезапно набросился на него: «Ненавижу, когда ты так ржешь, черт тебя подери. Чтобы я больше не слышал этого блядского смеха!» Оскорбительная тирада не смолкала, пока Джулиан в слезах не убежал к себе. Это было чудовищно жестоко и оставило тяжелый осадок в его душе. Джулиан до сих пор очень редко смеется.

Сын вернулся домой с мрачными рассказами об эксцентричном образе жизни, который Джон и Йоко вели в Дакоте. Йоко заправляла делами из апартаментов этажом ниже (им принадлежало пять квартир в здании), так называемой Первой студии, где располагался ее офис. В семейных апартаментах Йоко практически не появлялась и часто даже ночевала в офисе. С Шоном занималась няня Хелен Фриман, тетя Фреда, а Джон большую часть суток проводил в постели. Джулиан старался не мешать отцу, но иногда набирался смелости и заглядывал к нему. Джон, как правило, сидел в кровати с гитарой, телефоном и чашкой кофе, перед постоянно включенным телевизором. Он любил смотреть новости и часто кричал в телеэкран: «Полная херня!» — если был с чем — либо не согласен. Потоптавшись, Джулиан так же тихонько уходил из отцовской спальни и шел играть с Шоном. Не похоже, чтобы Джон занимался домом или заботился о своем маленьком сыне. За Шоном смотрела Хелен, и бывали времена, когда он подолгу не виделся с обоими родителями. Джон продолжал жить в своем узком замкнутом мире, ограниченном стенами его спальни. Он передал бразды правления и право принятия решений Йоко, сказав как — то Джулиану: «Она лучше знает». Сочинять музыку или делать еще что — нибудь ему, похоже, было тоже

неинтересно.

Вернувшись в Уэльс, Джулиан продолжал звонить отцу, но все чаще трубку брала Йоко и не давала им поговорить. Джулия, сестра Джона, сталкивалась с такими же трудностями. Когда, довольно редко, у Джулиана все же получалось добиться разговора, Джон был рад его слышать и с удовольствием рассказывал о своей жизни и ближайших планах.

К концу 1980 года Джулиан стал чувствовать, что в их отношениях с отцом вот — вот наступит настоящий прорыв. Джон наконец занялся записью нового альбома, Double Fantasy.

Он стал звонить Джулиану гораздо чаще. Казалось, по мере того, как творческие силы его прибывают, он начинает просыпаться и понимать, что его сын нуждается в нем. Он даже играл Джулиану треки для будущей пластинки и спрашивал его мнение. Такого никогда прежде не случалось — и это действовало на Джулиана самым благотворным образом, придавало ему уверенности в себе.

И вот именно тогда, когда у них с сыном наметился явный сдвиг в сторону сближения, когда жизнь Джона начала заходить на новый виток, его застрелили у здания Дакота, по возвращении из студии. В Нью — Йорке было около одиннадцати вечера, 9 декабря[32], когда Марк Чапмен, попросивший у него несколькими часами ранее автограф и обменявшийся с ним парой дружеских фраз, застрелил его четырьмя выстрелами в упор. Две пули попали Джону в спину и две в плечо. Пятая пролетела мимо. Йоко в тот момент находилась в нескольких шагах позади него. Страшно представить, какой ужас она испытала, наблюдая за этим. Джон, шатаясь, прошел еще шесть ступенек ко входу в здание, потом упал. Пока Йоко вызывала «скорую», портье, хорошо знавший Джона, накрыл его своим пиджаком и нажал кнопку, которая связывала его напрямую с полицией. Прибывшие через пару минут полицейские решили, что дожидаться «скорой помощи» нет времени, отнесли Джона в свою машину и помчались в больницу, где Джон вскоре умер от потери крови.

В то утро Джулиан проснулся в своей спальне в Уэльсе с дурным предчувствием. Я была в отъезде, но, увидев собиравшихся около дома репортеров, он сразу понял, что произошло какое — то несчастье, и именно с Джоном. Он бросился с расспросами к Джону Твисту — тот, как я и просила, посоветовал ему дождаться моего возвращения.

Когда я приехала, мы долго сидели вдвоем и плакали, пытаясь утешить друг друга. Джулиан был настроен лететь в Нью — Йорк, но я до последнего боялась отпускать его одного. В конце концов он настоял на своем, и мы вместе поехали в

аэропорт. В семнадцать лет Джулиан поразительно напоминал отца — тот же орлиный профиль, та же худоба. У него были длинные волосы, и в своей кожаной куртке и джинсах он вполне мог сойти за молодого Джона. Я смотрела, как он уходит на посадку, и у меня разрывалось сердце. Я понимала, что во время полета он будет морально готовиться к тому, что его ожидает, и обязательно постарается держать себя в руках. Мне так хотелось защитить его от жгучей боли, которую я прекрасно понимала не только потому, что тоже оплакивала Джона, но и потому, что знала по себе, каково это — потерять отца в семнадцать лет.

Потом Джулиан рассказывал, что весь полет провел как в полусне, утратив ощущение реальности. Вокруг мелькали заголовки газет со статьями об отце, в голове билась единственная мысль — поскорее попасть туда, где он в последний раз видел отца.

Фред Симен встретил Джулиана в аэропорту и отвез в Дакоту, выразив по дороге соболезнования. На площади перед зданием поклонники Джона распевали его песни, которые в те дни транслировались чуть ли не по всем радиостанциям страны.

Как только они вышли из машины, на них накинулись репортеры. Увидев сына Джона, плотная масса народа взволнованно заходила ходуном. Заработали вспышки фотокамер, началось столпотворение, люди в экстазе выкрикивали его имя. Джулиан, не ожидавший подобного, закрыл лицо руками и продолжил продираться сквозь толпу к служебному входу за подземной парковкой, к счастью, не мимо того места, где упал Джон.

Йоко и Шона в Дакоте не было. Шона забрала няня, и Йоко наказала всем не говорить ему о гибели Джона, пока она сама не соберется все ему объяснить. Фред, по словам Джулиана, был безутешен. Он постоянно находился рядом с Джоном последние два года и очень любил его. В какой — то момент он отвел Джулиана в сторону и тихо предупредил, что Йоко исключит его из всех запланированных на ближайшее время мероприятий. «Она сделает все, чтобы о тебе никто и не вспомнил, — сказал он. — Шон — единственный, кто что — то для нее значит. Для тебя в ее мире просто нет места». Слова Фреда звучали жестко, но последовавшие недели и месяцы показали, что он был абсолютно прав.

Потерянный, ошеломленный и шокированный, Джулиан не имел ни малейшего представления, что ему делать и куда идти. Он просто сидел в столовой и ждал, наблюдая, как какие — то служащие ходят перед ним туда — сюда. В конце концов его пригласили к Йоко. Она встретила его лежа в постели, на которой

они с Джоном спали, спокойная и сосредоточенная. Йоко предложила Джулиану спуститься с ней вниз, чтобы посмотреть на место, где Джон упал, сделав несколько шагов после выстрелов. Там до сих пор оставались пятна его крови. «Хочешь увидеть Джона, прежде чем его кремируют?» — спросила она. Джулиан отклонил оба предложения, сказав, что предпочитает сохранить отца в памяти таким, каким знал его.

«Я не знаю, как сказать Шону», — призналась Йоко, поддавшись минутной слабости. Джулиан посоветовал ей сказать обо всем прямо, и она спросила, не мог бы он пойти с ней. Йоко понимала, что Шону вскоре придется все рассказать: он уже видел Джулиана, был очень рад приезду старшего брата, но все время спрашивал: «А почему Джулиан здесь? А где папа?» Джулиан, который так и не научился врать, не знал, что ответить.

На следующий день Йоко и Джулиан пришли в комнату к Шону. «В итоге мы оба поговорили с ним, — рассказывал потом Джулиан. — Мы объяснили, что папа умер, и, когда

Шон наконец все понял, он разрыдался. Я крепко обнял его и добавил, что папиным убийцей займутся судьи. «Те судьи, которые на теннисе или на баскетболе?» — спросил он. «Нет, это будут другие судьи».

Чуть позже Йоко распространила заявление:

Я рассказала Шону, что произошло; показала ему фотографию отца на первой странице газеты и все объяснила. Я отвела его на то место, где упал застреленный Джон. Он меня спросил, почему тот человек стрелял в папу, если папа ему нравился, и я ответила, что он, скорее всего, болен. Шон заявил, что нужно узнать, больной он или действительно хотел убить Джона. Я сказала, что это решат судьи. А он: судьи, которые судят теннис или баскетбол?.. Именно так Шон разговаривал со своим отцом. Они были друзьями. Если бы Джон это услышал, он бы гордился Шоном.

Потом Шон плакал. Еще он сказал: «Теперь папа — часть Бога. Мне кажется, когда ты умираешь, ты становишься большим — большим, потому что ты теперь часть всего на свете».

Мне нечего добавить к его словам.

Церемония прощания состоится 14 декабря, в 2 часа дня: десятиминутным молчанием мы почтим память Джона.

Все наши мысли будут с вами.

С любовью, Йоко и Шон.

Это заявление, опубликованное в газетах по всему миру, наглядно показывает, через что пришлось пройти Джулиану. Он не упоминается, как будто бы его не было рядом с Йоко и Шоном. Йоко даже процитировала высказывание Джулиана как свое

собственное. Ни слова о том, что старший сын Джона тоже потерял отца. Имя Джулиана не включено в подпись. Такая бесчувственность поразила меня до глубины души. Джон гордился бы Джулианом не меньше, чем Шоном. В течение тех страшных дней Джулиан неизменно проявлял мужество и выдержку, да к тому же еще вынужден был ми — риться с тем, что Йоко не допускала его участия в своих официальных выступлениях по поводу гибели Джона.

На следующее утро Джулиана снова пригласили в комнату Йоко. «Потрогать хочешь?» — спросила она, указывая на урну с прахом, стоявшую над камином. Джулиан в ужасе остановился как вкопанный и уставился на урну. Машинально он подошел и прикоснулся к ней. Она была еще теплой.

Конечно, Йоко хотела как лучше, думая, что это поможет Джулиану почувствовать внутреннюю связь с отцом и попрощаться. Но для него, осознавшего в ту самую секунду, что перед ним прах отца, это был кошмар. Прошло всего сорок восемь часов после смерти Джона. Хотя Джулиан и знал, что похорон не будет, — Йоко уже заявила об этом прессе, — но он не был морально готов к тому, что ему покажут какой — то сосуд и скажут: вот, мол, это папа. Все, что от него осталось. Он потом еще долго не мог оправиться от потрясения.

Йоко тем не менее любезно предложила Джулиану пригласить кого — нибудь из своих друзей, чтобы составить ему компанию. Джулиан с благодарностью согласился и вызвал к себе Джастина. Все было организовано очень быстро, и скоро Джастин прилетел в Нью — Йорк. Тогда у Йоко возникла идея отправить их вместе с Фредом в Колд — Спринг — Харбор, на Лонг — Айленде, где они с Джоном в прошлом году купили дом. Она посчитала, что ребятам будет легче вдали от тысяч людей, окружавших Дакоту. Йоко с Шоном позже тоже собиралась туда поехать, чтобы не травмировать Шона видом многолюдных толп на прощальной церемонии 14 декабря. Около ста тысяч человек собралось в Центральном парке возле Дакоты. Все крупные телеканалы и радиостанции приостановили свои обычные программы, чтобы дать людям во всем мире возможность следить за происходящим. В доме на Лонг — Айленде Йоко запретила включать телевизор и радио, чтобы оградить Шона от новостей. Джулиан всю церемонию лежал тихо на кровати в своей спальне, думая об отце.

Это мероприятие заменило похороны, провести которые, как считала Йоко, было бы чрезвычайно затруднительно, учитывая такое количество поклонников. И кремацию она организовала срочно именно из опасения, что обнаружение места, где

находится тело, может вызвать нездоровую реакцию толпы. Наверняка ей было тяжело на это решиться, еще не пережив первый шок от смерти Джона, и я ей искренне сочувствовала. И все же большинство тех, кто знал и любил Джона, были расстроены тем, что им не позволили присутствовать на похоронах или на традиционной поминальной службе.

Одни апартаменты в Дакоте, соседние с главными, были предназначены исключительно для инструментов Джона. Там стоял белый рояль, на котором Джон сочинил Imagine в Титтенхерсте, десятки разных гитар, и Джулиан с Джастином провели там много часов, слушая музыку Джона.

Я попросила Джастина, с которым Джулиан дружит до сих пор, вспомнить о тех днях. И вот что он мне написал.

Атмосфера в Дакоте отдавала сюрреализмом: через дорогу от нас, у Центрального парка, сутками толпились люди, по ночам они зажигали свечи и пели песни. Повсюду стояли полицейские кордоны…

В здание мы проникали через подземную парковку, к западу от главного входа, около которого все и произошло. Помню, какой ужас охватывал меня, когда я проходил мимо главного входа.

Мы жили в тех же апартаментах, что и Йоко с Шо — ном, и спали в большой белой комнате, на белых японских футонах.

Мне все время казалось, что Джон где — то здесь, что он просто вышел ненадолго — хотя я никогда раньше не бывал в его доме. Его вещи окружали нас со всех сторон. Помню стереосистему в большой гостиной, совмещенной с кухней. Глядя на нее, я живо представлял себе, как всего несколько дней назад Джон заводил здесь пластинки, смотрел телевизор. Его присутствие ощущалось повсюду. Йоко, проводившая большую часть времени в своей спальне, изредка выходила к нам, и мы сидели вместе, пили чай, иногда что — то ели — еду готовил шеф — повар.

Часто приходил Элиот Минц [бывший диджей, ставший близким другом и доверенным лицом Джона и Йоко. — С. Л.]; еще какие — то люди, в основном сотрудники офисов Джона и Йоко с нижних этажей, постоянно сновали туда — сюда. В целом складывалось впечатление, что все глубоко потрясены, но не опускают руки, а пытаются как — то осмыслить происходящее и по мере сил поддержать Йоко, Джулиана и Шона. Шон был слишком мал, чтобы до конца понимать, что случилось. Он запомнился мне светлым и добрым мальчиком. Его комната находилась рядом с гостиной, и он обычно сидел там, играл в свои игрушки, в общем, вел себя как всякий ребенок, которому

недавно исполнилось пять лет.

Йоко была ошеломлена случившимся, что, конечно, объяснимо. Но вела она себя вполне адекватно. Она показалась мне очень умной женщиной, она внушала известное уважение и разговаривала с нами, подростками, как со взрослыми.

Все это было очень печально и навсегда изменило мою жизнь. Я и сам любил музыку Джона. Первый альбом, который я услышал еще ребенком, был Abbey Road. Помню, как Джулиан дал мне послушать Mind Games — отец подарил ему несколько дисков во время очередного визита. Мне нравился этот альбом, особенно заглавная песня.

Из нашей жизни в Дакоте мне еще вспоминается, как мы с Джулианом заходили в соседние апартаменты, тоже принадлежащие семье, где Джон хранил свои музыкальные инструменты и иногда записывал на магнитофон черновые наброски новых песен. Все гитары содержались в отдельной комнате, и некоторые из них я сразу узнал, вспомнив теле- и кинокадры с «Битлз». Там же стоял белый рояль, на котором Джулиан иногда что — нибудь наигрывал. И еще виниловый проигрыватель, который мы ставили на пол посреди комнаты, садились рядом и слушали пластинки. Как — то мы завели альбом Plastic Ono Band, снова и снова проигрывали любимые песни и плакали. Этого я никогда не забуду.

Время от времени Элиот вывозил нас на прогулку по городу, показывал достопримечательности — я ведь никогда раньше не был в Нью — Йорке. Потом мы поехали на Лонг — Айленд, где у Джона и Йоко был дом на побережье в Колд — Спринг — Харбор. Мы провели там около недели. Зима в тот год выдалась очень холодная, даже море замерзло. Мы купались в бассейне рядом с домом. Бассейн был накрыт пластиковым колпаком, чтобы тепло не уходило, и под ним было как в сауне. Мы веселились, выбегая из дома по снегу и прыгая в воду. В доме мы в основном играли на бильярде и слушали музыку из музыкального автомата. Кажется, Фред был с нами.

Общее ощущение — это невыносимая грусть и чувство утраты вперемешку с новыми впечатлениями, думаю, не только для меня, но и для Джулиана тоже. Он держался молодцом, к тому же Йоко старалась, чтобы мы получили от этой поездки по максимуму — выбирались на прогулки, развлекались хоть как — то. Не берусь судить, какие чувства испытывал Джулиан, хотя, конечно, могу себе представить. Мне лично казалось, да и сейчас кажется, что ему было особенно больно оттого, что он только начал налаживать отношения с отцом, они почти стали друзьями. На мой взгляд, Джон хотел восстановить контакт с Джулианом и

собирался уделять ему больше внимания. Я высказываю только свои предположения, но, думаю, это похоже на правду.

Пожалуй, Джастин в целом верно описал, что происходило с Джулианом. Его горе не знало границ, но присутствие Джастина позволило ему немного отвлечься, порой они даже ненадолго забывали о трагедии и вели себя как обычные подростки, приехавшие в Америку.

Через пару недель Джулиан засобирался домой, но Йоко попросила его остаться еще на некоторое время, чтобы присутствовать на торжественной церемонии открытия посвященного Джону мемориала Strawberry Fields в Центральном парке. Предполагалось, что там соберутся представители мировой прессы, поэтому Йоко попросила Джулиана сопровождать ее и Шона, чтобы не нарушать целостность семьи, и убедила его надеть кепку и шарф Джона. Джулиан согласился с большой неохотой, в надежде, что это поможет сближению двух семей Джона. Он еле достоял до конца мероприятия и не мог дождаться, когда наконец можно будет уйти и снять кепку и шарф. Носить вещи отца на людях было для него безумно тяжело. При этом он чувствовал, что Йоко хотела не просто подчеркнуть его сходство с Джоном, но и показать всем, что у нее добрые отношения с Джулианом. На самом деле это было не так: он видел, что ей, по сути, нет до него никакого дела.

Перед отъездом Джулиана Йоко предложила ему и Шону выбрать себе по гитаре из коллекции Джона. Джулиан попросил свою любимую, черную «Ямаху» с жемчужной инкрустацией в виде дракона. Он помнил, как Джон играл на ней и пел Шону песни. Йоко сказала, что ту гитару дать не может, и отдала ему две другие, но они были ему незнакомы и мало что для него значили. Это единственные вещи Джона, которые были когда — либо отданы Джулиану. Позже, еще раз посетив Дакоту, он увидел, что Шон полностью распоряжается всем музыкальным оборудованием Джона, в том числе и гитарой, о которой он так мечтал.

Джулиан вернулся как раз к Рождеству. Я очень беспокоилась, пока он был в Нью — Йорке, и была рада видеть его дома. Сын приехал мрачный, подавленный и несчастный — не только в связи со смертью отца, но еще и потому, что его обидело отношение Йоко. То, как она распоряжалась вещами Джона, в его понимании, свидетельствовало о ее полном к нему безразличии. Джулиан чувствовал, что его пригласили в Нью — Йорк только потому, что иначе это выглядело бы уж совсем неприлично.

Не только Джулиан подвергся подобному остракизму: о смерти Джона никому из его родственников не сообщили лично,

хотя, конечно же, пресса опередила всех и вся. «Родственники любят тебя только из — за денег». — именно так будто бы сказала Джулиану Йоко. Подобная позиция, на мой взгляд, ничего кроме сожаления не заслуживает. А в отношении семьи Джона она еще и в корне неверна. Его деньгами они никогда не интересовались и любили его просто потому, что он был им родной человек.

Рождество и Новый год мы отпраздновали тихо и спокойно. Репортеры все еще болтались вокруг бистро, но мы с Джоном Твистом и Энджи продолжали работать как обычно. Джулиан все это время слонялся как неприкаянный, спал или ходил к Джастину, который жил в паре миль от нас. Я внимательно наблюдала за ним, опасаясь, как бы он не впал в депрессию. Мысли о Джоне не покидали нас: его песни возглавляли хит — парады. Альбом Double Fantasy, вышедший в свет за пару недель до его гибели и не имевший особого успеха, теперь был распродан шестимиллионным тиражом. По радио постоянно звучала его музыка, повторялись его старые интервью, в газетах печатались все новые статьи и воспоминания о нем, в магазинах появились галстуки, кружки и прочие сувениры. Если он был популярен при жизни, то после смерти стал популярнее в десять раз. Было ужасно осознавать, что Джону пришлось умереть, чтобы зазвучало столько славословий в его адрес.

Вскоре Йоко выпустила сингл под названием Walking on Thin Ice — обрывки фраз Джона вперемешку с ее пением. Мне композиция показалась жуткой, хотя она стала самой успешной в карьере Йоко. Далее последовал альбом Season of Glass, на обложке которого была фотография очков Джона, заляпанных кровью, поднятых на месте его гибели. В интервью после выхода альбома она сказала, что хотела донести суровую реальность до общественного сознания. Не знаю, как общественности, а Джулиану суровой реальности хватало и так, он бы вполне обошелся без мучительных напоминаний о ней на каждой витрине.

На Новый год у нас объявился неожиданный гость, Фред Симен. Он специально приехал из Нью — Йорка, чтобы сообщить нам, что последние шесть лет Джон вел подробные дневники. Из его рассказа следовало, что за несколько месяцев до своей гибели, во время поездки на Бермуды, Джон попросил Фреда в случае, если с ним что — нибудь случится, передать эти дневники Джулиану.

Фред вывез дневники из Дакоты и передал на хранение надежному другу в Нью — Йорке. Этот «друг» обещал снять с них копию, чтобы Фред мог вернуть оригиналы Йоко, но, осознав их материальную ценность, решил оставить их себе. Фред сказал,

что продолжает переговоры о возвращении дневников и надеется вскоре передать их Джулиану. Мы поблагодарили его за хлопоты и провели весь вечер в воспоминаниях о Джоне.

Джулиан был очень взволнован и тронут, узнав, что Джон хотел оставить ему что — то настолько личное. Сын надеялся, что дневники помогут ему понять отца и что, познакомившись с его самыми сокровенными мыслями за последние годы, он сможет проникнуть глубже в душу Джона, чего ему раньше никогда не удавалось.

Печально, но Джулиан до сих пор не прочитал эти дневники, потому что Фреду так и не удалось их заполучить. За определенную мзду их вернули Йоко, которая добилась ареста Фреда по обвинению в краже имущества в особо крупных размерах. В 1983 году он был приговорен к пяти годам лишения свободы условно (потом срок сократили до трех лет). Дневники остаются в собственности Йоко, но Джулиан знает, что они предназначались ему, и это уже немалое утешение.

Нам было известно, что Джон оставил завещание, но мы не имели представления о его условиях. В любом случае, я не сомневалась, что Джон что — то оставил Джулиану. Сколько бы ошибок он ни совершил как отец, он любил Джулиана и наверняка хотел, чтобы Джулиан был признан как его сын и достойно обеспечен. Я не допускала мысли, что он мог пренебречь этим долгом. Единственное, что меня беспокоило, это то, что Джона не интересовали юридические тонкости, и он всегда передоверял такие вопросы другим. Поэтому вряд ли он позаботился о том, чтобы процесс вступления в наследные права прошел без лишних осложнений. Достаточно вспомнить, сколько проблем у нас было на первых порах с его депозитным вкладом.

В конце концов нам сообщили, что Джон оставил свое состояние, насчитывающее значительно больше ста миллионов фунтов (потом оно выросло до нескольких сотен миллионов), Йоко и их потомкам: Джулиану, Шону и Киоко. Распорядителями имущества были назначены Йоко и адвокаты Леннонов.

Какое — то время мы ждали, что условия завещания начнут приводиться в исполнение. Однако, когда по прошествии года так ничего и не произошло, мы наняли адвокатов для расследования обстоятельств дела. Они уведомили нас, что поскольку распорядителями состояния являются Йоко и ее адвокаты, от них и зависит, получит Джулиан какие — либо деньги или нет, — несмотря на то что богатства Джона хватило бы на небольшое государство.

ГЛАВА 20

Для нас с Джулианом смерть Джона стала тяжелым ударом. Я оплакивала мужчину, которого любила как мужа и друга, Джулиан — отца, в котором он так отчаянно нуждался и которого так по — настоящему и не узнал. В течение нескольких месяцев Джулиан все больше и больше отдалялся от меня; вскоре он вообще отбился от рук, и я очень волновалась за него. Сын злился на меня, говорил, что это я виновата в том, что мы с Джоном расстались, что я не проявила должного мужества и не смогла заставить его вести себя как подобает отцу. Он был готов совсем оттолкнуть меня. Я все прекрасно понимала, но это было очень больно.

Убийцу Джона посадили в тюрьму, но от этого нам легче не стало. Такая нелепая, ненужная смерть, и самое страшное, что вместе с Джоном для нас умерла надежда. Для меня — надежда на то, что мы когда — нибудь будем опять друзьями, сможем вместе смеяться, вспоминать прошлое, говорить о нашем любимом сыне. Для Джулиана — надежда на то, что они с Джоном сблизятся, научатся понимать друг друга и станут больше общаться. Я понимала, что потеря сына куда тяжелее моей. У нас с Джоном было много прекрасных моментов в жизни, которые можно лелеять в памяти. Но Джулиан лишился того, что Джон только собирался ему дать, — награды за долгие годы равнодушия, возможности оорести настоящего отца, о каком он всю жизнь мечтал.

Незадолго до смерти Джон дал интервью журналу Newsweek, где сказал: «Я не видел, как рос мой старший сын, и теперь это семнадцатилетний мужчина, рассказывающий мне по телефону о мотоциклах. Его детство прошло без меня. Я был на гастролях. Не знаю точно, каковы правила этой игры, но за невнимание к детям рано или поздно приходится платить. И если до пяти лет он почти меня не видел, значит, с шестнадцати до двадцати я буду рядом, поскольку иначе быть не может, это что — то вроде закона природы».

Я чувствовала, что если бы Джон был жив, очень многое могло бы произойти. Судя по этому интервью, Джон все понимал и собирался восполнить пробел. К тому же ходили упорные слухи о том, что его второй брак оказался не таким уж счастливым, и Йоко думала развестись с Джоном. Это лишний раз убеждало меня в том, что со временем наступили бы важные перемены. Но время кончилось. Нам осталось лишь жить с тем, что есть. Надо было двигаться дальше и, самое главное, помочь в этом

Джулиану.

Мой третий брак распался окончательно. Мне пришлось продать бистро, перевезти маму к себе и серьезно задуматься о будущем. Но я была не в том состоянии, чтобы принимать решения. Смерть Джона выбила нас с Джулианом из колеи, и мы оба блуждали в потемках, пытаясь заново обрести цель и смысл в жизни.

Я не сомневалась, что скоро приведу себя в порядок, меня больше беспокоил Джулиан. Ему нечего было делать в Северном Уэльсе. Он немного помогал мне в бистро, но в основном болтался по городу или бегал от представителей местной шпаны, которые прознали, кто он, и никак не могли поверить, что он не тайный миллионер.

Когда Джулиан решил пойти в музыкальный бизнес, я стала обзванивать старых знакомых. Надеялась, что Джордж Мартин сможет подыскать сыну какую — нибудь работу на студии, пусть даже подавать чай музыкантам, но он сказал, что у него ничего нет. Сделав еше пару неудачных звонков, я вспомнила барабанщика Элтона Джона, Рэя Купера, и его обещание, данное мне на корабле, когда мы плыли в Штаты. «Присылай его ко мне, — сказал Рэй. — Пусть покрутится тут несколько месяцев, я познакомлю его с нужными людьми».

Итак, восемнадцатилетний Джулиан упаковал чемоданы и отправился в Лондон, на поиски себя в музыке. Рэй тогда жил с девушкой — гречанкой, бывшей женой Алекса — волшебника. Джулиан к тому времени играл в группе с Джа — стином и уже начинал кое — что сочинять на пианино — два года назад я подарила ему на день рождения изумительный Steinway ручной работы. Помню, однажды я спускалась по лестнице и услышала, как он играет и поет. Я была поражена: в его голосе отчетливо слышались интонации Джона. Теперь Джулиан больше всего хотел доказать, что он заслуживает контракта на запись диска. Я надеялась, что у него это получится, но в то же время боялась неизбежных сравнений с его отцом.

Поначалу все выглядело довольно неопределенно. Прожив шесть месяцев у Рэя, который представил его всевозможным полезным людям, Джулиан снял себе отдельную квартиру. На него обратила внимание пресса, и вскоре я увидела фотографию, где он сидит в известном лондонском ресторане L'Escargot, одетый в женское платье, а Карен О'Коннор, дочь известного комика и телеведущего, целится в него из пистолета. Газетчики, конечно, основательно оттоптались на этой теме, хотя ребята просто дурачились, выпив пару бокалов. Джулиан даже не видел, что делала в тот момент Карен, поскольку смотрел на фотографа.

Понимая, что Джулиан, как магнит, привлекает к себе прессу, ночные клубы перестали брать с него плату за вход, и истории о его выходках заполнили светские хроники. Было похоже, что Джулиан отрывался с большим удовольствием, наслаждаясь бурной жизнью молодого повесы. То и дело появлялись заметки о его романе с очередной белокурой моделью — девицы наперебой признавались в любви к «такому застенчивому Джулиану». Большая часть подобных публикаций вызывала у меня смех, я понимала, что все это сильно преувеличено. К тому же сын регулярно звонил, уверяя меня, что далеко не каждая сногсшибательная блондинка на фото является его девушкой.

В апреле 1982 года вечеринка по случаю девятнадцатилетия Джулиана проводилась в клубе Stringfellows[33], и меня пригласили повеселиться с молодежью. Кульминацией праздника стал момент, когда Стефани Ла Мотта, дочь бывшего боксера Джейка Ла Мотта, чья история описана в фильме «Бешеный бык»[34], ввела в зал живую белую лошадь и торжественно вручила ее Джулиану в качестве подарка. Зрелище, конечно, получилось впечатляющее, но по сути это был обыкновенный рекламный трюк, очередная попытка нажиться на имени Джулиана.

Из публикаций в газетах читатели, вероятно, делали вывод, что Джулиан — избалованный сынок Джона Леннона, миллионер и плейбой. На самом деле это было совсем не так. После того как Джулиан сказал в одном интервью, что у него нет денег, Йоко согласилась выписывать ему по сто долларов в неделю, как она выразилась, «на пиво». Для молодого человека в его возрасте, подчеркнула она, это вполне достаточная сумма; если дать больше, то он тут же пустит все на ветер. Джулиан, однако, посчитал для себя унизительным принимать подачки от Йоко, учитывая, что по справедливости он давно должен был бы получить часть отцовского состояния. Меня это тоже разозлило. Я никогда не мечтала, чтобы Джулиан купался в деньгах; если бы он получил долю наследства Джона, я бы хотела, чтобы он не просто растратил ее, а инвестировал деньги в свое будущее или вложил в какое — нибудь доброе дело. Но важно не то, что Джулиан мог бы сделать с деньгами, а то, что Джон хотел, чтобы они ему достались.

Пока наши адвокаты старались разрешить все эти вопросы, а Джулиан жил в Лондоне и писал песни, имя Джона Леннона становилось по — настоящему легендарным. За два месяца после его гибели только в одной Великобритании было продано два миллиона его пластинок. Все посвящали памяти Джона песни, начиная с Джорджа Харрисона, выпустившего свой самый

популярный хит за последние восемь лет, All Those Years Ago, и заканчивая Элтоном Джоном, Полом Саймоном, Майком Олдфилдом, Pink Floyd, Queen и Roxy Music.

Меня очень тронула красивая песня Пола Маккартни, Here Today, в которой он выразил всю свою любовь к старому другу. Они так и не сблизились снова после распада «Битлз», но не раз встречались и разговаривали, насколько мне известно. Уходя, Джон предпочитал сжигать за собой мосты — именно так он поступил со мной; если уж он принимал решение, пути назад не было. Но их с Полом взаимная привязанность с юных лет глубоко укоренилась в их сердцах и, несмотря на разрыв, никуда не исчезла.

Помимо всякого рода посвящений, смерть Джона породила на рынке целую волну продаж связанных с ним реликвий и предметов; все, что когда — либо принадлежало Джону, за огромные деньги продавалось с аукциона. Я была поражена, узнав, что через год после гибели Джона наш разноцветный «роллс — ройс» ушел с молотка на аукционе Сотби за два миллиона двести тысяч долларов. Эх, надо было отсудить его себе при разводе, грустно шутила я про себя. Йоко тем временем была занята продажей рисунков Джона, выгравированных на мраморе. Некоторые друзья семьи получили эти работы в подарок — но не Джулиан. На Рождество и день рождения ему прислали карикатурные наброски Джона, нанесенные на голубой галстук и на кофейную кружку. Джулиана расстроила столь дешевая коммерциализация творчества отца и оскорбило то, что вместо мраморных гравировок он получил вульгарные сувениры.

Тогда же я получила по почте целую серию писем от некоего экстрасенса, утверждавшего, что это послания Джона с того света. Я трезво отношусь к подобным вещам и понимаю, что «экстрасенс» в данном случае означало «псих». Однако письма были в таком добром, ласковом тоне, полные такого искреннего раскаяния за причиненные мне страдания, что у меня потеплело на душе. На мгновение мне даже захотелось поверить, что их действительно написал Джон.

Долгие годы я вела тихую жизнь, не попадая под лучи прожекторов славы Джона. Поэтому мне стало не по себе, когда после его смерти меня начали осаждать всякого рода просьбами. Тогда был огромный спрос на все, что хоть как — то связано с Джоном, и меня просили стать телеведущей, совладельцем ресторана, носящего имя Джона, и даже записать собственный диск. Вне сомнения, мне следовало чаще отвергать подобного рода предложения — некоторые из них обернулись сущим кошмаром. Но мне нужно было как — то зарабатывать на жизнь, а

рядом не было никого, кто мог бы дать мне дельный совет или помочь разобраться, что к чему. Кроме того, я была рада возможности почтить талант Джона и память о нем, поэтому старалась выбирать те проекты, которые создавались именно с этой целью.

Одно из наиболее интересных предложений поступило в 1982 году, когда меня пригласили в Соединенные Штаты, в галерею на Лонг — Айленде, чтобы организовать экспозицию моих художественных работ. Владелец галереи Гари Лажески дружил с Питером Брауном, менеджером «Битлз», которому, собственно, и принадлежала идея выставки. На ней были представлены рисунки, сделанные мной за несколько лет до того, изображающие «Битлз» и сцены из нашей ливерпульской жизни. Меня переполняла радость: я чувствовала, что это в известной степени моя личная дань памяти Джона. На Лонг — Айленде у меня было полно свободного времени, которое я коротала в одиночестве. Тут я вспомнила о Мэй Пэнг, бывшей возлюбленной Джона, позвонила ей и предложила встретиться. Мне она понравилась еще в 1974–м году, когда мы познакомились, и я подумала, что было бы приятно повидаться с ней снова. Она пригласила меня к себе домой, и мы стали хорошими подругами.

Через несколько дней наступила вторая годовщина со дня смерти Джона, и, поддавшись спонтанному порыву, мы вдвоем пошли к зданию Дакота, где уже собралась толпа на поминальную церемонию. Тысячи и тысячи поклонников Джона, держа в руках горящие свечи, пели его песни. Мы с Мэй стояли в сторонке, неузнанные, и молча прощались с мужчиной, которого обе любили.

Мэй много рассказывала мне о своих отношениях с Джоном. Она верила, что Джон любил ее: он часто говорил ей об этом, и в их недолгой совместной жизни было много счастливых моментов. Когда он ушел к Йоко, Мэй испытала шок, потому что еще накануне он клялся, что никогда не уйдет. Впрочем, на этом их связь не закончилась, Джон оставался любовником Мэй до 1977 года, да и потом они иногда общались по телефону. Последний раз она слышала его голос летом 1980 года, за несколько месяцев до его гибели.

Именно от Мэй я узнала, что нежелание Джона встречаться и идти на контакт со мной постоянно подогревалось Йоко, которая не переставая твердила ему, что я до сих пор люблю его и сделаю все, чтобы его вернуть. Надо сказать, я давно подозревала, что это так, и, конечно, я продолжала любить Джона, однако я никогда не рассматривала возможности возобновления отношений. В плане личной жизни наши пути разошлись давно и безвозвратно. Я

просто хотела, чтобы мы остались друзьями, как делают многие разведенные пары, — во имя прожитых вместе лет и нашего сына. Грустно понимать, что мы не могли общаться по — дружески только потому, что Йоко видела во мне соперницу.

Проведя два года в одиночестве, в 1982–м я начала встречаться с мужчиной по имени Джим Кристи. Мы познакомились и подружились еще несколько лет назад, когда Джулиан брал у него уроки езды на мопеде. Когда его и мой брак окончательно распались, мы сошлись и вскоре решили взять с собой мою маму и переехать в Уилтшир, поближе к моему брату Чарльзу и его жене Пенни.

Незадолго до двадцать первого дня рождения Джулиана к нему обратился с предложением Тони Страттон Смит, директор звукозаписывающей компании Charisma Records. Он слышал демо — записи Джулиана, еще не зная имени автора, и они ему понравились. Тони предложил Джулиану контракт на запись диска. Для сочинения новых песен и записи дополнительного материала на несколько недель был арендован замок во Франции, куда отправились Тони, Джулиан и его группа, Джастин в том числе.

Альбом был окончательно сведен в Нью — Йорке, и Джулиан назвал его Valotte — в честь французского замка. За несколько месяцев альбом был распродан полуторамиллион — ным тиражом и стал платиновым диском в Америке. Многие думали, что первый сингл с альбома, Too Late For Goodbyes, посвящен его отцу, но на самом деле это песня о его бывшей девушке. В сентябре 1984–го она достигла шестого места в британском хит — параде. О Джоне он написал другую песню, Well I Don't Know, где задаются вопросы о жизни после смерти. Карьера Джулиана наконец пошла в гору, и я была счастлива и горда, как никогда. В двадцать один год он отправился в свое первое гастрольное турне по Северной Америке, посетил четырнадцать штатов и Канаду, выступая при полных залах, заработав множество положительных рецензий. Критики отмечали, что, несмотря на бесспорное сходство с Джоном, своим успехом Джулиан обязан в первую очередь собственному музыкальному таланту.

Я была счастлива за Джулиана, хотя, глядя на него на сцене, никак не могла избавиться от ощущения дежавю. Не только потому, что передо мной как будто снова прокручивалась история восхождения Джона, но еще и из — за того, что быть сыном Джона Леннона — тяжкое бремя. Я боялась, что это не ко времени, слишком рано. К нему относились не как к начинающему артисту, а ни много ни мало как к претенденту на трон отца — чего сам Джулиан никогда не хотел, ведь это был бы

верный путь к провалу. Я желала ему достаточно сил и мудрости, чтобы преодолеть этот неизбежный довесок к славе, не обжечься на ней и, не дай бог, не прийти к наркотикам.

Пока Джулиан выковывал в боях свое музыкальное мастерство, я прошла пробы на телевидении и получила работу интервьюера в программе Weekend на телеканале Granada. Я всегда чувствовала себя неловко перед камерой, но решила попробовать свои силы. Первое интервью я взяла у Джулиана, его альбом как раз занимал верхние позиции в чартах. Мы оба получили от этого разговора огромное удовольствие, и потом я начала брать интервью у самых разных людей. Моя телевизионная карьера закончилась с закрытием программы. Я не горела желанием остаться на телевидении, но и не жалела, что взялась за это дело, — оно придало мне уверенности в себе.

Следующим занятием, которому я охотно посвятила себя, стал дизайн постельного белья для крупной компании, с которой я подписала договор на три года. Другая фирма заказала мне дизайн бумажных изделий — салфеток и т. п. В обоих случаях я наслаждалась возможностью снова использовать свой творческий потенциал.

Незадолго до этого мы с Джимом переехали в Пенрит, графство Камбрия. Я уже бывала там, когда навещала свою давнюю добрую подругу Фил, и просто влюбилась в те места. Мы купили там старый дом и принялись его реставрировать. Через пару лет мы снова переехали, на сей раз на остров Мэн, где открыли ресторан Bunter's. Я опять целыми днями готовила, убирала, обслуживала посетителей и прочее. Однако я никогда не боялась физического труда и пусть ненадолго, но все же нашла на этом маленьком острове мир и спокойствие.

В 1985 году Джулиан решил переехать в Лос — Анджелес. С точки зрения продолжения музыкальной карьеры, это имело смысл. Мне нелегко было примириться с долгой разлукой, но я дала свое благословение, он уехал и купил себе симпатичную виллу, где прожил несколько лет. В 1986 году он был выдвинут на премию «Грэмми» в номинации «лучший начинающий исполнитель». Чуть позже, в том же году, он выступил в Королевском Альберт — холле на благотворительном концерте, который вела герцогиня Йоркская. Вскоре его второй альбом стал золотым в Соединенных Штатах, и он отправился в мировое турне.

Очень печально, но в конце того же года, в возрасте восьмидесяти трех лет, умерла моя мама. Болезнь Альцгеймера сделала ее последние годы невыносимо тяжелыми и для нее, и для нас, но все равно мне ее не хватало. Всю жизнь она была мне

верным другом и помощником.

В январе 1989 года импресарио Сидни Бернстайн, организовавший в 1964–м году первый нью — йоркский концерт «Битлз», попросил меня помочь с разработкой грандиозного благотворительного концерта в память Джона. Концерт должен был называться Come Together. Его идея заключалась в том, чтобы отметить пятидесятилетие со дня рождения Джона, 9 октября 1990 года, рок — симфонией, которая будет исполняться на концертной площадке в США и транслироваться по всему миру. Собранные деньги пойдут на финансирование различных благотворительных мероприятий от имени Джона. Сид, хорошо знавший Джона, был чрезвычайно вдохновлен этим планом и заразил меня своим энтузиазмом, хотя я и понимала, что мое участие подразумевает месяцы тяжелого, бесплатного труда. Меня долго терзали сомнения, но мероприятие выглядело таким своевременным и достойным, что в конце концов я согласилась.

К июлю, после шести месяцев планирования, концерт начал обретать реальные — великолепные! — очертания. Нам удалось договориться с Рудольфом Нуриевым и Майклом Джексоном, чей совместный танцевальный номер должен был стать гвоздем программы. Джордж Лукас, продюсер «Звездных войн», обещал организовать спецэффекты. Среди других исполнителей, обещавших выступить, были Рави Шанкар, Moody Blues и, к нашей общей радости, Пол Маккартни, который собирался играть с Берлинским симфоническим оркестром под управлением Джорджа Мартина.

Масштабы мероприятия были поистине грандиозными. Мне пришлось объездить всю Европу и Штаты, встречаясь с канцлером Германии Вилли Брандтом и многими другими, кто хотел внести свой вклад в проведение концерта. Меня даже пригласили на прием в Сенат США, а на торжественной церемонии в ООН я стояла рядом с мэром Нью — Йорка, слушая звон колокола мира. Для полного успеха концерта, в качестве последнего штриха, оставалось заручиться поддержкой Йоко. Я позвонила ей, сказала, что хочу кое — что с ней обсудить, и она согласилась на встречу.

В знойный августовский день мы с Джимом отправились в Дакоту, пройдя мимо того места, где был застрелен Джон.

Я еле вынесла эти несколько секунд. В тот вечер Джулиан давал в Нью — Йорке концерт, в театре Beacon. С четырнадцатилетним Шоном он договорился, что тот в условленный момент выйдет к нему на сцену. Нам с Йоко предстояло наблюдать за ними из зрительного зала. Момент был самый что ни на есть подходящий, чтобы поддержать наших сыновей, заявить о своей дружбе и вместе отдать долг памяти

Джона.

Нас с Джимом проводили на кухню. Джим не снял обувь в прихожей и мне не позволил. Кухня была очень просторная, залитая солнцем, с мебелью из светлого дерева по стенам и длинной стойкой посередине. Вдоль одной стены стоял низкий стол со скамьями, заваленными подушечками — на них мы и сели. Меня несколько вывела из равновесия лежащая на полке пластмассовая копия пистолета, из которого застрелили Джона.

Йоко вышла к нам в сопровождении венгерского дизайнера по имени Сэм Хавадтой, с которым она начала встречаться спустя несколько месяцев после смерти мужа. Хотя Йоко всегда утверждала, что никогда больше замуж не выйдет, ходили слухи, что они тайно расписались в Венгрии. Впрочем, меня нисколько не беспокоило, женаты они или нет. Да и почему бы Йоко не завести себе мужчину? Сэм показался мне вполне симпатичным, и я надеялась, что он убедит Йоко поддержать мероприятие.

Пока я объясняла, что за концерт мы задумали, рассказывала о наших идеях и планах, Йоко не проронила ни слова, даже ни разу не улыбнулась. Сердце мое ёкнуло, но я по инерции продолжала говорить, стараясь особенно подчеркнуть, что это будет очень важно для наших сыновей и для почитателей Джона, если мы вместе поддержим посвященный его памяти концерт.

Когда я закончила, Йоко сказала, что подумает над этим и потом свяжется со мной. Я тут же понеслась на другой конец города и едва успела к началу концерта Джулиана. Йоко не было вплоть до перерыва, когда она зашла в последнюю минуту и села, вместе с Сэмом и Шоном, на несколько рядов позади меня. Концерт прошел просто здорово. Когда Джулиан позвал на сцену Шона и они вместе заиграли на гитарах, зал взорвался диким ревом и аплодисментами.

После концерта Йоко, Шон, Джулиан и я пошли вместе выпить в Hard Rock Cafe, и там нас несколько раз сфотографировали репортеры — единственные фото, где мы вместе с Йоко. Я сияла от счастья, и даже Йоко выдала некое подобие улыбки. Правда, изобразить непринужденное общение у нас так и не получилось.

Через несколько дней после встречи с Йоко мне позвонил Сэм Хавадтой. «Йоко не хочет участвовать в вашем концерте, — проинформировал он меня. — Вообще — то она сама давно планирует провести концерт памяти Джона». Я просто потеряла дар речи.

Вскоре после звонка Сэма Йоко дала интервью, в котором заявила, что я хочу заработать на этом концерте миллионы, — хотя я ей первым делом сказала, что он благотворительный.

Прочитав это, я поняла, что наш концерт обречен. Стоит этим грязным слухам расползтись, исполнители заподозрят неладное и не приедут.

Сид был в отчаянии, когда мы были вынуждены отменить задуманное. Я отнеслась к этому как к чистой воды предательству. После столь радужных надежд и стольких трудов было неимоверно грустно делать такой вывод.

Йоко провела свой концерт, который тоже назвала Соте Together. Он состоялся в мае 1990 года в Ливерпуле. Собралось всего пятнадцать тысяч зрителей, против ожидавшихся сорока пяти. Никому из членов семьи Джона приглашений не прислали. Представляю, как Йоко была разочарована таким небольшим количеством народа. Мне лично жаль, что нам так и не удалось сделать что — нибудь вместе. Я уверена, успех был бы грандиозный.

После того мы с Йоко встречались лишь однажды, на похоронах тети Мими в 1992 году. За несколько месяцев до ее смерти сестра Джона, Джулия, позвонила мне и сказала, что у Мими плохо с сердцем. Я позвонила ей, и мы немного поговорили. Она была уже не в состоянии долго разговаривать, но я примирилась с ней, и это самое главное.

Когда Мими умерла, мы пошли на похороны вместе с сестрами Джона и его кузинами. Мими была самой старшей из сестер Стэнли, но умерла позже остальных, дожив до восьмидесяти девяти лет. Сиделка, ухаживавшая за ней, сказала Джулии, что последние слова Мими были: «Я боюсь умирать. Я была злой». От этих слов меня бросило в дрожь. Мне было жаль Мими, она наверняка страдала перед смертью. Но ее самооценка была точной.

Йоко тоже приехала на похороны вместе с Шоном, встретившим большинство своих английских родственников впервые в жизни. После службы мы обедали в близлежащем отеле. Семнадцатилетний Шон с удовольствием общался со всеми, опрокидывая бокалы с красным вином. Йоко пыталась вести себя естественно и вежливо с окружающими, но непривычная английская кухня ее явно смущала. Она опасливо положила себе в тарелку понемногу разной еды, но так ничего и не попробовала.

В итоге она оставила это занятие и вновь принялась курить свои длинные, темные сигареты, которые после первой же затяжки гасила, нещадно ломая, в пепельнице. Взглянув на эту горку недокуренных сигарет, Джекки засмеялась и шепнула мне на ухо: «Ну и кто из нас не умеет курить?»

Повторяя один в один ту разыгранную ею сцену на моем

новоселье больше двадцати лет назад, Йоко подошла ко мне и начала болтать, как со старой подружкой. Для начала она похвалила воспитание Джулиана, от чего я чуть не поперхнулась. Мне тут же вспомнилось, как она передала через Джона, что считает Джулиана дурно воспитанным ребенком. Потом она попросила совета, как ей справиться с Шоном. Я натянула дежурную улыбку и перевела разговор в шутку.

В тот же день дом Мими был выставлен на продажу. Хотя мы с Джоном купили его для Мими с расчетом, что потом он останется родственникам, дом никогда не был записан на ее имя. Для английской родни Джона это имело самые неблагоприятные последствия. Сама Мими только после смерти Джона узнала, что не является собственником дома. «Я не могу поверить, что Джон оставил меня на милость Йоко», — сказала она своим близким. С тех пор она так боялась, как бы у нее не отняли дом, что все висевшие на стенах фотографии Джулиана поменяла на снимки Шона, — на случай, если Йоко или кто — то из ее друзей вздумает заглянуть в гости.

Мими спокойно жила в доме до конца своих дней, однако как только она умерла, его немедленно продали. Дом, купленный нами для тети Хэрри и ее мужа Нормана с тем, чтобы потом он достался Джулии и Джекки, их ближайшим родственницам, после смерти Нормана тоже отошел новым хозяевам. Йоко, демонстрируя общественности свое благородство, отдала его Армии спасения. Четыре года он пустовал, потом в нем поселился кто — то из их офицеров.

Сойдясь с Йоко, Джон отдалился от своих родственников и, возможно, никогда не говорил ей, для чего был куплен этот дом. Я написала ей письмо, где объяснила, что Джон хотел, чтобы дом достался его сестрам, Джулии и Джекки. Прочитала она это письмо или нет, не знаю, однако все осталось по — прежнему.

После того как дом забрали, я написала Джулии:

Я хочу подтвердить тебе и всем, кого это может интересовать, что нас с Джоном всегда беспокоило твое благополучие. Мы оба предполагали, что дом, купленный нами для тети Хэрри и дяди Нормана, твоих опекунов, впоследствии станет твоей гарантией на будущее. Если бы Джон был с нами, такой ситуации никогда бы не возникло. Этот дом мы купили для тебя и Джекки<…>. Дом Мими тоже должен был достаться родственникам Джона<…>. Мне очень жаль, что пожелания Джона так и не были выполнены.

Что касается денег Джулиана в завещании его отца, то, поскольку в течение шести лет так ничего и не изменилось, вопросом напрямую занялись адвокаты. Прошло еще десять лет,

прежде чем удалось прийти к соглашению с Йоко. К тому времени в прессе уже появилось множество нелицеприятных оценок ее поведения в этой истории. К счастью, Джулиан уже успел заработать денег и добиться успеха своими собственными силами. Он никогда не зависел от наследства отца, но для нас было делом принципа, чтобы он получил то, что ему причитается по праву.

Мы надеялись, что нам удастся достичь полного согласия и жить дальше, каждый своей жизнью. Но почему — то это никак не получалось. 18 мая 1998 года Джулиан впервые за несколько лет выпустил новый альбом под названием Photograph Smile. Он отдал этому проекту много мыслей, сил, творческой энергии, справедливо им гордился и считал его своей первой настоящей пластинкой. Поэтому он испытал шок, узнав, что Шон, тоже ставший музыкантом, в тот же самый день выпустил свой диск. Джулиан не винил Шона, но прекрасно понимал: то, что его с братом так грубо столкнули лбами, не могло быть простым совпадением.

Обиду и раздражение Джулиана усугубило интервью Шона, в котором он заявил, что, по его мнению, гибель Джона была результатом заговора. Разумеется, журналисты тут же бросились выяснять, что об этом думает Джулиан.

Ему же меньше всего хотелось обсуждать смерть отца, но получилось, что всех эта тема интересовала больше, нежели его новый альбом. Джулиан долгие годы всеми силами старался жить своей жизнью в мире со всеми, но это было уже чересчур, и его терпение лопнуло. В ряде интервью он крайне резко отозвался о Йоко, которая предопределила дату выхода альбома Шона и стояла за его высказываниями о смерти Джона. (По крайней мере так он полагал, не знаю, верно или нет.) Одному репортеру Джулиан сказал следующее: «Йоко уже не знает, что ей предпринять<…>. У нее ведь есть все, о чем она могла только мечтать<…>. Всякий мой успех для нее — отрава, бельмо на глазу, потому что во мне течет кровь Джона Леннона<…>. Она хочет всегда быть победителем».

Несмотря на трудный старт, альбом Джулиана заслужил международное признание. Во многих странах он попал в двадцатку хитов и получил хорошие отклики в мировой прессе.

Я понимала, почему Джулиан так обозлился на Йоко. Меня тоже всегда огорчало, что мы никак не можем наладить с ней отношения. Я думала, может быть, она не хочет принимать Джулиана и вообще всю прежнюю жизнь Джона до встречи с ней потому, что она в свое время потеряла дочь. Потом я с радостью узнала, что Киоко, сама уже будучи почти сорокалетней матерью,

нашла Йоко, и они восстановили отношения. Надеюсь, Йоко была счастлива.

Несколько лет назад на нашем семейном горизонте неожиданно возник еще один персонаж — сестра Джона по матери, Виктория, которую Джулия в младенчестве отдала на усыновление в другую семью. С тех пор ее звали Ингрид, и она рассказала о себе и о своих корнях в газетной статье. Из ее рассказа было понятно, что она давно все знала, но хранила молчание, пока не умерла ее приемная мать. Мы все были рады, что она воспитывалась в хорошей семье, и надеялись с ней познакомиться. К сожалению, это нам так и не удалось, поскольку она не пожелала сближаться с родней Джона.

В середине 1990–х Джулиан уехал из Штатов и перемещался с места на место, пока не нашел себе дом и не обосновался окончательно в Европе. К тому времени мы с Джимом переселились в Нормандию, но в 1999–м, после семнадцати лет совместной жизни, мы расстались. В расстроенных чувствах я позвонила Джулиану, и он провел за рулем всю ночь, чтобы поскорее ко мне приехать. На следующее Рождество он пригласил меня и мою дорогую подругу Фил, тогда тоже одинокую, на Барбадос, где мы загорали, купались и прекрасно проводили время.

На Барбадосе я встретила Ноэла Чарльза, в прошлом владельца ночного клуба, давнего друга Джулиана. Его добродушный юмор и легкий характер совершенно очаровали меня, как и то, что он не испытывал трепета перед моим именем или моей прошлой жизнью. Ноэл управлял сетью ночных клубов, общался с разными знаменитостями — в общем, жил интересной и активной жизнью. Мы стали добрыми друзьями и постепенно полюбили друг друга. 7 июня 2002 года я сделала то, чего обещала себе никогда больше не делать, — вышла замуж, в четвертый и последний раз в жизни.

Сейчас Джулиан живет в Европе со своей девушкой Люси. Он отлично готовит и является совладельцем нескольких ресторанов. Когда у него появляется настроение, он пишет музыку. Кроме того, он собрал прекрасную коллекцию вещей отца, которые он приобретает на аукционах и бережно хранит. Мы часто видимся, и я безмерно горжусь им — не столько даже его успехами, сколько его личными качествами.

В апреле 2003 года ему исполнилось сорок. Мы оба с болью осознали, что он достиг возраста, в котором его отец ушел из жизни. Какое — то время Джулиан боролся с подсознательным страхом смерти, как многие, чьи родители рано ушли из жизни. Со свойственной ему щедростью он пригласил меня, Ноэла и всех

своих друзей на двухнедельное празднование на Барбадосе. В окружении любящих его людей Джулиан понял, что, конечно же, его час пробьет еще не скоро: ведь ему столько предстоит сделать и его жизнь в сорок ничем не напоминает жизнь сорокалетнего Джона.

Нам уже никуда не деться от фамилии Леннон. Были времена, когда она камнем на шее тянула вниз, но мы научились бороться, проживать трудные времена и чтить ее — за все хорошее и все плохое. Нам обоим не хватает Джона, даже сейчас, по прошествии стольких лет.

Я поддерживаю связь со многими из наших с Джоном ливерпульских друзей и оплакиваю тех из них, кого сегодня уже нет в живых. Морин, бывшая жена Ринго и мой близкий друг до конца своих дней, в сорок семь умерла от лейкемии. Всего за несколько лет до ее ухода мы праздновали их свадьбу с Айзеком Тигреттом, владельцем Hard Rock Cafe. И Айзек, и Ринго сидели у ее постели, когда она умирала. Рядом были и трое детей Морин от Ринго, и Александра, их с Айзеком дочь.

Я очень горевала, прочитав в газетах о смерти Джорджа Харрисона от рака в возрасте пятидесяти восьми лет. Мы не виделись многие годы, но у меня остались самые теплые воспоминания о Джордже, и я безмерно благодарна ему за духовное пробуждение, к которому он подвигнул всех нас в те далекие дни мира и любви.

Когда я с грустью вспоминаю, как много наших знакомых и друзей по битловским годам ушли из этой жизни, меня утешает мысль о том, что другие близкие мне люди по — прежнему полны сил.

Я по сей день иногда вижусь с Силлой Блэк, и мы с удовольствием вспоминаем старые времена. Не так давно я снова ездила в Ливерпуль, когда кураторы постоянной выставки The Beatles Story купили у меня все мои рисунки раннего периода группы. Мы отпраздновали это событие в ресторанчике, расположенном в портовой зоне, и я почувствовала, что ненадолго вернулись те времена. Со мной были старые друзья, такие как Хелен Андерсон, моя бывшая однокурсница, Пит Бест (выглядел блестяще!), его младший брат Роуг, сестра Джона Джулия и моя дорогая подруга Фил. Мы разговаривали, рассказывали веселые истории, смеялись и так засиделись до поздней ночи. Когда закончилось вино и поток воспоминаний пошел на убыль, мне немного взгрустнулось: я подумала, что Джон когда — то был частью этой компании и так же, как и я сама, любил каждого из них. Ему бы здесь понравилось, я уверена.

Я пыталась представить себе, как бы он отнесся к тому, что его старые друзья — Пол, Мик и Элтон — произведены в рыцари. Ему наверняка тоже бы предложили, будь он жив, хотя он и вернул во дворец свой знак члена ордена Британской империи. Может, он бы презрительно усмехнулся и отверг титул, а может, наоборот, поддался бы патриотическому чувству и согласился. Думаю, все — таки второе.

Джон мог быть удивительно сентиментальным. Как — то раз он сказал Джулии, что хотел бы вернуться в Ливерпуль, плывя на корабле вверх по Мерси и встречая на пути всех, кого он когда — то оставил в этом городе. Незадолго до смерти он вдруг попросил Мими прислать ему все детские фотографии, рисунки и записочки, чтобы расставить их у себя в комнате и жить среди них.

Наверное, в таком же порыве сентиментальности, а может быть, отцовской любви и нежности он однажды сказал Джулиану: «Если со мной что — нибудь случится, посмотри на белое птичье перышко и знай, что я рядом и наблюдаю за тобой».

Я всегда думаю о Джоне, когда вижу белое перышко.

Это был необычайный человек — талантливый и порочный, творческий гений, так трогательно певший о любви и так часто причинявший боль самым близким людям.

Я никогда не переставала любить Джона, но цена этой любви была огромна. Кто — то совсем недавно спросил меня: согласилась бы я вновь пройти этот путь, зная, что меня ждет? Я ответила «нет». Конечно, я никогда не жалела, что у меня такой замечательный сын. Но если бы в юности я могла предвидеть, к чему приведет моя влюбленность в Джона, я бы тотчас же развернулась и ушла прочь.

© 2005 by Cynthia Lennon

First published in Great Britain in 2005 by Hodder & Stroughton A division of Hodder Headline

The right of Cynthia Lcnnon to be identified as the Author of the Work has been asserted by her in accordance with the Copyright Designs and Patents Act 1988. All rights reserved

© Р. Валиулнн, перевод на русский язык, 2009

Л33 Мой муж Джон / Леннон Синтия; пер. с англ.

Р. Валиулина. — М.: КоЛибри: 2009, — 400 с.

ISBN 978–5-389–00358–3

notes

Примечания

1

Имеется в виду первая книга мемуаров Синтии A Twist of Lennon, вышедшая в 1978 году и содержащая, кроме воспоминаний о битловских годах, ее собственные стихи и рисунки. К тому времени она была замужем уже в третий раз, за Джоном Твистом (игра со словом twist в названии книги — а это не только знаменитый танец, но и «крутой поворот», «изгиб», «фортель» и т. д. — неслучайна и вполне достойна язвительного пера самого Леннона). Экс — битл пытался воспрепятствовать публикации книги, но это ему не удалось. После гибели Джона и своего очередного развода, в 1981 году, Синтия вернула себе фамилию первого мужа. (Здесь и далее прим. перев.)

2

Морин Кокс Старки, первая жена Ринго Старра.

3

Cavern Club — клуб «Пещера» в Ливерпуле, где в свое время выступали «Битлз». Впоследствии был снесен и воссоздан заново в нескольких десятках метров от старого места.

4

Менеджер «Битлз».

5

Фешенебельное здание в центре Нью — Йорка, где в последние годы жили Джон и Йоко.

6

Duck's Arse, или DA — прическа, популярная в 1950–е годы, когда волосы зачесывались своеобразным остроносым чубом впереди и таким же слегка вздернутым «утиным хвостиком» сзади.

7

Название первого ансамбля Леннона происходит от Quarry Bank High School, ливерпульской средней школы, основанной в 1922 году. В середине 1950–х ее возглавлял Эрнест Побджой, бывший гораздо меньшим формалистом в вопросах соблюдения порядка и дисциплины, нежели его предшественники. Он поощрял выступления группы на школьных вечеринках, сумел разглядеть артистический талант Джона и способствовал его поступлению в Художественный колледж. Любопытно, что директора школы, возглавившего ее в год основания, звали Джордж Харрисон.

8

«Правда, она хороша?». Авторами этой песни 1920–х годов являются писавшие для Голливуда американцы Джек Йеллен и Милтон Эйджер. Инструментальную версию композиции можно услышать в фильме Чарли Чаплина «Огни большого города».

9

Стюарт Фергюссон Виктор Сатклифф — близкий друг Джона, талантливый художник — абстракционист, участник первого состава «Битлз»; чуть ли не единственный человек в мире, который в свое время по профессиональным и личным причинам отказался сотрудничать с ансамблем. Запечатлен в фотоколлаже на знаменитой обложке альбома Sgt. Pepper (вверху, крайний слева). Умер в 1962 году от кровоизлияния в мозг.

10

Принять Джона в колледж без аттестата, кроме Мими, также лично просил директор школы.

11

День империи, национальный праздник в Великобритании и странах Содружества. Был введен в Канаде, в 1898 году. Отмечался в последний день учебного года, в преддверии 24 мая, дня рождения королевы Виктории. В 1958 году переименован в День содружества.

12

После Второй мировой войны до средины 70–х годов прошлого века в Великобритании ученик начальной школы, по достижении одиннадцатилетнего возраста, сдавал переходный экзамен, по результатам которого, в соответствии со своим уровнем знаний и наклонностями, продолжал обучение в средней общеобразовательной школе (grammar school) либо переводился в среднее специальное или профессионально — техническое учебное заведение, примерный аналог существовавших в тот же период в СССР техникумов и ПТУ.

13

Уличный знак — желтый мигающий шар на полосатом столбе; показывает место перехода через улицу. Назван по имени Лесли Хор — Белиши, министра транспорта Великобритании в 1930–е годы.

14

Джеймс Дин, киноактер, герой тинейджеров 1950–1960–х годов. Дважды, причем посмертно, номинирован Американской киноакадемией на звание «Лучший актер». Умер в возрасте 24 лет.

15

«Швабра на голове» (англ.). Имелась в виду швабра не советского, а западного образца, сделанная из пучка веревок или из микроволокна.

16

HMV, или His Master's Voice, — название британской фирмы грамзаписи, которая была учреждена в начале XX века. Известна в мире своей эмблемой с изображением фокстерьера, с любопытством разглядывающего и слушающего граммофон. Позже становится штатным подразделением компании EMI (Electric and Musical Industries Ltd), основанной в 1931 году и построившей тогда же легендарную лондонскую студию Abbey Roud.

17

Backbeat — художественный фильм о гамбургском периоде «Битлз», где значительная роль отводится Стюарту Сатклиффу и его творческому влиянию на раннего Джона Леннона. Фильм снят по книге, соавтором которой является сестра Стюарта, Полин. Производство: Великобритания, 1994 год.

18

Батлинс (Butlin's Holiday Camps) — сеть детских и молодежных лагерей в Англии и Ирландии с налаженной инфраструктурой и передовыми для своего времени способами организации досуга. Были особенно популярны среди британских школьников и студентов в послевоенные голы, вплоть до середины 1960–х годов. Работа в лагерях Батлинс стала своеобразной школой для многих известных в Великобритании радио- и телеведущих, конферансье, актеров, музыкантов и других представителей шоу — бизнеса.

19

Radio Times — британский журнал, посвященный радио и впоследствии телевидению. Основан в 1923 году в ответ на бойкот со стороны печатной прессы на публикацию программ радиопередач корпорации Би — би — си.

20

Брак Джуди (Judith Lockhart Smith) и Джорджа Мартина будет официально зарегистрирован только в 1966 году, а тогда, в феврале 64–го, Джордж был еще даже не разведен со своей первой женой (Sheena Chisholm).

21

Guildhall School of Music and Drama, одна из ведущих в мире школ музыкального и драматического искусства. Основана в конце XIX века в Лондоне. Выпускниками драматического отделения школы среди прочих являются известные британские киноактеры — голливудский «красавчик» Джуд Лоу и первый светловолосый агент 007, Дэниел Крейг («Казино «Рояль»).

22

In His Own Write. В русском переволе Алексея Курбановского книга впервые вышла в 1991 году под названием «Пишу как пишется» и разошлась тиражом в 100 тысяч экземпляров.

23

The Goon Show — радиопередача Би — би — си, просуществовавшая в эфире десять лет, все 1950–е годы. Во многом предопределила стилистику и манеру юмора литературных работ Леннона, фильмов «Битлз» и группы британских комиков «Монти Пайтон».

24

В русском переводе впервые вышла под названием «Испалец в колесе» в 1992 году. Первый тираж — 50 тысяч экземпляров.

25

Not Only… But Also — сатирический комедийный телесериал Би — би — си. Изначально назывался «Не только Дадли Мур, но и его гости». Джон Леннон был приглашен в самый первый, пилотный выпуск передачи, которую Мур в конечном счете решил вести в паре со своим партнером Питером Куком. Передача просуществовала до 1970 года. Большая часть ее архивов не сохранилась. Леннон появлялся в ней еще дважды.

26

Знак членов ордена Британской империи, The Badge of Members of the Order of the British Empire, пятая, последняя по старшинству степень для кавалеров ордена Британской империи, самого демократичного и молодого ордена, учрежденного королем Георгом V в 1917 году. Награжденные первыми двумя званиями в этой орденской иерархии, рыцарь Большого Креста и Рыцарь — командор, имеют право на рыцарство и на титул «сэр» перед именем.

27

Gretna Green — деревушка на юге Шотландии, куда с середины XVIII века убегали пары, которым по тем или иным причинам не удавалось зарегистрировать брак в Англии. Законы здесь были гораздо менее суровыми и, в разное время, позволяли расписываться даже с двенадцати- и четырнадцатилетними невестами без согласия их родителей.

28

Au pair — международная программа по изучению иностранных языков, в рамках которой молодые девушки выезжают за рубеж и живут в семьях, помогая вести хозяйство и присматривать за детьми. В качестве оплаты они получают кров, стол, деньги на карманные расходы и языковую практику.

29

Два девственника (англ.).

30

Роджер Мур — британским актер, режиссер и продюсер, один из исполнителей роли Джеймса Бонда. Луиза Маттиоли — актриса, его третья жена, с которой Мур впоследствии развелся. Морис Гибб — вокалист и басисг группы Bee Gees.

31

Combined Cadet Force — созданная при поддержке Министерства обороны юношеская организация, существующая при государственных и частных средних школах Великобритании и имеющая целью повышение дисциплины, личной ответственности и самоорганизации среди учащихся. Если подыскивать исторические параллели с Советским Союзом, можно привести пример образованного в 1951 году, на базе его предшественников, Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту, ДОСААФ.

32

Может быть, под влиянием роковой для Джона цифры 9 и, помня о его вере в нумерологию, Синтия написала, что убийство Джона произошло девятого декабря, хотя в Америке, в отличие от Европы, еще было восьмое число.

33

Stringfellows — ночной стриптиз — клуб в центре Лондона.

34

Фильм Мартина Скорсезе с Робертом де Ниро в главной роли (1980).